

КОСОВО99

Обращение к читателю.

Читатель, сейчас ты держишь в руках книгу в которой изложены события произошедшие за десять лет до того как эта книга была написана и поэтому в ней возможны упущения и неточности. Я не отличаюсь идеальной памятью и поэтому некоторые события будут описаны мною с незначительными искажениями. Читатель, я заранее прошу простить меня за эти невольные искажения и вместе с этим я заверяю тебя, более того, я гарантирую тебе, что умышленно не исказил ни чего. Всё написанное в этой книге произошло на самом деле, всё написанное правда. В книге я иногда буду приводить рассказы своих сослуживцев, рассказы о событиях в которых я лично не принимал участие. Люди, чьё мнение я привожу на страницах своей книги, как я считаю заслуживают доверия, услышанное от них я изложил максимально точно и полно. Неоднократно по ходу своего повествования я буду давать пояснения, тем самым на время отклоняясь от изложения основных событий. Целью этих пояснений является не желание навязать свои взгляды, не желание пользуясь случаем поумничать или исповедоваться, а стремление дать тебе возможность взглянуть на происходящее моими глазами, правильно понять моё отношение к происходящему, правильно понять мотив того, либо иного моего поступка. Кроме этого мною будет описано множество ситуаций касающихся особенностей жизни нашей армии тех лет, особенностей жизни сербского населения, да впрочем и вообще особенностей всей обстановки окружавшей косовские события. Для хорошего понимания события нужно знать нравы, порядки и уклад жизни задействованных в этом событии людей, поэтому все мои отклонившиеся от основной сюжетной линии рассказы имеют существенное значение для полноценного понимания события в целом. Включая в рассказ о косовских событиях эпизоды напрямую с Косово не связанные, но связанные со мной и моими товарищами, я также преследовал цель сделать своё повествование более интересным для чтения, особенно для невоенного читателя. В противном случае получился бы сухой «отчёт» о выполнении поставленной задачи, как я думаю читать такой «отчёт» было бы неинтересно. Все отклоняющиеся от основной линии сюжета фрагменты связаны с ней как ручейки с рекой – так или иначе они вливаются в неё, таким образом пополняя и насыщая её. Читатель, если ты без ума от США и «американской демократии» то я не рекомендую тебе вообще читать эту книгу. Лично я не люблю США и хотя ни разу не был в этой стране, однако достаточно посмотрел как ведут себя представители этой страны за её пределами отстаивая её алчные интересы. Я в реальности видел как работают американские технологии порабощения человечества. Эти технологии были испытаны и отработаны ещё на коренных жителях Америки - индейцах, и эти старые испытанные технологии применяются руководством США и по сей день. Простыми словами их можно объяснить так: «американская демократия» для глупых, продажных и покорных означает рабство (сытое или голодное, в зависимости от того как рабы будут себя вести), для умных, смелых и непокорных она означает бомбы, снаряды, пули и экономические «удавки». В любом случае для тех, кто покорится или же проиграет противоборство будут уготованы потеря независимости, нищенство и смерть. Моя неприязнь к Соединённым Штатам не носит фанатичного характера: не уважая навязываемую при помощи денег, силы и обмана «американскую демократию» и самих «демократизаторов» я охотно ношу джинсы и пью колу, я с детских лет и по сей день читаю интереснейшие книги о

животных Сетон-Томпсона, с большим уважением отношусь к великим американским боксёрам Тайсону и Форману, иногда посещаю самую известную в мире закусочную. В книге достаточно много юмора и если тебе он покажется циничным то это твоё дело, понравится – улыбнись, не понравится - останься равнодушным. Что-то из написанного мною однозначно не политкорректно, но «из песни слов не выкинешь», во всяком случае я ничего выкидывать не собираюсь. Я прекрасно понимаю, что не политкорректность этой книги способна причинить мне вред, но тем не менее пусть будет как будет. Высказывая своё мнение я не призываю «кого-либо к чему-либо», я просто высказываю своё мнение и не более того. Согласен со мной – хорошо, не согласен – иди своей дорогой. Однако, прежде чем не соглашаться со мной хорошенько подумай и лишь подумав сделай окончательный вывод о том, прав я или нет. В этой книге нет давно вошедшей в моду критики какого-либо высокопоставленного российского политика. Это не политическая книга в прямом смысле этого слова, а я человек, а не «Моська» и мне не нужен «Слон», облаивая которого можно привлечь внимание к собственной персоне. Хоть я и Александр Сергеевич, но всё же не Пушкин и поэтому стиль моего письма не отличается идеальной стройностью. В этом смысле я уязвим для критики, но подобной критики я не боюсь, поскольку свято верю в то, что литературными критиками становятся писатели-неудачники. Боятся неудачников – не уважать самого себя. Я мог бы конечно подыскать профессионального редактора и «отшлифовать» эту книгу, но делать этого не стал специально, так как это полностью бы убило оригинальность моего рассказа. Как смог так и написал. За некоторую нестройность повествования приношу тебе, читатель, ещё одно извинение. Мотивы написания мною этой книги достаточно просты. Во-первых, я хочу немного заработать создав произведение в котором рассказывается об уникальном событии и участвовавших в нём людях, тем самым дав тебе читатель возможность и развлечься, и поразмышлять, и может даже подчерпнуть для себя что-то полезное. Причём событие, о котором я расскажу, не вымышленное, а абсолютно реальное. Во-вторых в книге будут высказаны ряд проблем которые беспокоят меня и при помощи своего произведения мне бы хотелось найти единомышленников. Что это за проблемы легко понять прочитав книгу, однако для того чтобы всё правильно понять нужно прочитать книгу до конца. Убедительно прошу не думать, что написав свою книгу я занимаюсь «поиском правды». Правду для себя я нашёл давно и для меня она заключается в том, чтобы жить в гармонии с природой и быть при этом хозяином своей земли. Смысл жизни человека для меня тоже очевиден. Для меня он заключается в том чтобы во-первых (самое главное) быть порядочным человеком и постараться никогда ни при каких обстоятельствах не опоганиться, а во-вторых получить от жизни максимум удовольствия. Всё просто и конкретно. В книге будет встречаться так называемая «ненормативная лексика» - как я уже говорил из песни слов не выкинешь, да и к тому же я считаю мат неотъемлемой частью великого русского языка. Русский мат при умелом употреблении не только не засоряет, но и наоборот, обогащает речь, делая её более красочной. Противникам мата скажу одно: постарайтесь хотя бы самим себе внятно объяснить, что плохого в том, чтобы вместо медицинских или юридических терминов пришедших к нам из латыни использовать традиционные старорусские названия частей тела и естественных физиологических процессов. Я часто разговаривал на эту тему с противниками мата и никто из них не смог толково и категорично обосновать недопустимость употребления матерных слов. Самым разумным был ответ о том, что применение мата не принято в обществе. В обществе принято делать много всяких гадостей, а вот называть вещи своими именами не принято. Я думаю по этому поводу комментарии излишни.

Посвящается всем здравомыслящим людям.

Косово 99

Часть первая.

Как всё начиналось.

Разговоры среди нас о том, что мы, то есть российский миротворческий контингент в Боснии и Герцеговине, будем направлены в Косово и примем какое-то участие в происходящих там событиях появились сразу же после того как НАТО под предводительством США начало наносить ракетно-бомбовые удары по Сербии. Эти разговоры носили роль слухов и предположений, никакой точной утвердительной либо отрицательной информации официального характера командование до нас не доводило. Сам факт таких разговоров в общем-то никакого значения не имел поскольку такие разговоры велись бы в любом обществе в непосредственной близости от которого развивались события мирового масштаба, наше общество в этом смысле не было исключением.

Реальность и близость этих событий каждый из нас мог наблюдать своими глазами практически каждый день, не пользуясь при этом телевизором. Для примера приведу один запомнившийся мне на всю жизнь эпизод, случайным свидетелем которого я стал. Во второй половине дня, выполняя какую-то работу, я в компании нескольких других бойцов копошился в парке. Над нами, высоко в небе пролетал реактивный боевой самолёт, что само по себе ничего интересного из себя не представляло – их летало множество и летали они часто. Конечно же я не стал отвлекаться от своих забот и поднимать взгляд к небу, но если бы я это сделал то увидел бы, что к прямому как стрела следу от самолёта приближался другой, ломаный как многоколенная молния след. Самолёт догоняла ракета ПВО. В следующую секунду в небе раздался мощный взрыв – ракета попала в самолёт. До нас докатился громкий гул взрыва и даже незначительное колебание воздуха вызванное взрывной волной – остаться равнодушным к происходящему теперь было нереально. Посмотрев вверх я сразу смог увидеть полную картину произошедшего, поскольку солнце не столь ярко светило и не слепило глаз. Ракетам ПВО необязательно точно попадать в цель, достаточно взорваться в непосредственной близости от объекта атаки так как самолёты и вертолёты не могут нести на себе очень прочной (а следовательно и тяжёлой) брони и в небе нет укрытий за которые можно спрятаться. Поражающие элементы которыми начинена ракета, её собственные осколки, взрывная волна повредят летательный аппарат даже если ракета взорвётся на определённом удалении от него, но в случае не слишком сильного повреждения у экипажа появляется шанс либо покинуть свою машину катапультировавшись, либо попытаться дотянуть до своего аэродрома и там благополучно сесть. У экипажа самолёта, сбитого над нами шанса на спасение не было – ракета или взорвалась совсем близко от самолёта или же вообще попала точно в него. Непосредственно момент попадания ракеты я конечно же не видел, я не следил за движением самолёта, зато я хорошо видел, что произошло в следующие доли секунды после этого: самолёт разорвало на две приблизительно равные по размеру части которые продолжая движение по удаляющейся от нас траектории упали за гору без последующих взрывов. В небе, на том месте где ракета поразила самолёт, осталось небольшое облако дыма, слабо заметные следы дыма отмечали последний путь обеих частей сбитого самолёта, сами же эти части падали на землю без видимого горения. Достаточно скоро дым почти рассеялся и лишь совсем мало заметное облачко отмечало место гибели боевой машины и его пилота.

Мы с интересом и даже с определённой заворожённостью смотрели в верх делясь при этом друг с другом размышлениями об увиденном. Увиденное в небе произвело на нас большее впечатление и вызвало у нас восторг, по этому свои размышления мы высказывали в основном при помощи мата. В общих чертах наши высказывания выглядели примерно следующим образом: «Видел, да?!», «Хана ему!», «Отлетался, падла!». Последние наши высказывания, равно как и восторг объяснялись отсутствием у нас сомнений в том, что сбитый самолёт был американским и следовательно пилот, наверняка участвовавший в бомбардировках Сербии получил заслуженное наказание.

В тот же день я рассказал об этом происшествии знакомому сербу, владельцу маленького магазинчика, который на момент падения самолёта куда-то уезжал и соответственно столь знаменательного события не видел. Серб хорошо говорил по-русски и понял меня естественно тоже хорошо. Немного подумав и слегка улыбнувшись он высказал своё мнение запомнившейся мне фразой: «Это дело, это надо». Люди очень часто, не имея точной информации, но при этом стремясь к хорошему, принимают желаемое за действительное, именно так и случилось в этот раз с нами. Как выяснилось через несколько недель сбитый самолёт оказался не американским, а сербским, пилот управлявший им погиб. Я до сих пор с большим уважением и почему-то даже с жалостью вспоминаю этого неизвестного мне героя, погибшего защищая свою Родину от значительно превосходящего по силе агрессора. В районе населённого пункта Прибой, где мы располагались всё же упал и натовский самолёт. Я опять находился в парке когда грохнул отдалённый мощный взрыв и ударная волна слегка шатнула землю. Через неделю стало известно, не помню уж каким образом, что на сей раз в небе победу одержали сербы, повреждённый натовский самолёт не дотянул до базы, пилот вроде как спасся.

В те дни к обычной миротворческой деятельности нам добавили большое количество выездных постов и маршрутов патрулирования. Находясь на постах, которые естественно устанавливались в проблемных населённых пунктах, мы могли лично наблюдать митинги и демонстрации на которых сербы высказывали своё недовольство действиями США. Недовольство сербов вызывал факт того, что «главный демократ планеты Земля» стремился выбросить их родственников из собственных домов в Косово, не согласных с выселением просто поубивать, а высвободившуюся таким образом территорию заселить албанцами, которые исторически в тех краях вообще никогда не жили. Наивные сербы вероятно предполагали, что их возмущение хоть как-то повлияет на ситуацию, а их нелепый и достаточно жалкий протест что-либо изменит. Ясное дело, появлялось там и телевиденье, однако мало вероятно чтобы отснятые на месте проведения демонстраций материалы уходили дальше, чем в местную телерадиостанцию.

Сербы активно общались с нами, нам же было рекомендовано не слишком усердствовать в общении, поскольку когда сюжет покажут по телевиденью то этот энтузиазм в общении с митингующими сербами неизбежно увидят наши американские коллеги по миротворческой деятельности. Естественно американцы будут предъявлять претензии, в том смысле, что раз уж мы взаимодействуем между собой в сфере миротворчества, то с российской стороны не правильным будет сочувствовать сербам когда те критикуют агрессивные действия США. Это видимо беспокоило наше командование и нам даны были соответствующие указания. Я, в связи с этим, не лез обниматься к сербам, но позировал с ними перед телекамерами и брал их листовки весьма охотно. Две листовки я сохранил на память и они до сих пор хранятся у меня. Одна из них содержит схематичное изображение падающего американского бомбардировщика-невидимки, детской рогатки и запущенного из неё шарика летящего по направлению к этому самолёту. Дело в том, что по мере нарастания бомбардировок сербы смогли каким-то образом сбить по меньшей мере один самолёт-невидимку, который к тому же упал на сербской же территории.

Останки этого самолёта я видел в военном музее в Белграде (столица Сербии). Интерес у меня вызвал материал которым был покрыт этот летательный аппарат, материал по виду напоминал вспененную резину, и как мне представляется, он либо изначально был таким и его американские создатели пытались с его помощью сделать самолёт абсолютно невидимым, либо это краска приобрела такой вид когда самолёт горел. Надо полагать сербы должным образом ознакомились с устройством самолёта и не поспешили полученными данными с теми кому передать их было бы полезно.

Сербские мирные демонстрации не приносили сербам какой либо пользы, не приносили они вреда и НАТО, а вот более решительные, носящие военный характер действия сербов в Боснии вполне могли принести существенный вред американцам и американцы это хорошо понимали. Существенно усилилось боевое охранение американских баз: на КПП появились танки «Абрамс». Колонны и патрули стала сопровождать гусеничная бронетехника, хотя ранее я этого не видел ни разу.

Находясь на выездном посту где-нибудь не далеко от границы с Сербией каждую ночь можно было наблюдать работу сербских зенитчиков: гирлянды трассирующих снарядов практически непрерывно устремлялись в ночное небо. Косово напоминало нам о себе практически ежедневно и соответственно мы в свою очередь постоянно думали и говорили о Косово, конечно же говорили и о возможности нашего участия в том, что там происходит.

Разговоры разговорами, а вот конкретной информацией по этому вопросу мы не располагали и никаких приготовлений к возможному нашему участию в косовских событиях, как мне лично казалось, не проводилось. Однако такие приготовления наше командование проводило. Я тогда служил во второй парашютно-десантной роте (2ПДР) которая относилась к первому батальону. Наша боевая подготовка в те дни не отличалась от обычной: физ. подготовкой мы занимались ежедневно (кроме воскресенья) и один-два раза в неделю ездили на стрельбище выполнять обычные стрелковые упражнения. Совсем по другому обстояло дело во втором батальоне на основе которого в дальнейшем и был сформирован батальон вошедший в Косово. Не знаю как проводилась у них физическая подготовка, но вот огневая проводилась усиленно. Ребята чаще ездили на стрельбы, стреляли много и разнообразно, подготовка включала в себя тактический элемент. Интенсивность тактико-огневой подготовки резко возросла приблизительно за месяц до отправки в Косово. Не берусь утверждать были ли у командования точные данные об отправке нас в этот беспокойный край, либо имеющие большой боевой опыт отцы-командиры решили заранее принять необходимые меры на случай если ситуация будет развиваться именно таким образом, но поступили они весьма разумно.

Что же касается физической подготовки, то по большому счёту она нам вообще не требовалась: процентов 90 личного состава постоянно самостоятельно занималось различными видами спорта, отдавая предпочтение естественно рукопашным видам и тяжёлой атлетике. Тяжёлая атлетика среди российских миротворцев в Боснии по какой-то причине была в особом почёте. Изо дня в день, в холод и жару, зимой и летом, утром и вечером, в помещении и под открытым небом сотни парней во всех базовых лагерях «тягали» железо. Я естественно тоже не стоял в стороне от этих занятий, но к железу относился без фанатизма – я предпочитал бокс, хотя и не имел каких либо достижений на ринге. Кто-то из ребят качался «на сухую», кто-то стимулировал рост мышц различными препаратами, естественно высококачественными, известных производителей типа «Вейдер». Приобрести эти препараты не составляло труда и парни охотно употребляли их. Наличие этих препаратов иногда приводило к комичным случаям.

Служивец, который сам был большим любителем «железа» рассказывал мне как его товарищи, тоже тяжелоатлеты, подобрали где-то маленького бездомного щенка и принялись его откармливать. В ежедневный рацион зверушки, помимо прочего,

входил коктейль состоящий из молока и «Мега массы». Надо полагать ребята исходили из принципа, что хорошо для нас будет хорошо и для нашего подопечного. Несчастный щенок видимо голодал ещё в утробе матери и поэтому питался очень активно, а ребята в свою очередь не жалели для него «корма». В результате через некоторое время к концу каждого дня щенок наедался до такой степени что терял способность двигаться поскольку его лапы почти не доставали до земли.

Боксёров и борцов среди нас тоже было предостаточно, естественно все начинали заниматься задолго до поступления на службу, факт наличия у человека первого спортивного разряда либо даже звания Кандидата в Мастера спорта вызывал уважение у окружающих но никого не удивлял. Это в полной мере относилось и к солдатам и к офицерам. Были среди нас и Мастера спорта и даже был один парень ставший в своё время призёром чемпионата Европы по дзюдо. С моим полным отсутствием спортивных достижений на фоне таких людей я выглядел весьма скромно. Как известно рукопашные виды спорта закаляют не только тело, но и боевой дух и в этом отношении мы были подготовлены как надо. Что же касается огневой и тактической подготовок то и в этих вопросах мы были вполне боеготовы и тем не менее без постоянной тренировки навыки теряются, а для улучшения навыков тренировки вообще необходимо форсировать. Понятное дело, стрелковой и тактической подготовкой самостоятельно не позанимаешься, для этого нужны организованные мероприятия и командование не сидело сложа руки – второй батальон стрелял намного больше обычного. Помню даже, как вернувшийся из командировки парень служивший в расположенной по-соседству от нас самоходно-артиллерийской батарее (во втором батальоне самоходно-артиллерийская батарея по какой-то причине постоянно испытывала недостаток в личном составе и туда на почти постоянной основе было откомандировано несколько бойцов из состава 1САБатр) говорил, что во втором батальоне огневая подготовка проводится намного интенсивнее чем в нашем.

Примерно в это же время меня и Виталика, такого же как и я пулемётчика БТР-80 отправили на стрельбище находящееся в районе населённого пункта Миледжас для постройки там новых мишеней. Сооружали мы мишени как раз для стрельбы из вооружения БТРа, то есть строили мы для самих себя. Ранее все стрельбы из пулемётов БТРа проводили по отдельно стоящим мишеням, двум танкам и трём-четырёх ростовым фигурам.

Для тех, кто абсолютно не знаком с устройством БТР-80 разьясню как выглядит эта машина. Корпус БТР по внешнему виду представляет из себя продолговатую приплюснутую остроносую коробку с установленной на ней маленькой башенкой в форме усечённого конуса. На корпусе имеются восемь колёс которые приводятся в движение камазовским дизелем установленным в задней части этой коробки (силовое отделение), водитель располагается впереди, слева, как на обычной машине. Корпус БТР-80 бронированный, броня защищает от пуль нормального калибра и осколков, в боевом отделении должно располагаться 10 человек: командир отделения, водитель, пулемётчик и семь человек десанта, непосредственно к экипажу относятся только водитель и пулемётчик.

Для экипажа и десанта имеются шесть синхронно расположенных люков. Четыре одностворчатых люка расположены сверху корпуса: два спереди (водитель и командир), два примерно посередине машины. Два двухстворчатых люка расположены по бокам машины, между вторым и третьим рядом колёс (так называемая «рампа»). Нижняя часть каждого из двухстворчатых люков в открытом положении образует своеобразный трап. В корпусе имеются многочисленные закрываемые маленькими лючками бойницы для стрельбы из личного оружия.

Силовое отделение закрывается пятью люками расположенными в два ряда. У края кормы два больших, практически квадратной формы, ближе к середине машины

три поменьше, продолговатых. Два бака для топлива расположены в самом окончании кормовой части машины.

Башенка люка не имеет, пулемётчик добирается до своего рабочего места через любой удобный люк, как правило через «рампу». В башенке установлены два пулемёта: КПВТ калибра 14,5 мм и ПКТ калибра 7,62 мм, подача патронов к пулемётам осуществляется из лент уложенных в короба по 50 и 250 соответственно. Боекомплект составляет 500 патронов калибра 14,5мм и 2000 калибра 7,62мм.

При исправно работающем двигателе БТР способен развивать скорость свыше ста километров в час, притом что вес машины составляет порядка четырнадцати тонн. БТР-80 способен двигаться по воде для чего у него имеется водомётный движитель расположенный в нижней части кормы и в обычном положении закрытый специальным люком. Для движения по воде необходимо проводить небольшую предварительную подготовку машины, в частности установить удлинённые трубы воздухозаборников и загерметизировать боковые люки. Для откачивания попадающей внутрь корпуса воды имеется насос.

Помимо выше перечисленного БТР-80 оснащён радиостанцией и разным дополнительным оборудованием. БТР несмотря на наличие мощного вооружения в первую очередь машина не боевая, а транспортная. Для Воздушно-Десантных Войск БТР-80 является техникой нетипичной (на сколько я знаю на постоянной основе их эксплуатирует только спецназ ВДВ, естественно в первую очередь как транспорт) и используется этим родом войск только при необходимости. В Боснии такой необходимостью было то, что практически все передвижения осуществлялись по дорогам с твёрдым покрытием и БТР как нельзя лучше подходил для этого поскольку в отличие от БМД имел колёсную базу. Кроме того внутренний объём «восьмидесятки» значительно больше чем у БМД-1 (корпус БМД-2 аналогичен БМД-1, разница заключается в вооружении), что более удобно для размещения личного состава. Комплектование рот техникой осуществлялось следующим образом: полный штат боевых машин десанта (БМД-1 или БМД-2) и отделение БТР-80 состоящее из трёх машин и так в каждой из шести парашютно-десантных рот бригады.

До того, как мы с Виталиком соорудили новые мишени огонь из вооружения БТР вёлся в таком порядке: из крупнокалиберного КПВТ стреляли по танкам, а из ПКТ по группе ростовых фигур. Из хулиганского озорства я пару раз лупил по ростовым мишеням из КПВТ, но так как с ними ни чего особого не происходило, то я в дальнейшем этого не повторял. Танки, один из которых стоял бортом, а второй передней стороной к нам находились на удалении приблизительно четырёхсот метров. Танк повернутый бортом находился немного подальше нежели его фронтально установленный собрат. Более-менее опытному пулемётчику быстро поразить такие мишени не составляло ни какого труда. Танки наверное можно было бы утащить ещё на такое же расстояние в глубь стрельбища чтобы стрелку было сложнее попадать в них, но в таком случае до них бы уже не достреливали гранатометчики которые тоже вели огонь по ним.

Задача пулемётчика усложнилась когда на линии огня появились мишени построенные нами. Мишени эти были изготовлены из нескольких старых покрышек от грузовых машин и по замыслу офицера руководившего нашими действиями должны были имитировать малоразмерный ДОТ. Располагались они прямо на земле и хотя были достаточно хорошо заметны, особо над рельефом местности не возвышались. Я всегда любил боевую подготовку и за изготовление этих «ДОТов» принялся с большим энтузиазмом, справедливо предположив, что мне удастся пострелять по этому новому типу мишеней. Линия огня вооружения БТР достаточно высокая, а угол склонения пулемётов невелик и если мне не изменяет память составляет всего 7 градусов. На практике это означает, что из пулемётов установленных в башне удобно стрелять по целям типа вертолёт или же по верхним этажам зданий, но уж никак не по окнам

подвальных помещений. А вот боевики, как показала практика всех последних конфликтов, очень даже любят занимать подвалы как в многоэтажках, так и в домах частного сектора.

Стрелковое оружие не пробивает прочный бетонный фундамент, который вдобавок ещё и окажется чем-либо укреплённым (кирпич, мешок с песком, кусок бетонного блока), гранатометчику могут помешать кусты или забор из сетки-рабицы. Зато могучему пулемёту КПВТ такие проблемы абсолютно неведомы. Пули калибра 14,5 мм не отклоняясь от своей траектории преодолеют плотный кустарник, забор и любое другое подобное препятствие и в дребезги разнесут фундамент подвала вместе с засевшим в этом подвале врагом. Таким образом, предстоящие стрельбы с использованием установленных нами мишеней носили вполне конкретную тренировочную тематику.

Уместно будет добавить, что низкий угол склонения пулемётов БТР-80 доставлял мне много хлопот в дальнейшем уже в Чечне (если кто из моих читателей служил на БТРе то он сразу меня поймёт). Моему водителю Мише не раз приходилось выискивать какую ни будь канаву чтобы немного уронить туда переднюю часть машины и таким образом дать мне возможность охватить весь предполагаемый сектор стрельбы. Миша водитель толковый и у него это получалось быстро.

Тем временем подходила к концу первая декада июня, наша вторая ПДР жила своей обычной жизнью. Утром, кажется десятого числа, к нам приехали представители шведского миротворческого контингента. Шведские офицеры достаточно часто приезжали к нашим офицерам, как я понимаю у них сложилось что-то наподобие дружеских отношений, не последним фактором в этих отношениях было то, что наша рота имела в своём распоряжении небольшую, но достаточно хорошую сауну, построенную умельцами из числа наших предшественников. Сауна эта постоянно модернизировалась силами умельцев уже из числа нас, естественно под неусыпным контролем командира роты. Обслуживанием сауны и поддержанием идеального порядка в ней занимался нештатный банщик Гена. Он достойно исполнял свои обязанности и поэтому сауна, по армейским меркам, была великолепная. К чести нашего командира нужно заметить, что он не монополизировал сауну только лишь для нужд офицеров и каждую субботу любой солдат нашей роты мог вдоволь попариться, а затем и просвежиться в студеной водичке маленького бассейна. Шведы, как и любой другой нормальный северный народ не могли быть равнодушными к такому удовольствию как сауна и поэтому наведывались в расположение роты по нескольку раз в месяц, при этом всегда приезжало только несколько офицеров.

Что касается рядовых военнослужащих шведской армии то в целях «культурного обмена» они в количестве примерно взвода приезжали до этого момента однажды. Пообщаться с ними в тот раз мне не удалось – я лежал с забинтованной головой в самом дальнем углу казармы, якобы отдыхал после ночного патруля. Забинтованной голове предшествовала комичная история. В ВДВ и подразделениях специального назначения есть такое мероприятие как показательное выступление по рукопашному бою, по нашему «показуха». Это военное шоу проводится как правило к какому-то празднику, например Дню десантника (второе августа) и ориентировано исключительно на зрителя. При хорошей подготовке личного состава и грамотной организации, сопряжённой в том числе с определённым пренебрежением к мерам безопасности, шоу получается яркое и эффектное. Враги испугаются, друзья восхитятся.

Самые зрелищные «показухи» виденные мною (в данном случае на видео) проводились в Югославии во времена ооновского Русбата. Во времена же моей службы наша вторая рота бывшая лучшей в бригаде являлась базовой для формирования этого мероприятия. При мне как подготовкой так и непосредственно выступлением руководил ловкий и резкий рукопашник из Пензы. Парня звали Али, по отчеству Шакирович – из-за отчества и проворности ротный иногда называл его

«шокирующий Али». Али был сержантом, сейчас уже не помню, то ли командиром отделения, то ли заместителем командира взвода. Под его руководством тренировки и выступления проходили под музыку из фильма «Мортал комбат». Музыкальный аккомпанемент был подобран удачно. Случались иногда и разные неурядицы. Однажды во время выступления Али должен был разбить кувалдой пенобетонный блок который лежал на груди одного из бойцов. Для усложнения трюка и снижения возможных негативных последствий для грудной клетки, парень не лежал на земле, а удерживался за ноги и плечи, на весу, двумя другими рукопашниками. Ему необходимо было не просто удерживать тело в горизонтальном положении но и держать на себе блок, демонстрируя зрителям силу мышц брюшного пресса и спины. То ли Али не точно прицелился то ли ребята немного покачнулись, но кувалда описав в воздухе полукруг задела блок только по касательной, а затем всей мощью рубанула по боку парня. К счастью тоже по касательной. Парень выдержал удар достойно и Али вторым быстрым взмахом довершил дело разбив блок на куски. В другой раз двое парней за незначительное время до выступления появились на площадке с лицами раскрашенными вместо камуфляжа в цвета российского флага. Не знаю сами ли они пришли к этому нелепому решению либо их кто-то надоумил, но их самодеятельность Али не оценил. Увидев «макияж» этих деятелей он сперва удивился, затем разозлился, а потом громко поинтересовался: «Вы чё, на футбол собрались?!». Кончилось дело тем, что «фанаты» спешно были отправлены умыть лица и наносить камуфляж.

Помимо групповой и индивидуальной демонстрации приёмов рукопашного боя, с оружием и без, на этих выступлениях бойцы разбивают руками и ногами кирпичи, ломают о тело товарищей толстые деревянные бруски и конечно же бьют о свои головы бутылки. В рамках шоу это служит демонстрацией силы духа и крепости тела. Некоторые уникалы справлялись даже с бутылкой от шампанского, причём без видимого вреда для здоровья. Иногда применяется и военная техника, например огромное впечатление производит танцующая вальс БМД. В Боснии в 2001 году планировалось даже использовать американский вертолёт «Блэк хок» поскольку по плану «показухи» предполагалась высадка группы на крышу трёхэтажного здания, в совместном российско-американском показном выступлении должен был принимать участие американский спецназ - «зелёные береты». Эту часть «показухи» тогда отменили, как раз из-за соображений безопасности. Зря.

Я не участвовал в «показухах», но мне давно было интересно легко ли разбить бутылку о собственную голову. При случае я хотел испытать это на практике. Случай представился. Мы работали в парке и уже выполнили все поставленные задачи, заняться было нечем. Когда солдату нечем заняться он находит себе развлечения которые почти всегда плохо заканчиваются. Разговор среди нас шёл как раз о «показухе», я вспомнил о своём давнем желании и не откладывая дело в «долгий ящик» немедленно приступил к его реализации. Как-то во время патрулирования я приобрёл литровую бутылку вишнёвого сиропа и добавляя сироп в минералку пил получившийся напиток. Из сиропа с минералкой получалось что-то на подобии лимонада, только натурального. Бутылка с остатками сиропа лежала в моём БТРе. Но на тот момент меня интересовали не остатки сиропа на дне бутылки, а сама бутылка. Мой друг Иван, опытный в деле «показух» человек, спокойно посоветовал мне бить бутылкой в ту часть лба где начинаются волосы, так как это будет самым безопасным. Я самоуверенно ответил: «Я знаю!». Иван посоветовал обмотать голову футболкой, я снова самоуверенно ответил: «На хер надо, ещё сиропом запачкаю!».

Расплата за излишнюю самоуверенность наступила моментально. Слегка нагнувшись вперёд я резким движением направил бутылку себе в лоб. Бутылка разбилась легко. В следующую секунду на землю, а затем и мои руки полетела красная жидкость. Я с надеждой подумал что это остатки сиропа. Осмотрев свои руки

на которые продолжала всё сильнее и сильнее литься красная жидкость я понял – это не сироп. Кровь. Я сразу почувствовал себя глупо, уж очень всё получилось нелепо и неудачно. Следующим чувством поразившим мой мозг было осознание того, что мне попадёт от ротного.

Разорвав один ИПП парни наскоро перевязали мне голову и веселясь отправили в расположение роты прямо в руки нашему ротному «медбрата». Функции медбрата исполнял щуплый паренёк, этнический азербайджанец, ранее успевший поучаствовать в карабахском конфликте, разумеется на стороне Азербайджана. Не знаю как уж он там лечил раненых бойцов, но память о его методе хирургии моё лицо сохранило до сих пор. Меня поранили два осколка бутылки: один нанёс незначительное повреждение в районе виска другой же срубил относительно крупный кусок над левой бровью, размером приблизительно с последнюю фалангу большого пальца. Кусок этот болтался на ленточке кожи и по уму его нужно было просто отрезать, а рану обработать и забинтовать. Наш медбрат принял другое решение: вооружившись обычной иглой и такими же обычными нитками (за неимением специальных) он пришёл всё на место. В итоге получилось не слишком аккуратно – результат мне не понравился тогда, не нравится и теперь. Перед тем как пустить в ход свой инструмент он для удобства выгнул иглу нагрев её зажигалкой и вымочил в водке нитки. Какой либо анестезии не было и медбрат зашивал моё лицо «на живую». Не скажу что уж очень больно, но и приятного мало. Конечно можно было поехать в стационарный медпункт где был и офицер хирург и нормальный инструмент, но тогда пришлось бы докладывать о происшествии, в результате чего попало бы и мне и ротному. Повреждение было не серьёзное, а «стучать» на самого себя дело глупое и поэтому медпункт был «не вариант». Командир роты по чему-то не стал меня наказывать, немного посмеявшись выдал мне антибиотиков и велел в случае приезда вышестоящего командования «исчезнуть» куда либо. Таким образом предыдущее посещение нашего базового лагеря шведами для меня прошло практически незамеченным.

В этот раз приехала наверное почти целая рота шведов, как офицеров так и рядовых. Моё внимание привлек юный «викинг» желтоватый цвет лица и узкие раскосые глаза которого не оставляли сомнений в том, что берега Скандинавии в лучшем случае впервые увидели его родители. В шведской форме этот воин смотрелся карикатурно и как мне теперь уже представляется наглядно олицетворял будущее Европы. Сфотографировавшись с «викингом» и его товарищем я принялся с интересом изучать привезённое шведами оружие. Хотя они и привезли с собой не слишком много различных образцов, однако всё это оружие было мне не знакомо, а потому прямо таки влекло к себе.

Кто-то из наших ребят взялся осуществлять «ченч», то есть меняться со шведами полезными вещами и памятными безделушками, типа нашивок и шевронов. В вопросе обмена шведы представляли наибольший интерес как обладатели толковых ножей. Мне не удалось поживиться ножом, однако в дальнейшем один парнишка из нашей роты будучи должен мне незначительную сумму согласился в качестве возврата её части отдать неплохой нож, ранее выменянный им у шведов. Этот нож фирмы «Мора» был достаточно компактным, имел удобную обрезиненную ручку и не менее удобные ножны – хорошая вещь для рыбака или туриста. К сожалению этот нож так мне и не послужил потому как по приезду в Россию я успешно потерял его.

В вопросах «ченча» наибольший интерес для нас представляли конечно же американцы которых мы называли «пиндосы». По какой причине американцев стали величать именно таким образом я за всё время своего пребывания в Боснии узнать так и не смог, равно как и выяснить истинный смысл слова «пиндос» (если таковой вообще имеется). У «пиндосов» помимо всякого нужного и ненужного военного барахла были отличные зажигалки «Зиппо», универсальные складные ножи, фонари и фонарики

«Маг Лайт», куртки из ткани типа «Гортекс», ну и конечно же лучшие в мире военные ботинки. По поводу военного барахла надо заметить, что из всех армий чьих представителей мне довелось увидеть, больше чем у американцев его не было ни у кого. Причём армия США лидировала в этом вопросе с большим отрывом от всех остальных армий. Я не могу себе представить, как эти люди собираются воевать во время затяжного военного конфликта в ходе которого не будет хватать даже необходимых вещей.

Наша армия имеет в этом отношении другую крайность - хорошего военного имущества почти что нет даже в мирное время. Конечно же на начальном этапе военной подготовки солдат, особенно солдат срочной службы, в вопросах имущественного обеспечения и питания должен находиться в крайне плохих условиях, чтобы наглядно получить представление о тяжёлых условиях войны и когда такая война рано или поздно начнётся быть к этому готовым. Солдата подготовленного таким образом не отвлекут от выполнения боевой задачи невыносимые бытовые условия, он попросту не будет их замечать. Совсем другое дело обеспечение уже подготовленных солдат, а особенно контрактников и кадровых офицеров для которых в отличии от солдат-срочников армия не интересный и опасный эпизод биографии, а часть жизни.

Хорошее снаряжение существенно влияет на выполнении боевой задачи и даже на выживание солдата в бою. Особо нужно отметить обувь: ещё в Афганистане наши ребята предпочитали ходить на боевые операции в кедах и кроссовках, а не в скользких по камням «чугунных» кирзовых сапогах и ботинках-«крокодилах». Лично меня именно армия научила выбирать обувь и к этому выбору я отношусь очень серьёзно. Обмениваясь с американцами мы как правило стремились заполучить какую либо полезную вещь, американцев в свою очередь наши вещи интересовали в качестве сувениров. Единственными вещами интересовавшими американских солдат и офицеров не как сувенир были бушлат и офицерский ремень.

Читатель возможно будет удивлён тем, что испытывая сильную неприязнь к поведению США мы спокойно общались с американскими солдатами. Объяснялось это элементарно: в американских солдатах мы видели простых людей той же профессии что и мы, делить с которыми на данный момент нам было нечего. Если бы между нашими странами велись бы боевые действия то нам необходимо было бы убивать их и мы бы их убивали, но поскольку военные действия не осуществлялись отпадала и необходимость причинять им какой либо вред. Политика и идеология США это одно - простые граждане этой страны это другое. В дальнейшем примерно по такому же принципу осуществлялось наше общение с англичанами в Косово.

По плану общения со шведами предполагалась игра не то в баскетбол, не то в волейбол. В тот момент когда она только должна была начаться всех «бэтэрщиков» вызвал командир роты и приказал отправится в парк к своим машинам и ждать там каких то офицеров из штаба бригады которые по его словам должны были проверить техническое состояние БТРов. Это вызвало у нас недоумение поскольку вся техника роты месяц назад прошла полное плановое обслуживание после чего успешно прошла проверку и до поздней осени более проверяться не должна была. Станным показалось и то что механиков-водителей БМД в парк не вызывали. Офицеры действительно появились в парке часом позже однако ни какого внимания к нашим машинам они не выказывали, только некоторое время походили по парку вместе с нашим «зампотехом» что-то обсуждая. Проспав несколько часов в своём БТРе я был разбужен дневальным который велел всем нам возвращаться в расположение роты. Наш базовый район называвшийся Малый Прибой был достаточно компактным метом расположения нашей 2ПДР и 1САБатр, казармой нам служило помещение в котором до войны было несколько магазинов, длинное и узкое одноэтажное здание стоящее вдоль дороги. С лицевой стороны здания был расположен плац служивший одновременно и спорт

площадкой, а с тыльной стороны была оборудована крытая стоянка для боевой техники, то есть парк. В парке стояла только наша техника, «Ноны» самоходчиков стояли в парке Большого Прибоя - основного базового лагеря первого батальона. Поэтому если самоходчикам необходимо было топтать, либо ехать за пару километров, то нас от техники отделяла сотня метров и следовательно поход в парк не представлял для нас каких либо трудностей. Естественно лежать в прохладных недрах своей боевой машины слушая плеер и попивая колу значительно приятнее чем в то же самое время выполнять какую ни будь работу под не хило палящим югославским солнцем и мы были рады когда следующим утром командир роты снова приказал нам идти в парк и подготовить технику к проверке.

Позавтракав мы отправились в парк и в этот раз «механы» БМДэшек составили нам компанию. Досмотрев ночные сны и устав валяться я вылез из БТРа и осмотрел парк – прибывшие из штаба офицеры куда-то ушли и в парке абсолютно ничего не происходило. Спать мне больше не хотелось и чтобы как-то развлечься я перелез через забор с целью приобрести батарейки для плеера, а также колу и шоколад. Можно было бы конечно обойти вокруг казармы, но тогда я рисковал попасться на глаза кому-либо из командиров, что в мои планы не входило: я надеялся, что о нас забудут до самого вечера. Вернувшись я полакомился шоколадом, послушал плеер, ещё немного повалялся когда кто-то из сослуживцев открыл люк БТРа и предупредил о том, чтобы я не спал, поскольку проверка техники возобновилась. Насколько я помню до нас проверка так и не дошла - офицеры штаба проверяли «бэшки».

Я не переставал удивляться, с чего это вдруг технику проверяют повторно, тем более что этой весной помимо полного технического обслуживания наши пожилые «восьмидесятки» даже были покрашены. Про покраску БТРов проводимую в Боснии следует рассказать особо. Дело тут в том, что каждая рота красила свои машины собственной краской (именно собственной, поскольку её не выдавали), причём машины красились довольно часто, приблизительно раз в два года. Обычно в Российской армии плановая покраска проводится намного реже и соответственно покраска машин столь часто являлась исключительно самодеятельностью нашего командования. Делалось это для того, чтобы машины постоянно участвующие в патрулировании и олицетворяющие военное присутствие России на Балканах выглядели как можно красивее. Поскольку каждая рота добывала краску самостоятельно, то в бригаде не возможно было отыскать двух подразделений в которых машины были покрашены однотипно. Более того, каждая рота стремилась предать камуфляжу своих машин вычурность и уникальность, что зачастую приводило к тому, что некоторые машины обладали диковинной, яркой раскраской. Если хорошо знать все БТРы бригады то даже не видя номеров конкретной машины можно было уверенно сказать к какому подразделению она принадлежит. С другой стороны посторонний наблюдатель ориентируясь только на тип камуфляжной раскраски ни за что не смог бы идентифицировать машину как принадлежащую России. Это видимо понимало командование и по этому каждая машина несла на своих бортах соответствующую надпись на английском языке. Мой БТР имевший номер 341 обладал такой надписью на левом борту (БТРы 2ПДР имели номера 341, 342, 343 и именно с такими номерами они отправились в Косово). Машины нашей роты были покрашены однотипно, в трёхцветный продолговато-пятнистый камуфляж (жёлто-зелёно-коричневый), при их покраске использовалась автомобильная краска и поэтому они слегка поблёскивали на солнце.

Под множеством слоёв краски моего БТРа кое-где проглядывалась белая, как мне представляется ещё ооновская краска. Кроме того моя машина имела несколько пулевых отметин как я понимаю оставшихся тоже с тех времён когда она принадлежала Русбату. Два других БТРа нашей роты были старше моего, они даже имели ряд отличий по расположению ручек и поручней на корпусе, сколько раз

красились они известно одному Богу. Забавным отличием моего БТРа от двух других машин нашей роты были установленные на нём наружные зеркала заднего вида от «Хаммера». Оригинальные зеркала БТРа крайне малы, а потому неудобны - «лопухи» «Хаммера» совсем другое дело. Я не знаю каким образом эти «лопухи» перекочевали на нашу машину, но точно уверен, что они не были куплены в магазине автозапчастей.

Кроме номера и надписи «Россия» на английском языке, каждая наша бронемашина была «помечена» надписью «СФОР» тоже естественно на английском. Эта надпись обозначала принадлежность к миротворческим силам НАТО. Да, именно НАТО, поскольку российская миротворческая бригада (на закате своей деятельности сокращённая до полка) организационно входила в состав натовской миротворческой дивизии «Север». Более того, мы подчинялись командованию этой дивизии, конечно же не в повседневной деятельности и кадрово-организационных вопросах, а в смысле стратегической подчинённости.

Командование дивизией «Север» осуществляли (не трудно сразу догадаться) американцы. Всех нас даже награждали медалью НАТО за участие в миротворческой деятельности на территории бывшей Югославии. На реверсе этой медали написано что-то про свободу и мир... «СФОР» означало «стабилизейшен форс» - силы стабилизации. Через несколько часов после того, как проверка техники возобновилась буква «С» в аббревиатуре «СФОР» будет закрашена и на её месте появится буква «К». «К» от слова Косово, вместо «СФОР» «КФОР». Новые буквы наносились в большой спешке и на некоторых машинах были смещены относительно остальных букв. Это хорошо видно на фотографиях того времени.

Однако, вернёмся в парк: проверка техники как будто бы продолжалась когда прибежал дневальный и вызвал нас на общее построение. До обеда было не менее часа, следовательно это не было построением на обед и поэтому оно означало какое-то внеплановое событие. На плацу построилась вся рота, что однозначно говорило о серьёзности причины построения. Появившийся командир роты не стал долго терзать наше терпение, я не помню полностью его слов однако мне запомнилось одно выражение. Ротный сказал: «Теперь уже не секрет, что мы будем направлены в Косово...» На меня его слова произвели огромное впечатление – я очень хотел принять участие в косовских событиях хотя и не считал что это возможно. Я не скрывал своего восторга по этому поводу, мой водитель однако был настроен совсем по другому. «Хер ли ты радуешься?» - злобно спросил он меня. То ли он боялся, то ли просто в очередной раз проявлял свою неприязнь ко мне. Водитель моего БТРа звали Серёга и про наши с ним отношения можно сказать следующее: характерами мы не сошлись сразу и конкретно.

Серёга по характеру был «себе на уме», прижимист в деньгах и не отличался большой смелостью. Он был парнем не хилым, постоянно «качал железо», но при этом склонным к полноте, как я понимаю он комплексовал по поводу излишнего веса и на прозвище «Толстый» реагировал как правило болезненно. Причиной усугублявшей наши расхождения в жизненных позициях было также и то, что он постоянно стремился как-либо принизить меня по отношению к себе. Получалось у него это плохо, зачастую с обратным эффектом. До нормальной драки дело ни разу не доходило, но «цапались» мы постоянно. Однако водителем он был хорошим, неплохо знал устройство БТРа и в этом отношении мне с ним повезло.

Что касается предпринимаемых им попыток принизить меня то причиной были три фактора. Толстый приехал в Боснию на полгода раньше чем я и следовательно он считал себя авторитетнее меня. Статус водителя БТРа всегда выше чем пулемётчика поскольку на водителе лежит значительно большая ответственность, как по обслуживанию машины так и в смысле безопасности экипажа и десанта. Обслуживанием БТРа занимаются совместно оба члена экипажа, но при этом каждый член экипажа несёт ответственность за свою часть машины: пулемётчик за

вооружение и боеприпасы, водитель за всё остальное. Обслуживать пулемёты раз в десять легче чем двигатель, трансмиссию, ходовую часть и всё остальное что есть в БТРе.

В вопросе профессионализма я, как пулемётчик, достиг хороших результатов, например для снятия пулемёта КПВТ который весит 52 килограмма требуется два человека – я умел успешно делать это один. Демонтаж КПВТ можно делать двумя способами: разъединить ствол и ствольную коробку при этом вынуть ствол наружу, а ствольную коробку внутрь машины или пулемёт целиком опустить внутрь машины, а затем вытащить наружу. Оба способа имеют свои недостатки и достоинства, но повозиться придётся в любом случае, особенно если осуществлять демонтаж в одиночку. При этом существуют маленькие хитрости которые я хорошо изучил. Когда я отправлялся в Боснию второй раз в 2001 году то на сборах (так называемой «ротации») в Рязани я и Саня, мой товарищ из Пскова, были нештатными инструкторами по КПВТ, на момент подготовки мы не ходили в наряды и вообще не занимались ни чем кроме выполнения обязанностей инструкторов. Среди наших учеников были и офицеры поскольку как я уже упоминал БТР-80 является для ВДВ машиной не типичной. КПВТ в современной российской армии устанавливается только на БТР и БРДМ. БРДМ в ВДВ тоже не используют. В общем, в вопросе профессиональной квалификации я не уступал своему водителю.

Что же касается безопасности личного состава при передвижении, то тут важность водителя крайне высока, в Чечне мы зачастую не ставили водителей в ночной патруль чтобы дать им максимальное время для отдыха. Третьим фактором было то, что в ВДВ я перевёлся прослужа год в мотострелковых войсках, я этого не скрывал и мой водила естественно это знал.

Кто не служил в армии тем поясню: в ВДВ всегда существовало презрительное отношение (отчасти справедливое) к другим родам войск. Все, кто не был «десантом» (произносится с ударением не первом слоге) были «мабутой». Уважением пользовались разведчики, спецназ (спецназ ГРУ десантники вообще считали своим), пограничники и морпехи, однако не смотря на уважение десантники за ровню никого из вышеперечисленных всё же не считали. Серега при каждом удобном случае любил напоминать мне мой перевод и если говорить без мата «подкалывать» меня. При этом он видимо забывал тот факт, что после перевода из «мабуты» я служил в роте специального назначения, а он прослужил всё время водителем грузовика. Его «подкалывания» естественно меня раздражали: мы ругались, но как я уже говорил до нормальной драки дело не доходило (мне сейчас даже интересно кто кому бы «навешал»). Такой вот был наш экипаж.

Возможно читателю интересно как при переводе меня встретили в спецназе. Расскажу. Но для начала расскажу о том, как я вообще попал в ВДВ. Мотострелковая часть, в которой я начинал свою службу, занималась охраной всевозможных военных объектов, важных и не очень. Так получилось, что я попал в караул охранявший штаб ВДВ. Я не верю в судьбу, но с годами мне кажется, что это произошло вовсе не случайно. Охраняли мы этот штаб конечно более формально нежели реально, но тем не менее охраняли. Почему такие, без преувеличения крутые, войска как ВДВ не могли обеспечить охрану своего штаба? Всё невероятно просто. Солдата-десантника, стоящего на посту, любой из высших штабных офицеров может просто-напросто запугать пригрозив отправить его служить туда, где ему не поздоровится и поэтому такой часовой не сможет проявлять строгость в отношении высокопоставленных нарушителей пропускного режима. Конечно, часовой мог пойти на принцип и задержать нарушающего режим офицера, но тогда его шанс продолжить службу в каком ни будь поганом месте сразу становился реальным. Мы же командованию ВДВ не подчинялись и поэтому оказать на нас давление было невозможно. Стоя на посту я задерживал даже генералов, правда не десантных, а из ВТА.

При охране штаба нашей основной задачей было осуществление контрольно-пропускного режима. Я нёс службу так, как по моему разумению было положено: к мелочам не цеплялся, но и расхлябанно себя не вёл. Интересно отметить, что часто в кино штабных офицеров изображают не в лучшем свете – высокомерные, глупые, спесивые. За почти целый год своей службы я имел возможность убедиться в обратном: в большинстве своём офицеры штаба ВДВ были простыми, спокойными, деловитыми людьми. Хотя возможно, в данном случае всё зависело как раз от рода войск.

Когда день за днём видишь одних и тех же людей то привыкаешь к ним и соответственно люди к тебе привыкают. Таким образом у меня появилось то, что скрывается за термином «хорошие знакомства». Служить в ВДВ было моей мечтой и этой мечте помогли осуществиться, причём совершенно бескорыстно. По сей день я глубоко благодарен людям оказавшим мне тогда помощь. Таким вот образом я перевёлся в спецназ ВДВ.

Там меня встретили как положено – «вломили люлей». Это было естественно и в качестве «проверки на вшивость» и в смысле того, что в любом коллективе есть желающие самореализоваться постаравшись кого-либо унижить. Я не обладал выдающимися бойцовыми качествами чтобы после первой же «проверки на вшивость» снять все вопросы на этот счёт, поэтому в дальнейшем мне неоднократно приходилось отстаивать своё человеческое достоинство. И хотя у меня не доставало сил для того чтобы побеждать всех своих противников зато моих сил хватало для того чтобы не унижаться перед ними. Но чем дальше тем лучше шли мои дела: последняя моя драка завершилась весьма успешно. При помощи толстой железной трубы я быстро и ловко объяснил неправоту своему противнику. По голове и туловищу я естественно не бил ограничившись несколькими ударами по ногам чего вполне хватило. Взрыв и пообещав ещё поговорить со мной мой оппонент успокоился. На счёт «поговорить потом» я был не против, о чём ему и сообщил, однако разговор так и не состоялся, хотя этому ничего не мешало.

Не смотря на то, что каждую драку я заканчивал «на ногах» зачастую мне перепадало сильнее чем моему противнику, и тем не менее я не унижался и именно это принесло мне уважение большинства сослуживцев. Желающие унижить меня прекратили свои попытки поскольку это было не безопасно для них самих и не приносило ожидаемого ими результата. Так я стал равноправным бойцом спецназа ВДВ. По моему мнению, шатающиеся зубы, дважды сломанный нос и сломанное ребро не слишком большая плата за это. Я на всю жизнь запомнил слова достаточно уважаемого парнишки по прозвищу Голова (он был старшим третьей разведгруппы нашей роты) которые, в присутствии многих ребят, он сказал обо мне: «Он уж точно заслужил право носить берет!». Никто из парней не высказал сомнений на этот счёт, никто даже не пошутил. Тогда мне было девятнадцать лет и факт демонстрации уважения в присутствии многих сослуживцев имел для меня большое значение. Даже сейчас, спустя многие годы я с гордостью вспоминаю эти слова.

Многие из моих сверстников хотели получить высшее образование затем заниматься коммерцией, работать в банке, крупной фирме, кто-то хотел стать весомым бандитом, меня же всё это не интересовало, мне казалось это ненужным и бессмысленным. Я хотел пойти в армию, обязательно в «крутое» боевое подразделение. Я добился своего. Легко понять почему меня сильно раздражали «подкалывания» Толстого.

Кроме моего водила было ещё несколько парней которым стало невесело от осознания того, что нам предстоит ехать далеко и надолго, а может быть и навсегда. Однако в отличие от Серёги их беспокоили не всевозможные опасности предстоящего путешествия, а причины чисто экономического характера. Дело в том, что сбоку от нашей казармы стояли припаркованные автомобили купленные солдатами нашей роты для последующего перегона в Россию. Машин было штук шесть и каждая

соответственно имела своего владельца в лице того или иного военнослужащего нашей роты. Машину с собой в Косово не возьмёшь, равно как и быстро не продашь. По нашим меркам это была серьёзная финансовая проблема. Проблема эта решилась сама собой через сутки, причём самым простым образом. История покупки машин имеет свою предысторию. Автомобили в Боснии стоили дешевле нежели чем в России, при этом на нас распространялись какие-то существенные льготы по таможенным платежам за ввоз машины. Льготная «растаможка» объяснялась то ли временем проведённым нами за границей, то ли нашим статусом военнослужащего, точно я не знаю.

Каждые полгода в момент ротации личного состава один или даже несколько караванов машин принадлежащих российским миротворцам устремлялись на Родину. Кто-то гнал машину для себя, кто-то на продажу. Покупать машину разрешалось примерно за месяц до ротации, но фактически «тачки» покупались значительно раньше и использовались для самовольных поездок в город, стриптиз-бар («стрипок») или куда-либо ещё.

Бойцам роты были поставлены задачи, в основном касавшиеся подготовки БМД, и все буквально ринулись их выполнять. Отделению БТР-80 было проще: наша техника использовалась постоянно, была полностью готова и в предварительной подготовке к предстоящему маршу не нуждалась. Мы могли сразу заняться сбором вещей, благо ни у меня ни у Серёги громоздких предметов не было. По поводу вещей был приказ не брать с собой ничего кроме необходимого минимума, все остальные вещи упаковать в сумки и сдать в кладовку. Сдавать сумки никто не хотел: мы не знали, вернёмся сюда или нет. Недра БТРов находились в полном нашем распоряжении и сумки благополучно поехали вместе с нами. По приказу командира в обычные дни жадный старшина роты щедро раздавал нам ИПП и медицинские жгуты предназначенные для остановки кровотечения методом пережатия артерии. Каждый из нас примотал ИПП к прикладу автомата. Этот способ, выработанный солдатами ещё во времена афганской войны, был хорош тем, что гарантировал наличие средств первой помощи у каждого бойца в любой момент, поскольку с оружием никто никогда не расставался. Нашим штатным оружием были АКС-74 и его складной, выполненный в виде треугольной рамки приклад идеально подходил для этой цели. Эластичный резиновый жгут намотанный на железную основу приклада даже давал некоторый комфорт при прицеливании и стрельбе. Приклад СВД, которыми были вооружены наши снайперы также был удобен для ношения индивидуальных средств первой помощи.

Кроме ИПП и жгутов старшина принёс ещё и ящик из под патронов доверху заполненный бронепластинами от бронежилетов. У нас были обычные для российской армии тех лет бронежилеты имеющие под внешним чехлом кармашки с установленными в них квадратными слегка изогнутыми пластинами. Пластины образовывали что-то наподобие чешуи у рыбы. Пластины были керамические (более тяжёлые) или металлические, металлические в свою очередь были толстыми и тонкими. Во многих бронежилетах часть пластин была вынута с целью облегчения повседневной носки бронежилета. Вынимать пластины было конечно же запрещено, но многие солдаты вынимали. Я не поступал так никогда, но всё же вставил в «броник» несколько дополнительных пластин. Бронежилет слегка прибавил в весе.

Нужен или не нужен «броник» во время боевых действий это вопрос вечный. Бронежилет хорошо защищает от осколков и выпущенных с большого расстояния пуль, но при этом снижает подвижность и выносливость бойца делая его таким образом более лёгкой мишенью. По моему мнению в современной войне манёвренность значительно важнее бронированности, как для личного состава так и для боевой техники. Для десантника вес оказывает существенное влияние при прыжках с парашютом: меньше вес - меньше нагрузка на ноги и спину при приземлении. Я ни разу не видел и даже не слышал чтобы прыжки совершались в

бронезилетах. Кроме того вес бронезилета снижает возможность бойца переносить полезный груз: боеприпасы, мины, средства наблюдения, батареи для рации, воду. Лучшая защита - это нападение и поэтому для безопасности солдата действующего в отрыве от основных сил лишний магазин патронов или дополнительная граната значительно ценнее чем бронезилет. Для обеспечения безопасности значительно важнее убить врага нежели чем обвешаться бронёй – как справедливо говорил пират из мультфильма «Остров сокровищ»: «Мёртвые не кусаются!». Применительно к боевым действиям слова старого пирата абсолютно правильны.

По поводу батарей для рации приведу один пример. Мой друг служивший в 22-й бригаде спецназа ГРУ рассказал про одного своего сослуживца который будучи связистом выходя на выполнение боевого задания не только не одевал бронезилет, но и к автомату брал только один магазин. Свои действия он разумно объяснял тем, что его дело обеспечивать бесперебойную связь, на крайний же случай одного магазина ему вполне хватит, а уж если группа «встрянет» серьёзно всё равно уже ничего не поможет. Со слов моего друга этот парень благополучно доходил до «дембеля».

Бывают случаи, что пуля попав в бок одетого в бронезилет человека (с боков брони ни у одного из виденных мною «броников» нет) место того, что бы продолжить свой путь ударяется в бронеплиту изнутри. Пробив человека пуля теряет часть своей энергии и поэтому уже не способна пробить преграду и вырваться наружу. Сильно деформировавшись она рикошетирует и летит снова внутрь тела человека по пути разрывая встретившиеся ей внутренние органы. Броня призванная спасать своего владельца в этом случае убивает его. Уходя в разведывход или же ведя манёвренные действия в сильно пересечённой местности лучше «броник» не надевать, находясь же на стационарной позиции или передвигаясь на бронетехнике бронезилет лишним явно не будет. Идеальным будет иметь легкий кевларовый бронезилет с воротничком и двумя широкими «хвостами» спереди и сзади которые будут защищать паховую область и позвоночник. Благодаря отсутствию пластин такой бронезилет не будет много весить обеспечивая при этом защиту от осколков и холодного оружия, а также снижая поражающее действие пуль за счёт гашения их энергии. Если бы такой «броник» был у погибшего в Чечне командира моей роты, то ему удалось бы без всякого вреда завершить тот, ставший для него последним, бой. Лёгких кевларовых бронезилетов у нас не было, а надеть тяжёлый уходя в засаду в тыл противника он естественно не мог. Фактически он погиб из-за отсутствия бронезилета, поскольку любой образец «броника» выдержал бы попадание осколков ручной гранаты. В том бою ещё один наш боец, снайпер, также получил осколочное ранение в область лопатки. Будь у него «броник» то встреча с осколком брошенной «чехом» гранаты прошла бы для него в прямом смысле «как с гуся вода». Парень успешно восстановился после ранения, а командира, упокой Господь его душу, уже не вернуть.

Обобщив всё вышесказанное можно сделать вывод: носить или не носить бронезилет каждый должен решать сам в зависимости от боевой обстановки. Применительно к регулярной армии, в которой всё делается по приказу, принятие такого решения лежит на командирах младшего и среднего звена.

У «пиндосов» эта проблема была решена просто, экономическим методом. Если солдат получал ранение находясь без бронезилета там, где бронезилет носить было обязательно то он лишался права получить положенную по страховке денежную компенсацию. Кстати, обычный американский армейский «броник» штуковина весьма не лёгкая. Что касается веса отечественного средства защиты то лично меня он мало беспокоил так как во всех своих миротворческих и боевых операциях я учувствовал в одной и той же должности – пулемётчик БТР-80. Мне не нужно было ни куда ходить, я всюду ездил, точнее сказать, меня всюду возили.

Я купил себе солнцезащитные очки поскольку езда на броне сопряжена с проблемами для глаз. Встречный поток воздуха заставляет постоянно жмуриться, а пыль и песок способны причинить вред зрению. При передвижении на броне очки вещь незаменимая. Наша техника находилась в идеальном состоянии и заняться нам было нечем - мы стали помогать ребятам из состава экипажей БМД: у двух экипажей возникли проблемы с подъёмом машин. БМД имеет регулируемую высоту клиренса, что необходимо для успешного десантирования и когда машины не эксплуатируются длительное время то корпус машины опускается в самое нижнее положение (как я понимаю чтобы не просаживать подвеску). Регулировка осуществляется автоматически или в ручном режиме, эти две машины пришлось поднимать вручную.

Вся работа шла довольно слажено и быстро, люди своё дело знали хорошо. Надо отметить что ротный командовал толково, чётко и без ненужной суеты. Капитан З. начал командовать 2ПДР за полгода до моего приезда и его усилиями рота стала лучшей в бригаде. Бойцы его не слишком любили поскольку он был достаточно требовательным, однако уважением он пользовался. До Боснии он служил, кажется, в Новороссийске и соответственно туда же и вернулся после югославской командировки. Примерно через месяц после своего возвращения в Россию я случайно встретил его в московском метро. Общались мы не долго потому как не располагали свободным временем. Во время нашего разговора он спросил меня понимаю ли я для чего он командовал ротой жёстко. Я ответил, что понимаю и действительно это понимал: не было бы строгости была бы анархия, что как для отдельно взятой роты так и для армии в целом смертельно опасно. В общем-то в вопросе личной свободы я всегда придерживался умеренных взглядов, поскольку как и любой здравомыслящий человек я понимал - абсолютная свобода, как и абсолютная несвобода это бред сумасшедшего (например попробуйте полностью освободиться от законов физики). Более того, с нравственной точки зрения чтобы быть свободным нужно полностью избавиться от порядочности, человеческого достоинства, чувства справедливости и уважения к самому себе. Короче говоря, что бы стать свободным (с нравственной точки зрения) надо стать полным дерьмом. Свободный человек хорошим быть не может в принципе. Другое дело, всегда оставаясь порядочным человеком, быть вольным в определении своего жизненного пути, нести ответственность за свои поступки по отношению к окружающему миру и соответственно требовать от окружающих аналогичного отношения к себе. В армии, где от действий одного человека зависит судьба всего подразделения порядок особенно важен.

Поговорили с бывшим ротным мы не долго и в конце этого короткого разговора он сообщил мне что его вызвали из отпуска и он направляется к себе в часть, а затем в Дагестан. В те дни в Дагестане полным ходом шла война – бандформирования Басаева и Хаттаба напали на эту республику. В дальнейшем разговаривая с различными людьми на тему вторжения этих банд нами не однократно обсуждалась версия, что действия Басаева и Хаттаба были мстью по отношению к России за то что мы помешали реализации американских планов в Косово. Я не утверждаю, что лидеры ваххабитов были напрямую подчинены американским спецслужбам, но то, что эти спецслужбы действовали в Чечне под видом правозащитников и журналистов сейчас уже общеизвестно, следовательно не было никаких неразрешимых проблем для их взаимодействия между собой.

Однако до нашей встречи в метро должно было пройти ещё несколько месяцев и до этого было ещё очень далеко, а пока ротный вызвал к себе всё отделение «бэтэрщиков» и сообщил, что мы вместе с техникой переводимся в четвёртую роту. Это известие не вызвало у нас положительных эмоций, со своей ротой мы чувствовали себя гораздо комфортнее. С другой стороны, я лично был рад тому, что четвёртая рота пойдёт в Косово в числе первых, а наша вторая пока будет в резерве. Вторая рота, в конечном итоге, выдвинулась всего на несколько километров после чего получила

приказ вернуться в базовый лагерь. Командир роты разъяснил что в 4ПДР будут переданы только машины и экипажи, а командир отделения БТР-80 останется на месте.

Командиром нашего отделения был здоровенный парень Лёха М. из Екатеринбургa. Лёха был мастером спорта по рукопашному бою, даже находясь на сборах в Рязани он умудрился съездить на соревнования по рукопашке, где успешно занял призовое место и получил незначительную травму ноги. Лёха как и я прибыл в Рязань из спецназа, но из другого батальона – во время срочной службы мы не встречались, во всяком случае я его не помнил. По началу отношения у нас с ним не заладились что едва не привело к конфликту, который без сомнения закончился бы не в мою пользу, зато потом наши отношения стали более чем хорошие. Лёха был человеком неглупым и рассудительным, но при этом достаточно резким, кроме этого он удивительным образом сочетал в своём характере склонность к блатному мировоззрению и чувство справедливости. Последнее, по моему глубокому убеждению, вообще несовместимо, но у него совмещать получалось. В этом отношении другого такого человека я никогда более не встречал, да наверное других таких и не существует.

Когда выяснилось, что командир отделения не едет вместе с экипажами и изменить это нет возможности Лёха был сильно огорчён. Он не показывал своего разочарования публично, но со мной им поделился. Своё разочарование он выразил примерно следующими словами: «Я прошёл хорошую подготовку, я готовился к чему-то подобному и мне всегда хотелось принять участие в таких событиях, плохо что я не еду туда с вами». Я морально, как мог конечно, поддержал его сказав, что вторая рота тоже пойдёт в Косово в скором времени.

Мне было искренне жаль, что он не едет с нами и дело не только хороших отношениях между нами. Лёха был сильный боец и случись чего он очень бы пригодился там куда мы собирались ехать. Он был не только толковым рукопашником, он был хорошо подготовлен во всех отношениях. Например он рассказывал (и у меня нет ни малейших сомнений в честности его слов) как на стрельбах он стреляя из СВД со ста метров уверенно попадал в винтовочный патрон. Однажды в журнале «Солдат удачи» я прочитал бредни какого то автора утверждавшего, что такое не возможно. Автору статьи я не верю, а вот Лёхе вполне. Но как бы то ни было Лёха оставался, а мы уезжали.

Наш отъезд однако сильно затянулся так как не было офицера который должен был нас забрать. Он появился когда уже стемнело и мы попрощавшись с ребятами отправились в путь. Мы, это экипажи трёх БТР-80: №341 водитель Серега У. и я за пулемётом, №342 Женя С. и Серёга С. – мой друг и коллега-пулемётчик, №343 Рома Ш. и Виталик Б. (тот самый, с которым мы сооружали мишени на стрельбище). Ехать нам предстояло в населённый пункт Семин-хан где располагался базовый район 4ПДР. Семин-хан был единственным на тот момент районом российского миротворческого контингента находящимся на территории занимаемой боснийскими мусульманами.

Боснийские мусульмане (сербы, а следом за ними и мы называли их «муслы», с ударением на последнем слоге) относились к нам враждебно и в этом базовом районе время от времени случались инциденты. Юные муслы кидались по лагерю камнями и для их отпугивания часовым постоянно выдавались холостые патроны. До нас этот базовый район занимали шведы и от них остались нетипичные для российской армии укрепления, а так же столб с указанием расстояний до разных городов. От Прибоя до Семин-хана ехать примерно час и таким образом в расположение четвертой роты мы прибыли ближе к полуночи. Это оказалось очень даже хорошо поскольку почти все вещи составлявшие имущество роты (палатки, боеприпасы и т.п.) которые не поместились в «Уралы» бойцы успели распределить по ранее прибывшим БТРа́м.

В четвёртой роте было отделение БТР-80 которое насчитывало три машины, соответственно остальные участвовавшие в марше машины были переданы из других подразделений. Сколько всего их было я не знаю, однако кроме трёх наших машин было ещё по меньшей мере три машины, но из какой роты они были я сейчас уже не помню. Представ перед нашим новым командиром роты мы узнали к какому взводу мы относимся и пошли получать оружие, поскольку прибыли без него.

Получив автомат, боекомплект и штык-нож мы вернулись к своей технике. Оружие получали в спешке и я сразу не обратил внимание на то, что штык-нож имеет на лезвие трещину. Штык-нож к АК-74 выполнен из какого-то лёгкого и хрупкого металла. Прочность его до такой степени низкая, что вообще не понятно как его приняли на вооружение, тем более в комплекте с великолепным автоматом. Современное советско-российское оружие всегда отличалось качеством, прочностью и надёжностью, как в списки вооружения попал этот дрянной штык-нож уму не постижимо. В спецназе автоматы вообще не комплектовались штык-ножами, у каждого бойца был нож разведчика НР-2. Прочность его была настолько высока, что его можно было кидать в каменную плиту без какого то ни было вреда для лезвия (сам пробовал!). Во второй ПДР с десятков штык-ножей от АК-74 было сломано и заменено на сербский аналог. Сербский штык-нож хотя и был от автомата Калашникова, но от его югославской версии и поэтому существенно отличался по внешнему виду от нашего. Однако при этом ножны и рукоятка у обоих штык-ножей были чёрного цвета и поэтому их отличия в глаза не бросались.

Наш новый командир приказал всем изготовить медальоны-смертники. Наш новый старшина принёс ящик из под патронов в котором лежала куча стреляных гильз от автомата. Все принялись писать на бумажках личные данные – фамилию, имя и еще что-то, что именно сейчас уже не помню. Бумажка сворачивались в трубочку и убирались в гильзу которая потом запрессовывалась. В свою очередь гильза убиралась в карман кителя. У меня был самодельный гравированный металлический жетон на котором помимо имени были какие-то мои данные из серии «дорогой друг, если ты нашёл мой труп, то позвони по такому-то телефону», но тем не менее медальон из гильзы я изготовил. Факт изготовления медальонов-смертников вызвал у меня скрытый, но очень бурный восторг. Причина проста: раз нужны такие медальоны, то стало быть и дело намечается серьёзное. Этого-то мне и хотелось. Изготовление медальонов не заняло много времени и вскоре мы пошли обратно к нашим БТрам.

Вернувшись к своим машинам мы наскоро перезнакомились с ребятами и приступили к погрузке оставшихся на нашу долю ротных вещей. Когда погрузка закончилась кто-то из парней принёс несколько банок пива и угостил нас – с порядком в четвёртой роте дело обстояло не так строго как во второй. Пиво называлось «Златорог клуб» и было самым распространённым видом баночного пива в Боснии тех лет. Примечательно, что это пиво производили не в Боснии, а привозили из какой-то другой страны, кажется Словакии. Было уже за полночь когда мы улеглись спать в своём БТРе. Не смотря на усталость эмоций за день было накоплено много и мы с Серёгой ещё какое-то время разговаривали. Реально уснули около двух часов ночи, а следующий день начался не то в пять, не то в шесть часов утра. Удивительно, но никто из участников марша с кем мне удалось в дальнейшем пообщаться, спустя уже несколько лет после этих событий не мог точно вспомнить дату нашего отъезда. На медали, которой все мы были награждены стоит дата марша - двенадцатого июня. Однако я не могу уверенно сказать, мы выехали из Боснии двенадцатого или же двенадцатого мы прибыли в Косово. Поэтому какой по счёту день июня наступил для нас в тот ранний час я не знаю, но могу утверждать, что это был знаменательный день.

Четвёртая рота относилась ко второму батальону боснийской миротворческой бригады. Как я уже упоминал, за основу батальона отправленного в Косово были взяты подразделения этого батальона. На тот момент командование вторым батальоном

осуществлял полковник Павлов. Ничего определённого про него сказать не могу, поскольку ни до, ни после Косово под его руководством служить мне не приходилось. Непосредственно в Косово я видел его всего несколько раз и ничем особенным он мне не запомнился. Штаб батальона был расположен непосредственно в Семин-хане и поэтому комбат возглавил нашу колонну с первых метров её пути. Понятно, что на практике он осуществлял командование только формально – реально общее командование осуществляла группа офицеров штаба ВДВ. Кто служил в армии, не важно офицером или солдатом, будет удивлён тем, что линейным батальоном командовал целый полковник, тогда как по штату должность комбата должна быть занята майором или подполковником. Объяснение такому несоответствию очень простое – деньги. Поясню: служба в Югославии была привлекательна по экономическим соображениям и военнотружущие очень охотно ехали сюда служить даже с существенным понижением в должности. Если добавить сюда ещё и тёплый боснийский климат то для некоторых старших офицеров югославская командировка была поездкой на курорт. Люди приезжали заработать денег и интересно провести время, что на мой взгляд является вполне разумным мотивом поездки в Югославию.

Лично я руководствовался следующими соображениями: во-первых хотелось посмотреть мир, хотелось опасных приключений и в том числе при случае поучаствовать в боевых действиях; во-вторых хотелось помочь сербам (до поездки я предполагал, что наши силы в Боснии оказывают им военную помощь); в-третьих я рассчитывал немного подзаработать. Непосредственно миротворческая деятельность у меня никакого интереса не вызывала, в прочем как и у всех без исключения наших военнотружущих. Даже официально главной задачей стоящей перед нашей бригадой была демонстрация военного присутствия России в регионе. Возможно кто-то и относился к проблемам мира на Балканах очень серьёзно, но лично я за две поездки туда не встретил ни одного такого человека. Практически все мы осуждали беспредел который творили США, также многие из нас сочувствовали сербам, в первую очередь по причине их правоты. Однако, при всём, при этом служба в Боснии была для большинства просто-напросто работой, т.е. способом зарабатывать деньги. Конечно служба в беспокойном регионе была более опасной нежели чем в России, но опасность эта была невелика если, например, сравнивать с Афганистаном, Карабахом и тем более Чечнёй.

На сколько мне известно боевые потери наши миротворцы в Боснии несли только в первый год своего пребывания на территории конфликта. В дальнейшем люди гибли подрываясь на минах когда ходили куда не надо, разбиваясь на собственных машинах когда устраивали пьяные ночные гонки или же страдали в результате типичных для армии несчастных случаев. Поскольку в Боснии служили более опытные военнотружущие чем в целом по России то и несчастных случаев, по моему разумению, там должно было происходить меньше. В этом смысле служить в Боснии было даже безопаснее нежели чем в России. Офицерских должностей, понятное дело, в бригаде было намного меньше нежели чем в России было желающих занять эти должности. Как именно происходил отбор кандидатов среди офицеров и прапорщиков я не знаю, но среди рядового состава всё было достаточно просто. В смысле конкурса у рядового состава дело обстояло примерно аналогичным образом, но поскольку солдат было в бригаде много, то и конкурс на замещение вакантных должностей был намного меньше. В данном случае под словом «солдат» я подразумеваю как рядовых так и сержантов.

Сержантов было не меньше чем рядовых и поэтому частыми были случаи когда командиром отделения был сержант, а в его подчинении, на рядовых должностях, было несколько старших сержантов. В данном случае играла роль только занимаемая должность, а воинское звание никакого значения не имело. Причина была в том, что большинство хорошо служивших солдат, находясь в своей части в России, по ходу

службы постоянно росли в воинском звании и к моменту югославской командировки уже имели лычки на погонах. В Югославию уезжали служить военнослужащие которые отслужили в армии не менее года и при этом хорошо себя зарекомендовали (достаточно было не совершать серьёзных проступков и не иметь конфликтов с кем-либо из командования). Югославская командировка в определенном смысле была поощрением за хорошую службу.

Поскольку конкурс, пусть и не очень большой, присутствовал то кандидату на отправку в «Югу» желательно было бы иметь покровителя из числа командования части, а ещё лучше из штаба ВДВ. Кто-то из солдат проходил отбор самостоятельно, кто-то при помощи покровительства. Как правило большинство солдат хотя и действовали самостоятельно, но всё же имели определённое «лобби», при этом варьировался лишь статус покровителей. В вопросах покровительства, как бескорыстного так и платного, большую силу представляли некоторые старые прапорщики. Причина проста – прапорщики несли свою службу на складах: продуктовом, вещевом, ГСМ и от них постоянно всем что-либо было нужно. За долгие годы, проведённые в армии, прапора успевали перезнакомится с сотнями офицеров. Многие из этих офицеров в дальнейшем существенно росли по службе сохраняя при этом взаимоотношения с этими прапорщиками. Надо отметить, что прапора хотя и служили в «тёплых» местах тем не менее не сторонились и опасностей – большинство побывало во многих «горячих» точках. Солдат старшего срока службы всегда сможет запросто подойти к знакомому прапорщику, прапорщик без труда подойдет к знакомому полковнику – дело налажено. Короче, всё как везде, причём не только у нас в России, но и вообще у всех нормальных людей. Хорошо когда личные отношения главнее формальностей, поскольку при таком подходе к делу почти обо всём всегда можно договориться. С другой стороны, если против тебя будут договариваться влиятельные люди то законно найти правду будет очень тяжело. Свои плюсы и минусы есть во всём, так мудро устроена жизнь.

Как я понимаю, в 1999 году все без исключения военнослужащие проходящие службу в Боснии находились там в командировке. Это касалось как солдат, так и офицеров, те и другие после окончания боснийской части своего жизненного пути возвращались обратно в свои подразделения на территории России. Солдаты как правило возвращались для того, чтобы уволиться, а офицеры, как правило для того, чтобы продолжить службу. Боснийская миротворческая бригада являлась по своей сути сводной частью, личный состав которой был собран из всех без исключения частей ВДВ. Поскольку худших людей сюда старались не направлять (теоретически, на практике всяких хватало) то можно говорить о своеобразной элитарности этого подразделения. При этом не стоит забывать, что и для зачисления непосредственно в ВДВ был отбор, по меньшей мере по состоянию здоровья и физической подготовке. Конечно не все были богатырями, я например ничем выдающимся не отличался, но и откровенно чахлые людишки в ВДВ были редкостью. Таким образом, в Боснии сосредотачивалось много подготовленных бойцов раскиданных в России по разным дивизиям, бригадам, полкам и батальонам. Именно этим обстоятельством и объяснялось упомянутое мной ранее ненормально большое, даже по меркам ВДВ, количество парней имеющих различные спортивные достижения. По этому поводу уместно будет сделать еще одно замечание, которое будет крайне важно для правильного понимания всего моего дальнейшего рассказа.

В российской армии тех лет практически не было частей которые были бы укомплектованы контрактниками на 100%. Наша миротворческая бригада наоборот, полностью состояла из контрактников, самые молодые из которых к тому времени непрерывно отслужили в армии не менее полутора лет. Все мы прибыли из самых разных подразделений, принеся таким образом с собой опыт всех Воздушно-Десантных Войск. Постоянно общаясь, мы делились этим опытом, передавали его

таким образом друг другу. Многие ребята из числа тех, кто служил в миротворческой бригаде, в России занимали совершенно другие должности и дальнейшем прошли переподготовку. Например, мой друг Сергей С. во время срочной службы в Ульяновске был номером расчёта зенитной установки ЗУ-23х2. В Рязани он освоил вооружение БТР-80 (на сборах обучали весьма поверхностно, но за первые недели пребывания в Югославии мы восполнили пробелы в знаниях), получив таким образом ещё одну воинскую специальность и соответственно больший опыт общения с оружием, техникой и способами их применения. Таких примеров было множество, при этом большинство бойцов уже на срочной службе осваивали по несколько воинских профессий, некоторые принесли с собой опыт полученный в других родах войск (во второй роте был парень, Володя Б., который во времена своей «срочки» служил в морской пехоте... во Вьетнаме). Были военнослужащие имевшие опыт участия в боевых действиях, в основном это были офицеры. Я не буду утверждать, что наша часть была наиболее подготовленной частью в российской армии тех лет, но то, что она существенно отличалась от обычных частей очевидно. Профессионализм нашей части был намного выше чем в обычных частях такого количественного состава, и особенно это касалось индивидуальной подготовки. Кроме этого, рядовой состав российской армии тех лет был как правило возрастом 18-20 лет, мы в свою очередь 20-22, при чём, как я говорил, даже самые молодые из нас полтора последних года провели в армии.

Колонна состоящая в основном из БТРов с облепившим их десантом медленно выползла из ворот базового лагеря. Выползла и остановилась. Простояли мы более часа и лишь затем чётко и организовано двинулись в путь. Причина задержки мне не известна, возможно командование с целью перестраховки просто провело подъём личного состава на час раньше запланированного срока. Ехать нам предстояло в обратную сторону относительно нашего вчерашнего маршрута. Спустя приблизительно час мы достигли Малого Прибоя - нашего «родного» базового лагеря. Базовый лагерь был пуст: весь личный состав за исключением нескольких человек оставленных для охраны находился в своих «бэшках» которые длинной зелёной змеей растянулись вдоль дороги по которой мы ехали. Однако в Косово они так и не пошли, проехав несколько километров колонна остановилась и простояв какое-то время вернулась в место постоянной дислокации. Мы же двигались дальше, и спустя еще примерно час проехали населённый пункт Углевик в котором помимо сербской ТЭЦ находился самый крупный базовый лагерь нашей миротворческой бригады.

Как я уже упоминал личный состав российских миротворческих сил размещался в самых неожиданных местах хитроумно приспособленных под казармы. Мы жили в помещении бывшего магазина (в 2001 году, когда бригаду сократили до полка, магазин снова стал магазином, кажется автозапчастей), в Семин-хане казармой служил бывший шведский базовый лагерь, при этом солдаты жили в палатках, в Вукасовцах что-то наподобие базы отдыха. В Большом Прибое люди тоже жили в палатках, а весной и осенью к прочим бытовым неурядицам добавлялась повсеместная грязь. Единственным на моей памяти забавным моментом окружающей обстановки была бегающая по лагерю собака на боках которой краской была нанесена надпись «СФОР». Кто и зачем пометил её таким образом мне неизвестно, логика нанесения этой надписи также далеко неочевидна. Или кто-то из наших парней решил таким способом поглумиться над армейской повадкой клеймить все нужные и ненужные вещи, то ли кто-то из местных жителей так высказал своё отношение к миротворческим силам, в смысле того, что «сфоровцы» это грязные собаки.

Унылая обстановка Большого Прибоя приводила некоторых воинов к желанию развеселиться. Веселились при помощи «весёлой» травы. Часто можно было увидеть стоящих на КПП бойцов закапывающих друг другу в глаза капли типа «Визин» и высказывающих опасения насчёт того «как бы не попалиться». Капли «Визин» были

предназначены для снятия покраснения глаз, в данном случае вызванного действием травы. Парни пользовались каплями так естественно и непринуждённо что у меня создалось впечатление, что круговорот состоящий из нахождения на КПП, курения «дури» и закапывания «Визина» у них продолжался непрерывно. Отчасти парней можно было понять: постоянное хождение в наряд на КПП это страшная рутина.

В дальнейшем постоянно ходя на КПП в Углевике, не имея склонности к употреблению наркотиков, я развлекался понемногу попивая пиво, слушая плеер и общаясь с местными жителями. К пиву, да и просто так я иногда брал пиццу «Атлантида» привозимую из одноимённой пиццерии едущими по пути знакомыми мне сербами. Когда кто-либо из них выезжал через «мой» КПП я уточнял у водителя предполагаемое им время возвращения и если ждать было не долго я давал деньги и в скорости пицца приезжала ко мне. Пицца хотя и называлась «Атлантида» к морепродуктам отношения не имела, а была классической: сыр, томаты, ветчина, грибы, соус и специи. От пиццерии до меня ехать было всего ничего и поэтому я наслаждался великолепно приготовленной пиццей «с пылу, с жару». Я рьяный гурман и сладкоежка и хорошо покушать для меня всегда представляло немалую ценность. При этом по современным российским меркам большущая пицца стоила копейки - 9 марок (меньше 5 долларов США) что тоже можно оценить положительно. Конечно кушать, пить пиво, слушать в наушниках музыку и разговаривать с посторонними лицами находясь в наряде на КПП запрещено, однако мои развлечения были намного более безобидными нежели чем у тех, кто нёс аналогичную службу в лишённом маломальских бытовых условий Большом Прибое.

Солдаты и офицеры которые служили в Углевике в свою очередь располагались в помещениях ранее предназначавшихся для рабочих то ли строивших, то ли обслуживающих ТЭЦ. Во время моей второй поездки в Боснию я служил именно в этом базовом районе и могу заверить что уровень комфорта там существенно выше нежели в Прибое и Семин-хане. Общежития рабочих были разделены на комнаты по шесть-восемь человек в каждой, комната была оборудована большим шкафом, везде были телевизоры и видео (естественно купленные на свои деньги) которыми можно было пользоваться в любое время дня и ночи. В каждой казарме стояли водонагреватели, вся территория базового лагеря была заасфальтирована. Углевик был наиболее удалённым от зоны разграничения сербов и мусульман (хорватов в зоне ответственности нашей бригады не было) базовым лагерем. Не удивительно, что наш штаб располагался именно здесь и соответственно группа офицеров взаимодействия с американцами находилась при нём. Непосредственно американцы также занимали часть базового района разделённого на две неравные части маленькой речушкой. Американцы жили на одной стороне этой речушки - наши на другой. Одно из наших подразделений находилось на их стороне реки и помогало «пиндосам» охранять лагерь, а соответственно группа «зелёных беретов» располагалась у нас (кто не знает, поясню: «зелёные береты» это крутейший американский военный спецназ). Почему именно эти ребята оказались размещены в нашей части базового лагеря можно только предполагать. Не иначе как случайно. Но о американских спецназовцах чуть позже – сейчас о группе взаимодействия. Как я упомянул выше американцы располагались в меньшей части базового лагеря: с одной стороны у них была речка, с другой дорога которая шла из Сербии через город Биелину в сторону Прибоя и далее в мусульманскую часть Боснии. С этой дороги проезжающие мимо сербы иногда стреляли по американской части лагеря, однако при мне не было случая чтобы кто-либо из «пиндосов» был подстрелен.

По этой же дороге двигалась и наша, направляющаяся в Косово колонна. По планам США русским вообще не было места в этом подготовленном для полной албано-американской оккупации крае. С наблюдательных вышек американские солдаты сразу бы увидели необычно большую колонну российской бронетехники и

соответственно доложили бы «на верх», однако как бы стремительно не развивались дальнейшие события в натовских штабах воспрепятствовать нашим действиям НАТО уже не смогло бы – сформированная колонна двигалась организовано и быстро.

По легенде, распространившейся среди нас в дальнейшем, американское командование узрело нашу колонну при помощи орбитальных наблюдательных спутников в тот момент когда мы уже несколько часов двигались по территории Сербии. Осознав смысл наших действий подручные «главного демократа планеты Земля» приняли мудрое решение нанести по нам ракетно-бомбовый удар, мотивировав свои действия тем, что якобы приняли нашу колонну за подразделение сербской армии возвращающееся в Косово для продолжения боевых действий. Техника которая имела у нас была представлена в основном грузовиками «Урал» и бронетранспортёрами БТР-80. Подобная техника, только более старых моделей имела у сербов - схожесть очевидна. Американцы отдали приказ командующему силами НАТО в Европе. Командование на тот момент осуществлял британский генерал который в отличие от своих заокеанских союзников «дружил с головой» и поэтому приказ не выполнил. То ли прямо отказался, то ли уклонился, однако свои действия прокомментировал словами о том, что он не сумасшедший чтобы развязывать третью мировую войну. Последнюю мировую войну нашей цивилизации как я предполагаю. Спустя тысячи лет новая человеческая цивилизация раскапывая руины древности наверное так и не поняла бы причин столь разрушительного конфликта. Такова легенда – так было либо не так утверждать не берусь, но выглядит вполне правдоподобно.

На практике остановить колонну замеченную в момент выдвижения американцы не могли поскольку заранее мер, в первую очередь политического характера, не приняли. Россия в вопросе экономического и политического веса была в то время очень слаба и надави американцы грамотно и жёстко приказа о нашем выдвижении в Косово возможно и не последовало бы. Важным для нашего командования было скрыть факт «сбора в дорогу» (из Углевика должна была пойти шестая парашютно-десантная рота в полном составе, а кроме неё ещё какое-то количество техники и людей). Проблема серьёзная поскольку стоянка техники базового района Углевик находилась как раз напротив американской части лагеря, на другом берегу речушки и прекрасно просматривалась оттуда, так как кроме жалкой колючей проволоки закреплённой на столбах никакого ограждения не имела.

Офицеры группы взаимодействия приняли идеальное решение – если нельзя замаскировать технику значит надо усыпить бдительность наших соседей. С этой целью было спешно придуман день рождения одного из офицеров на празднование которого были приглашены «пиндосы». С целью облить грязью Россию давным-давно кем-то был придуман миф о том, что якобы много пьют только русские. Спору нет, очень много людей в России не знают меры в употреблении спиртного, но это вовсе не говорит о том, что в других частях света таких людей мало. Я лично не раз и не два наблюдал представителей разных стран весьма алчно, без всякой меры и стеснения поглощающих спиртосодержащие жидкости. Расчёт наших оказался верен: праздник удался на славу в связи с чем не только подготовка к выдвижению, но и само выдвижение 6ПДР ранним утром следующего дня прошли для американцев незамеченными.

Относительно «зелёных беретов» интересным будет упомянуть следующий эпизод. Будучи в Боснии в 2001 году я от ребят узнал о том, что в группе американских спецназовцев есть один выходец из СССР. По случаю я познакомился с этим парнем, звали его Сергей, родом из Москвы. Общались мы мало, но достаточно охотно, в основном на военные темы: Чечня, Афганистан и т.д. В ходе дальнейших разговоров выяснилось, что он принимал участие в специальных операциях против сербов в Косово непосредственно перед вводом туда сил НАТО. Подробности он естественно

не раскрывал и в общем-то я так и не понял разведывательный или диверсионный характер носили эти операции. Я просил показать фотки которые были сделаны им там, но он отказал мне сославшись на то, что оставил их дома, в Америке. Ранее я читал в каком-то журнале воспоминания русского добровольца воевавшего на стороне сербов, в которых в частности упоминался бой в ходе которого сербо-русскому отряду удалось уничтожить несколько американских спецназовцев и захватить редкую крупнокалиберную снайперскую винтовку «Баррет». Я рассказал об этом Сергею и получил ответ, что у них («зелёных беретов») потерь не было, при этом он с большой уверенностью предположил что это «лазили» спецы из ЦРУ. Своё предположение относительно «цэрэушников» он высказал с лёгким пренебрежением, видимо так же как и у нас, в Америке существует определённая конкуренция между спецподразделениями различных силовых ведомств.

Сергей рассказал мне о том, что однажды при выполнении задания в их вертолёт едва не попала сербская ракета. Видимо ракета была выпущена из ПЗРК с большого расстояния и пилоту удалось удачно сманеврировать. Сергей был простой, общительный и спокойный парень и в общем-то был мне симпатичен, однако в душе я всё же был немного огорчён тем фактом, что сербская ракета оказалась не слишком точной...

Проехав без остановки мимо Углевика в скором времени мы подъехали к окраинам города Биелина. Этот, по российским меркам маленький городок был последним городом Боснии в этом направлении, дальше был мост через реку Дрина и начиналась Сербия, частью которой являлся многострадальный край Косово, конечная цель нашего марш-броска. Немного не доезжая Биелины мы свернули на располагавшуюся рядом с дорогой площадку где уже находилась наша техника из других подразделений. На этой площадке в мирное время служившей по-видимому автодромом для подготовки водителей наша колонна была окончательно сформирована. Некоторые наши машины не были «помечены» надписью КФОР и поэтому такую надпись наносили прямо на месте, закрашивая в аббревиатуре СФОР первую букву и взамен нанося по трафарету букву «К». Таким образом наша колонна вроде как относилась к коллективным силам НАТО в Косово. На окраинах Биелины мы простояли около часа успев немного перекусить и пообщаться между собой. Боевой дух ребят был высок, у большинства буквально «чесались руки» хорошенько «вломить люлей» албанцам. Я полностью разделял эти намеренья, надеясь если уж не на возможность поубивать албанских боевиков, то хотя бы на возможность лично чем ни будь помочь сербам, которым я искренне сочувствовал. Даже сам факт опасных приключений и непосредственного участия в важнейших мировых событиях будоражил мне кровь. При этом я прекрасно понимал, что может случиться со мной в случае неблагоприятного исхода предстоящей операции (неблагоприятного не только для всей операции, но и для меня лично). Вполне реальным для меня представлялось развитие событий в ходе которых я буду убит, хуже того изувечен или, самое страшное, попаду в плен.

Я не случайно расставил приоритеты именно так – дело в том, что смерти я никогда не боялся. С детских лет когда я видел страдания даже самой маленькой зверушки я испытывал чувство жалости и сострадания, говоря другими словами вид страдающего живого существа «задевал меня за живое», а вот к факту смерти я относился спокойно, почти равнодушно. Умер кто-то, ну и умер (как говорится, умер Максим, ну и хуй с ним). Чем старше я становился тем более нелепым и ненормальным мне казался имеющийся у многих людей страх смерти. В конечном итоге я пришёл к выводу что смерти боятся лишь дураки и трусы: дураки потому, что не понимают того, что смерть это естественная и неотъемлемая т.е. нормальная часть жизни, а трусы потому что они и так вечно всего боятся. Из всего вышесказанного вовсе не следует что я горю желанием умереть, вовсе нет - я люблю жизнь, более

того, для защиты своей жизни я приложу максимум усилий и пойду на самые крайние меры. Что касается сильных увечий и плена, то тут и так всё понятно: здоровье важнее жизни, а что происходит с пленными попавшими в руки мусульманских боевиков я неоднократно видел на видеозаписях. По поводу плена - в дальнейшем я приведу один случай произошедший как раз в Косово.

Короче говоря дело предстояло опасное и я понимал это, однако желания помочь сербам, жёстко наказать албанцев, испытать себя войной для меня были главенствующими. Даже сам факт опасности привлекал меня поскольку с моральной точки зрения только то и составляет главное духовное (а следовательно и неотъемлемое) богатство человека, что было достигнуто в опасных и трудных условиях. Толстый никак не высказывал своего мнения однако видно было, что он не особо в восторге от предстоящей поездки. Кроме опасностей нашего путешествия его естественно волновало техническое состояние машины и он пользуясь случаем ещё раз заглянул в силовое отделение БТРа. Всё было в порядке. Техника батальона готова, боевой дух бойцов на высоте – готовьтесь албанцы, русские идут!

Мы построились и получили приказ на выдвижение. Генерал-майор Рыбкин приказал на любую провокацию отвечать огнём. Этот приказ вызвал у меня чувство огромного уважения к тому кто его отдал не побоявшись тем самым взять на себя всю ответственность за возможные эксцессы и полностью снять её с нас. С годами уважение к этому человеку у меня возросло так как я осознал простой факт: оставь мы без внимания хоть один провокационный эпизод в отношении себя то уже на следующий день размер агрессии в отношении нас вырос бы в геометрической прогрессии. Нас было около двухсот человек и тысячи оборзевших от безнаказанности албанцев просто-напросто разорвали бы нас в клочья. Совсем другое дело когда первый же провокатор получил бы пулю, причём сразу же. Это резко остудило бы дерзость остальных – жить каждому хочется. Для нас вопрос быстрой расправы над провокаторами был вопросом выживания.

Приведу пример того, что могло произойти в противоположном случае. Однажды я просматривал видеоматериал начала боснийской войны, вернее событий непосредственно предшествовавших её началу. На видео была записана массовая демонстрация, явно агрессивная и многоядная. Сербские полицейские вели себя достаточно пассивно, да к тому же их было немного. У полиции был броневедомоцикл с установленным на нём крупнокалиберным пулемётом за которым сидел незадачливый боец. Из толпы демонстрантов вылез мужчина, проворно вскарабкался на броневицикл и подобрался к пулемётчику который не позаботился о том, чтобы как-либо себя обезопасить.

Тело пулемётчика находилось внутри машины, а из люка торчала только голова защищённая синей полицейской каской. «Демонстрант» накинул на шею полицейского удавку и спокойно и целенаправленно принялся его душить. Пулемётчик попытался спастись спрятавшись внутрь бронеавтомобиля, примерно как черепаха прячущая голову внутрь панциря. Но было уже поздно. «Демонстрант» убил его, глупого и беспомощного. Показательно, что пулемётчик умер не сразу, некоторое время бесполезно борясь за свою жизнь и тем не менее никто не помог ему, даже водитель его броневицикла не сдвинул машину ни вперёд ни назад, попытавшись тем самым сбросить с крыши демонстранта-душителя. Милосердие приветствуется при любых обстоятельствах, но что касается мягкости и гуманизма то в условиях боевых действий, да и просто необходимой обороны эти явления не просто вредны, они преступны. Генерал-майор Рыбкин понимал это и отдавая приказ он не только заботился о выполнении боевой задачи но и о сохранении наших жизней.

За те минуты, что мы простояли в месте сбора на окраине Биелины я понемногу присмотрелся к своим новым сослуживцам. Из всех парней, что были сейчас рядом знакомых оказалось всего несколько человек, да и то моё знакомство с ними носило

максимально поверхностный характер. Ни одного хорошего знакомого я не увидел, зато моему другу Серёге С. повезло больше – он встретил земляка Виталика с которым был знаком не только по временам срочной службы в Ульяновске, но и вообще был призван в армию в одно и тоже время из одного и того же города. Здоровенный Виталик был снайпером и служил как раз теперь уже в нашей, четвёртой, роте. Я рад был за своего друга, однако сам, находясь среди незнакомых мне людей в преддверии опасного мероприятия чувствовал себя немного неуютно.

Важно отметить, что взаимоотношения между всеми нами в те часы и дни стали максимально дружественно-доброжелательными, простыми и открытыми. Это касалось как солдат, так и офицеров. Армейский формализм, повседневная людская мелочность, корыстность, эгоизм и озлобленность полностью исчезли, а им на смену пришли простота, фронтовое товарищество и стремление совместными усилиями выжить и выполнить боевую задачу. Старая мудрость гласит, что армия без войны разлагается и в такие моменты наглядно познаёшь истинность этого утверждения. Предстоящее решение опасной боевой задачи очистило нас от всего наносного, фальшивого и негативного. Перед лицом опасности все мы, плохие и хорошие, стали лучше, стали сплочённее.

Наблюдая за нами в те дни любой практикующий психолог смог бы написать штук десять докторских диссертаций на тему изменения поведения людей в экстремальной ситуации. Именно тогда я впервые познал на практике, что скрывается за термином «фронтовое товарищество» и я уверен, что получение данного знания дорогого стоит. Тогда же я наглядно увидел как много противоестественности и фальши в нашей повседневной жизни. Тогда же до меня дошло как глупо живут люди в своей, так называемой, нормальной жизни. Дважды я находился в армии во время начала справедливых боевых действий, первый раз во время описываемых событий, второй раз спустя полгода после них. Оба раза психологическая обстановка в подразделении убывающем на войну была практически одинакова. Для любого нормального, желающего сражаться бойца это самые замечательные дни – всё, что есть в армии тупого, нелепого и фальшивого уходит, а взамен появляется реальная боевая работа, опасные приключения и боевое братство. Это великие дни для настоящего мужчины.

Понятное дело, не все поголовно рвутся в бой, есть те, кто боятся, но даже трусы и другие откровенно плохие люди либо становятся лучше, либо их низменные качества становятся очевиднее. Как справедливо пел талантливый рок-музыкант Юрий Шевчук: «Чем ближе к смерти тем чище люди, чем дальше в тыл тем жирней генералы...». Я люблю практическую психологию, однако я не специалист в этой области и мне тяжело научно изложить всю полноту ситуации, но при этом мне кажется, что Шевчук одним этим предложением охарактеризовал её как нельзя лучше. Любопытно заметить, что помимо всех вышеозначенных чувств у меня в душе присутствовало и чувство счастья. Причина моего счастья проста - впереди меня ждали смертельно опасные приключения с вполне реальными шансами совершить что ни будь героическое, в соседней машине ехал мой надёжный друг, рядом находились боевые товарищи, в руках у меня было столь дорогое моему сердцу оружие, а над моей головой ясное небо и жаркое балканское солнце. Ну как же тут не быть счастливым?

Часть вторая.

Марш.

Готовые к решению любых боевых задач мы тронулись в путь. Колонна наша состояла из БТР-80, «Уралов», как грузовых, так и оборудованных мощными лебёдками машин технической поддержки, а так же нескольких КАМАЗов, ГАЗов-66 и одного ЗИЛа. «Уралы» технической поддержки могли буксировать любую из имевшихся в нашем распоряжении машин. Топливозаправщиками были «Уралы» и КАМАЗы, ГАЗ-66 были машинами радиосвязи.

К корме каждого БТРа была привязана старая покрывка от грузовика либо непосредственно от БТРа. Покрывка выступала в качестве дополнительного буфера на случай аварии. Никому в составе нашей колонны дополнительный буфер не пригодился – профессионализм водил был на высоте. На трёх машинах, прибывших из нашей, второй роты на корме были подвешены только половины разрезанных вдоль ураловских покрывок. В них, как в пеналах, хранилась свёрнутая большими кольцами колючая проволока, необходимая в миротворческой деятельности для развёртывания временного поста наблюдения. В действительности ей не пользовались и «колючка» никогда не доставалась из-под сшитого специально для неё выцветшего на солнце брезентового чехла. Такую особенность имели только три наши машины, в других ротах колючую проволоку возили как правило на силовом отделении, либо вовсе не возили. Первыми в колонне шли «восьмидесятки», далее «Уралы» и КАМАЗы, замыкающими были естественно машины технической поддержки. За первым идущим в колонне БТРом двигалась «шишига» связистов. Наш БТР №341 был четвёртым по счёту. Впереди колонны двигалась машина сербской полиции, а следом обычная гражданская легковая машина в которой, как я понимаю, находились представители наших спецслужб обеспечивающие взаимодействие с сербской стороной.

На каждом перекрёстке находился сербский полицейский-регулирующий, иногда даже целый полицейский экипаж. Организация марша проведена была чётко и грамотно, явно не второпях, всё было продумано как надо. Сербы, мужчины и женщины, взрослые и дети стоя вдоль улиц Биелины приветствовали нас характерным жестом обозначающим православное братство. Жест этот выглядел так: маленький и безымянный палец сжаты в кулак, а три остальных выпрямлены и растопырены в разные стороны. Это означает крещение тремя пальцами, например, в отличие от католиков которые крестятся двумя. Здесь необходимо сделать существенное пояснение, крайне важное для понимания нашего отношения как к сербам вообще, так и к косовским событиям в частности.

В российских средствах массовой информации я неоднократно слышал утверждение о том, что мы сочувствовали сербам по причине общей с ними религии, а именно православия. Это утверждение не соответствует действительности. Во-первых: среди нас (российских миротворцев в Боснии) были представители не только православного вероисповедания. Я не берусь утверждать что у нас были кришнаиты, адвентисты седьмого дня, иеговисты, язычники или представители других экзотических религий, но вот мусульман было немало. И руководствуясь логикой религиозных предпочтений они должны были сочувствовать не сербам, а их врагам – албанцам, которые номинально были мусульманами. Во-вторых: как мы, рождённые ещё в СССР, так и югославы (сербь, «муслы», хорваты) были людьми выросшими в коммунистическое, либо посткоммунистическое время т.е. мы были людьми без стойких религиозно-поведенческих стереотипов. Никакого особого религиозно-православного рвения у сербов за всё время своего пребывания в Боснии и Сербии, а это в общей сложности почти полтора года, я не замечал. То же могу сказать и о боснийских мусульманах. Конечно их мулла орал с минарета утром и вечером, но это не мешало «муслам» продавать спиртные напитки (т.е. распространять зелье прямо запрещённое их религией), ходить в стриптиз-бары и убирать территорию и туалеты на американской военной базе («пиндосы» нанимали боснийских мусульман для выполнения хозяйственных работ на постоянной основе).

По поводу стриптиз-баров, по-нашему «стрипков» расскажу следующий случай. Возле нашего базового лагеря стоял маленький прицеп-автомобиль принадлежащий сербу, которого звали Ненат. Время от времени по заказу кого-либо из наших парней он ночью привозил туда проститутку из ближайшего «стрипка». В этом самом прицепе я впервые «наслаждался» ласками иностранки, конкретно румынки. Имя её было Жанна, хотя ей вполне подошло бы и «Жаба». Происходило всё в спешке,

понравилось «не очень». Жил в Прибое серб Драган, мелкий коммерсант и таксист, тот самый, которому я рассказывал про сбитый самолёт. Ненат не пользовался у нас уважением поскольку был «мутный тип», Драган его тоже не любил. Однажды Драган, ругая Нената сказал, что тот стал «полный пидор», поскольку открыл неподалёку «стрипок» и не хочет туда пускать ни местных сербов, ни нас, русских, а хочет чтобы туда ходили только одни его друзья – мусульмане из Тузлы... Про хорватов не скажу ни чего – не видел, не знаю, их в нашей зоне ответственности не было.

Само разделение между народами населяющими Балканы произошло не по причине религиозных разногласий, а по причине территориально-культурной подчинённости и предпочтений. Боснийские мусульмане некогда бывшие с сербами единым народом подчинились жестокому османскому завоевателю и приняли их порядки и религию, сербы борясь с иноземными захватчиками веками отстаивали своё право на жизнь и независимость, с хорватами вообще всё просто: они не только осмысленно преклонялись перед западноевропейскими стереотипами поведения но и всегда были частью Запада. Религиозные взгляды тоже занимали существенную часть культурного различия, но не являлись в данном конкретном случае абсолютно главенствующими. Однако, всё же замечу: из всех так называемых традиционных религий только в исламе есть прямой призыв убивать «неверных».

Разная культура предполагает разное мировоззрение, конфликты неизбежны, более того - нормальны. Так было раньше, так есть сейчас, так будет всегда. Те люди, что активно помогали разжигать войну в бывшей Югославии конечно же это хорошо знали. Преодолевать такие конфликты можно двумя способами: если можно договориться, то нужно договариваться и мирно жить порознь, каждый на своей земле, если договориться нельзя, то враждебных инакомыслящих уничтожать поголовно – третьего не дано.

Короче говоря, сами сербы, как и любой другой народ которому «посчастливилось» пожить под властью коммунистов не являлись особо религиозными людьми.

Ну и наконец третье: многие из наших парней, кто и был крещён в православную веру, не знали даже её основ. Начну с самого себя. Сейчас как и прежде я искренне и осмысленно убеждён в существовании Бога, однако в христианстве я разочаровался полностью по причине абсурдности и противоречивости многих утверждений этой религии. Летом же 1999 года я считал себя православным, в детстве был крещён, носил серебряный крестик, много раз читал Библию. При этом я вряд ли смог бы прочитать хоть одну молитву, а уж про то, чтобы соблюдать все предписания этой религии в повседневной жизни говорить вообще неуместно. Кресты носили многие наши парни и если спросить их о том, веруют ли они в Бога они наверняка ответили бы: «Да, верю». На этом для большинства в общем-то вся вера и заканчивалась...

Были и ребята которые свою жизнь ориентировали на «понятия», даже не скрывая уголовно-приблатнённого мировоззрения и соответствующего ему поведения. Кое-кто из них тоже носил кресты: массивные, золотые, в дань моде (схожие по убеждениям «мусульмане» из числа наших сослуживцев носили золотые полумесяцы, тоже не хилые по размеру).

Определённое количество парней вообще не вдавалось не только в религиозные вопросы, но и вообще в суть конфликтов происходивших на территории бывшей Югославии. Они приехали в Боснию конкретно на работу, которая по тем временам более менее прилично оплачивалась. Некоторые ребята даже давали «на лапу» чтобы их рапорт на отправку в «Югу» был подписан. Сумма взятки была различной, но в любом случае последующая ежемесячная зарплата всё компенсировала. Солдат получал 1070 американских долларов в месяц плюс к этому положенный оклад по месту постоянной службы в России (100-150 в долларовом эквиваленте), офицер около 1300 долларов США ну и оклад в России соответственно. К тому же в Боснии

можно было приобрести аудио-видео технику по более низким чем в России ценам, да и машиной, как я уже говорил, можно было прибраться на несколько тысяч долларов выгоднее чем дома. Народ в российской армии служит в основном, мягко говоря, небогатый поэтому все вышеперечисленные финансовые преимущества были для ребят вполне актуальными. Люди просто приехали на работу, ни больше ни меньше, поэтому им были по большому счёту «параллельны» и вероисповедание и культурно-историческая близость сербов.

Разговоры о том, что мы сочувствовали сербам по причине религиозного единства не имеют ничего общего с реальностью. Наше сочувствие объяснялось другим. Каждый из нас, даже те кто был далёк от истории и политики наглядно видели, что в этом конфликте сербы абсолютно правы. Кто-то понимал, что сербы защищают свою страну от албанских оккупантов, кто-то не вдаваясь в подробности косовского конфликта просто видели в действиях США циничное беззаконие («полный беспредел») направленное исключительно на порабощение всего мира. В общем все мы головой и сердцем понимали правоту сербов. Абсолютной правотой сербов и объяснялось наше сочувствие к ним. В дополнении сюда же можно добавить общие славянские корни и историческую дружественность наших народов, ну и конечно же вышеупомянутое православие.

Сербь приветствовали нас - мы задорно махали им, а колонна уверенно двигалась вперёд. Мы проехали Биелину, миновали последний российский временный наблюдательный пост состоявший из нескольких бойцов и одинокой БМДэшки, заехали на мост через Дрину возле которого находился сербский таможенный пропускной пункт и многострадальная Босния осталась у нас за спиной. Начиналась Сербия, вторая после Боснии и Герцеговины страна в которой в свои двадцать лет я смог побывать.

Колонна набрала скорость, появились ранее не виданные пейзажи – ехать стало интересно. Пейзажи состояли в основном из стоящих вдоль дороги частных домов составляющих средние по размеру посёлки. Вообще-то было приказано личному составу находиться внутри БТРов однако многие из нас высунулись из верхних люков. Не только из-за желания понаблюдать за местностью, но и по причине сильной жары - югославское солнце палило нещадно. Одежда под бронезином пропиталась потом насквозь, зато тёплый встречный поток воздуха приятно обдувал.

В российской армии существует три основных способа расположения личного состава при передвижении на бронетехнике: на броне, под бронёй и под бронёй, но с наблюдателем на броне. Каждый способ имеет свои плюсы и минусы. Основным достоинством передвижения на броне является возможность в случае необходимости быстро покинуть машину, идеальный обзор во всех направлениях, относительная безопасность десанта в случае подрыва на противотанковой mine либо попадание в машину кумулятивного снаряда. Недостатками этого способа являются абсолютная незащищённость от снайперского огня и осколков мин и снарядов, а также возможность на поворотах, кочках и ухабах упасть с брони или получить травму (в Чечне при движении нашего БТРа на высокой скорости по крайне плохой дороге боец находившийся на броне повредил кости таза). Дорога по которой мы ехали была идеальной, но тем не менее свалится с машины на приличной скорости всё же представлялось возможным. Видимо последнее обстоятельство более всего беспокоило командование и нам пару раз по радиации повторяли приказ находиться под бронёй. Мы ныряли внутрь, а через некоторое время вновь выныривали подышать пыльным, прокопченным соляной и пахнущим асфальтом воздухом.

Во время пути меня постигло бедствие: мои недавно приобретённые очки «приказали долго жить». Без очков ехать на броне мягко говоря «не очень». Бедствия продолжались – срывая пломбы коробов с пулемётными лентами я сломал проклятый вышеупомянутый штык-нож. Ни тогда, ни сейчас я не могу понять для чего нужно было опломбировывать короба. Патроны которые там находились никакой ценности не

представляли потому как приобрести их у сербов или «муслов» (естественно незаконно) не составляло ни какого труда. При сдаче-приёмке техники наличие и сохранность патронов и лент проверялась, однако серия напечатанная на гильзе либо не сверялась вовсе, либо сверялась чисто формально (попробуйте проверить все 7,5 тысяч патронов взятых только с машин одной роты). Даже сами пломбы не имели маркировки, просто наштамповывались и всё. Из-за кретинских пломб и своей невнимательности при получении оружия я лишился штык-ножа который в дальнейшем ещё надо будет сдавать. Чуть позже меня в этом вопросе выручил мой водила у которого имелись несколько сербских штыков припасённых им для проведения «ченча» с американцами. В Боснии такой нож стоил около 10 немецких марок (5 долларов США) в Косово не стоил ничего. Сербский штык займёт своё место в ножнах, а ублюдочный легкосплавный обломок будет выброшен в поле, где наверное и валяется до сих пор.

Не могу удержаться от того, чтобы не высказать свое мнение о штык-ножах вообще. Для чего они нужны в условиях современной войны наверное не знают даже те кто принимает их на вооружение. За свою жизнь я находился на территории трёх вооружённых конфликтов (в том числе и непосредственно участвовал в одном из них), я общался с не одной сотней людей принимавших участие практически во всех войнах второй половины двадцатого века, от Афганистана до Вьетнама и при этом я знаю лишь одного человека который используя штык-нож убил врага. Дело было в Грозном не то в 94-м, не то в 95-м году, при переползании от одного дома к другому на нашего бойца накинута раненый в ноги боевик которого посчитали мёртвым. Парень не растерялся и прикончил «чеха» ударами штык-ножа, который до этого находился в ножнах, а вовсе не был пристёгнут к автомату.

В хозяйственных же нуждах можно применять только штык старого образца (от АК-47) новый, легкосплавный, вообще ни на что не годен: помимо вышеупомянутой хрупкости он ещё тупой как валенок, причём лезвие заточить практически не реально. Имеется у него и нанесённая на обухе пила, которая хотя и пилит, но тем не менее по своей остроте составляет вполне достойную пару лезвию. В Чечне, когда мы захватывали у боевиков помимо другого оружия штык-ножи никто из нас даже не пытался взять их себе на память, настолько презрительно мы относились к этому нелепому «оружию». По моим наблюдениям и в иностранных армиях толковые боевые многофункциональные ножи встречаются только у спецназа. Я держал в руках нож КА-БАР принадлежавший «зелёному берету» - мощная штукавина, но наш НР-2 всё же лучше. Или может быть просто родней.

Колонна двигалась по шоссе всё дальше и дальше удаляясь от Боснии и чем дальше мы уезжали от границы тем больше людей приветствовало нас в каждом населённом пункте. Сербы узнавали о нас самым что ни на есть простым способом – по телевизору. Телевизионщики активно снимали нашу колонну как с заранее подготовленных позиций так и просто обгоняя нас на дороге. На экранах телевизоров мы выглядели достойно, олицетворяя своим видом мощь, решительность и целеустремлённость. Безупречная организация колонны, стремительность движения, внешний вид техники и бойцов – всё было представлено наилучшим образом. Относительно внешнего вида бойцов уместно будет привести слова Отца современных Воздушно-десантных войск генерала Василия Филипповича Маргелова сказанные им по поводу того, как воин-десантник должен выглядеть на экране: «Десантник должен быть показан таким, чтобы ему любая женщина на улице дала!». На первый взгляд эти слова кажутся наглыми, но если вдуматься то можно понять их глубокий смысл. Дело не только в том, что увидев десантника женщина сгорала бы от страсти и «теряла голову», а в том, что в глазах женщины десантник был бы мужчиной которому можно себя доверить, мужчиной достойным насладится её телом, лаской и проявлением её чувств, даже если она не увидит его больше никогда. Ясное дело,

далеко не все мы соответствовали столь высокому нравственному стандарту – среди нас были разные люди, как хорошие так и плохие. Большинство из нас выросло не в самое лучшее время и начало девяностых годов наложило свой отпечаток на формирование нашего мировоззрения, однако наш внешний вид в те часы явно не разочаровал бы Василия Филипповича – друзья гордитесь, враги бойтесь!

Надо отметить, каждый из нас понимал, что несмотря на всю свою мощь и внушительный внешний вид наша колонна была очень уязвима для удара с воздуха – один толковый налёт и от нас остались бы только груды обгорелого железа и мяса, но речь в данном случае не об этом. Мы олицетворяли военную мощь России и сербы возлагали большие надежды на нас. Для меня внимание со стороны СМИ представляло определённую проблему: попадать в объектив вездесущих камер я не хотел поскольку мои близкие тоже смотрели телевизор. Особенно я тревожился за маму справедливо полагая, что до поры до времени ей не надо знать куда я направляюсь. Если со мной случится что-либо плохое то она и так всё узнает, а если вернусь живой и здоровый то сам лично всё расскажу. По поводу мамы и «всё расскажу» - через пару месяцев после возвращения из Чечни я как-то по случаю рассказал маме один, по моему мнению комичный эпизод там произошедший. То, о чём я рассказывал было для меня просто эпизодом из моей жизни, хотя конечно и не рядовым, но и не таким чтобы говорить о какой-то его сверхъестественности. Я громко хохоча излагал запомнившийся мне случай, сам того не замечая как внимательно слушавшая меня мама изменилась в лице. Мой рассказ ей не понравился. Из этого происшествия я сделал единственно правильный вывод. Вывод прост: не нужно скрывать свою жизнь от своих близких, но и рассказывать о ней нужно корректно. Если слова подобрать сможешь...

Как я уже сказал сербы приветствовали нас повсеместно, однако всё же не обошлось и без эксцесса. В районе Белграда, когда мы проезжали под мостом, вопереди идущий БТР была брошена небольшая пластиковая бутылка с водой. Стоявший на мосту старик, бросивший её в нас что-то злобно кричал. По какой причине он совершил эти действия я не понял. Когда позже мы с парнями обсуждали этот случай, а обсуждали мы его активно, то мнения разделились, одни считали что он был «муслом» и ненавидел русских, другие придерживались мнения, что он был разозлён тем, что Россия слишком поздно пришла на помощь Сербии. Я придерживался второй версии по причине того, что «муслов» по моему разумению в Сербии быть не могло, это ведь не Босния часть которой составляет Мусульмано-Хорватская Федерация (МХФ), да и о разочаровании сербов нерешительностью братской России мне уже было хорошо известно, не раз от них слышал. Не понятно только при чём тут мы, простые солдаты. Огорчён действиями нашего правительства так и иди кидаться бутылками по посольству. Далеко идти до посольства - кидай в портрет Бориса Ельцина. В нас то за что?

Разрушения вызванные натовскими бомбардировками стали попадаться нам сразу же после пересечения границы. Разрушения встречались нам хотя и не часто, зато постоянно, в среднем один-два раза в час. Первым был мост, справа по ходу нашего движения. Потом много ещё чего. В том числе и жилые дома. Посланцы любящего оральный секс демократа «всёя Земли» утверждавшего, что удары наносятся только по военным объектам либо не слишком церемонились, либо не слишком целились. Огромное впечатление произвёл частично разрушенный и сильно закопчённый высотный дом в Белграде. Район города по которому мы двигались имел какую-то необъяснимую схожесть с Москвой, в которой почти постоянно я проживал до ухода в армию. Хотя я Москву никогда не любил и в конечном итоге с большим удовольствием её покинул, но на тот момент чувство ностальгии у меня появилось. Следующим после чувства ностальгии было чувство злобы – я увидел следы проявления американской демократии на лицевой стороне вышеупомянутого дома. Сама многоэтажка была

разрушена несильно зато примерно от середины и до верхних этажей почти полностью выгорела. Схожесть городского пейзажа двух городов навело на мысли о том, что не будь у России ядерного оружия с моим домом в Москве могло произойти то же самое. Не хотелось бы. Возросло сочувствие к сербам и ненависть к их врагам. Возросло понимание того, что здесь происходило и куда мы едем. В очередной раз пришло понимание того, что в случае моей гибели у родителей никого не останется. Вместе с этим пониманием в голове чётко сформировалась мысль – один ребёнок у родителей это абсолютно неправильно, у меня будет больше (если выживу).

Кроме этой многоэтажки в Белграде были и другие более–менее разрушенные объекты. Если нас вели вдоль белградских развалин не случайно, то те кто прокладывал маршрут поступили правильно – людям всё нужно демонстрировать наглядно. Непрерывно во время нашего движения впереди колонны двигались одна-две сербские полицейские машины. По мере продвижения вглубь Сербии экипажи менялись, наверное у машин сопровождения были свои зоны ответственности на границах которых и происходила смена. Без сопровождения мы не оставались никогда, вплоть до прибытия в Косово. Несколько раз мы останавливались для заправки и проверки техники, а также для того чтобы перекусить сухпайком. Заправка техники осуществлялась следующим образом: топливозаправщики двигались от хвоста колонны к её голове заправляя полные баки всей стоящей техники. Получалось быстро и без суеты. Водителям эти минуты давали возможность хоть немного отдохнуть и размяться. БТР-80 это не представительский лимузин и езда на нём на дальние расстояния является серьёзным испытанием для того, кто находится за рулём. Серёга за прошлую ночь проспал часа четыре, не больше, и поэтому должен был уже испытывать усталость. Как выяснилось один из парней ехавший с нами был водителем и поскольку управление БТРом не отличается от управления грузовой машиной он предложил себя в качестве «второго пилота». Серёга ответил, что пока в замене не нуждается, но будет это иметь в виду.

Не берусь утверждать, но думаю в других машинах подобные разговоры тоже имели место – ехать далеко, а от водителя зависит безопасность всех. Я, будучи членом экипажа, в качестве водителя был не пригоден поскольку машину водить не умел. Как управлять БТРом я знал только теоретически, за руль Толстый меня не допускал, он вообще никогда никому не предлагал «порулить». Он или боялся, что произойдёт поломка и ему придётся чинить машину за которую он несёт ответственность, или просто ревновал своего «железного коня» как это часто бывает у водителей. Ревнивое отношение к машине явление вообще распространённое в среде российских автомобилистов, даже поговорка на эту тему есть: «Жену и машину не дам ни кому!». Я никогда не понимал причин такого, на мой взгляд, странного отношения к транспортным средствам. В 2000 году я получил «права» и спустя какое-то время научился неплохо водить машину, чему главным образом способствовало занятие частным извозом на чудовищно загруженных московских улицах. Все свои машины я охотно, при необходимости и просто так, передавал в руки других водителей. Разумеется мне не нравилось каждый раз перестраивать водительское сиденье, однако никакой ревности я не испытывал. Надо для справедливости отметить, что я человек вообще не очень ревнивый и именно этим возможно всё и объясняется. Не знаю чем объяснялось нежелание Серёги допустить за руль другого водителя, ревностью или недоверием, но до конечной цели нашего марш-броска несмотря на усталость он довёл БТР самостоятельно. Ну и молодец.

Помимо техники в заправке нуждались и мы сами. У нас были сухпайки и минеральная вода «Витинка», боснийского разлива. Про то и другое нужно рассказать подробно. Начну с плохого.

«Витинка» была наверное самой паршивой минералкой во всей Боснии и Герцеговине и уж наверняка она была самой дешёвой. Как я думаю именно по причине

своей дешевизны она и была включена в наш рацион. Без бутылированной питьевой воды обойтись было нельзя – обычная местная вода не подходила для неместных поскольку от неё быстро разрушались зубы. «Витинка» была водой противной на вкус и при этом очень сильно газированной, а простую, негазированную, для нас не закупали. Примерно через месяц своего пребывания на боснийской земле военнослужащие практически полностью утрачивали интерес к употреблению этой «полезной жидкости», довольствуясь молоком, чаем, компотом, соком ну и конечно покупаемыми на свои деньги прохладительными напитками и пивом. Не смотря на необходимость употреблять в пищевых целях только специальную питьевую воду суп, чай и компот готовили на воде обычной. Полный кретинизм. Применительно к низкому качеству «Витинки» особо удивляет тот факт, что за исключением этой паршивой минералки всё остальное, что составляло наше меню было весьма хорошего качества. После поганого (в прямом смысле слова) питания на сборах в Рязани высококачественность боснийского меню особо контрастно выделялась. На любой приём пищи вновь прибывшие бойцы устремлялись очень охотно. В наше повседневное меню в частности входило мясо, молоко, сыр, паштет, сок, печеньё, овощи и даже фрукты. Особо отмечу изумительные, прямо таки чудесные пряники. Маленькие, ароматные, внутри тёмные, а снаружи покрытые хрустящей белой сахарной глазурью эти пряники на меня, сладкоежку, произвели неизгладимое впечатление. Ими можно было похрустеть, а можно было положить на язык и дождаться когда глазурь растает а пряник станет мягким...

Выдаваемую для питья «Витинку» мы использовали и для бытовых нужд: чистке зубов, умывания и интимной гигиены. На выездных постах наблюдения «Витинка» постоянно использовалась для мытья ног. Мыть ноги, равно как и осуществлять интимную гигиену используя при этом минеральную воду по первому времени мне даже доставляло небольшое моральное удовольствие. Я вырос в небогатой семье и такую роскошь, как омовение своего брэнного тела минеральной водой позволить себе не мог. До армии я вообще приобретал минеральную воду исключительно для запивания водки, причём не для себя. Я всю свою жизнь обходился без «запивки», еще в незапамятные времена узнав о том, что запивать водку водой очень вредно для желудка. С учётом того какую водку мы пили в далёкие годы нашей юности можно только удивляться как мой желудок вообще исправно работает до сих пор.

Сухой паёк - штукавина достойная самого пристального внимания. В российской армии тех лет использовались несколько видов сухих пайков, так называемых индивидуальных рационов питания, сокращённо ИРП. Паёк старого образца представлял из себя квадратную картонную коробку серого цвета без какого-то ни было обозначения. В коробке находились три банки консервов (завтрак, обед, ужин), кучка очень жёстких чёрных сухарей, пакет сахара и несколько пакетиков чайной трухи. Реальную энергетическую и вкусовую ценность представляла одна из консервных банок - её содержимым было не что иное как чистая высококачественная тушёная говядина. Две другие банки были перловой, рисовой или гречневой кашей, тоже с мясом. ИРП нового образца имели прямоугольную форму и состояли из трех отделений: большого верхнего и двух поменьше снизу, для удобства переноски пластиковая упаковка имела ручку. Эти пайки были нескольких видов отличающихся по содержанию и соответственно по номеру: ИРП-1, ИРП-2 и т.д. Один из рационов питания включал в себя три банки консервов, витаминное драже, таблетки для обеззараживания воды, несколько пачек галет, чай, сахар, салфетки, устройство для разогрева, консервный нож, специальные спички в герметичной упаковке. Пластиковая упаковка такого пайка была зелёного цвета с коричневым верхом.

Другой вид ИРП был намного богаче по своему содержанию поскольку он изобиловал прямо таки армейскими деликатесами. Помимо галет, «витаминки», чая, сахара, таблеток для обеззараживания воды и трёх видов консервов (тушёнки, каши,

рыбы) в его состав были включены кофе, повидло, томатный соус, порошок для приготовления витаминного напитка, брикет сухой гороховой каши, изюм, три мятные конфеты, а также одноразовая ложка, влажные и обычные салфетки, устройство для разогрева, специальные спички. Такой паёк упаковывался в полностью зелёную упаковку. Устройство для разогрева во всех пайках было однообразным и состояло из тонкой железной подставки и четырёх таблеток сухого горючего. Все вышеперечисленные продукты были изготовлены качественно и добротно. Однако надо отметить, что сухой витаминный напиток не пользовался популярностью потому что при разведении водой обладал очень слабым вкусом. Сухой горох вообще никто никогда не ел, его или оставляли на «чёрный день» или сразу выкидывали.

Были ещё так называемые «спецназовские» пайки с содержимым которых в первый и последний раз я познакомился в Чечне. Этот ИРП представлял собой пластиковую коробочку в которой нашли своё место самые удивительные и невероятные для нашей армии продукты. Баночка перловой каши успешно соседствовала с томатным соусом, брикетом сухой манной каши (очень вкусной, в отличие от своего горохового аналога), мягким казинаком и даже настоящим М-н-Мсом. Как и в любом пайке там были салфетки, спички, ну и всё остальное. Обеспечение питанием, равно как и всем остальным, частей спецназа было поставлено намного лучше чем обеспечение других родов войск. Приведу простой пример из собственной жизненной практики. В первый день после перевода из мотострелковой части в подразделение спецназа ВДВ я вместе со всеми отправился на обед. Придя в столовую я поинтересовался у ребят: «Какой сегодня праздник?». Меня сперва не поняли, а когда я пояснил, что если обед праздничный то и соответственно должен быть какой-то праздник парни засмеялись и сказали что тут так кормят всегда. То, что для них уже стало обыденностью меня тогда удивило своим изобилием и чистотой. Мне было с чем сравнивать.

На пути в Косово нам выдавали пайки с коричневым верхом и слегка перекусив содержимым этих ИРП и просвежившись ненавистой «Витинкой» мы двинулись дальше. Было очень жарко и поэтому хотелось не есть, а только пить. Жару усугублял тот факт, что внутри БТРа нас набилось «как сельди в бочке», а ещё оружие и вещи. Такая загруженность машины помимо неудобства представляла ещё одну весьма существенную проблему. Рабочее место пулемётчика БТР-80 представляет из себя жёсткозакреплённое подвешенное под башней сиденье. При вращении башни оно вращается вместе с ней на небольшом расстоянии от пола. Это не очень удачное решение инженеров-проектировщиков, гораздо лучше было бы если сиденье подвешивалось на свободно качающихся и регулируемых по длине ремнях, как это сделано на американских «Хаммерах».

Главная проблема заключается в том, что при нахождении под башней людей и вещей вращение башни становится невозможным по причине того, что сиденье чем-либо блокируется. Эта проблема решается просто и кардинально: сиденье снимается и убирается «куда подальше». В таком положении стрельба ведётся стоя на коленях - не слишком удобно, зато ничего не мешает. Способ ведения огня «с колен» сокращает время необходимое для перезарядки оружия поскольку не тратятся драгоценные в боевой обстановке секунды на то, чтобы покинуть сиденье, а затем вернуться обратно (особенно не удобно это делать будучи одетым в зимний бушлат и «броник»).

На полу БТРа есть маленькие скобы неизвестно для чего предназначенные. Я видел за свою жизнь десятки БТРов, как старых так и новых, но ни разу не наблюдал чтобы к этим скобам что-либо крепилось. Скобы эти существенно выступают над поверхностью пола и поэтому когда в спешке наступаешь на них коленом бывает весьма больно. Каждый пулемётчик старался положить на пол своей машины что-либо мягкое и плотное. На момент выдвигания в Косово ничего подходящего у меня под рукой не было, но уже в первые дни нахождения там нам с Серёгой удалось разжиться

матами от сербских армейских кроватей. Сиденье я демонтировал заранее и поэтому теснота не снижала боеспособности нашего БТРа, а что касается связанных с теснотой неудобств то это нас не беспокоило вовсе - мы были привычны и к более плохим условиям.

За время своей службы мы давно привыкли к плотному размещению личного состава на очень ограниченном пространстве. По поводу моего отношения к постоянному нахождению людей в ограниченном пространстве уместно будет сказать следующее. Не раз и не два я слышал утверждение о том, что плохо быть одиноким и никому ненужным. Когда я слышал это пафосное утверждение от печально умничающих на тему одиночества людей то зачастую мне становилось смешно – я рассуждал по-иному. В жизни есть такие моменты когда быть одиноким и никому ненужным это просто прекрасно. Когда после двух с половиной лет службы в армии будучи в длительном отпуске и оказавшись дома я не верил своему счастью относительно того, что можно просто побыть одному сколько заблагорассудится и при этом быть абсолютно никому ни зачем не нужным. Дело в том, что пребывая в армейских условиях человек постоянно находится среди других людей - мы ели, пили, спали, работали, отдыхали, занимались спортом, развлекались, гадили, мылись, умывались, стирались и вообще всё делали среди других людей. Так было всё время, день ото дня, днём и ночью, утром и вечером, летом и зимой, в жару и в холод, в снег и в дождь, под солнцем и в темноте, короче всегда. В таком распорядке нет ничего плохого, но до чего же это всё надоедало. И вот когда придя домой я мог просто провалиться на кровати целый день в тишине, не видя при этом ни одного человеческого лица, я испытывал ни с чем не сравнимое блаженство. Я просто млеял от осознания того, что сегодня я не буду никому ни зачем нужен, что мой покой никто не побеспокоит и я не видя людей, ни плохих ни хороших, ни близких ни чужих, смогу просто побыть в своей комнате. Мне не нужны были в такие моменты даже женщины по общению с которыми за армейские дни я весьма истосковался, мне просто было хорошо оттого, что я один.

Я мог встать утром, пойти купить себе курицу гриль, чипсов и пива, а вернувшись домой улечься на диван, включить телевизор и не выходя больше никуда наслаждаться одиночеством, «балдеть» от осознания того, что ни один человек в мире не придёт ко мне ни за чем и никуда меня не позовёт, всей душой радоваться своей ненужности. Я иногда посвящал людей в свои размышления по поводу одиночества, но из всех с кем я дискутировал на эту тему меня сразу понял лишь один человек – мой хороший знакомый по имени Лёха. Лёха в начале девяностых годов был осуждён к лишению свободы и большую часть срока отбывал в тюрьме. По его словам, когда он освободился и вернулся домой то по первому времени иногда уходил в городской парк, забредал в самый дальний и безлюдный уголок, присаживался на лавочку и часами наслаждался одиночеством.

По мере приближения к Косово нам всё чаще и чаще стали попадаться движущиеся нам на встречу колонны сербской военной техники. Техника была самая разнообразная и весьма многочисленная, в большинстве своём старая. Многочисленность техники наводила на мысль о том, что сербы покидают свои позиции не по причине военного поражения, а исключительно по причине политического решения руководства страны. Сербская техника виденная мною была представлена либо советскими образцами, либо образцами югославского производства, в любом случае машины были далеко не современные. Единственным транспортным средством произведённым не в странах Варшавского блока были «квадратные» внедорожники Мерседес, как я понимаю тоже оставшиеся ещё со времён единой Югославии.

В отличие от наших БТРов все сербские машины были выкрашены в однообразный светло-зелёный цвет. Это касалось как машин чисто транспортных так и

бронетехники. Основным грузовым транспортом были автомобили югославского производства нескольких видов, названия которых я не знаю. Время от времени попадались «Уралы», аналогичные тем, что двигались в составе нашей колонны, а так же ЗИЛы разных моделей, которые, как известно, тоже используются в российской армии (конкретно в нашей колонне машин типа ЗИЛ-131 не было).

Вся бронетехника, замеченная мною в дневное время, была исключительно колёсная. Основу её составляли сербские двух и трёхосные бронемшины вооружённые крупнокалиберными пулемётами и автоматическими пушками. Бронетехникой советского производства были многочисленные БРДМы, а так же несколько штук БТР-70. БТР-70 является предшественником нашей «восьмидесятки», он имеет такое же вооружение, но существенно отличается (в худшую сторону) от неё по техническому оснащению. Эти две бронемшины очень схожи по внешнему виду, особенно если смотреть на них сверху.

В одном месте я видел два стоящих на обочине тягача на полуприцепах которых находились ракетные установки на гусеничном, возможно танковом, шасси. Каждая установка имела одну или две (из далека было трудно хорошо рассмотреть) большие ракеты. Что именно это были за установки я не знаю, но очертания этих машин показались мне знакомыми по документальным фильмам советской эпохи.

Возвращаясь из Косово сербской техники было очень много, в большинстве своём она двигалась самостоятельно и лишь некоторые машины буксировались, однако я не заметил ни на одной из них боевых повреждений. На некоторых машинах были прикреплены маскировочные сети и ветки деревьев с ещё не засохшими листьями. Находящиеся в машинах сербские бойцы выглядели довольно разношерстно, видимо до соблюдения положенной формы одежды их командирам не было дела – на войне есть заботы поважнее. Кто-то из этих бойцов приветствовал нас, кто-то игнорировал, кто-то ругал нерешительность нашей Родины. Всё это для нас уже было не ново, в любом случае мы просто махали им руками. Сербские солдаты производили впечатление уставших и измотанных людей - людей длительное время выполнявших тяжёлую работу. При этом надо отметить, что сербы не выглядели разгромленными, сломленными и побитыми бойцами, не походило их отступление и на бегство.

По мере продвижения колонны встречающиеся нам на пути отходящие сербские части становились всё более крупными. Внешний вид людей и техники наглядно демонстрировал факт того, что Косово, а следовательно и война, уже рядом. Чем чаще попадались идущие нам на встречу колонны сербской армии, чем больше были эти колонны, тем сильнее я ощущал грандиозную масштабность происходящих в Косово событий. Вместе с осознанием масштабности того, что ждёт нас впереди, в душе лавинообразно нарастало чувство тревоги. Каждое новое сербское подразделение встреченное нами на пути усиливало это чувство, вместе с этим всё сильнее разгоралось желание поскорее оказаться в гуще косовских событий.

Следующим после Белграда крупным городом встретившимся нам на пути был Ниш. Мы проезжали его вечером и я до сих пор вспоминаю приятную прохладу его улиц. Улицы, по которым мы проезжали более походили на аллеи парка поскольку полностью утопали в зелени симметрично посаженных многолетних деревьев. Красивый город. Жители Ниша приветствовали нас, махали руками, что-то кричали. Поскольку рабочий день уже кончился и о нашем приближении наверняка было известно из СМИ народу на улицах было много. Взрослые и дети, мужчины и женщины, гражданские и военные, все радостно приветствовали долгожданную помощь братской России.

Приближалась ночь и ребята из состава десанта нашего БТРа разместившись внутри машины как придётся, улеглись спать. Возможности отдохнуть не имел только водитель, компанию «вечно бодрствующих» ему составил и старший машины, который

не покидал своего места рядом с водителем, все остальные старались использовать возможность для отдыха. Я не был исключением и тоже заснул разместившись под башней. Проснулся я от сильного удара по корпусу БТРа, который буквально подпрыгнул над дорогой, после чего остановился. Первое, что пришло в голову - подорвались на mine. Однако, странно - дыма нет, да и машина, взревев мотором, стала продолжать движение. Попытавшись выяснить у Серёги что же случилось и не получив какого либо вразумительного ответа я высунулся наружу и увидел, что причиной моего пробуждения стал высоченный бордюр на который поворачивая наехал наш БТР. Не знаю, сколько я проспал, но моменту моего пробуждения соответствовала тёмная балканская ночь.

Наша колонна стала сбавлять скорость и спустя несколько минут остановилась. Нам на встречу двигалась очередная, на этот раз необычная, колонна сербской техники. Сперва я услышал отдалённый рёв мощных двигателей и грохот гусениц по асфальту. Ночью все звуки хорошо разносятся и нарастающий грохот и гул производил какое-то зловещее впечатление. Вскоре появились огоньки фар, которые, под нарастающий рёв и грохот, медленно двигались на нас. К нам приближалось что-то огромное и доселе невиданное. Лично у меня создалось впечатление, что в нашу сторону движется какое-то древнее исполинское чудовище. У меня тогда даже мурашки по коже пробежали. Огни фар приблизились и несмотря на то, что фары слепили глаза стало видно очертания гигантской боевой машины движущейся нам на встречу. Внезапно медленно приближавшаяся боевая машина взревела двигателем и слегка крутнувшись на месте стремительно понеслась на наш БТР. «Пиздец нам!» - подумал я.

Чудовище, грохоча гусеницами и ревя дизелем, летело напрямиком на нас и лишь в последний момент изменило направление движения и всё больше набирая скорость пронеслось мимо. Для чего сербский механик-водитель сделал этот опасный манёвр я так и не понял. Могу лишь предположить, что он либо хотел резко набрать скорость, но по началу не справился с управлением (не имеющие резиновых подушек гусеницы на асфальте сильно скользят), а затем выправил машину, либо он хотел напугать нас, высказав таким образом какое-то своё отношение к нам лично или же к России вообще.

Когда первая машина проехала мимо, я наконец-то рассмотрел, что же за чудовище двигалось нам на встречу. Чудищем оказалась зенитная установка на базе танка Т-54 (Т-55), в огромной прямоугольной башне которой были расположены две спаренные 57 миллиметровые автоматические пушки. Давно устаревшая, но очень мощная машина. Одной такой, грамотно установленной, зенитной установки вполне хватило бы для полного, поголовного, уничтожения всей нашей колонны. По причине устарелости и ограниченного радиуса действия эта зенитка конечно не могла эффективно бороться с самолётами НАТО, но зато ни один из вертолётов Альянса не смог бы укрыться от её огня. В сербском подразделении, если мне не изменяет память, этих машин было штук семь, одна из них, то ли повреждённая, то ли просто сломавшаяся, буксировалась своей «сестрой» в середине колонны.

Сербы проследовали мимо нас, грохот их железных чудовищ скоро затих вдали. Наша колонна, постояв немного, продолжила своё движение туда, откуда уходили сербские солдаты. Перед возобновлением движения мы получили распоряжение не спать и быть максимально бдительными – мы входим на территорию Косово.

И вот, наконец мы вошли в Приштину, главный город края Косово. То, что я увидел в этом городе, навсегда запечатлелось в моей памяти. Несмотря на позднюю ночь море людей приветствовало нас на улицах Приштины. Нам бросали цветы, жали руки, с нами братались, нас благодарили. Люди обступали наши медленно едущие БТРы со всех сторон и что-то возбуждённо крича забрасывали на броню цветы, протягивали бутылки с минералкой, пивом, водкой. Людское море взволновано и радостно

колыхалось, кто-то из полицейских стрелял в воздух, кто-то фотографировался на фоне нашей техники, кто-то даже пытался взобраться на медленно ползущие русские БТРы. Сербы ликовали – пришла наконец-то помощь братской России.

Сербам было чему радоваться, поскольку, по их мнению, в многострадальное Косово прибыли их защитники. Мы были согласны с таким подходом к делу, как я уже говорил, у всех нас давно «чесались руки» хорошенько всыпать албанским злодеям и как мы тогда предполагали, именно с этой целью мы и прибыли в этот регион. Мы чувствовали себя героями, причём героями не фальшивыми, киношно-эстрадно-театральными, а настоящими, неподдельными героями, своеобразными рыцарями. Народными героями, в общем. Ощущение собственного героизма присутствовало не только у меня – все наши ребята, с кем я разговаривал на эту тему, испытывали в те минуты схожие чувства. Я на собственном опыте прочувствовал то, что испытывали наши деды когда во время Великой Отечественной Войны входили в освобождённые от фашистов города. На День Победы часто показывают кадры старинного документального фильма на которых запечатлена молодая женщина дарящая цветы нашим танкистам. Всякий раз когда я вижу эти кадры я вспоминаю Приштину 1999 года. Цветы на броне. Незабываемое, уникальное, редкое событие. Событие, обладающее невероятно мощной позитивной энергетикой. Событие, которое способно войти в золотой фонд жизненного опыта настоящего мужчины.

Мы двигались вдоль толпы ликующих сербов, которые как я уже говорил не только приветствовали нас, но и протягивали нам бутылки с различными напитками. В руке одного сербского мужика я заметил бутылку водки и изловчившись подхватил её. Действовать мне пришлось резво, так как я не хотел попадать под объективы вездесущих телекамер, которые скорее всего работали в прямом эфире. Быть кинозвездой для своих родственников, наверняка следивших за развивающимися в Косово событиями, я не хотел. К тому же, если кто-то из командиров увидел бы у меня водку, то непременно сразу бы её конфисковал. Нырнув обратно в БТР я убрал подальше от посторонних глаз свою добычу, справедливо рассудив, что в дальнейшем она может нам пригодиться.

«Войны без водки не бывает» - сказал как-то один из моих сослуживцев. Этот человек был намного старше меня по возрасту и имел за спиной опыт участия практически во всех боевых конфликтах на постсоветском пространстве. Он знал о чём говорил и я в общем-то с ним согласен. Поясню: пьяный человек на войне способен погубить себя и своих товарищей, однако, употребление алкоголя в незначительных количествах, время от времени, способно принести пользу, поскольку это даёт психологическую разгрузку. Тут требуется ещё одно пояснение: хотя война явление естественное (смертельная борьба за выживание повсеместно встречается в живой природе) и сам факт нахождения на войне взрослого человека не должен угнетать, а тем более повреждать его психику, тем не менее, ведение боевых действий связано с большими психофизическими нагрузками. Особенно это актуально, если человек находится в зоне боевых действий длительное время. Причина не в том, что боец испытывает страх - на войне, как и в обычной жизни, страх у одних людей присутствует, а у других нет. Дело в том, что на войне человек вынужден постоянно быть очень сосредоточенным, внимательным, мало спать, с напряжением всех сил выполнять или монотонную, или практически непосильную работу, при чём в условиях постоянной повышенной опасности для жизни, а главное для здоровья. Любая изнурительная работа перегружает нервную систему и война тут не исключение. Для снятия психического напряжения хорошо подойдёт покой, общение с женщиной или алкоголь. Что касается женщин и покоя, то с этим на войне дело плохо, а вот водка вполне доступна. Главное не перестараться – выпил грамм 150-200 и баю-бай.

Кстати по поводу женщин и ветеранов войн. Неоднократно я слышал в СМИ бредовое утверждение о том, что участники боевых действий бывают крайне жестоки в

интимном общении с женщинами. Авторы этого нелепого утверждения высказывались относительно того, что ветеранов привлекает жестокость, им нравится истязать, мучить и унижать женщину. Возможно, существуют отдельные извращенцы из числа тех, кто воевал, но я уверен, что в процентном отношении их не больше, а скорее, даже меньше чем в целом по мужскому населению планеты. Я вообще не знаю ни одного человека, в своё время участвовавшего в боевых действиях, кого бы привлекала жестокость в сексуальных отношениях.

Про себя лично скажу: в отношениях с женщиной, равно как и в самой женщине, меня привлекают нежность и ласка, а не что-либо иное. Более того, чем чаще я встречался с жёсткостью и жестокостью во взаимоотношениях с врагами и противниками, тем более я ценил ласку и нежность при общении с женщиной. У меня нет дурацких интеллигентских предрассудков в отношении того, что нельзя бить женщину – если женщина настойчиво «просит» (хамит, оскорбляет, не желая при этом ни чего слушать и остановиться) то надо хорошенько «влепить» ей для вправления мозгов. Всё здесь просто: не главное, что у человека между ног, главное как человек ведёт себя. Что же касается причинения боли и страданий ни в чём не повинному человеку, то у меня в голове даже не укладывается мотив, который побуждает насильников и мучителей к их действиям. Я, конечно же, теоретически понимаю, что интересует этих вурдалаков, но представить себя на их месте не могу. Короче говоря, не нужны мне в отношениях с женщиной жестокость, насилие и обман – нужны естественность, ласка и нежность. Мне хорошо – ей хорошо – всем хорошо! Разговоры о ветеранах-маньяках просто-напросто бред. А может быть и не бред, а чья-то пропаганда, умышленно направленная против нас.

Часть третья. Косово.

Мы миновали многолюдную Приштину и спустя какое-то время прибыли в конечную точку нашего маршрута. Этой конечной точкой был аэродром Слатина. Я точно помню, что наша колонна прибыла туда в 5 часов утра. Затем мы простояли без движения два часа. За это время техника была заправлена, а мы получили сухпайки и воду. Колонна прибыла в полном составе, проделав более шестисот километров пути и не потеряв по дороге ни одной единицы техники. Профессионализм! Для сравнения могу сказать, что лично я видел валяющийся в кювете французский прицеп от грузовика и несколько одиноко стоящих на дороге сломавшихся английских БМП. Прицеп французами был брошен, а возле БМПэшек возились английские «реаниматоры».

Единственной нашей машиной добравшейся до Косово не самостоятельно был БТР- 80 с номером 343. У этой машины что-то случилось с колесом, то ли перегрелась ступица, то ли стали подклинивать тормозные колодки. Идущий в конце колонны «Урал» технической помощи взял БТР на буксир приподняв специальной лебёдкой его переднюю часть. Внимательный читатель заметит, что это одна из машин которые были переведены в четвёртую роту из нашей родной 2ПДР. Этот бронетранспортёр был очень старым, выражаясь автомобильным языком, это была переходная модель «восьмидесятки», поэтому в самом факте поломки нет ничего удивительного. Водителем этого бронетранспортёра был Рома Ш. и по прибытию в Косово ему не оставалось ничего другого как заняться ремонтом своей сломавшейся машины. На пару с Виталиком, пулемётчиком его машины, он привёл в порядок технику уже к вечеру того же дня. По моему разумению, это служит ярким показателем его хорошей профессиональной подготовки.

По окончании ремонта Рома подошёл к нам и в разговоре, помимо прочего, упомянул об удивлении сербов тем, что в российской армии технику чинит экипаж, а не специальные механики-ремонтники. Видимо в сербской армии так было делать не

принято. В нашей армии в этом отношении подход максимально разумный – всё, что можно сделать самостоятельно экипаж делает сам, если же ремонт по своей сложности превосходит возможности экипажа (допустим, если требуется кран) то за дело берётся ремонтная рота. Например в Чечне всё текущее обслуживание БТР мы с Мишей делали сами, вернее делал водитель Миша, а я был «на подхвате», но когда потребовался ремонт ТНВД двигателя то мы отогнали машину в расположившийся по соседству ремонтный батальон.

Правильность российского подхода заключается в двух важных моментах. Первый момент: водитель должен хорошо знать свою машину и уметь её чинить самостоятельно, поскольку в критической ситуации механиков может поблизости не оказаться. На войне от исправности техники и оружия зависит выживание. Момент второй: водитель отвечает за работоспособность вверенной ему техники и следовательно лично заинтересован в содержании её в надлежащем виде – лучше чем сделаешь сам для себя не сделает никто. Даже в мирной, повседневной жизни я ориентируюсь на это правило. Имея возможность съездить в автосервис, чинить и обслуживать свои машины предпочитаю самостоятельно, за исключением, конечно же, крупного ремонта требующего специального инструмента и навыков. Кстати, покупка хорошего инструмента и всевозможных спецприспособлений окупается как правило за один-два ремонта, причём инструмент остаётся и служит в дальнейшем долгие годы.

После двух часов стояния на месте наша колонна пришла в движение – командиры время зря не теряли и за прошедшее время провели осмотр местности. Началось рассредоточение техники и личного состава. Действовали слажено и быстро – через два часа колонна полностью распределилась по местности. Бронетехника убыла на временные посты, «Уралы» и КАМАЗы были загнаны на закрытую со всех сторон площадку. На этой площадке, расположенной в непосредственной близости от здания аэропорта, грузовая техника была надёжно защищена от огня стрелкового оружия и при этом абсолютно незаметна для наземных наблюдателей. Уязвимость скученной техники в случае нападения с воздуха наших командиров не беспокоила, и как я позднее понял, у них были на то основания. Наш БТР полностью высадив десант был направлен ко входу в секретный подземный бункер-ангар-аэродром. Этот ангар находился внутри одной из огромных пологих гор располагавшихся рядом с аэродромом Слатина. Чтобы было понятнее, расскажу как выглядела местность вокруг Слатины. В общих чертах конечно же.

Непосредственно аэродром т.е. взлетно-посадочная полоса, здание аэропорта и несколько десятков одноэтажных казённых зданий располагались на поле. С одной стороны к аэродрому примыкали пологие поросшие травой горы, в самой ближней из которых располагался секретный аэродром. Что было за этими горами я не знаю – ни разу туда не ходил. Под горами, с нашей стороны, стояли вышеупомянутые казенные здания за которыми, по мере удаления от аэродрома, находились частные дома сербов. С другой стороны поля начинались пригородные постройки Приштины. Непосредственно к городу от аэродрома вела дорога по которой мы и прибыли в Слатину. Эта дорога ограничивала аэродром с третьей стороны. В одном месте параллельно автомобильной трассе шли рельсы железной дороги. Обе дороги, автомобильная и железная, несли на себе следы недавней мощной бомбардировки. На меня произвел большее впечатление внешний вид изогнутых как проволока рельсов под которыми зияла огромная воронка.

Примерно в том же месте на трассе валялась мёртвая корова. Поскольку в те дни было жарко то вскоре корова раздулась до невероятных размеров, по своему виду напоминая гигантскую резиновую игрушку. Выглядела она нелепо и поэтому комично. Вонь стояла ужасная. В дальнейшем я имел возможность на собственном опыте убедиться, что среди всех мёртвых существ наиболее отвратительно воняют разлагающиеся люди. Как я думаю, это или связано с тем, что большинство людей

ведут неправильный с точки зрения экологии образ жизни, либо с тем, что у людей много нравственной грязи – психическое состояние человека напрямую связано с его физическим состоянием. В пользу последнего утверждения неоднократно высказывался мой друг Паша, длительное время работавший следователем. Выполняя свои служебные обязанности он множество раз выезжал осматривать всевозможные трупы. По его, без сомнения авторитетному, мнению наиболее мерзостный запах исходит от самоубийц, причём независимо от того как именно они свели счёты с жизнью. Неслучайно большинство мировых религий считают самоубийство наиболее тяжким из всех возможных видов убийств. Индейцы Северной Америки старались даже не ходить в те места где кто-либо из соплеменников «наложил на себя руки» предполагая, что там поселились духи зла. Корова, ясное дело, не была самоубийцей, но всё же воняла нехило. Провалилось на дороге дохлое несчастное животное наверное с неделю, после чего было раздавлено английским танком.

С четвёртой стороны от аэродрома продолжалось поле, которое вдалеке упиралось в какой-то посёлок название которого даже тогда было сложно запомнить, а теперь я не помню его и подавно. Кстати, для удобства ориентирования и запоминания все сербские названия близлежащих посёлков на наших картах были тогда заменены на созвучные русские. Тут необходимо сделать одно маленькое уточнение: карты местности были только у офицеров, да и то как я понимаю не у всех. Возможно даже и не карты, а просто схемы. Что касается следов бомбардировки то, если вещи называть своими именами, территория вокруг аэродрома была разбомблена по полной программе. «Мировая демократия» требует жертв, в данном случае из числа сербов. Как выяснилось в этом районе усердствовали англичане, что в принципе ничего не меняло – всё равно заправлял всем Белый дом.

При осмотре «достопримечательностей» разрушенной Слатины хотелось сказать лишь одно: «Христофор Колумб, не сиделось тебе, мудаку, дома!» Какие именно виды боеприпасов применяли английские пилоты я не знаю, но об их разрушительной силе можно было судить по огромным воронкам оставшимся на месте каких-то зданий. В каждую такую воронку полностью бы влез большой двухэтажный дом. Приходит на ум один, чисто профессиональный вопрос: если для «принуждения к миру» американцы и их сторонники применяли столь мощное оружие то что тогда они использовали в Ираке во время официально объявленных боевых действий? Англичанам не всегда удавалось точно поражать сербские стационарные наземные объекты и определённое количество воронок находилось просто на прилегающей к ним территории.

Характерная деталь: несмотря на мощный ракетно-бомбовый удар по территории аэродрома непосредственно на взлётно-посадочной полосе (ВПП) не было никаких существенных разрушений. За время своего пребывания в Косово я побывал практически во всех частях аэродрома и единственным повреждением ВПП замеченным мною была строчка выбоин проделанных снарядами малокалиберной автоматической авиационной пушки. Возможно даже, что это были следы действия сербского истребителя, а вовсе не натовского штурмовика. По обычной военной логике правильным было бы разбомбить аэродром, тем самым полностью лишив противника возможности его использовать. Те, кто руководил нападением на Сербию рассуждали по иному: вместо того, чтобы вывести из строя взлётную полосу они бережно сохраняли её. Ясное дело, берегли не для косовского населения, а для самих себя. Понятно, также, что для использования какого либо объекта его необходимо сперва занять, а затем и постоянно контролировать. Вывод прост – ввод наземных сил НАТО планировался с самого начала бомбардировок Сербии.

Глупо предполагать, что подручные «демократы Билли» сохраняя ВПП проявляли заботу о дальнейшей благоустроенной мирной жизни албанцев - против этого красноречиво говорит следующее: вся инфраструктура гражданского аэропорта была

или уничтожена или повреждена бомбардировками. Непосредственно здание гражданского аэропорта было сильно повреждено попаданием в него бомбы или ракеты и последующим пожаром. В момент попадания натовского боеприпаса аэропорт явно функционировал т.е. не был эвакуирован, об этом можно было судить по оплавленным компьютерам, мебели и тому подобным предметам составляющим обстановку обычного, нормально функционирующего гражданского аэропорта. В зале ожидания аэропорта среди куч битого стекла и поломанной мебели в изобилии валялись красочные журналы и какая-то реклама.

Я не удосужился в те дни поинтересоваться у местных сербов велики ли были жертвы среди персонала и пассажиров аэропорта, но сам факт того, что на момент своего уничтожения аэропорт Слатина был действующим у меня не вызывает сомнений. Не подверглась удару с воздуха только взлётная полоса, которая в Слатине была хорошего качества. Военным специалистам для своей деятельности не нужны ни здание аэропорта, ни какие-то другие объекты относящиеся к гражданской инфраструктуре. НАТО обладает значительно более современной техникой нежели чем та, что была у сербов. Людей из числа обслуживающего персонала и охраны по первому времени можно разместить в палатках и машинах. Для военных целей важна исключительно сохранность ВПП и поэтому её и не бомбили. Всё то, что не могло послужить для дальнейшего использования в военных целях ценности не представляло и поэтому попадало под огонь.

Ещё по поводу того какие боеприпасы использовали англичане добавлю следующее: сразу по прибытии в Косово нас предупредили о засорённости местности зарядами кассетных бомб. Причём, кроме нашего командования, нам об этом говорили и сербские солдаты. Тем, кто не знает, поясню что такое кассетные боеприпасы. Кассетные боеприпасы бывают двух видов – противопехотные и противотанковые. Оба вида доставляются к цели в специальном контейнере - бомбе или ракете. В контейнере (кассете) находится большое количество однообразных, особым образом уложенных взрывных устройств. На определённой высоте контейнер открывается и на землю падает облако бомб (мин). Противотанковые заряды взрываются при соприкосновении в любой поверхность, не отличаясь в этом смысле от обычных бомб. По форме они так же схожи с ними.

Совсем другое дело противопехотные кассетные бомбы – их заряды становятся на боевой взвод уже после падения на землю, становясь таким образом минами. По форме противопехотная кассетная мина напоминает лепесток, её так и называют. Силы взрыва такой мины достаточно для того, чтобы оторвать человеку ступню. В отличие от противотанкового варианта противопехотная кассетная мина довольно длительное время лежит на поверхности земли поджидая свою жертву. Основной и абсолютно не разрешимой проблемой применения кассетных боеприпасов является проблема точности. И сам контейнер и выпущенные им лепестки уносит ветром на большое расстояние, что на практике означает падение мин куда попало. Поскольку точное место расположения каждой конкретной упавшей мины известно только приблизительно можно уверенно утверждать, что точность, как таковая, отсутствует полностью. При таком положении вещей на минах будут подрываться (и в действительности успешно подрываются) не только, и не столько, враги, сколько нейтральные люди и собственные солдаты. Плохое оружие. К слову сказать, изобретено в США.

Факт изобретения кассетных боеприпасов именно американскими борцами за свободу человечества меня совсем не удивляет: Дрезден, Хиросима, «Оранжевый порошок» Вьетнама – чёткая историческая аналогия. Гигантомания и жестокость. Кассетные снаряды вроде как запрещены, однако поголовно все развитые страны имеют (или, по крайней мере, имели) в своих арсеналах этот дебильный вид оружия. Какой конкретно тип кассетных боеприпасов применяли жители туманного Альбиона

нам не уточняли, но это и не имело большого значения. В качестве профилактической меры безопасности я просто-напросто старался не ходить по траве, благо территория Слатины была плотно заасфальтирована.

Ни одной кассетной мины на моём пути не попало, поэтому об их типе, равно как и о реальном их присутствии на территории аэродрома ничего утверждать не буду. При этом важным будет заметить, что сразу после своего прибытия на территорию аэродрома англичане выделили несколько команд сапёров которые чуть ли не целую неделю лазили по его окрестностям в поисках взрывоопасных предметов. Как я думаю англичане знали что следует искать и их поиск приносил результат – время от времени английские сапёры, укрывшись на безопасном расстоянии, проводили подрывы своих находок. Если они действительно взрывали обнаруженные заряды кассетных бомб, то с учётом международного юридического запрета на использование данного типа оружия, можно утверждать, что они таким образом уничтожали следы преступления. Однако, как известно, победителей не судят.

Что касается обычных мин то их мы не боялись – когда мы прибыли в Слатину сербы полностью контролировали территорию и албанцев на ней не было. Поскольку не было террористов то не могло быть и мин. Теоретически.

У сербов охрана аэродрома осуществлялась силами армии и военной полиции. Про военных полицейских скажу особо. По своему внешнему виду они существенно отличались от всех виденных мною сербских военнослужащих. Отличались в лучшую сторону. Возможно это были не обычные военные полицейские, а какое-то спецподразделение, поскольку помимо хорошей экипировки эти ребята отличались ещё более хорошими физическими данными. В большинстве своём эти парни были рослые, крепкие, возрастом, на вид, лет двадцати пяти. Экипировка их состояла из обычной сербской камуфлированной пятицветной военной формы, современного разгрузочного жилета и удобного и явно хорошего бронезилета. Вооружены они были стрелковым оружием – югославскими АКМами и пистолетами, которые носили в специальных кобурах закреплённых на бедре. Всё снаряжение было хорошо подогнано и в совокупности с физической развитостью однозначно наводило на мысль о том, что это ребята толковые. В пользу предположения о принадлежности полицейских к подразделению специального назначения говорила и их малочисленность. Обычных сербских военных наоборот, было достаточно много. Среди военных много было людей возрастом за тридцать и в противоположность полицейским явно не спортивного телосложения, кое-кто был даже обладателем очков. Технические специалисты.

Как я уже сказал вся бронетехника, за исключением нескольких, оставленных в резерве машин, была расставлена на посты. Наш с Серёгой БТР встал на пост который располагался в нескольких сотнях метров от замаскированного входа в подземный ангар. Недалеко от нас в земле зияла огромная воронка, на её дне скопилось озеро воды в котором отражалось теперь мирное, но для сербов уже чужое небо. На месте воронки когда-то стояла казарма или же какое-то другое военно-административное здание. Чем бы ни было это здание оно было немалых размеров, но после попадания в него натовского боеприпаса сооружение было полностью разрушено. Жалкие обломки и гигантская воронка – вот всё, что от него осталось. Я не могу себе внятно представить силу взрыва способного на такое разрушение. В дальнейшем, в Дагестане и Чечне, я видел много разрушений, но ни разу не видел там следов применения оружия такой разрушительной силы. Я не видел даже следов применения чего-либо приблизительно сопоставимого по мощности.

Силы НАТО применяя оружие в Косово явно не стеснялись в средствах. В очередной раз осознаю, что тут в действительности происходило. Вспоминаю уходящие из края бесконечные колонны сербской военной техники и людей, что находились в ней. Техника была исправна и люди не выглядели сломленными. Как

сербы, не смотря на применение натовскими силами столь мощного оружия, вообще смогли сохранить свою армию? Как они смогли день ото дня продолжать сопротивление, причём ещё и иногда добиваться определённого успеха. Получается, что никакая военная мощь не гарантирует полной победы тем, кто не прав. Сербская армия выдержала реалии войны, но как всегда военных подвели политики. А что было бы если Милошевич не испугался и не вывел бы сербские войска из края в преддверии наземной операции сил Альянса?

Весь десант с нашего БТРа выгрузился ещё возле здания аэропорта и в машине мы остались вдвоём. Мы перекуси чем Бог послал и я решил немного осмотреть прилегающую местность. Серёга остался в машине – он проверял всё ли в порядке с двигателем. Для начала я пошёл к находящемуся неподалёку таинственному входу. Пройти мне предстояло несколько сотен метров по асфальтированной дороге поверхность которой была густо усеяна осколками от бомб. Осколки были покрыты свежей ржавчиной и в изобилии валялись повсеместно. Осколков было так много, что если смотреть издали асфальт приобретал рыжеватый оттенок. Для безопасности приземления самолётов в дальнейшем их даже собирали с взлётно-посадочной полосы.

Подойдя к замаскированному входу я увидел довольно интересную с военной точки зрения картину. Перекрытие арки предшествующей непосредственно самому входу было поражено натовской бомбой или ракетой. В потолке зияла огромная дыра, на изогнутой арматуре свисали куски бетона. На полу также валялись бетонные обломки, за которыми я увидел целую кучу предметов которые сперва мне показались авиационными бомбами. Приглядевшись я понял, что это вовсе не бомбы, а дополнительные подвесные топливные баки от самолётов. Вход в подземный бункер прикрывали огромные железные ворота которые успешно выдержали близкий взрыв. Ворота были приоткрыты и из-за них слышался шум и грохот – сербы что-то делали внутри. Я подошёл к воротам и заглянул в проход, однако ничего кроме темноты там не увидел. Шум доносился откуда-то издали, возможно из самого центра горы.

Заходить внутрь я не стал – во-первых у меня не было времени, во-вторых я остерегался того, что сербы не разобравшись что к чему возьмут да и застрелят меня. Опасным также было и заблудиться в недрах подземного ангара. Я пошёл обратно к БТРу. Вернувшись я поинтересовался у Серёги не передавали ли по радиации чего-либо нового и получив вместо ответа что-то на подобии «Не хер шляться, находишься возле машины» я понял, что за время моего десятиминутного отсутствия ничего интересного не произошло.

Интересное началось примерно в 11 часов утра. В небе над нами появился беспилотный самолёт-разведчик. Я находился на своём месте, за пулемётами, когда услышал в наушниках первый доклад о его появлении. Высунувшись из люка я узрел летательный аппарат, неспешно летящий в небе. Естественно я тоже доложил оперативному дежурному о том, что вижу самолёт-разведчик и получив указание вести наблюдение и ничего не предпринимать, продолжил вести это самое наблюдение. Самолёт без сомнения был натовский. Покружившись какое-то время над нами на большой высоте он скрылся из виду. Беспилотный самолёт-разведчик улетел, зато прилетели вертолёты. Английские. Вертолёты были десантные, модель мне неизвестна. Удачные английские вертолётчики попытались с ходу приземлиться на аэродром. Не тут-то было. Наши БТРы просто-напросто не давали им приблизиться к ВПП. Как только вертолёт снижался к нему тут же устремлялся БТР не давая таким образом произвести посадку. Так продолжалось раз за разом. Опасная игра. Скоро пилоты вертолётов осознали, что высадить десант у них не получится, а может быть им просто надоело рисковать своей жизнью и они повернули обратно.

Вертолёты улетели, зато приехали джипы. Тоже английские. Джипы подъехали к нашему посту на краю аэродрома и остановились. Прорваться не пытались. Началось что-то наподобие переговоров.

Наш БТР стоял достаточно далеко от места основных, стремительно развивающихся событий и мы могли видеть и слышать только часть происходящего. К аэродрому постепенно стягивались английские части. Со стороны дороги ведущей от аэродрома к Приштине подошли танки. Наш экипаж получил приказ следовать к зданию аэропорта, в котором разместился наш штаб. В штабе мы должны были получить какую-то задачу. БТР подъехал к аэропорту как раз в тот момент когда командир нашей роты майор К. получал приказ выдвинуться к месту где английские танки попытались проехать на аэродром и принять там меры к остановке их движения. Ротный моментально вызвал двух гранатомётчиков и велел им прыгать на броню нашего БТРа. Полковник отдавший приказ на выдвигание резко осадил нашего командира разъяснив, что необходимо только перекрыть дорогу на пути англичан и не более того. К этому времени погода испортилась, начал моросить дождь. Поэт бы сказал: «Небо плакало над сербской трагедией».

Мы подъехали к месту вторжения английских танков и нашему взору предстала весьма колоритная картина. Несколько танков стояло в отдалении не предпринимая при этом ни каких действий. С нашей стороны им противостоял одинокий БТР возле которого красовался громадный русский богатырь Саня П. Парнишка был настолько здоров, что в его руках автомат с подствольным гранатомётом выглядел детской игрушкой. Не смотря на холодный дождик парень был бодр и весел. Как оппозиция британским танкам, весёлый русский богатырь, которому всё нипочём, смотрелся просто великолепно. Точнее сказать круто. Десантник с большой буквы. Мы высадили гранатомётчиков и через несколько минут поехали обратно - делать тут нам было больше нечего. В принципе, ситуация на этом посту разрешилась ещё до нашего появления.

Мы отвезли командира в штаб и вернулись на свой пост, однако долго там не простояли так как нас снова вызвали. Подъехав к зданию аэропорта мы принялись ожидать нового пассажира, по рации нам не разъясняли кого и куда мы повезём. Такси, одним словом. Спустя какое-то время к нашей машине подошёл полковник и проворно вскарабкавшись на броню приказал двигаться к посту возле которого остановилась колонна английских джипов. Ехать было не далеко и я заранее осведомился на счёт того, заряжать ли мне оружие. «Ты что, воевать собрался?» - спросил меня полковник. «Так точно» - не уверенно ответил я. Полковник улыбнулся и спокойно сказал: «Нет, сынок, здесь воевать мы не будем». Не получив конкретного ответа я всё же решил уточнить каким образом мне поступить и в результате получил чёткий приказ оружие не заряжать, но быть готовым к самым разным вариантам развития ситуации.

Дождь, который недавно начался, стал усиливаться, поэтому встреча наших и английских офицеров начиналась не в самой комфортной атмосфере. Как и было приказано мы вели наблюдение за обстановкой, для чего нам приходилось находиться на броне и соответственно мокнуть под проливным дождём. Англичане, для которых, как мне представляется, дождливая погода была напоминанием о Родине, стояли напротив нас на удалении нескольких десятков метров. Они не занимали оборону, однако часть бойцов покинула машины и рассредоточилась на небольшом удалении от дороги. Это не было приготовлением к бою, это была просто нормальная мера предосторожности на случай если боестолкновение всё же начнётся.

В отличие от англичан мы не могли куда либо рассредоточиться поскольку рассредоточиваться в общем-то было некому. Нас было мало. Не беда, как гласит старая поговорка – нас мало, но мы в тельняшках. Поговорка в те минуты полностью соответствовала реальности: хотя мы не и направляли оружие друг на друга, ясно

чувствовалось психологическое противоборство, взаимное моральное давление. Ни англичане, ни мы не показывали открытой враждебности или тем более агрессии, наиболее точным будет сказать, что с ленивой настороженностью велось обоюдное наблюдение. В тоже время, несмотря на абсолютное внешнее равнодушие обеих сторон, напряженность ощущалась отчётливо. На вид англичане были спокойны, что же творилось в их головах в те минуты нам, разумеется, было неизвестно. Не берусь говорить за всех, но лично я прекрасно отдавал себе отчёт в том, что сдай у кого-либо нервы то пройдёт всего несколько секунд до того момента, когда раздастся первый выстрел. После этого выстрела скорее всего завязалась бы перестрелка, которая в свою очередь быстро бы кончилась, причём в любом случае не в нашу пользу.

Дальнейшие события развивались бы по одному из двух сценариев. Сценарий первый: английская артиллерия или авиация уничтожили бы большинство из нас, а затем под прикрытием танков наземные силы добились бы тех, кто остался, после чего заняли бы аэродром. Сценарий второй, с учётом обстановки маловероятный: нашему и английскому командованию удалось бы как-то связаться и договориться о прекращении огня. Если бы не удалось бы немедленно договориться и «замять» инцидент, то следующим шагом вполне могло стать начало третьей мировой войны, поскольку уничтожение англичанами российского батальона вынудило бы наше командование к ответным действиям, естественно тоже военного характера. НАТО ответило бы взаимностью. Пошло-поехало.

Дело тут не только в наличии горячих голов, готовых в любой момент «рубнуть с плеча» (хотя и в них тоже), но и просто в необходимости принимать ответные адекватные меры. Современные боестолкновения характеризуются скоротечностью, поэтому, чтобы выжить и победить реакция на действия врага должна быть очень быстрой, фактически молниеносной. Из этого следует простой вывод: пройдёт совсем мало времени от того момента, когда один палец нажмёт на спусковой крючок автомата до того момента, когда другой палец потянется к «красной» кнопке. Конечно, такое развитие событий было очень маловероятно, но всё же реально. Абсолютно реально. Первая мировая война началась как раз на Балканах и как раз с нескольких выстрелов. Говорят, история повторяется. Забавно.

Если называть вещи своими именами, то в те минуты каждый из нас держал в руках вероятную судьбу человечества. Автомат, который имелся у любого из нас, будь он АКС-74 или SA-80, был оружием способным уничтожить большую часть населения земного шара. Для президентов стран, в арсенале которых имеется запас ядерного оружия, держать в руке «ядерный чемоданчик» дело обыденное, однако я не президент и поэтому оружие, применение которого могло уничтожить современную цивилизацию находилось в моих руках лишь однажды, а именно в те часы. Тогда я до конца не осознавал этого, осмысление пришло несколькими годами позже. Не думаю, что в мире найдётся много людей которые смогут похвалиться опытом нахождения в подобной ситуации - ситуации когда лично от твоих действий зависит судьба человечества. К счастью для человечества с нервами у всех нас, как россиян, так и жителей туманного Альбиона, было всё в порядке.

Каждая сторона воспринимала действия оппонента в первую очередь как своеобразную попытку морально задавить противника перед дракой, причём такой дракой, начало которой смертельно для обоих участников противоборства. То есть стороны не столько собирались драться, сколько хотели показать свою силу, решительность и стойкость.

Я уже упоминал, что наши ребята прогоняли английские вертолёты пытавшиеся сесть на ВВП, так вот, представляется интересным, что бы случилось, если бы произошло столкновение вертолёта с БТРом. Вертолёт наверняка бы упал, экипаж бы погиб, ну или, по меньшей мере, пострадал. Поскольку открытия огня не было ни с одной стороны, то, как мне представляется, этот инцидент посчитали бы случайной

аварией, короче, постарались бы «разрулить» ситуацию мирным способом. Другое дело, если бы кто-то открыл огонь на поражение.

По поводу нервов, да и вообще психики тут будет уместно высказаться особо. Каждый год в США какой ни будь сумасшедший в каком ни будь общественном месте расстреливает людей, а затем, если его не убивает полиция, стреляется сам. Проводя в дальнейшем обыск у него дома, как правило, находят письмо или даже видеопослание в котором псих сообщает о том, что «ему всё надоело», «он хочет прославиться», «он ненавидит людей и вообще жизнь», «он хотел бы уничтожить человечество» ну и т.д. Представьте, что среди нас был бы такой человек. Осознав, что начатая им стрельба спровоцирует ответный огонь и как следствие возможное развитие событий мирового масштаба, такой безумец не упустил бы свой шанс навсегда войти в историю. Ему даже не пришлось бы особо утруждать себя – открыл огонь по солдатам другой армии и всё, дело сделано.

Конечно, в армии есть психологи и следовательно люди с ненормальной психикой должны быть своевременно выявлены и нейтрализованы, в принципе психи вообще в армию попадать не должны. Но это в теории. На практике в российской армии психологи работают чисто формально - проведут пару примитивных тестирований и этим всё заканчивается. Конечно, можно предположить, что где-то они работают по настоящему, но я лично с этим практически никогда не сталкивался. Проведут формальное мероприятие и дело с концом, можно докладывать о том, что всё в порядке. Таким образом, получается, что психически нездоровых людей в армии якобы нет, но в реальности они там присутствуют. В этом отношении, равно как и во многих других, армия ничем не отличается от общества в целом. Конкретно во 2ПДР один «чудной» человек по имени Эдик присутствовал, однако усилиями командира роты при помощи бригадного психолога он был отправлен обратно в Россию примерно через месяц своей службы в Боснии. Наркоманов в армии тоже вроде как нет, но это опять же формально. На практике они есть и я в данном случае говорю уже про армию Великобритании.

О «наркомах» Её Величества и российских психах расскажу потом. Сейчас важно другое. Представьте картину, когда при первой встрече в Косово наших и английских сил присутствовало бы несколько хорошо вооружённых наркоманов и психопатов из обеих стран... Я человек адекватный, при этом воображение у меня развито хорошо и поэтому когда я мысленно представил эту картину, мне стало немного «не по себе». Как-то я даже проиграл в уме ситуацию, как бы я стал действовать, если бы был одним из тех, кто хочет уйти из жизни «на прощанье громко хлопнув дверью». Мои размышления носили чисто теоретический характер, а ведь кто-то мог поступить так в действительности.

Я не помню уже, сколько длились эти переговоры, зато помню, что дождь всё лил и лил. Стало темнеть, в Югославии темнеет рано и ночи всегда очень тёмные. Наконец мы двинулись в обратную сторону, к тому времени я промок окончательно и мне было очень холодно. Переодеваться было не во что, согреться не от чего и мои мысли повернулись в сторону презентованной сербами в Приштине пол-литровой бутылке. Также мне уже хотелось спать, что касается Толстого, то я вообще не представляю, как он вёл машину, он ведь должен был устать больше чем я. Мы вернулись на прежнюю позицию, расположенную возле входа в подземный ангар-аэродром. Я промок насквозь и никак не мог согреться даже внутри БТРа, хотя там было достаточно тепло. На сухом горючем я вскипятил воду и заварил кофе. Таблетки сухого горючего во время горения не дымят и не обладают зловонным запахом, поэтому мы всегда пользовались ими прямо в машине, на полу. Одной таблетки, при правильном использовании, вполне хватает для разогрева почти полной кружки воды. Закопчёность дна посуды сильно снижает скорость разогрева и поэтому дно нужно своевременно очищать.

У Серёги был припасён целый ящичек всевозможных напитков типа кофе, чая, какао. Ящичек этот изначально был предназначен для хранения какого то дополнительного оборудования, но на практике мой водитель складывал туда оставшийся от сухих пайков, да и просто где-то раздобытые какао, кофе, сахар и т.д. Ящичек, таким образом заполнялся длительное время - Серёга во время боснийских патрулирований и выездных постов никому ничего оттуда, как правило, не давал. Как я уже сказал Толстый был человеком прижимистым и в данном случае эта его особенность пригодилась нам обоим.

Мы с Серёгой принялись ужинать, в дело пошла и ловко подхваченная мной бутылка водки. Водка была якобы русская, как сейчас помню, называлась она «Сибиряда». Вроде как из русской Сибири. В действительности никто из нас, россиян, такой водки в России никогда не видел. Вкус водки был жестковат, но ничего страшного, прижилась в организме она прекрасно.

Мы непрерывно слушали радиопереговоры, которые вели наши наблюдатели и штаб в лице оперативного дежурного. Особо интересного ничего не происходило. Со всех постов время от времени передавали о том, что слышится стрельба или о том, что вблизи поста наблюдается передвижение неизвестных лиц. Докладов о нападении на пост, либо о стрельбе в сторону поста пока ни от кого не поступало. Нам наблюдать было не чего - с трёх сторон были наши, а с четвёртой была дорога, которая через несколько сотен метров упиралась в гору, а точнее в замаскированный вход в секретный ангар. Наш БТР как раз и стоял на этой дороге, слегка свернув на обочину под укрытие какого-то кустарника.

По радиации сообщили, что получена информация о том, что лидер местных албанских боевиков обещал каждую ночь отрезать головы двоим русским. «Давай-давай, милости просим! Уже тебя, пидараса, всюю ждём - давно хотел убить кого ни будь из вас, ты как раз мне подходишь!» - примерно так я прокомментировал это сообщение. Слова мои естественно адресовывались свирепому «воину ислама». Толстый был более сдержан и высказался насчёт того, что надо быть внимательными и хорошо следить за обстановкой.

Серёга был, мягко говоря, сильно насторожен, у него появилось даже дружелюбное отношение ко мне. Ранее он называл меня исключительно по фамилии или просто «Рыжий», теперь я «удостоился высокой чести» быть называемым по имени. Я поинтересовался, боится ли он умереть, на что получил ответ: «Что убьют - не боюсь, страшно если сонного начнут резать». Я представил себе картину, как его будут резать и мне, почему-то подумалось, что раз он толстый то он обязательно будет истошно визжать и даже хрюкать. Это показалось мне комичным.

Радиопереговоры не несли в себе больше какой-либо интересной информации и мы начали готовиться к предстоящей ночи. Поскольку нас было тогда двое, то делить ночь нам пришлось пополам – один дежурит, другой спит. От горячего питья, еды и водки я на конец-то согрелся, стало клонить в сон. Спали мы не снимая «броников», естественно не расставаясь с оружием.

Я уже задремал когда пришёл проверяющий, полковник. Он залез внутрь БТРа и разговаривая с Серёгой узрел на моих руках чёрные атлетические перчатки «Вейдер». Эти чудесные перчатки изначально предназначались для занятий тяжёлой атлетикой, их назначение было очень простым – предохранять руки штангиста от натирания мозолей. Перчатки были кожаные со стороны ладони и сетчатые с другой стороны. Они не полностью закрывали пальцы, удобно застёгивались липучкой с внешней стороны запястья и при этом были невероятно прочные. Кто первым из военнослужащих российского миротворческого контингента открыл полезные свойства этих перчаток я не знаю, но могу сказать, что такие перчатки были примерно у 95% процентов личного состава. При выполнении любых работ, будь то ремонт техники, обслуживание вооружения или просто копание ямы эти перчатки надёжно защищали

руки работника от ссадин и порезов, мозолей и холода. Особо актуально было использование их при ремонте техники в холодное время года – и руки не сильно мёрзнут и пальцы открыты, всё чувствуешь. Кроме этого, многие парни использовали их и по прямому назначению, как я уже писал, «тягание железа» было в большом почёте среди нас. Рукопашники выступающие на «показах» также всегда были одеты в эти перчатки. Тут дело было не только в защите рук, но и в воинственном внешнем виде – перчатки смотрелись боевито.

Стоили эти перчатки недорого – 3 доллара 75 центов и всегда продавались в магазинах на американских военных базах. Хотя с момента описываемых событий прошло уже больше десяти лет, сохранившимися с той поры перчатками я всё ещё иногда пользуюсь - в них я чиню машину, прыгаю с парашютом и выполняю кое-какую другую работу.

Полковник, ткнув пальцем в направлении перчаток, спросил: «А это что за Рембо?». Я только очнулся от сна и поэтому ещё толком не соображал чего он от меня хочет. Полковник снова задал вопрос: «Ты кто, боец?!». «Рембо!» - спросонок ответил я. Полковник повторил свой вопрос. Отбросив остатки сна я представился как положено. Полковник сказал нам, чтобы мы не спали пока к нам не придёт ещё один человек, а в дальнейшем несли службу строго по двое. Это означало, что один спит - двое бодрствуют, так попеременно всю ночь. Такое решение было правильным, насколько мне известно в любой армии патрули выставляются парами. Дело в том, что пара наблюдателей может одновременно вести наблюдение во все стороны, что в принципе недоступно одному наблюдателю. Кроме этого, когда наблюдателей двое то они способны оказывать друг другу помощь, например не давать заснуть. Противнику уничтожить пару по-тихому значительно более трудоёмко, а иногда и просто невозможно, нежели одинокого часового. Конечно, можно выставлять и большее количество солдат, но это уже не будет приносить существенной пользы, при этом дополнительно задействованные в качестве наблюдателей люди могут пригодиться в другом месте.

Перед уходом полковник сообщил информацию, суть которой сводилась к тому, что среди албанских боевиков есть группа состоящая из пятнадцати чеченцев очень жаждущих русской крови. Откуда были получены эти разведданные он не пояснял, но его слова мне показались заслуживающими доверия. Надо отметить, что полученное по радиации от оперативного дежурного сообщение касающееся того, что албанцы собираются отрезать по две русские головы за ночь я воспринял скорее как психологический приём нашего командования направленный на повышение бдительности солдат. Информация о группе «чехов» мне показалась более правдоподобной. «Чехи», так «чехи», отвернём башку и им, даже ещё лучше будет.

Полковник удалился, а вскоре к БТРу подошёл боец из нашей роты которому предстояло провести первую ночь в Косово в нашей компании. Втроём мы выпили ещё немного водки, слегка закусили и каждый занялся своим делом, кто-то лёг спать, кто-то вёл наблюдение. Особого интересного ничего не происходило: сербы, как мифические гномы, пользуясь последней возможностью что-то делали внутри горы, время от времени вдалеке слышалась стрельба, радиация сообщала о том, что на таком-то посту «без происшествий», или же повторяла на словах то, что и так можно было услышать (выстрелы в каком-либо районе). Неоднократно в эфире появлялись доклады о появлении неизвестных лиц возле того или иного поста. Местность и расположение постов мне были неизвестны, поэтому, где именно происходили события понять было невозможно. Определить по голосу, что именно за человек ведёт радиопереговоры я был не в состоянии – в четвёртую роту наш экипаж перевели накануне марш-броска и своих новых сослуживцев в общем-то я не знал, да к тому же радиация существенно искажает голос. С жадностью я прислушивался к новым сообщениям пытаюсь услышать как развивается ситуация, но всякий раз она не получала ни какого развития.

Стало светло – на смену ночи пришло утро. За ночь ничего значимого так и не произошло, наши головы остались на наших плечах. От спанья в «бронике» болела грудь – бронепластины весят немало. Наступал новый день, в отличие от предыдущего, солнечный и жаркий. Так закончились первые сутки моего пребывания в крае Косово.

Как я предупреждал в предисловии, с момента происходивших в Косово событий до момента написания книги прошло более десяти лет и поэтому я не могу ручаться за абсолютную точность хронологии в изложении моего рассказа. Хронология будет соблюдена точно лишь в отношении крупных по нашим меркам событий, типа прилёта первого российского транспортного самолёта или нашего переезда в другое место дислокации. Все остальные события и происшествия будут изложены с приблизительной хронологией, но зато максимально подробно.

После нашего прибытия на аэродром Слатина сербская армия находилась в Косово ещё три дня. Боестолкновений её с албанцами или англичанами я не наблюдал, однако до нас была доведена информация об инциденте, который произошёл в Приштине. Этот инцидент произошёл в первый день ввода английских войск в регион. Англичане, войдя в Приштину, встретились с протестующими против их прибытия местными сербами. Демонстрация протеста была шумной и чтобы навести маломальский порядок один из сербских полицейских стал стрелять в воздух. Английские солдаты, которые находились в непосредственной близости от него не могли не видеть, что он стреляет вверх, и тем не менее один из англичан застрелил полицейского. Для чего он это сделал до конца понять невозможно, можно сделать лишь два предположения.

Серб явно не провоцировал англичан и уж тем более не угрожал им. Легко можно догадаться, что он стрелял вверх именно для своеобразного умирения толпы, что тоже было на руку англичанам. Вывод прост – либо у английского «боевика» было не в порядке с головой и он находился в неадекватном состоянии, либо он просто хотел убить человека и нашёл для этого подходящий случай. Как бы то ни было, мотив этого поступка так и остался загадкой, но сам факт этого события стал нам известен.

Как тогда происходили взаимоотношения сербской армии и албанцев сказать не берусь, но одно очевидно – албанов в военной форме в нашем районе в те дни я не видел. Военизировано одетые албанцы и в дальнейшем встречались достаточно редко, в первые же дни я вообще не видел ни одного одетого подобным образом. Кем каждую ночь велась стрельба было не ясно, крупных перестрелок не было, чаще всего ночную тишину нарушали несколько выстрелов из одного вида оружия и тем всё и заканчивалось.

Как я понимаю, боевики ОАК-УЧК специально не стремились особо активно действовать в районе Приштины до того момента, когда сербские воинские формирования не покинут этот регион. Албаны или не хотели попусту рисковать собой – они и так уже своего добились, или же вообще получили распоряжение от своих заокеанских покровителей подождать пока всё успокоится и лишь затем приступить к расправе над оставшимися без защиты местными сербами. Покровителей беспокоили, конечно же, не возможные потери со стороны албанцев, их волновала опасность неконтролируемого развития благоприятной для них ситуации. Как и их албанские холопы, заокеанские барины тоже уже добились своего, и теперь излишняя напряжённость им была не нужна. Сербские солдаты в свою очередь наверняка понимали, что они уходят отсюда надолго, а может быть даже и навсегда. Дополнительные военные меры карательного характера против албанцев ещё больше разозлили бы последних, что в дальнейшем неизбежно отразилось бы на местном сербском населении, которому и так уже была уготована страшная участь. Короче говоря, в тот момент боевые действия уже были невыгодны никому из участников войны. Албанцы при непосредственной поддержке НАТО одержали победу – сербы

потерпели поражение, причём немалая часть этих самых сербов осталась заложниками в руках оккупантов. Дело сделано, бесы торжествуют.

Наши же отношения с сербскими военными были в те дни весьма тёплыми, сербы не сомневались в том, что мы будем защищать их мирное население. Мы тоже тогда так думали. Наивная вера сербов в несокрушимую силу братской славянской России, к сожалению, не соответствовала действительному положению дел. Благодаря многолетним стараниям коммунистов, а затем и пришедших им на смену раболепствующих перед Западом псевдодемократов некогда могучая Россия едва ли могла постоять за саму себя. Коммунисты и «демократы» трудились на благо державы не покладая рук и результат их труда не мог не сказаться на тогдашнем состоянии России. Простые люди тоже старались не отставать от руководителей страны – на протяжении десятилетий слишком многие из наших граждан бездельничали, пили, воровали и в общем-то, ничем толковым не занимались. Вдобавок они не утруждали себя тем, чтобы осваивать выгодные профессии, заниматься спортом и просто нормально плодиться. Общими усилиями «патриотичных» руководителей и простых людей было достигнуто тогдашнее положение нашей Родины. Россия была слаба в те годы, как в политическом, так и в военном смысле, потому ожидать от неё большой помощи было попросту нелепо.

До России было далеко, зато представляющие её двести десантников были рядом. Мы не выглядели «простыми людьми» и даже наоборот, наш внешний вид и боевой настрой однозначно внушал уверенность в том, что мы сильны, что мы многое сможем. В большинстве своём физически развитые, молодые, дерзкие, хорошо вооружённые, оснащенные современной исправной техникой, а главное рвущиеся в бой, мы в глазах сербов выглядели достойными защитниками их земли. Разочаровывать сербов даже самые робкие из нас не собирались.

Сербы стремясь как-то помочь нам не ограничивались только советами и предупреждениями о возможной опасности, например они раздали нам целую кучу продуктов питания. Сербские солдаты – «войники» подходили к нашим БТРам и предлагали целые коробки различных продуктов, раздав нам таким образом наверное целый склад. Нам с Толстым досталась большая коробка печенья в пачках которое, если мне не изменяет память, мы за время пребывания в Косово так до конца и не съели. В дальнейшем компанию коробке печенья составила коробка вкусных рыбных консервов тоже подаренная нам сербами, но уже не военными, а гражданскими.

Сербские бойцы постоянно консультировали нас по различным возникающим у нас вопросам. На второй день у нас начались реальные проблемы с питьевой водой поскольку ту воду, что нам выдавали во время марша мы использовали весьма небрежно, в связи с чем она быстро кончилась. «Витинку» мы не любили и поэтому её не берегли – умывались ей и даже просто лили на себя чтобы освежиться. Проблема возможного отсутствия воды в дальнейшем нас не беспокоила, на эту тему наверное никто даже не думал – не в пустыню ведь едем. Наше командование должно быть тоже так думало и поэтому питьевой воды в должном количестве с собой захвачено не было. И если первый день нашего пребывания в Косово был дождливый, то вот второй день ознаменовался вполне нормальной для лета в этих краях жарой. Естественно когда на улице жарко тогда хочется пить, а пить нам было нечего. Возможно в других подразделениях батальона ситуация была лучше, но конкретно наша рота нехватку воды ощущала.

Ещё в первый день нами был обнаружен открытый пожарный колодец, чугунный люк которого был снят, а из находящейся под ним трубы хлестала вода. Вода била вверх, образуя что-то наподобие небольшого фонтана. Вероятно при помощи этого колодца сербы безуспешно пытались потушить здание аэровокзала, а в дальнейшем по какой-то причине не стали, или не смогли, закрывать кран. В первый день особого интереса фонтан у нас не вызвал зато по мере израсходования питьевой воды интерес

к нему появился вполне конкретный. Нас волновал один лишь вопрос: пригодна ли вода для питья? Сербь сказали, что пить её можно и мы её пили. Никакого видимого вредоносного, либо целебного действия на нас эта вода не оказала, да и по вкусу никак не выделялась. Вода как вода. Однако, если бы не заверения сербов то я не отважился бы пить её до тех пор пока без воды мне не стало бы совсем плохо.

Помимо практических советов во время общения с сербскими солдатами мы непрерывно обменивались опытом военной службы. Выяснилось, что не смотря на то, что солдаты в сербской армии призывались на срочную службу дедовщина в привычном для нас понимании отсутствовала. Сербь уходили в армию на год, мы в те годы служили два, но не это было главенствующим. Главным фактором были сами люди, их отношение друг к другу и своей стране. Какое общество такая и армия.

Один из наших парней тогда высказался так: «Дедовщина это показатель непрофессионализма. Например в СОБРе никакой дедовщины нет – там профессионалы». Парень хотел после своей службы в армии устроится в СОБР - он был хорошо подготовлен физически, был знаком с различным оружием, но он видимо тогда не знал, что в этом спецподразделении МВД служат только офицеры. Офицером он не был и на сколько мне известно в СОБР он так и не устроился.

Я не являюсь сторонником полностью профессиональной армии, но с утверждением своего товарища согласен полностью. Идеальная армия это армия смешанного типа: спецподразделения и части первой боевой готовности набираются из профессионалов и «срочников»-добровольцев, части резерва комплектуются «срочниками». Срочная служба год-полтора. Первые полгода «учебка», потом непосредственно служба. Служат все мужчины поголовно, поскольку обеспечение обороноспособности страны личное и непосредственное дело каждого человека мужского пола. Дело именно личное и непосредственное поскольку никто точно не может знать как будет развиваться следующая война и поэтому умение обращаться с оружием, умение подчиняться и командовать, умение выживать в тяжёлых условиях необходимы каждому. Нет никакой разницы гений-математик ли ты, олимпийский чемпион или же простой человек, служить обязаны все - обеспечение безопасности общее дело. Исходя из принципа равноправия и справедливости необходимо отметить, что если один человек тратит бесценное время своей жизни ради общего дела то и другие должны поступать аналогично, причём независимо от своих убеждений и возможностей. Но это по справедливости, в реальности у нас всё по-другому.

Я понимаю богатых людей – у них есть деньги и Родина им не нужна, с большими деньгами их примут везде, но когда обычные люди не хотят идти в армию или же придя туда не учатся военному делу то ничем кроме как глупостью это назвать нельзя. Простые люди не нужны никому и если они сами не позаботятся о защите своей Родины (то есть о защите окружающего их мира, своих близких и самих себя) то надеется им будет не на кого.

Как известно многих пугает дедовщина, но причину наличия дедовщины надо искать не в армии, а в мышинных душах людей. У сербов всё было по-другому. Сербская дедовщина напоминала дедовщину американскую – в обоих случаях старослужащие просто имели несколько больше вольностей по службе и кое-какие отличия во внешнем виде. То есть дедовщина в прямом смысле слова, дедовщина предполагающая власть «дедов» над «молодыми», отсутствовала напрочь. Вероятно только в постсоветских странах может быть постсоветская дедовщина. Я не сидел в тюрьме, но зато много общался с людьми там побывавшими и поэтому уверен – дедовщина явление происходящее именно от тюремных взаимоотношений. Явление это основано на принципе унижения сильным слабого. Повторюсь, какое общество такая и армия.

Я негативно отношусь к дедовщине поскольку она подрывает боеспособность армии, но при этом не могу отметить того факта, что наибольшие проблемы с дедовщиной возникают как правило у людей слабых. Слабых умом, слабым телом, а самое главное слабым духом. Нахождение в мужском коллективе в замкнутом пространстве, когда некуда уйти и не за кого прятаться хорошо показывает кем человек является на самом деле. Дстойно ведут себя далеко не все: одни начинают унижаться, другие начинают унижать. Но этот процесс начинается задолго до армии – с малых лет одни мамы воспитывают трусливых полупидеров, тогда как другие старательно воспитывают жестоких эгоистов. Папаши (у кого есть) воспитанием занимаются мало так как у них есть дела поважнее – работа, водка, телевизор. Моральные уроды приходят в армию и тут их ждёт замкнутый коллектив – раздолье и для тех кто способен унижать и для тех кто способен унижаться. Каждый находит для себя достойное занятие. Дедовщина не в армии, дедовщина в обществе. Федор К. написавший книгу о том, как выжить в местах лишения свободы прямо говорил, что беспредел происходящий в тюрьмах и дедовщина в армии это следствие нежелания мужчин быть мужчинами. Я полностью согласен с мнением этого человека.

Например, когда я призвался служить, в учебной роте из почти ста молодых солдат защищать себя стали не более десяти человек, при этом человек пять из этих десяти просто переваливали свои проблемы на более слабых сослуживцев зачастую обращаясь с ними ещё более жестоко чем старослужащие. Естественно я относился к этой десятке, причём я защищался самостоятельно, не тираня слабаков. Время от времени мне перепало, но чаще удавалось отвечать достойно, зачастую мне просто везло или же меня Бог берёт. Я не был ни особо сильным, ни особо умным, ни особо духовитым и тем не менее я не понимал тогда, что мешало остальным поступать так же как я, то есть просто защищать своё человеческое достоинство. Любого человека можно «сломать», меня естественно тоже, но отказываться от самообороны я не собирался ни в коем случае. Если бы так поступал каждый то попытки унижать были бы не безопасны для «старых» и соответственно эти попытки вскоре закончились бы сами собой. Всё просто. Те, кто не защищал себя хотя и были жертвами жестокости, но в общем-то лучшей участи и не заслуживали поскольку мужчина всегда должен быть готов постоять за себя и своих близких. Я противник дедовщины, но благодарен армии за неё. Почему? Дедовщина закалила меня, она в прямом смысле слова научила меня жизни.

Примечательно, что сербы знали про нашу дедовщину, хотя и только в общих чертах. Откуда им это было известно остаётся загадкой поскольку с представителями российской армии большинство из них повстречалось впервые. Возможно, об особенностях службы в рядах наших вооружённых сил их просветили немногочисленные русские добровольцы которые приехали в Косово чтобы внести свой вклад в борьбу за справедливость. Непосредственно в крае я не встречал ни одного такого земляка, но в дальнейшем, уже в России, в редакции журнала «Солдат удачи» мне удалось пообщаться с двумя такими людьми. Один из них, Александр М. был достаточно известной личностью среди русских добровольцев ещё со времён войны в Боснии. На сколько мне известно, в те годы он даже какое то время командовал русским добровольческим отрядом.

Оба этих человека произвели на меня впечатление людей достаточно странных, при этом, в той или иной степени старающихся придать себе больший «вес» нежели чем они обладали на самом деле. Никто из них в советской, либо российской армии не служил. В разговоре Александр высказался о том, как надо было нам поступить с сербскими полицейскими ради общей, нашей и особенно сербской, безопасности. Безопасность сербского населения его беспокоила особо. По его мнению нужно было формально разоружить сербских полицейских, принять их оружие на хранение, а самих сербов разместить в находящихся на территории аэродрома казармах. Таким

образом получалось бы, что вооружённых сербов на территории Косово нет, в тоже время, в случае необходимости полицейские могли быстро обратно получить своё оружие и помочь нам обороняться от албанских боевиков. Сербов было немало, подготовлены они были наверняка хорошо, при этом, не в пример нам, они отлично знали прилегающую к Слатине местность, тактику и вооружение албанцев. Совет Александра дельный, однако я услышал его через полгода после косовских событий, да и что толку было давать такие советы мне, простому солдату. Кстати, на моё замечание по этому поводу Александр отреагировал спокойно: «Ну да, от тебя ничего не зависело, какой с тебя спрос...». Больше в разговоре с ним мы к этой теме не возвращались.

Ещё одного нашего соотечественника участвовавшего в боевых действиях в Косово на стороне сербов я встретил в Чечне, но поговорить с ним мне не удалось поскольку он погиб в первом же бою. Наша разведгруппа вышла на выполнение задания, однако почти сразу же столкнулась с группой чеченских боевиков. Завязался бой в ходе которого и мы, и «чехи» отошли в разные стороны. Мой БТР стоял в боевом охранении недалеко от места боестолкновения. Поскольку непосредственно в бою наш экипаж участия не принимал то мы были задействованы для эвакуации погибшего. Мёртвого парня принесли и положили внутрь БТРа. Единственная пуля попала ему в подмышечную впадину, кровь при этом текла внутрь, а не наружу. Поскольку была ночь и стояла кромешная темнота то не только остановить кровь, но и вообще понять куда именно он был ранен сразу не смогли. Минут через десять после ранения он умер, упокой Господь его душу. Пообщаться с ним на тему Косово мне было «не судьба».

Когда погибшего принесли и положили в наш БТР я разместил его на одной из половинок заднего десантного сиденья. Укладывая мёртвое тело, под задравшейся курткой я увидел знакомый мне сербский военный ремень, видимо привезённый его хозяином из Косово. В БТРе сзади установлены два сиденья для десанта, на три человека каждое, они похожи на два поставленных спинками друг к другу дивана. На одном из них я и разместил убитого сослуживца, а на другом разместился сам – спать. Соседство с лежащим на расстоянии вытянутой руки только что убитым человеком меня не беспокоило – вид мертвеца мне не был приятен, однако ни мертвецов, ни вообще смерти я особо не боялся. И если меня не беспокоил покойник, то меня очень беспокоили парни, которые сменившись с поста искали или место для отдыха или кого ни будь, кто мог бы заступить на пост.

Я знал, что большинство людей побаиваются покойников и поэтому устав от бесконечных пробуждений решил пошутить над тем, кто в следующий раз посмеет беспокоить мой сон. Я плотно закрыл боковой люк со своей стороны, а люк со стороны противоположной наоборот оставил приоткрытым, как бы приглашая открыть именно его.

Долго ждать не пришлось, люк открылся настежь и кто-то стал выяснять, есть ли в машине люди которые должны были заступать на пост. Ни я, ни мёртвый парнишка ничего не ответили и неугомонный ночной незнакомец стал более настойчиво повторять свой вопрос обращаясь конкретно к тому, кто был ближе. Опять не получив ни какого ответа (ясное дело, покойник ничего не мог ответить) он стал уже орать, в третий раз повторяя свой вопрос. Я не выдержал и ответил ему: «Чё ты к пацану доебался, не пойдёт он в караул – мёртвый он!». Как я и ожидал пришедший был шокирован услышанным и нервно мотнув головой тупо спросил: «В смысле?» - «Да в прямом! Мёртвый он, его убитого сюда принесли!» - «А..., бля, понял. А ты?» - «Я пока живой, но на пост не пойду, я пулемётчик этого БТРа» - «Ну понятно». Примерно таким образом ситуация повторилась ещё раз, а потом мой сон больше никто не тревожил и я смог проспать несколько часов спокойно. Но спокойный сон пришлось по утру отработать: мне и ещё одному парню пришлось довольно далеко нести на носилках

нашего убитого товарища. По какой-то, для меня не совсем понятной, причине мёртвых людей носить намного тяжелее чем живых.

Сербы называли косовских албанцев «шиптары». Почему их называли именно так я не знаю, что означает термин «шиптар» мне так же неизвестно. По смыслу ситуация схожа с тем как мы называли американцев – «пиндосы», но почему именно «пиндосы», да и вообще, что такое «пиндос» никто толком не знал. Кстати, лишь в момент написания книги у меня возник вопрос касательно того каких именно албанцев сербы именовали «шиптарами». Либо сербы так называли всех албанцев вообще, либо только местных, либо наоборот, только тех, кто появился в Косово во время его албанской оккупации. В дни моего пребывания в крае разъяснить этот вопрос мне не приходило в голову, поэтому какие именно албанцы именовались сербами термином «шиптары» мне неизвестно.

Сербы пренебрежительно относились к шиптарам, и как к бойцам, и как к людям. Их отношение было абсолютно справедливо в чём я смог убедиться в дальнейшем. Конечно албанские боевики были бандитами и террористами, но сами по себе для сербов стратегической опасности не представляли. Без поддержки НАТО, и в первую очередь США, самостоятельной боеспособной силы они не составляли. Я наглядно убедился в дальнейшем, что шиптары свои лучшие человеческие и бойцовские качества проявили в деле грабежей, поджогов и мародёрства. Тут они явно были в своей стихии. В разграблении вражеского имущества нет ничего плохого, но тем не менее, для того чтобы мародёрствовать не надо ни отваги, ни ума, ни силы. В свою очередь для того, чтобы хорошо воевать людям нужны как раз именно эти качества. Как раз таки воевать без помощи НАТО у шиптаров получалось «не очень».

Кстати, относительно боеспособности албанцев никакой конкретной информации наше командование до нас не доводило. Нам не было известно ни их примерное количество, ни наличие у них того, либо иного вооружения. Следовательно, хотя это и маловероятно, командование не располагало информацией о вероятном противнике, не проводя таким образом необходимой разведки. К сожалению такое вполне могло быть. Например, когда в 1994-95 годах наши войска штурмовали Грозный в ходе боёв выяснилось, что чеченских боевиков не только больше чем предполагалось, но и вообще больше чем штурмующих город солдат... С учётом прекрасной организации марша разумнее предположить другое - командование было хорошо осведомлено о том какими силами и средствами располагают боевики ОАК-УЧК, но не доводило эту информацию до рядового состава так как в этом не было необходимости.

Албанцев конечно же мы не боялись, более того, мы хотели наказать их за совершённые злодеяния, но тем не менее, что могли сделать двести, пусть и хорошо вооружённых и подготовленных человек против десятков тысяч албанских оккупантов? Мы могли бы эффективно держать оборону в течение определённого времени на территории аэродрома и в дальнейшем, если бы не прибыла помощь из России, наверное смогли бы отойти на контролируемую сербами местность. Больше ничего. Обеспечить безопасность косовским сербам имеющимися у нас силами мы не могли в принципе и сербские полицейские (если бы они остались в Косово) повлиять на эту ситуацию не смогли бы никак. Опять же по причине того, что их было немного.

Фактически сербское население в те дни было уже обречено, но тогда ни мы, ни сербы об этом не задумывались. Столь мрачные перспективы мы с сербами не обсуждали и в будущее смотрели достаточно оптимистично. В ходе общения выяснилось что в составе сербской армии тоже есть десантная часть, а именно воздушно-десантный полк. Этот полк размещался в городе Ниш, том самом, что мы проезжали накануне. Непосредственно в Слатине сербских «десантов» не было, да и вообще участвовали ли они в боевых действиях у Косово мне не известно. Общаясь с нами некоторые сербские военные с любопытством заглядывали в БТР, но не обнаружив там ничего принципиально отличного от своей техники быстро теряли

интерес к нашей машине. Любой БТР, не зависимо от типа, сербы называли «Бов». То ли это была аббревиатура, на их языке означающая сокращенное название бронетранспортёра, то ли это было сленговое слово.

Разговоры наши вертелись не только вокруг военных дел, мы общались и на другие интересные для нормальных мужчин темы. В процессе общения со стороны сербов поступило предложение вечером поехать поразвлечься в «стрипок», если конечно обстановка будет спокойная. Сербы поведали, что девочки там красивые и услуги их стоят, если мне не изменяет память, 40 немецких марок в час. В Боснии час оказания услуг стоил 100 марок, и поэтому ласки местных девочек были явно менее накладными. Эти известия вызвали у меня самые радужные настроения и даже на некоторое время полностью отвлекли от окружающей обстановки. Проститутки конечно же тоже смотрели телевизор и поэтому знали о нашем прибытии. Девочки народ любопытный и каждый из нас, российских десантников, представлялся бы им диковинкой и своеобразной знаменитостью, следовательно мы бы были наверняка окружены большим вниманием нежели обычные посетители их заведения. Приятно провести вечер было делом очень заманчивым, но как я сразу понял, абсолютно нереальным. О красивых девочках и их недорогих услугах можно было только помечтать. Однако, как говорится, мечтать не вредно, вредно не мечтать. Здесь уместным будет высказать своё отношение к проституткам вообще и к их услугам в частности.

По поводу проституток скажу следующее: отношения с ними мне всегда нравились своей простотой и честностью. Да, именно честностью. Тебе предлагают услуги - ты платишь за них деньги, всё просто и честно. Конечно же, отдаваясь кому попало женщина унижает саму себя, но вместе с этим она и выполняет огромную общественно-полезную функцию, своими услугами доставляя необходимое удовольствие многим мужчинам не имеющим возможности иметь бесплатные отношения. Доходы проституток почти никогда не совместимы с теми унижениями и тем риском для жизни и здоровья, которые неизбежны при их профессии. В общем-то можно сказать что эти девочки жертвуют собой выполняя за не слишком большую плату грязную, но необходимую для общества работу. Именно жертвуют: тело растрёпывается жестоким, бесцеремонным и безжалостным обращением, психика уродуется унижениями, жестокостью, истязаниями и извращениями ненормальных клиентов. С одной стороны всё справедливо – девочки сами себе выбрали жизненный путь, с другой стороны этих дурочек всё же жалко, они тоже люди. Ни я, ни кто-либо из моих товарищей по развлечениям никогда не обращались с проститутками жестоко.

Что же касается общественной пользы проституции, то она очевидна и определяется тем фактом, что секс это не только способ размножаться и получать удовольствие, но и естественная психофизическая потребность человека. Я уж не буду говорить про нас, солдат и офицеров, молодых, полных жизненных сил мужчин и парней несущих службу вдалеке от Родины и соответственно вдалеке от своих жён, подруг и подружек, с нами и так всё ясно. Систематический онанизм великолепно развивает фантазию и хорошо укрепляет могучие руки воинов, но полноценных близких отношений с женщиной заменить не способен. Как в смысле ласки, так и в смысле получения удовольствия от общения с особенностями женского тела. Морально тяжело молодому, здоровому, нормальному мужчине быть совсем без женщины длительное время. Ещё тяжелее немолодому, уродливому, никому неизвестному и ненужному быть без женщины вечно. Если есть проститутки то он пойдёт к ним и потратит заработанные деньги, получив немного, хотя и продажного, но всё же удовольствия, а может даже и счастья. Если нет проституток, то что ему делать – идти насиловать? Хороший человек не пойдёт, но далеко не все люди хорошие...

В общем, я за проституцию, но при двух принципиальных условиях: не вовлечение в неё несовершеннолетних и абсолютная добровольность в её участии. В сексе, как

таковом, нет ничего ни возвышенного, ни низменного. Секс это часть естественных и абсолютно обыденных отношений между взрослыми мужчинами и женщинами. Не более того. Что касается того, что проститутки унижаются перед кем попало то тут конечно не поспоришь, однако и кроме их деятельности в мире есть много в общем-то грязных и унижительных занятий. Например врачи, которые помногу раз на дню лазят в грязные жопы или гнилые зубы своих пациентов. Менты, криминалисты и психологи вынужденные по долгу службы вникать в омерзительные глубины сознания вурдалаков типа Чикатило. Хватает в мире грязных работ, поэтому не стоит особо трепать языком о «падших женщинах».

Мотивы заставляющие девочек идти на унижения и риск могут быть различными, что же касается вопросов порядочности и хорошего человеческого отношения между людьми то я уверен, что в строю нравственных уродов современности проститутки стоят далеко не в первых рядах. Один мой, умудрённый жизненным опытом, друг сказал на этот счёт: «Проститутки в некоторых случаях бывают лучше и порядочнее многих, так называемых, приличных людей». По моему мнению, совершенно правильное утверждение - случаев хорошего человеческого поведения со стороны проституток мне известно немало. Приведу пример.

Как я уже упоминал с началом натовских бомбардировок мы стали активно ездить на временные посты наблюдения. Один из таких постов был установлен на границе между Боснией и Сербией, которая в этом месте проходила по реке Дрина. Там соответственно был мост и сербский таможенный пункт, возле него наш БТР и стоял. Днём и ночью мы наблюдали за обстановкой – днём за митингами, а ночью за работой сербских зенитчиков. Именно на этом посту демонстранты дали мне карикатурную листовку с изображением сбитого американского самолёта «Стелс». В пределах прямой видимости от поста находился ресторан на втором этаже которого располагался «стрипок». Парни которых мы сменили на этом посту поведали, что девочки там нормальные и в один из дней у нас вызрел план туда наведаться. Один из нас сходил на разведку и вернулся оттуда с пакетом ресторанной еды за которой он якобы и ходил (мясца нам видите ли захотелось), литровой бутылкой ракии «Рубин», и известием что у девочек сегодня выходной. Известие нас огорчило и мы решили отложить дело до другого раза, а пока заняться ракией и мясом. И то и другое было пущено в дело и вскоре нас немного «развезло» и разговор о необходимости сегодня потрахаться возобновился. Скоро гонец под каким-то предлогом снова направился в «стрипок» и вернувшись «притаранил» радостную весть: можно вызвать девочку из другого «стрипка». Старшим нашего поста был старший прапорщик М., усатый великовозрастный гном и именно от его волеизъявления всё и зависело, поскольку девочка на посту дело незаконное. Боятся ему было абсолютно нечего поскольку и без того не обязательная проверка постов наблюдения сегодня уже прошла – проверяющий приезжал на БТРе разведчиков. Проведя переговоры мы добились разрешения привезти девочку для «романтического» свидания, гном естественно получил приглашение принять в нём участие (за наш счёт) на что ответил согласием. Гонец убыл в «стрипок», откуда его хозяин сделал нужный нам телефонный звонок.

Проблема была в том, что из всех нас деньги были только у моего товарища Лёхи Малого. Лёха согласился одолжить нам нужные для оплаты услуг девочки 200 марок – проститутку мы вызывали на два часа. С Малым на счёт денег договаривался я, все в его присутствии подтвердили своё согласие вернуть ему деньги в равных долях по прибытии в базовый лагерь. Мы стали ждать, я от нетерпения допил ракию. Прапор не знал, что у нас было спиртное, мы это не афишировали, но видимо по нашему виду догадался, что мы что-то употребили.

Через час ко мне и Малому стоящему возле дороги неподалёку от БТРа подкатил тонированный чёрный «Мерседес» сто сороковой серии в те годы не зависимо от объёма двигателя всеми называемый «шестисотый». Он подъехал вплотную к нам

своей правой стороной, плавно и шустро опустилось стекло передней пассажирской двери. В машине рядом с водителем сидела симпатичная молодая женщина, брюнетка, я нагнулся к двери и на меня волной накатился плотный, но при этом не резкий аромат духов. Это было очень приятно. Женщина сказала: «Привет парни, это вы девочку вызывали?» Мы ответили утвердительно. - «А сколько вас?» - Мы махнули в сторону БТРа. – «На сколько?» - «На два часа» - «Ладно, скоро будет. Только вы это, парни, не обижайте её, хорошо?» - «Хорошо!».

Скоро девочка приехала, мы расплатились с тем, кто её привёз и он убыл в обратном направлении. Девочка была не красавица и не дурнушка, в общем симпатичная, возрастом, на вид, не много старше нас, года двадцать три. Я взял её на руки чтобы запечатлеть на фото как чудесно мы несём службу. Её внимание привлёк БТР и своё любопытство она констатировала словами о том, что в каких только машинах она не трахалась но вот в такой ещё не приходилось. «Ну вот и попробуешь – экзотика!» - радостно ответили мы.

Попробовать не пришлось – гном взбесился. Он начал орать какую-то ахинею, смысл которой сводился к тому что «как это мы посмели ему, великовозрастному человеку, предложить проститутку!». Как будто полтора часа назад его кто-то за язык тянул соглашаться. Но и того мало, он потребовал чтобы мы немедленно её выгнали. До нас дошло что «обрубок» не шутит и дело плохо. Девочка с интересом наблюдала за происходящим, а прапор никак не унимался. Был бы он нашего возраста то за свой подлый поступок он наверное получил бы по роже, но его возраст останавливал нас (меня во всяком случае).

Дальше – больше! Двое парней стали прямо при Малом везти диалог по поводу денег, которые были у него заняты. Суть этого мышиноного диалога, который порядочному человеку противно даже было слушать, заключалась в том, что ничего не получилось с девочкой то «надо чё-то решать с деньгами». Малой, видимо не веря своим ушам смотрел на происходящее, уже понимая для чего ведётся этот гнилой разговор. Я тоже понял и поскольку именно я, образно выражаясь, вёл переговоры с ним на счёт одалживания денег мой разум переполнился возмущением. В молодости я зачастую бывал несдержан, что время от времени приносило мне проблемы, в данном случае сдержать эмоции я естественно не смог. Употребление алкоголя также повлияло на моё поведение. Матерясь, я громко высказался о абсолютно не достойном мужчине поведении этих товарищей, сказав, что в отличие от них я поступлю так, как положено мужчине и отдам Малому все деньги сам.

Проститутка наблюдала за происходящим, возможно ей была даже интересна вся эта клоунада. Прапор продолжал раскрывать свою пасть, которая явно просила кирпича. Его действия девочка тихо прокомментировала следующими словами: «Уверенный в себе мужчина себя так не ведёт». Возможно у него действительно были проблемы с потенцией, но скорее всего у него были проблемы с головой, что в дальнейшем неоднократно подтверждалось его действиями. Мне было велено отправить девочку для чего мы отошли к кафе где был телефон. Я не скрывал своего огорчения тем фактом что «секас не задался». Даже просто в руках я не держал женщину уже очень давно. Девочка улыбувшись сказала что-то вроде: «Хотя бы посмотри какая я!» и ловким движением на секунду подняла короткое платье продемонстрировав мне белые кружевные трусики. Увиденное снова вызвало у меня бурю эмоций. Чувство сексуальной неудовлетворённости, чувство обиды вызванное подлостью прапора были усилены алкоголем и полностью захватили меня. Несколькими словами я высказал переполняющие меня эмоции и выругавшись поплёлся обратно к БТРу. Даже если бы я ушёл молча, то по выражению моего лица можно было бы понять как погано у меня на душе.

Девочка окликнула меня спросив моё имя. Я ответил. Она тоже представилась – Оксана. Больше я её не видел никогда. А она искала меня. Об этом, примерно две

недели спустя мне рассказали парни сменившие нас на том выездном посту. Схожих со мной по имени и внешнему виду людей в тот злополучный день среди нас не было, пацаны кажется даже шутили на счёт однозначности в описании меня. Парни о её визите говорили с каким-то странным, едва уловимым пониманием и сочувствием. Если я не ошибаюсь, первый раз она приезжала одна, но не найдя меня попросила передать, что ждёт меня и деньги ей не нужны. Второй раз приезжали её подружки и снова не обнаружив меня среди тех, кто был на выездном посту, настойчиво просили передать мне, что Оксана очень хочет меня видеть, что деньги не нужны, что бы я приезжал к ним – точно не пожалею. Я не знаю чем понравился ей, самым глупым было бы предположить что её заинтересовали мои скромные финансовые ресурсы. Может быть, я понравился ей тем, что не был мелочным и жадным, а может откровенностью в высказывании своих эмоций. Этого я не знаю, зато уверен в другом. В свои двадцать лет я не был избалован женским вниманием и если бы молодая, симпатичная, опытная и раскованная женщина захотела сделать так, что бы мне было очень хорошо с ней, то у неё бы это получилось. Возможно в этом ей помогли бы и её подружки. В любом случае это запомнилось бы мне на всю оставшуюся жизнь – в этом я уверен. Но уехать из расположения роты я уже не мог, встретится нам, как говорят в армии, было «не судьба»...

Эта, в общем-то печальная история имела маленькое комичное продолжение. Оставив девочку у кафе дожидаться машины я пошёл в БТР спать и залезая в него задел ногой короб с пулемётной лентой. Короб по чему-то был не опечатан и лента с грохотом полетела на пол. Звук характерный и если его услышать хоть однажды то в дальнейшем уже ни с чем не спутаешь. Я и так был «на нервах», а тут ещё эта лента! Громко матерясь я стал складывать её обратно в короб. Прапор, услышав звуки доносившиеся из БТРа, видимо решил что я заряжаю оружие и собираюсь пострелять по нему, чтобы поквитаться с ним за его подлянку. Я сложил ленту и лёг спать, но не успев даже задремать был растормошён парнем пришедшим взять по приказу гнома мой автомат. Я спокойно отдал.

Утром прапор стал уверять меня, что я собирался продать своё оружие. По-видимому, он думал что я был настолько пьян что ничего не помнил. Мне было смешно и противно наблюдать его кривляния. Он, как и предыдущим вечером никак не унимался и в итоге оружие я получил обратно только когда мы сменились. Глядя на него трудно не согласиться с утверждением ряда психологов о том, что вовсе неспроста все самые злые диктаторы прошлых лет были низкорослыми. Да и в сказках гномов всегда изображают злыми, ну на крайний случай вредными. Происшествие на выездном посту никаких видимых последствий не имело, формально на посту вообще ничего не случилось. Старшему поста можно было докладывать об успешном выполнении поставленной задачи после чего спокойно идти отдыхать.

Однако, усатый гном решил поступить по-иному. Как я уже сказал, он по видимому имел проблемы с головой и потому не придумал ничего лучше чем доложить ротному о том, что на посту «не всё было хорошо». Ротный знал об отсутствии у меня желания служить в Югославии ещё полгода (как я уже упоминал служба в «Юге» считалась привлекательной по финансовым соображениям), поэтому мне ничего не сделал. Малой ни в чём не участвовал, двое других парней уже пробыли в Боснии почти по году и по этому остаться ещё «послужить делу мира» шансов имели мало. К тому же я сразу понял, что ротный не будет докладывать «на верх» и поэтому смело взял вину на себя, тем более что я и вёл себя наиболее шумно из всей нашей компании. Сделать это я решил для того, чтобы Малому случайно не перепало – он был хороший парень, таковым и оставался в дальнейшем. Спустя много месяцев Лёха Малой возвращаясь из Косово проездом заезжал ко мне. Он привез мне кучу разных интересных новостей и фонарик «Mag лайт», этих американских фонарей у меня было много, но лишь Лёхин

подарок до сих пор служит мне во время рыбалок, походов и тому подобных мероприятий.

Командир роты капитан З. своим интеллектом превосходил прапорщика в несколько раз и поэтому быстро сообразив, что случившееся на посту не только не причинило никому вреда, но и вообще осталось незамеченным никуда докладывать не стал. Зато «вломил люлей» усатому гному за то, что тот не может организовывать службу и управлять находящимися под его командованием людьми. Получилось, что прапор «настучал» сам на себя. Ну не идиот ли?!

Ну или такой случай. Мой друг по долгу службы исколесил всю Россию часто бывая в командировках в разных городах нашей необъятной Родины. Иногда, когда ему было скучно и хотелось женского внимания он вызывал к себе в гостиничный номер проститутку из числа тех, что работают в отелях. Мой друг парень небедный, да и отели всё равно оплачивал работодатель поэтому в выборе апартаментов можно было не мелочиться, жил он обычно в хороших условиях. В хороших гостиницах хорошие девочки – красивые и умелые. Не помню в каком конкретно городе он тогда находился, точно не в Москве. Придя вечером после рабочего мероприятия он, решив приятно провести ночь вызвал к себе проститутку. Девочка оказалась что надо – высший сорт. Работа моего друга предполагает немалые физические нагрузки да и постоянные разъезды сами по себе утомляют, поэтому разочек оприходовав свою ночную гостью парниша понял что хочет только одного – спать. Он сказал об этом девочке и предложил ей покинуть номер. На оплату её услуг это не влияло, деньги уже были заплачены и назад их естественно никто не требовал. Девочка могла просто уйти, но она поступила по-другому. Она сказала: «Раз я взяла деньги то и отработаю их так как положено! Ты не пожалеешь». Её слова не разошлись с делом – утром мой друг чувствовал себя «выжатым лимоном», но зато был очень доволен жизнью, правильнее даже сказать счастлив. Если бы каждый человек был столь ответственен в исполнении своих профессиональных обязанностей как эта девочка, то человечество жило бы раз в десять благополучнее чем оно живёт сейчас. Я уверен, что большинство так называемых «приличных людей» вряд ли исполняют свои обязанности так достойно.

Бывает конечно же и по-другому – проститутки ведут себя уж слишком формально. В связи с этим не могу не рассказать один комичный случай произошедший лично со мной. Дело было в Рязани, в период сборов во вторую мою поездку в Боснию. Пошли мы с парнями в сауну, улетать нам было уже со дня на день, вот мы и решили погулять напоследок. С саунами были проблемы поскольку нас контрактников-десантников уезжающих в Югославию в сауны старались не пускать так как посещение нами этих заведений очень часто заканчивалось массовыми драками и погромами. Мы были сильны, нас было много, после Чечни и других «горячих точек» жёстким насилием и кровью нас было не удивить и при этом в основном все мы были неместные (кое-кто действовал по древнему принципу «после нас хоть потоп»). Проблему для владельцев саун представляли и деньги, которые у одних из нас водились в изобилии, а у других могли кончиться в разгар «отдыха». Пьянки, без которых посещение саун не обходилось постоянно приводили к разнообразным выяснениям отношений и дебошам. Явление это было настолько распространено в Рязани в те годы, что нам реально трудно было найти сауну где удалось бы повеселиться. Банщики, как только понимали, что мы именно те люди, что приносят им столько проблем сразу же заявляли: «Мест нет!». Хозяева саун откровенно боялись нас.

Мы сауну всё же нашли, причём хорошую и туда-то и вызвали проститутку. Опять же пришлось повозиться – в сауну многие из них по какой-то причине ехать упорно не хотели. Под конец их визита, когда оплаченное время услуг подходило к концу, я развлекался с одной из них. Стоя на четвереньках и фальшиво охая эта дура время от времени отрывала от поверхности одну руку чтобы взглянуть на свои наручные часы –

не истекло ли время? По началу эти её движения меня веселили, но поскольку мне хотелось получать удовольствие, а не смеяться, то скоро на смену весёлости и сексуального возбуждения стало понемногу приходить раздражение. Я человек не слабонервный, но меня просто морально убило, когда в очередной раз посмотрев на часы она фальшиво-сладострастным голосом, не прекращая охать сказала: «Время – ах! - уже вышло – ох! Дорогой – ах! - я хочу чтобы ты кончил - ох!» Её бессовестный формализм и нелепость ситуации настолько вывели меня из себя, что вместо того чтобы продолжить своё дело я еле удержался от того чтобы не дать ей хорошего пинка. Пинка под зад я ей так и не дал, но и желание продолжать трахать её пропало совсем. Тогда я сильно разозлился, зато потом, вспоминая эту ситуацию, много раз смеялся. И так бывает!

Напоследок приведу ещё один пример хорошего человеческого отношения и понимания со стороны проституток. Перед отправкой в Дагестан, на который напали банды Басаева и Хаттаба несколько наших парней получили вечер свободного времени. Вещи были собраны, с родными «подосвиданькались» заняться было нечем, а впереди Чечня, возможно надолго. Война для нормального мужчины дело интересное, но там не будет ни комфорта, ни ласки. Парни решили в последний мирный вечер решили расслабиться – баня и девочки. Дело было в Москве и хотя ребята располагали определёнными деньгами, их финансовые возможности были ограничены, поэтому договорившись с каким-то своим знакомым о сауне они поехали купить выпить-покушать и если получится найти себе подружек на вечер. По пути им встретилась «точка» где стояли девочки работающие без конкретного покровителя. Девочки были «что надо», не из затасканных дешёвок. Наши парни подъехали к ним и объяснили ситуацию: так и так, завтра улетаем воевать в Дагестан, денег вам не заплатим, но сауна и хороший стол будет, обижать вас не станем. Тогда события в Дагестане широко освещались в СМИ и о том, что там происходило знал наверное каждый человек на просторах бывшего СССР.

Девочки немного подумали и согласились поехать без денег. Наши парни очень хорошо провели время в преддверии месяцев полного отсутствия женской ласки и всевозможных трудностей и жестокости. Если я ничего не путаю, то для одного из них та ночь женского внимания стала последней ночью проведённой с женщиной в его жизни. Я уверен, что в подобной ситуации 95% свободных «приличных» женщин скорее всего ответили бы парням отказом. Некоторые по причине страха, но большинство из высокомерия и тупого эгоистичного бездушия. А проститутки не только приласкали ребят в самом лучшем виде, но и потратив на них ночь выкинули из своего кармана долларов по сто каждая. А кто из «приличных людей» хотя бы потрудился дойти до магазина, а за тем до почты, чтобы послать солдату банку обычного растворимого кофе да пару тёплых носков? Чё-то я мало про таких слышал, а ведь солдат тратил своё время и рисковал жизнью защищая всех граждан страны без исключения, даже тех, кто глумливо (и тупо) орал, что ему «по хер война, Чечня и сама Россия». Вот так, а то «гражданское общество», «приличные люди»... Вывод понятен, можно не озвучивать.

Относительно продажности проституток могу сказать вот ещё что: процентов девяносто «приличных» девушек и женщин видя интерес к себе со стороны мужчины хотят получать (некоторые даже требуют) цветы, подарки, оплату счетов в кафе и ресторанах, оплату походов в кино и такси. Всё вышеперечисленное стоит денег, в некоторых случаях денег немалых. То есть, говоря прямо, такие женщины требуют чтобы мужчина для установления или поддержания отношений с ними тратил на них деньги. Отношения между мужчинами и женщинами явление взаимовыгодное и в принципе финансовый вопрос связан с этими отношениями косвенно, но тем не менее «приличные» женщины требуют чтобы мужчины тратили на них свои средства. Если на это смотреть строго, то на практике получается та же продажность только скрытая и

изошрённая, а следовательно более подлая. Вывод феноменален и прост: проститутки ведут себя честнее и порядочнее нежели чем «приличные» дамы. Что касается моего отношения к вопросу о том должен или нет тратить мужчина деньги на своих подруг, подружек и просто спутниц то моё отношение основано на здравом смысле. Я считаю, что правильный мужчина должен тратить свои средства на находящихся рядом с ним женщин поскольку такое положение дел установлено природой. Трата средств должна осуществляться естественно в разумных пределах основанных на реалиях конкретной жизненной ситуации. Обеспечение самцами доступа самок к необходимым для жизни ресурсам повсеместно встречается в природе и следовательно такой процесс является естественным и единственно верным. Конечно же самцы заботятся в первую очередь о своём возможном потомстве, а не о самих взаимоотношениях с самкой, но порядок есть порядок. Щедрость мужчины является показателем здоровой жизненной силы, а жадность наоборот, показатель его ущербности. При этом в природе трата ресурсов осуществляется самцом в первую очередь для самки с которой уже установлены отношения, а вовсе не для установления этих отношений. Человеческое общество более сложно в вопросах взаимоотношений, но тем не менее оно должно ориентироваться на идеальный, святой порядок имеющийся в природе. Природные принципы должны быть непоколебимым ориентиром, но в реальности современное общество далеко от жизни в гармонии с природой. Плохое общество.

Ко всему вышесказанному добавлю ещё два момента. Первое: то, что мужчина тратит на женщину деньги ни в коем случае не означает что он покупает её как вещь, и забывать об этом мужчине не стоит никогда. Второе: если мужчина тратит на женщину свои средства и женщина принимает эти его ухаживания то следом за принятием ухаживаний она должна отвечать взаимностью, и мужчина имеет полное право требовать у женщины конкретности в этом вопросе. Это правильный порядок, но в действительности зачастую всё бывает по иному. Меня до сих пор искренне удивляет тот факт, что многие женщины щедрость и хорошее отношение к себе со стороны мужчины воспринимают как заискивание внимания. Доброе отношение они воспринимают как проявление слабости. Дуры.

Я неоднократно проводил своеобразные психологические эксперименты на эту тему и результат почти всегда был один и тот же. Смысл эксперимента заключался в следующем: общаясь с той или иной женщиной зачастую имевшей в прошлом отношения с жестокими и циничными мужиками я старался сделать для неё что-либо приятное, от честных красивых слов и поступков до подарков-сюрпризов и совместных весёлых развлечений. Иногда я точно знал, а иногда только догадывался о том, что моя спутница не жалела своего внимания, тела и ласки на бывших у неё в прошлом мужчин которые ничем кроме грубости и цинизма её не одаривали. Результат моих экспериментов был почти всегда одинаков: в ответ на своё хорошее отношение я получал «полоскание мозгов» и трёп. Причём я точно знал, что если бы на моём месте был бы жестокий человек то ситуация скорее всего развивалась бы по другому. Как я уже и говорил я не обращаюсь с женщинами жестоко, жестокость во взаимоотношениях меня не привлекает. Я повторял этот эксперимент неоднократно, иногда за поведением женщины было наблюдать смешно, иногда противно, иногда оно огорчало, но я так до конца и не понял мотива такого поведения. Единственным подходящим ответом был рабский менталитет этих женщин - они не ценили доброе отношение к себе, зато охотно подчинялись жестокой силе. По моим наблюдениям таких женщин много...впрочем как и мужчин. В начале своей срочной службы я видел много моральных уродов у которых нельзя по-доброму было получить даже обычный почтовый конверт, но при этом они же, для ублажения свирепствующих «дедушек» посреди ночи, в запертой казарме, могли найти пачку недешёвых сигарет. Рабский менталитет. Нелюди.

Среди всего имевшегося у нас оружия наибольший интерес у сербских солдат вызывал подствольный гранатомёт ГП-25. Для несведущих в военном деле людей поясню как выглядит и для чего предназначено это оружие. ГП-25 состоит из короткого нарезного ствола калибра сорок мм, спускового механизма, расположенного с боку прицела и маленькой резиновой ручки. Крепится «подствольник» к автомату Калашникова снизу ствола в районе цевья. Предназначен ГП-25 для поражения открытой и скрытой за препятствиями живой силы. Максимальная дальность стрельбы двести пятьдесят метров, граната ВОГ (так называемый «выстрел») летит по навесной траектории, летит медленно и в полёте её бывает видно. Гранаты бывают двух видов – обычные и подпрыгивающие, оба вида осколочные, то есть противопехотные. Подпрыгивающие ВОГи при ударе об землю выпрыгивают на несколько метров вверх и лишь потом взрываются поражая тех, кто лежит на земле или прячется в окопе. ГП-25 заряжается со ствола и граната не имеет гильзы. Два этих фактора обеспечивают лучшую в мире скорострельность для такого типа оружия.

«Гэпэшка» штука надёжная, полезная и в общем-то незаменимая. У сербов вместо «подствольника» использовались ствольные гранаты, так называемые «тромбланы». На ствол оружия навинчивается специальная насадка на которую в свою очередь надевается ствольная граната (отсюда и название) после чего при помощи холостого патрона производится её запуск. Граната тяжёлая и поэтому механизмы оружия подвергаются большим нагрузкам вследствие чего оружие быстро изнашивается. Выстрел «тромбланом» сопровождается сильнейшей отдачей. Если вместо холостого патрона по ошибке выстрелить боевым то у стрелка и окружающих будут «проблемы». В условиях современного высокоманевренного боя такой вариант вполне возможен. Дальность стрельбы примерно такая же как и у ГП-25. Сербские ствольные гранаты были осколочные и кумулятивные, то есть предназначенные для поражения бронееквивалентов.

«Тромбланы» неудобны, громоздки и опасны в применении и поэтому не могут даже близко сравниться по своей эффективности с «гэпэшкой». Во время второй своей поездки в Боснию мне удалось пострелять на стрельбище сербскими ствольными гранатами, тогда для запуска гранат использовался сербский аналог советского карабина СКС. Я стрелял стоя, от бедра, для удобства и прочности удержания карабина оружейный ремень я намотал на руку. После второго выстрела ремень оторвало от крепления – отдача при выстреле была огромной. Лишь спустя несколько лет я узнал, что стрельба ствольными гранатами производится с упором приклада оружия в землю...

Помимо розданного нам склада продуктов сербы оставили ещё и свой вещевой склад. Склад этот был частично разрушен натовской ракетой, но несмотря на разрушения своё содержимое сохранил в целостности. Сербы конечно забрали оттуда наиболее полезные вещи, но тем не менее недра склада были заполнены всевозможным нужным и ненужным солдатским имуществом. Склад этот располагался в непосредственной близости от поста на котором стоял наш БТР и поэтому я был в числе первых кто его обнаружил. На складе были ремни, ботинки, военная форма (по-сербски «униформа»), нательное бельё, полотенца, комбинированные котелки, плащ-палатки и прочее военное имущество и снаряжение. Имущество частично было новое, а частично бывшее в употреблении. К моему сожалению все ботинки и кожаные ремни были б.у. Осмотрев склад я выбрал себе пару почти новых ремней, а также и небольшой тёмно-зелёный брезентовый армейский ранец и удалился восвояси. Мне давно хотелось заполучить сербскую форму, она была качественная, добротная и красивая, но полных её комплектов на складе не оказалось. Кителей было много, а вот штанов не было вовсе. Ещё находясь в Боснии я хотел купить себе комплект такой формы - мне очень понравился тип камуфляжной расцветки. Расцветка состояла из

пяти цветов и была стойкой к застирыванию. Отсутствие интересующей меня военной формы среди всей груды армейского барахла меня огорчило.

Кроме вышеупомянутых ремней брать что-либо я не решился – мне было стыдно без необходимости присваивать себе сербское имущество, пусть даже и оставленное. Сейчас я понимаю, что мыслить подобным образом было глупо, но тогда я рассуждал именно так. Поскольку имущество было брошено, то воспользоваться им было вполне допустимо и поэтому нужно было тогда сразу набрать всего, что может пригодиться в дальнейшем, причём набрать впрок и с запасом. Не смотря на тогдашние свои размышления я приходил на этот склад ещё не один раз, каждый раз когда я приходил туда содержимое склада заметно убывало. Многие наши парни, в отличие от меня, не церемонились и через несколько дней на складе не осталось ничего ценного.

Особой популярностью пользовались сербские камуфлированные чехлы на каску. У нас сроду фабричных чехлов не водилось и поэтому мы изготавливали их из капюшонов от бушлатов. Если не удавалось раздобыть старый бушлат, то приходилось просто обшивать каску куском камуфлированной ткани. Края каски достаточно острые и поэтому самодельные чехлы быстро разрывались. Приходилось делать их заново. Сербские фабричные чехлы совсем другое дело – даже спустя два года после косовских событий я видел их на касках наших солдат в Боснии. Сербский пятицветный камуфляж сильно отличается от трёхцветного российского и поэтому сербский чехол на каске делал наших солдат похожими на сербов, а это было небезопасно. Напяливать сербские чехлы было не лучшим решением, но к счастью всё обошлось без эксцессов.

Всё, что мы не забрали со склада несколько позже утащили оттуда албанцы.

Мне пришлось наведаться на склад снова в тот же день. Причина заключалась в том, что уезжая из Боснии я в спешке позабыл взять с собой сменные носки. Вонять как свинья и тем более портить себе ноги я не собирался поэтому и отправился на склад, на котором хотя и не было носков, зато было много нетельного белья из которого я изготовил отличные портянки. Я брал нательную рубашку и отрезав всё ненужное делал портянку подходящего размера. Из одной рубашки получалась одна портянка. Замена носков портянками не составляла для меня проблему – спартанские условия российской армии являлись наилучшей подготовкой к любым военным трудностям. Рубашку я взял сразу целую кучу и потому вплоть до того момента когда мне удалось разжиться носками я выбрасывал поношенные и делал новые портянки. Толстый тоже наведалься на склад, но я сейчас уже не помню что именно он принёс оттуда.

Весь второй день вокруг нас постоянно происходил круговорот событий – двигались мы, двигались сербы, двигались англичане. Только албанцы пока особо не обозначали свои действия – ясное дело, ждали неминуемого ухода сербских военных сил. Англичане более не предпринимали активных попыток прорваться на аэродром, вместо этого их командиры вели переговоры с нашим командованием. Хотя конечно наши и английские командиры обсуждали между собой различные вопросы было понятно, что любое важное решение обсуждалось и принималось за много сотен километров от Приштины. Ситуация, развитие которой в первые часы полностью зависело от нас теперь развивалась по сценарию нам подконтрольному лишь от части – за дело взялись политики. Это было ясно и нам и, как я понимаю, и английским солдатам.

Мне было интересно посмотреть на англичан поближе и при случае я подошёл к ним с формальным поводом раздобыть сахар для своего кофе. Я на ломаном английском (больше даже при помощи жестов) объяснил, что мне от них нужно, а нужно мне было купить пакетик сахара. Именно купить, поскольку попрошайкой я быть не собирался. Для этой цели я даже заранее подготовил мелкую купюру, кажется один доллар. Английские десантники к которым я обратился быстро поняли чего я от них

хочу и через минуту-другую один из них принёс мне пакет сахара, предложенные взамен деньги он не взял, улыбнувшись и пробормотав что-то для меня непонятное. Я не вызвал у англичан большого интереса, да и вообще ко мне они отнеслись очень спокойно, можно даже сказать обыденно. От вчерашней напряжённости не осталось и следа. В тот момент я чётко понял, что мы воевать между собой не будем.

За те пару минут пока я объяснялся и ждал сахар мне удалось хорошо рассмотреть вблизи наших коллег-конкурентов. Ребята крепкие, возрастом немного старше нас, хорошо экипированные, вооружены примерно так же как мы (оружие конечно же другое, английского производства, но тип вооружения одинаков). Внешний вид и манера поведения существенно отличались от всего того, что я наблюдал у американских военнослужащих. Американцы зачастую производили впечатление людей закомплексованных и каких-то напуганных. Англичане неосознанно ассоциировались с чем-то опасным и даже хищным. Примечательно, что англичане не носили касок, их головы украшал тёмно-красный берет – символ их воздушно-десантных войск.

Василий Филиппович Маргелов, создатель современных ВДВ СССР-России установив в качестве головного убора десантника голубой берет, цвет берета соответствовал цвету неба. Логика в выборе цвета головного убора очевидна. Удивительно, но во всех других, кроме советской, а в дальнейшем и российской, армиях цвет берета десантника голубым не был. Английская армия в этом смысле исключением не была – английские «десанты» носили береты красного цвета. Также как и американские. Также как и сербские. В дальнейшем многие наши парни проявляли умеренный интерес к англичанам, но браться и особо любезничать с ними никто не лез. Инглезы отвечали взаимным умеренным интересом. Мы видели друг в друге людей аналогичной профессии и схожего образа жизни, ни больше, ни меньше. Особо делить нам было нечего, что касается политики, то она от нас зависела уже мало.

Сербы взрывали свои склады боеприпасов. В течении трёх первых дней нашего пребывания в Косово время от времени на прилегающих к территории аэродрома пологих склонах гор грохотали мощные взрывы. Примечательно, что никаких особо крупных построек в тех местах где сербы что-либо подрывали не было – склады были оборудованы под землёй. Подрывы складов в непосредственной близости от аэродрома имели для нас своеобразные последствия. Репортёры, которые присутствовали в Косово всё время, сообщили в выпусках новостей о том, что российские силы подверглись миномётному обстрелу. Естественно такие новости не обрадовали наших близких в России (тех, кому было известно о нашем местонахождении). Репортёров не волновала достоверность информации и естественно не волновали переживания наших близких им была нужна маленькая сенсация. Ну как же, посмотрите, ситуация в Косово накаляется! Ой как интересно! Свободолюбивым журналистам всё одно – хоть свадьба, хоть похороны, лишь бы сенсация. Весть о том, что несколько российских каналов показали репортажи о миномётном обстреле наших позиций быстро разнеслась среди нас. Мы ругали не в меру ретивых «журналюг» и смеялись над их некомпетентностью.

Второй день нашего пребывания подошёл к концу, начинало темнеть. Нашу с Толстым машину, а так же ещё штук пять БТРов поставили в охранение вдоль одного из зданий аэродрома. С противоположной от здания стороны было поле дальний конец которого упирался в пригород Приштины. В находящемся неподалёку от нас здании, ранее бывшим сербской казармой, располагался штаб и именно этим объяснялась концентрация бронетехники в непосредственной от него близости. Мы выполняли функцию не столько охраны, сколько функцию находящегося под рукой резерва, а так же, если возникнет необходимость, то и функцию средств эвакуации.

Приготовления к предстоящей ночи велись очень серьёзные, видимо командование получило информацию о готовящемся нападении на нас. Снайпера заняли позиции на крыше здания аэропорта и вели оттуда наблюдение во всех направлениях. Уточнялись задачи каждого поста, сами посты перемещались на наиболее выгодные позиции. Было понятно – что-то назревает. Начало по настоящему смеркаться. Мы с Серёгой находились внутри машины и обсуждали вероятные перспективы предстоящей ночи когда случилось происшествие, истинная суть которого так и осталась навсегда для меня загадкой. С учётом того, что в Косово в те дни развивались события мирового масштаба это загадочное происшествие представляется мне весьма значимым.

Наш БТР стоял примерно в середине выстроившихся на небольшом удалении друг за другом БТРов. Не смотря на то, что мы с Толстым находились внутри машины нам было хорошо слышно всё, что происходило рядом с нами поскольку несколько люков были приоткрыты. Я слышал, что возле первого БТРа разговаривали люди, причём разговор становился всё более громким и отчётливым. Судя по всему несколько человек спорили, или по меньшей мере выясняли друг с другом что-то проблемное. Голоса становились всё громче и громче, однако я никак не мог разобрать о чём именно ведётся спор. Разговаривали три-четыре человека. Наибольший интерес у меня вызвало то, что один из участников диалога в разговоре постоянно путал сербские, русские и английские слова – как будто старался говорить на трёх языках одновременно. Это было по меньшей мере странно. Все остальные говорили в основном по-русски, вставляя иногда сербские слова. По голосу я не мог опознать ни одного из участников разговора - как выяснилось позже все они были мне незнакомы.

Возле первого БТРа явно происходило что-то проблемное и по моему разумению нужно было выяснить что же именно там происходит. Не смотря на возражения Серёги я вылез из-под брони и не расставаясь с оружием пошёл узнать, что же происходит. Когда я приблизился к первому БТРу оказалось что я не одинок в своей заинтересованности – возле бронемшины собралось уже человек десять. Десяток человек образовали круг в центре которого стоял «виновник торжества» - неизвестный мужчина среднего возраста, который и высказывал свои мысли на трёх языках одновременно. Вернее сказать на смеси трёх языков. Мы смотрели то на мужика, то на находящееся поблизости поле, откуда и появился этот ночной гость. Мужик был нам интересен, скрытое ночной темнотой поле было для нас опасно. Несколько наших, видимо те, кто разговаривал с мужиком с самого начала, продолжали вести диалог с ним. Я не мог понять чего именно он хочет, но разговор был про какой-то автомобиль. Причём, что очень сильно удивило меня, мужик, как мы в те минуты предполагали серб, машину называл именно словом «машина», а не «ауто» как её всегда называют все без исключения сербы.

Я сейчас уже не помню, был ли он одет в «униформу» либо он был в гражданской одежде, но внешность его была неприметной. Был ли мужик абсолютно трезв или слегка пьян сказать не берусь, однако визуально он хотя и был немного эмоционально возбуждён, но при этом совершенно адекватен. Прибежавший со стороны штаба боец передал приказ оперативного дежурного выдворить мужика. Мужика отпустили (в прямом смысле слова его и так никто не держал) и он скрылся в ночной темноте. Удалился восвояси мужичёк хотя и без суеты, но довольно проворно, второе предложение ему явно было не нужно. Примерно через минуту после того как мужик растворился в ночи по радио поступило приказание оперативного дежурного - неизвестного задержать и доставить к нему. Это было очень мудрое, а главное очень своевременное решение. Видимо кто-то из командиров осознал, что ночной гость личность по меньшей мере странная, а следовательно потенциально опасная. Если он явился к нам в ночное время в условиях вооружённого конфликта то это тоже было

явно неспроста. Задержать его до утра, когда будет возможность связаться с сербами не составляло труда, да и просто допросить его лишним бы не было. «Стой! Стой!» - заорало несколько наших бойцов и ринулось вслед за мужиком. Но тот как в воду канул.

Наши естественно далеко не пошли – идти в полной темноте на встречу неизвестно чему было абсурдно. Спустя небольшой период времени, не более нескольких минут, после того как незнакомец удалился в ночное поле там завёлся двигатель легковой машины. Звук ровно работающего двигателя постепенно затих вдаль. Света фар видно не было. Дураку понятно - для того, чтобы двигаться ночью без света необходим прибор ночного видения – бинокль или прицел. Приказав отпустить незнакомца оперативный дежурный принял, мягко говоря, неверное решение. Мы глупо упустили возможного врага. Парни ругались: «Ну дежурный и долбоёб! Это ж надо таким тупорылым быть – мудаку понятно, что серб мутный какой-то!».

Всем тем, кто пришёл когда события уже во всю разворачивались было интересно с чего же всё началось. Один из ребят рассказал как было дело. Оказалось что мужика этого никто не задерживал, а он сам, не таясь, приблизился к одному из стоящих на посту БТРов. Бойцы завидев его приближение остановили его, после чего стали выяснять кто он и с какой целью пришёл. Он сказал, что он серб, вроде как военный и пришёл он потому, что ищет каких-то русских военных которым он вчера ... продал машину! Само по себе это звучит бредово, но тем не менее незнакомец утверждал именно это. Я сейчас не помню зачем именно ему понадобились русские якобы купивший его машину, но именно на факте покупки машины он акцентировал суть своего визита. Абсурдность этого утверждения была для всех нас очевидна. Мы некоторое время обсуждали происшествие выдвигая различные версии относительно того кем же был на самом деле этот человек и для чего он приходил к нам.

Однако, сколько бы мы не размышляли и спорили, истина, благодаря тупости оперативного дежурного, для нас всё равно осталась недоступной. Лично моё мнение таково: этот человек был чьим-то разведчиком и цель его визита заключалась в том, чтобы проверить как у нас организована служба, насколько мы бдительны, да вообще как себя поведём в этой ситуации. Говоря другими словами нас кто-то прощупывал. Не знаю какие выводы из наших действий сделал разведчик и те кто его послал, но поскольку из-за его визита никаких вредных для нас последствий не наступило можно предположить что мы произвели должное впечатление. Любопытно отметить, что покупать машины у сербов было свойственно нашим солдатам и офицерам в Боснии и Герцеговине, откуда мы и прибыли накануне. Косовские сербы вряд ли об этом знали, следовательно, для того чтобы придумать экспромтом легенду о покупке машины мужику надо было знать об этой особенности нашей боснийской жизни. То есть быть достаточно хорошо осведомлённым о нас.

Английских сил в округе было уже много, сербы тоже ещё не ушли и поэтому чтобы безопасно проехать на машине к аэродрому нужно было по меньшей мере знать места расположения постов, а так же и местность. В идеале нужно было ехать как раз от одного из постов, сербского или английского. Либо наоборот, успешно миновать эти посты – албанцы наверняка также хорошо знали их расположение. Возможно он был англичанином (в его речи проскакивали английские слова), возможно ещё кем-то, но я уверен, что он точно был не серб. Основу моей уверенности составляет нетипичная для сербов манера разговора незнакомца - сербов к тому времени я повидал немало. Наиболее характерным было то, что автомобиль он называл словом «машина», а не «ауто» как называют его все нормальные сербы. Непосредственно в сербской разговорной речи (во всяком случае в военной среде) под термином «машина» подразумевается пулемёт...

Происшествие укрепило нашу уверенность в том, что ночь будет нескучная. В отличие от первой ночи, когда наш БТР стоял на удалении от других постов в этот раз мы находились среди своих товарищей. Это бодрило наш боевой дух. Одиноко находится в окружении врагов было как-то неуютно, совсем другое дело когда рядом товарищи. К предстоящей ночи мы были готовы. Но вторая ночь не отличалась от первой – не смотря на то, что мы ожидали нападения албанцы по-прежнему нападать не спешили. Все посты фиксировали много передвижений, стрельбу на том, либо ином участке, но ничего более серьёзного не происходило. Когда рассвело я подошёл к зданию аэропорта, возле которого что-то обсуждали сменившиеся с поста (спустившиеся с крыши аэропорта) снайперы. Оказалось, что на протяжении всей ночи, ведя наблюдение за местностью вокруг наших позиций, они наблюдали практически непрерывные перемещения отдельных людей. Слишком близко приближаться к нам эти люди не пытались. Вооружены они были или нет точно было не понятно. Численность их была невелика, но тем не менее всё тёмное время ночи без дела они не сидели и закончили свои непонятные перемещения только с наступлением рассвета. Кем были эти люди осталось невыясненным.

Таким образом наступил новый, третий день нашего пребывания в Косово. День этот был примечателен тем, что он стал последним днём пребывания сербских вооружённых сил в крае. К утру четвёртого дня сербских военных и полицейских подразделений в Косово не осталось. Вернее сказать их не осталось в том районе где находились мы, как обстояло дело в других частях края я не знаю. В первой половине дня мимо аэродрома проследовала среднеразмерная колонна сербской военной техники в которой помимо прочего был как минимум один танк Т-54 (Т-55). Колонна прошла мимо нас на большой скорости, не останавливаясь. Как я понимаю это было подразделение сербской армии прикрывавшее на нашем участке отход основных сил. Кто-то из наших говорил, что эти «войники» остановились на ночь недалеко от Приштины, за границей контролируемой нами территории. Сербь обеспечивали отход своих товарищей до последнего момента работавших на аэродроме, а может они просто отдыхали после дневного марша. Это была последняя виденная мною сербская военная колонна. Сербская армия ушла и население оказалось в руках албанцев. Звездный час оккупантов приближался. Мы тоже остались один на один с окружающими нас противниками и недоброжелателями – сербы ушли и в случае чего рассчитывать нам на чью либо помощь было уже невозможно.

К зданию аэропорта подкатил БТР с номером 342 – машина, пулемётчиком которой был мой друг Серёга С. Я очень обрадовался ему поскольку находясь все последнее время в окружении малознакомых людей мне не с кем было поделиться своими взглядами на происходящее. Серёга тоже был рад встрече и поскольку мы располагали временем то смогли обсудить волнующие нас вопросы. Серёга эту ночь провёл на удалённом от аэродрома посту. Естественно ночь выдалась беспокойная, но главную проблему для моего друга представляли не перемещающиеся где-то неподалёку неизвестные лица, а старший их поста – лейтенант Р. Молодой пухлый увалень лейтенант ночью очень нервничал, видно он думал, что злые албанцы вот-вот подкрадутся и его «немного зарежут». Всю ночь он при малейшем шорохе, реальном или только ему кажущемся, включал прожектор расположенный над командирским прибором наблюдения и яростно рассекал лучом света темноту. Таким образом он пытался высмотреть крадущихся в ночи врагов. Суетное и явно не слишком смелое поведение вызвало у моего друга чувство неуважения к этому клоуну – мой друг Серёга, в отличие от своего командира был парнем смелым. «Фюрер» не давал спать никому из подчинённых, что естественно тоже не было показателем его высоких командирских навыков.

Мы с Толстым в эту ночь поспали часа по три-четыре, больше отдыхать возможности не было, но нам хотя бы никто не трепал нервы. На две следующие

недели сон по три часа в сутки станет для нас нормой, но на тот момент мы этого ещё не знали. Мне было проще, я мог немного поспать под башней во время дневных поездок – Толстому необходимо было рулить, а за рулём не поспишь. Каждую ночь мы чередовали кому спать первым, а кому вторым. Тот, кто ложился спать вторым был в более выигрышном положении – с трёх до пяти утра у каждого человека бывает наиболее сонное состояние и поэтому дежурить в это время намного тяжелее. Военные разведчики всего мира знают об этом и поэтому стараются нападать на вражеских часовых именно в эти часы. Сейчас, спустя многие годы после описываемых событий я понимаю, что по уму надо было бы давать водителю больше отдыха, во всяком случае предоставлять лучшие для отдыха часы. Я мог бы доспать днём, а вот у Толстого это бы не получилось, хотя от его способности хорошо везти машину зависела наша общая безопасность. Однако, тут была одна проблема чисто психологического характера: если бы я стал подстраиваться под своего водителя то он бы воспринял моё поведение как однозначное признание его главенства со всеми вытекающими из этого последствиями. Быть «загнанным под лавку» я не хотел поэтому с Серёгой поблажек допускать было нельзя, а нормального разговора он бы не понял. Точнее сказать, скорее всего не понял бы.

Нас вызвали к штабу и вскоре мы поехали осматривать взлетную полосу на предмет её готовности к приёму транспортных самолётов из России. Естественно осматривали ВПП не мы с Толстым, а невесть откуда взявшийся полковник из ВВС, конкретно из ВТА. Он был именно лётным, а не десантным офицером. Ни до нашей поездки, ни после неё его я больше не видел.

Полковник залез внутрь БТРа, что сразу удивило меня - все наши, то есть десантные офицеры всегда ездили на броне. Как я уже говорил нахождение снаружи боевой машины хотя и более опасно с точки зрения уязвимости от вражеских пуль и осколков мин и снарядов, но зато обеспечивает идеальный обзор, да и в случае подрыва на mine даёт больше шансов на выживание. В случае поражения бронетехники кумулятивным снарядом нахождение на броне тоже более безопасно – вся поражающая сила снаряда уходит внутрь, а по поверхности разлетаются лишь немногочисленные его останки типа стабилизационного оперенья или реактивного двигателя. Нахождение под бронёй даёт иллюзию защищённости только абсолютно неопытному в военных делах человеку.

Полковник затащив своё тело внутрь машины опасно озирался по сторонам. Я видел, что он боится и постарался его успокоить заверив, что в случае опасности мы справимся с угрозой в самом что ни на есть лучшем виде. Короче говоря я стал говорить полковнику, что он находится под надёжной охраной и по этому может быть спокоен. Полковник в ответ забормотал что-то про трёх своих детей, а затем стал рассказывать уже известный мне случай о том, как английский солдат убил стреляющего вверх сербского полицейского. При этом он практически упрашивал меня принять все меры для обеспечения безопасности его полковничьей личности. Он не командовал и не говорил по-простому, как старший по возрасту мужчина говорит с женщиной младшим, он буквально бляял по-козлиному. Было видно, что он боится встречи с албанцами, боится войны, боится смерти, боится вообще всего. По началу мне было его жалко и я как мог его успокаивал, но когда до меня дошёл смысл всех его бляний моя душа переполнилась чувством отвращения к этому ублюдку.

Суть его гнусных слов заключалась в том, что я должен был ни с чем не считаясь обеспечить ему безопасность, убить любого кто ему угрожает, рисковать и даже возможно пожертвовать собой ради обеспечения этой самой его безопасности, а он, случись что, мне ничего не приказывал и вообще он «не при делах». То есть он просто собирался мной прикрыться, да ещё при этом не только не помогать мне, но и вообще в случае какого-либо происшествия отказаться от меня. Он собирался спрятаться за спину своего сослуживца (в прямом смысле слова я не был его подчинённым), а потом

предать его. К тому же, по возрасту он практически в отцы мне годился да и как старший офицер он должен, хотя бы формально, подавать пример рядовому составу. Ну и мразь! Дерьмо, а не человек. Хотя он и носил погоны старшего офицера он был полным антиподом тому, что должно подразумеваться под термином «офицер».

Для примера порядочного поведения нормального офицера вспомню уже упомянутый мною приказ генерал-майора Рыбкина: «На любую провокацию отвечать огнём!» Рыбкин не боялся взять на себя ответственность сняв её таким образом с нас.

Я противник гомосексуализма в любой его форме, но если бы тогда с этим подлым полковником кто ни будь поступил так же, как в зеки тюрьме поступают с оказавшимися там педофилами и другими негодьями я был бы доволен. Говоря другими словами если бы этого урода прилюдно трахнули бы в зад, да и обоссали в придачу, я бы с удовольствием понаблюдал бы за этим.

В армии, как и везде, хватает разных людей есть и очень порядочные Люди, есть и полное отребье, поэтому сам факт присутствия такой гниды неудивителен. Удивляет другое: как такого труса и подлеца отправили на столь ответственное задание, а именно в Косово? Неужели во всей ВТА не нашлось кого-либо получше?! Он был в армии многие годы и наверняка успел проявить свои негативные и опасные для окружающих качества во всей красе. Трус способен провалить любое задание, подставив таким образом всех заинтересованных в успехе людей. Дело трусов и дураков выполнять мелкую и грязную работу, а вовсе не участвовать в важных мероприятиях. Вершить важные дела удел людей смелых, умных и предприимчивых, одним словом, людей толковых. Каждому своё. Очень нехорошее дело когда испытываешь сильную неприязнь к тому, чью безопасность должен обеспечить.

Мы поехали осматривать ВПП и хотя я знал, что встреча с албанскими боевиками маловероятна, мне очень хотелось чтобы она произошла. Поле окружающее ВПП представляло из себя открытую местность, устроить там засаду было практически невозможно поэтому мы могли в любом случае показать себя достойно, а мои пулемёты нашли бы наконец-то свою первую жертву. Я представлял как бы трусливый полковник трясся и ныл когда вокруг засвистели бы пули. Мне очень хотелось посмотреть на него в боевой обстановке, поглумится над его трусостью, но к моему великому сожалению ничего опасного для нас не произошло. Даже ставшая уже обыденным явлением стрельба, которую вели непонятно кто и по кому, в непосредственной от нас близости не было слышно. Несколько часов мы ездили по окрестностям аэродрома останавливаясь в местах которые нашему подопечному казались заслуживающими внимания. Он осматривал взлётную полосу и прилегающую к ней местность видимо изучая возможность использовать её для посадки наших военно-транспортных самолётов. Военно-транспортная авиация России тех лет использовала в большинстве случаев самолёты ИЛ-76 различных модификаций. ИЛ-76 самолёт неприхотливый, лётчики его хвалят, а взлётная полоса стараниями английских военных лётчиков практически не пострадала поэтому полковнику особо утруждать себя не пришлось. На обратном пути он молчал и вообще делал вид, что никого вокруг не замечает. Когда мы вернулись к штабу и он покинул наш БТР мне стало легче на душе, как будто мы избавились от чего-то грязного. Больше этого «офицера» я не видел.

По-моему, хотя я могу и ошибаться, именно на третий день мы нашли первый проводной телефон имеющий выход на международную связь. В 1999 году сотовые мобильные телефоны только начали получать повсеместное распространение и поэтому ни у кого из нас их не было. Наверное на территории Косово они вообще тогда не функционировали, по меньшей мере радиовышек я не видел. Проводная связь была единственным способом связаться с родными и близкими в России. У всех нас было желание поговорить с далёкой Родиной и особенно безудержно это желание разгоралось если за переговоры не нужно было платить. То есть платить всё равно

нужно было кому-то, но поскольку платили не мы, то вопрос оплаты нас не очень беспокоил. Я не знаю точно, показали ли сербские военные этот первый телефон или же наши умельцы сами его обнаружили, но находился он в одном из казённых зданий в непосредственной близости от аэродрома. Возле телефона собралась небольшая группа наших бойцов образовав своеобразную очередь. Разговаривать по долгу никому не разрешалось, но поскольку на смену поговорившим приходили новые желающие телефон без дела не простаивал ни минуты.

Я тоже встал в очередь и вскоре мне представилась возможность поговорить с родителями и сообщить им, что я по прежнему в Боснии и у меня всё хорошо. Не смотря на то, что телефон по возрасту явно был старше меня и то, что провода были примотаны к нему «на скорую руку» слышимость была отличная. В дальнейшем командование запретило нам пользоваться этим телефоном, но, как говорил первый и последний президент СССР, процесс пошёл. Мы разыскивали телефоны во всех возможных местах и звонили домой когда нам заблагорассудится. Сербы совершили большую ошибку не отключив в телефонной сети края Косово международный доступ. За всё время своего пребывания нам, российским десантникам, общими усилиями удалось наговорить на фантастическую сумму - не то на четыреста, не то даже на восемьсот тысяч немецких марок. Информацию об этом нам специально довели на построении. Кто в итоге платил за эти переговоры я не знаю. Возможно сербы выставили счёт России, а возможно им пришлось производить оплату самим. Для разорённой Сербии сумма в полмиллиона немецких марок в общем-то имела значение. Если платили всё же сербы то мне их искренне жаль.

Приближалась третья ночь – опять мы ждали нападения врага. Когда стемнело со стороны дороги ведущей от аэродрома к Приштине послышался грохот выстрелов крупнокалиберного пулемёта. Примерно там где слышалась стрельба находился пост, на котором стоял БТР пулемётчиком которого был мой друг Серёга С. У меня на душе стало очень тревожно – если стрелял именно он, то дело явно было нешуточное.

Серёга парень не трусливый и при этом не агрессивный и не нервный, следовательно если он открыл огонь то их пост подвергся нападению. Значит мой друг был в опасности. Я нырнул под броню и подключив шлем к проводу связи стал жадно вслушиваться в радиопереговоры. Прозвучало несколько докладов об услышанной стрельбе. Оперативный дежурный опросил все посты, задав вопрос о том, кто из них открыл огонь. Все ответили, что выстрелы крупнокалиберного пулемёта слышали, но сами огонь не открывали и вообще возле них ничего особого не происходит. 342 тоже ответил – у меня отлегло от сердца. Больше выстрелов слышно не было. Стреляли видимо сербы, больше стрелять из крупнокалиберных пулемётов в общем-то было некому. Отличить звук выстрелов КПВТ установленного на БТР-80 от звука выстрелов установленного на сербском танке ДШК так запросто я бы не смог. К тому же я не видел прошедшую сегодня днём сербскую колонну полностью, а в ней возможно были бронемшины вооружённые КПВТ.

Прошла третья ночь – наши головы снова остались на наших плечах. Боевики ОАК-УЧК упорно не желали нападать на нас и это нас разочаровывало. «Зассали пидары!» - комментировали действия албанцев (вернее отсутствие всяких заметных действий) некоторые из нас. Другие наши парни были более сдержаны поскольку понимали, что наиболее благоприятный момент для нападения на нас только лишь подоспел. Ранее албанам могли помешать сербские силы, ситуация пошла бы по непредсказуемому сценарию, что в свою очередь было не выгодно ни самим шиптарам, ни их американским покровителям. Теперь сербских воинских подразделений не было и соответственно как бы сербы не старались повлиять на развитие столкновения между русскими и албанцами они бы не смогли этого сделать. Обрато в край их бы не пустили силы НАТО. Наиболее выгодный момент для нападения на нас настал.

Что касается англичан, то эти ребяташки преспокойно находились неподалёку от аэродрома. Другие их подразделения обустроивались на занятых позициях, мы в принципе были заняты тем же. Англичане создали группу взаимодействия, состоявшую из нескольких машин связи и группы офицеров и солдат. Группа эта была немногочисленной, человек десять-двадцать и занималась она обеспечением взаимодействия с нашим командованием. Никаких переговоров на месте естественно уже не проводилось – всё решали политики. Россия была тогда политически слаба и поэтому особо надеяться на какой либо большой успех в этих переговорах не стоило. Через несколько дней я по утрам увидел английского офицера на котором была надета наша десантная тельняшка. Это означало, что наши и английские офицеры наладили так называемое неформальное взаимодействие. Налаживали как я думаю при помощи водки и виски. Всё было сделано правильно – чем лучше взаимопонимание, тем больше успех в преодолении возможных конфликтов. Военные всегда умели находить общий язык лучше чем политики, возможно по причине того, что политики были далеки от линии фронта, а ораторскую ахинею с трибуны гораздо безопаснее нежели чем ползать под пулями.

Взаимодействие с англичанами приносило вполне практические результаты. Как я говорил, с первых же дней нашего прибытия в Косово у нас начались проблемы с чистой питьевой водой и в дальнейшем англичане помогли нам эту проблему разрешить. В один из дней к нам прибыл английский грузовик почти полностью заполненный чистой бутылированной питьевой водой. Эта вода, в отличии от гнусной «Витинки», была негазированной. Двух литровые бутылки воды в упаковках по шесть штук были сложены на поддонах в кузове грузовика. Погрузчика у нас естественно не было и выгружать воду надо было вручную. Выгружали совместными усилиями наших и английских солдат. Немногочисленные англичане прибыли на привёзшем воду грузовике, наших бойцов собрали в рабочую команду созданную специально для этой цели.

Я увидел момент начала разгрузки грузовика и с удивлением обнаружил, что у рабочей команды либо вообще нет старшего, либо офицер возглавлявший разгрузку куда-то ушёл. Это известие меня обрадовало и я не теряя времени даром принялся пополнять запасы воды нашего БТРа. Беря за один раз по две упаковки я перетаскал в недра нашей машины несколько десятков бутылок драгоценной жидкости. Ходить приходилось далеко, но я не жалел сил поскольку понимал, что повторно шанс запастись питьевой бутылированной водой в большом количестве не представится. Перспектива ходить каждый день получать одну-две бутылки меня не радовала. Если же уехать куда ни будь то запросто можно было вообще остаться без воды. Создание запаса дело нужное и в дальнейшем эта вода утоляла жажду многим из нас. Я бы принёс воды ещё больше, однако появившийся не весть откуда подполковник злобно прогнал меня, видимо расценив мои действия как кражу военного имущества. Тем временем рабочая команда разгружавшая воду постепенно начала убывать. Тот, кто не удосужился назначить старшим этой команды офицера совершил трагическую ошибку – солдаты работать не любят.

Спустя какое-то время рабочая команда полностью рассосалась оставив англичан в гордом одиночестве. Я с интересом наблюдал за тем, что произойдёт дальше. Произошло следующее: англичане поработав ещё минут десять и убедившись, что на смену исчезнувшей русской рабочей команде новая команда придти не спешит тоже свернули деятельность. Англичане видимо решили, что если русские не хотят потрудиться для самих себя то и им не стоит особо утруждаться. Может также, они подумали, что русские взяли воды сколько было нужно и остальная часть груза им была не нужна. Грузовик постоял ещё некоторое время, но так и не дождавшись к себе внимания уехал восвояси, увезя таким образом половину воды обратно. Если бы я не набрал воды самостоятельно то все унесённые мной бутылки уехали бы обратно,

таким образом не доставшись ни мне, ни кладовщикам. Выгруженную воду через полчаса после убытия грузовика стали убирать на временный склад откуда потом выдавали с большой экономией. За перемещением воды на склад наблюдало аж несколько офицеров и прапорщиков. Рабочая команда трудилась прилежно...

Как только ушли сербы повсеместно стало появляться всё больше и больше албанцев. В тот момент их можно было поделить на две группы – одни выглядели более-менее прилично и были одеты в военную форму, другие были типичными лицами БОМЖ. Мародёрствовали и те и другие с одинаковым усердием.

Военную форму албанцы носили преимущественно сербскую с пришитым на плечо шевроном ОАК-УЧК. На шевроне, выполненном в форме круга жёлтого цвета, был изображён уродливый чёрный двуглавый орёл, а по периметру была нанесена надпись на албанском – Освободительная Армия Косово. Надпись была либо красной либо чёрной. Албанцев носящих военную форму было в сотни раз меньше чем албанцев без формы. За всё время своего пребывания в Косово я не видел ни одного из шиптаров кто бы в открытую носил оружие.

Мы постоянно ездили осматривать местность, доезжая таким образом до позиций различных соседствующих с англичанами натовских сил. Мы находились на территории которую согласно планам НАТО должны были занимать англичане – благодаря нашему приезду в Косово англичанам пришлось сильно потесниться. Для развёртывания других сил Альянса помех не было.

Соседями англичан были американцы и французы. Где-то должны были быть и немцы, но с ними мы не пересекались, видели лишь тех из них, кто отвечал за взаимодействие. Лично я ездил «во Францию». Виденные мною французские силы были представлены солдатами Иностранного легиона. С легионерами мне удалось пообщаться лишь однажды, зато для общения времени было достаточно. Я познакомился с их вооружением и техникой. Подразделение с которым мы контактировали имело на вооружение колёсные танки модель которых мне была не известна. Автоматы FA-MAS стоявшие на вооружении французской армии были очень интересным видом стрелкового оружия, в первую очередь из-за особенностей конструкции и относительной нераспространённости. Помимо компоновки по системе «булл-пап» FA-MAS имел сошки для удобства стрельбы. По весу это оружие было единственным из натовских образцов способным конкурировать с автоматом Калашникова – их вес был примерно равен, составляя немногим более трёх килограммов. Для десантника, пехотинца и особенно военного разведчика вес оружия имеет огромное значение. Пострелять из французского оружия возможности не было, а жаль. Оружие было достаточно удобным, но всё же по эргономике сильно уступало родному АКС-74. Автомат Калашникова идеален, ему нет и не будет равных. Хотя возможно всё дело в том, кто к чему привык, пообщайся я с FA-MAS подольше возможно разницы бы уже не замечал.

Разговаривал я с поляком, кажется сержантом, который хорошо говорил на русском языке. Парень он был общительный и настроен весьма дружелюбно. Говорили мы о разном, естественно в основном про дела военные. Меня интересовал вопрос, есть ли в их подразделении русские, не обязательно из России, а русские вообще. Он сказал что в Легионе они есть, но конкретно в их части русских нет ни одного. Сказав мне о том, что в Легионе есть русские он естественно не открыл для меня Америку - о наличии в рядах этого подразделения французской армии своих соотечественников я хорошо знал давным-давно. Более того, я всегда хотел сам послужить в Иностранном легионе, но это желание было скорее теоретическим. Мне не была симпатична Франция равно как и вообще старушка Европа – я хотел на халяву получить высокую боевую подготовку которой, во всяком случае как об этом говорят, славился Легион. Также мне хотелось опасных приключений, за которые вдобавок я ещё и буду получать, пусть и по современным меркам небольшие, но всё же деньги. Конечно же

меня привлекал и образ жизни Легиона – спартанские условия, суровый мужской коллектив и уже выше упомянутые боевая подготовка и смертельно опасные приключения.

Как сказал мой собеседник поляк русских в их подразделении не было, зато было два парня с Украины. Оба они находились неподалёку, но ни один из них к нам не подошёл. Причина, как мне представляется, проста: они или же просто не любили «москалей», либо боялись спецслужб, вернее сказать, уголовного преследования со стороны спецслужб по возвращению на родину. Российские и украинские службы безопасности сотрудничают друг с другом, а наёмничество является международным преступлением не имеющим срока давности. Абсурдность международной борьбы с наёмничеством для меня очевидна – наёмник лишь тогда совершает преступление когда воюет против той страны гражданином которой он является. Ну или когда воюет против народа выходцем из которого является он сам. В любом случае преступлением является не то, что он за свои действия получает деньги, а то, что он является предателем. Предатель всегда предатель – нет разницы ради денег он действует, из страха или же за идею. Предательство дело поганое и у порядочных людей ему нет оправданий. В военное время наказание за это одно – смерть, причём желательно позорная. Кстати, не смотря на осуждение «мировым сообществом» наёмничества, казнь наёмника-предателя пойманного с оружием в руках будет являться преступлением - ну как же, он ведь человек и его права неотъемлемы. Идиотизм полнейший. А может и не идиотизм, а просто-напросто у тех, кто пытается навязать миру современный правопорядок самих «рыло в пуху».

Пропагандируя сохранение жизни всякой мрази представители нового мирового порядка готовят отходные позиции для самих себя, мало ли как дело пойдёт. Тех, кто им мешает они всё равно убьют (если смогут), а вот когда порядочные люди начнут судить их самих то законы прочно свяжут честным людям руки. В Сербии как раз это и произошло. Когда позорный гаагский трибунал судил Слободана Милошевича получалось, что агрессоры судили человека защищавшего (но не защитившего) свою землю. Когда убивали сербов - это было нормально, на это закрывали глаза, когда стали убивать сербы - это сразу стало злодеянием, оказалось, что убивать это преступление. Милошевича не смогли осудить, зато смогли заморить до смерти. Результат такой, как я и говорил, кого надо всё равно убьют беззаконно, а начни судить их, ничего им не сделаешь, не подберёшься. Бесы хитры и многоопытны. Особенно бесы американские.

Вообще аналогий в современной повседневной жизни этому много. Например, гуманисты орут: «Нельзя казнить насильника педофила, он обладает всеми правами, жизнь человека священна, ему страшно умирать, ему больно умирать, ой-ой-ой, ай-ай-ай.» Они сочувствуют педофилу потому ...потому, что не сочувствуют его жертвам! Сами значит в душе такие же, как тот упырь, которого они защищают. Рука руку моет и так во всём. Ну или же выступления различных моральных уродов против насилия как такового. Ведь дураку понятно, что применять насилие для самообороны или наказания злодея есть неотъемлемый, святой, данный природой (т.е. Богом) способ самозащиты человека, равно как и любого другого живого существа. Так нет, гнилая интеллигенция вопит: «Насилие недопустимо, насилие это плохо». Почему? Да потому что пытаюсь запретить насилие как таковое негодяи стремятся связать руки порядочным людям, стремясь таким образом обезопасить самих себя и себе подобных подонков! Гуманизм это зло в чистом виде, антипод милосердия и справедливости.

Солдаты-наёмники из французского иностранного легиона, также как и их коллеги по НАТО с берегов туманного Альбиона производили впечатление людей хорошо подготовленных, крепких, спокойных и уверенных в себе. Мы (российские десантники), сербы, французы, англичане выглядели матёрыми бойцами – такими не выглядели ни американцы, ни их друзья шиптары. Получалось, что отсутствием приличного

воинственного вида отличались как раз те, кто эту войну и затеял. Для того, чтобы умело драться на передовой надо быть бойцом толковым: смелым, ловким, умным, сильным. Для того чтобы куда попало сбрасывать тонны бомб и сутками напролёт мародёрствовать не надо быть вообще никем.

На счёт наёмных солдат могу добавить следующее: за всю известную историю человечества наёмники не выиграли ни одного мало-мальски значимого сражения. Оно и понятно - воевать исключительно ради денег способны только идиоты. Чтобы воевать хорошо нужно любить военное дело (то есть хотеть убивать врагов, уничтожать и захватывать вражеские объекты) и при этом иметь желание сражаться за свои моральные убеждения, не боясь при этом рисковать собой. Если получится ещё и заработать на этом, то значит удалось совместить необходимое, приятное и полезное. Желание заработать абсолютно правильно, однако оно не должно идти в разрез с нравственными ценностями – только так можно сохранить своё человеческое достоинство и при этом добиться высокого результата. Не только на войне, но и вообще в жизни. И если для полномасштабных боевых действий наёмники не слишком хороши, то вот для миротворческих операций они подойдут как нельзя лучше. Дело в том, что интернациональные наёмники как правило не имеют личных антипатий к сторонам конфликта и поэтому будут наиболее непредвзято относиться ко всем его участникам. Наёмники будут просто выполнять свои обязанности не стараясь помочь одной из сторон конфликта, что в общем-то и требуется от миротворцев. По имеющейся у меня информации солдаты французского Иностранного Легиона участвуя во многих миротворческих операциях показали себя вполне хорошо.

Женя и Серёга, экипаж 342 БТРа, ездили на встречу с американцами, сопровождали кого-то из наших высших командиров решать вопросы относительно дальнейшего взаимодействия. В ходе выдвижения случилось ДТП суть которого заключалась в том, что Женя своим БТРом зацепил крыло «Хаммера». Непосредственно ДТП предшествовала опасная ситуация в ходе развития которой Джону пришлось маневрировать для того чтобы прикрыть машину нашего командира от возможного нападения албанов. Женя естественно был сосредоточен на обеспечении безопасности командира и поэтому не обратил на американскую машину должного внимания. При столкновении пластиковое крыло «Хаммера» треснуло. Водитель-«пиндос» стал требовать от Джона финансовой компенсации за причинённый ущерб. Назревал маленький международный конфликт. Женя послал «пиндоса» к нашему старшему, кажется полковнику по званию, а тем временем к БТРу подошёл немец из группы взаимодействия.

Немец был переводчиком и соответственно знал русский язык. Он обратился к Джону с примерно следующими словами: «Русский, я всё видел и я на твоей стороне, если что, я подтверждаю что американец сам виноват. Америка самая богатая страна, но американцы самые жадные на Земле люди. У них всего полно, но им вечно всего мало!» Нежданно-негаданная помощь ободрила Женю, уже начавшего подозревать, что ему попадёт от командира, да и за крыло возможно всё же придётся заплатить. Однако помощь немца при разрешении американо-российского конфликта не понадобилась – наш полковник выслушав претензии американского водителя послал его куда подальше: «Иди отсюда, мой солдат действовал правильно - жизнь командира важнее каких-то там крыльев!». Тем всё разбирательство и кончилось. Опозорившийся «пиндос» подойдя к Джону постарался как-то с ним пообщаться, но Женя будучи оскорблённым американской корыстностью игнорировал все его заискивания. Примечательно в этой истории не крыло американской машины, а поведение немца.

Немцы, будучи народом самодостаточным и неглупым понимали, что американцы сбрасывая бомбы на сербские города бомбили не просто Сербию - они бомбили Европу. Да и историю стёртого с лица земли Дрездена немец наверняка помнил.

Немного позже сербы рассказали как немцы в своей зоне ответственности наводили порядок, вернее сказать, приучали к порядку албанцев. По словам сербов, немцы велели «шиптарам» полностью разоружиться и не носить военной формы, поскольку в Косово не должно быть ни сербских ни албанских вооружённых подразделений. Албаны проигнорировали приказ «гаулейтера Косово» и как ни в чём ни бывало продолжали щеголять в униформе, да и с оружием наверняка не спешили расставаться. Немцы решили принять меры силового характера чтобы принудить албанцев к демобилизации, но те в ответ оказали сопротивление и убили несколько германских военнослужащих. Немцы провели карательную акцию расстреляв несколько десятков албанцев пойманных в военной форме. Албаны разоружились и сняли униформу. На первый взгляд история кажется бредовой фантазией сербов, но как показывает практика жизнь зачастую бывает невероятнее любой фантастики. Справедливости ради надо отметить, что даже от сербов эту историю я слышал всего один раз.

Албанцев тем временем прибывало – мародёрства уже пошли во всю. Каждую ночь горели сербские дома – албанцы принялись за дело. Пока ночных пожаров было ещё не много, но вектор развития уже чётко обозначился. К военным объектам находящимся под нашим формальным контролем шиптары пока руки не тянули, видимо хватало домов мирных сербов. Начались первые наши инциденты с албанцами. В один из дней со стороны одного из наших постов началась стрельба. Стреляли наши. БТРы резервной группы сорвались с места по направлению к посту, немного позже туда же отправились и мы с Толстым, мы везли кого-то из командиров решившего на месте выяснить, что случилось на посту. Когда подъехали к посту стрельба уже прекратилась, потерь с нашей стороны не было. Взводом находившимся на посту командовал старший лейтенант Я., легендарная личность. Он побывал во всех без исключения «горячих точках» где участвовали ВДВ в годы его службы. Будучи грамотным и физически развитым офицером он был своеобразным сорвиголовой за что пользовался уважением у подчинённых. При этом он не был сторонником жёсткой уставной дисциплины и при необходимости мог позволить своим бойцам существенные вольности. Авторитет его был высок. Как я понимаю необходимость открыть огонь у старшего лейтенанта Я. и его бойцов вызвала какая-то особая дерзость албанских мародёров. Точно обстоятельства того происшествия мне не известны до сих пор – когда наша резервная группа прибыла туда там всё закончилось без нашего участия. Мы уехали обратно.

Каждый день происходили какие-то происшествия связанные с шиптарами, что-то я видел сам, что-то мне рассказывали сослуживцы или же сербы. Например, однажды подошедший к нам сослуживец поведал историю, которая приключилась с ним и его товарищами пару часов назад. А случилось следующее. Мимо наших, стоящих на обочине дороги, проезжал на легковой машине албанец, поравнявшись с солдатами он притормозил, открыл окошко и что-то злобно крича (видимо угрожая или ругаясь) стал делать в направлении их жесты имитирующие отрезание головы, чередуя их с известными всему взрослому населению земного шара неприличными жестами. По всей вероятности он был уверен, что стрелять по нему не станут и он сможет поглумиться всласть находясь в абсолютной безопасности. Возможно, шиптар надеялся в случае опасности вовремя нажать на педаль акселератора своей колымаги и скрыться за ближайшим поворотом. В этом смысле его надежды полностью оправдались: когда наши двинулись в его сторону он попросту уехал.

Этот кретин был конечно же неместный и поэтому естественно не знал того, что дорога по которой он ехал делала крутой поворот изгибаясь более чем на 90 градусов. Наши парни это знали и быстро пробежав по короткой прямой перекрыли дорогу. Машина албана, который наверное очень радовался своей проделке, упёрлась в оцетинившихся стволами ребят, тех самых ребят которым он минуту назад делал

«нехорошие» жесты. Последующая расправа была быстрой и жёсткой. Дальше владеющий языком жестов албанец поехал с вдребезги разбитой рожей.

Мы с большим интересом слушали разгорячившегося рассказчика, когда один из нас с большим сожалением в голосе высказался относительно того, как по его мнению нужно было поступить в этой ситуации. Как я предполагаю, парень имел в прошлом определённый уголовно-криминальный круг общения и поэтому сказал он примерно следующее: «Зря вы албанца просто побили - надо было его «опустить»!» Я сейчас точно не помню, сказал он именно «опустить» или может быть «завафлить» или «офаршмачить», но смысл сказанного был именно таким. Шутка удалась и мы долго хохотали. Лично мне особо смешным было представить, как это выглядело бы на практике. Силы КФОР устанавливают мир в крае Косово...

Посмеявшись вдоволь мы коллективно пришли к выводу, что подобные действия конечно же были бы не совместимы с высоким статусом российского десантника. С реализацией вышесказанного на практике тоже была серьёзная проблема: никто из нас не имел не только опыта в таких делах, но и вообще не имел нетрадиционных сексуальных наклонностей. Проблему пришлось бы решать прибегнув к не совсем добровольной помощи другого албана, благо их в окрестностях было уже немало.

«Опущенному» албанцу этот эпизод его жизни вполне мог пойти на пользу. Он обратился бы к западным правозащитникам, они любят тех, кто пострадал от действий русских, рассказал им о том, как жестокие российские солдаты обидевшись на его дружелюбные жесты «обидели» его самого. Правозащитники дали бы ему кучу денег (добровольно-принудительно изъятых у западных же налогоплательщиков), гражданство США и он ездил бы по разным конференциям и заседаниям и с пафосом рассказывал о «зверствах» русских. В общем, зажил бы он благополучно и богато ничего при этом не потеряв. Что же касается унижения человеческого достоинства, то беспокоится тут явно не о чём. Сильно сомневаюсь, что человеческое достоинство есть у тех кто за доброту и гостеприимство платит подлейшей неблагодарностью: некогда сербы приютили албанцев, а те в свою очередь прижились, окрепли, расплодись и стали выгонять сербов с их земли не забывая при этом их убивать, насиловать и грабить.

Кстати по поводу опыта албанцев в делах насильственного мужеложства – как выяснилось позже, он у них имелся. Два года спустя, когда я снова находился в Боснии, мой сослуживец вкратце поведал в общем-то страшную историю которая произошла во время его службы в Косово (их подразделение прибыло нам на смену, кажется из Иваново). Суть происшествия в следующем: однажды у них пропал парнишка, а спустя несколько дней его нашли – мёртвого. Врачи обследовавшие труп перед отправкой в Россию поделились своими соображениями на счёт того каким образом был убит этот солдат. По их, как мне представляется, компетентному мнению парень должен был умолять о смерти. Помимо следов изуверских пыток и истязаний на теле были обнаружены многочисленные следы сексуального насилия. Жуткую смерть принял парняга, упокой Господь его душу.

Мы поехали в Приштину для проведения очередных переговоров и пока командиры что-то с кем-то решали я зашёл в расположенный поблизости продуктовый магазин. Магазин был явно построен не вчера, вывески и даже ценники были на сербском языке. Когда я стал что-то спрашивать про интересующий меня товар выяснилось, что никто из людей находившихся в магазине абсолютно не говорил по-сербски. Со мной пытались общаться доброжелательно, даже заискивающе, но никто из нескольких находившихся в магазине человек не знал сербского языка вообще. Ни одного слова.

Находящиеся в магазине шиптары могли быть не знакомы с сербской речью только лишь по одной причине: они не жили раньше в Косово и не общались с сербами. То есть они пришли сюда напрямиком из Албании буквально на днях.

Албанизация Косово шла полным ходом. Когда я всё понял я просто вышел из магазина. Мне до сих пор интересно, эти албаны просто залезли в оставленный магазин или же перед тем как начать там хозяйничать они поубивали его сербских хозяев.

В один из дней мы поехали сопровождать кого-то из наших командиров на проведение переговоров с представителями местной сербской власти. Переговоры у начальников были длительные и мы будучи предоставлены сами себе тоже стали вести своеобразные «переговоры» с сербами. Получалось очень гармонично: российские командиры вели переговоры с сербскими руководителями - российские солдаты вели «переговоры» с рядовыми сербами.

Не знаю в каких условиях проходили «высокие» переговоры, наши же переговоры проходили в условиях достаточно комфортных, поскольку местом их проведения было кафе. Помимо прочего на наших переговорах присутствовали ракия и пиво которые не оставались без внимания надолго. И мы, и сербы наглядно демонстрировали умение обращаться с этими напитками. Присутствовала там и якобы русская водка «Сибириада» с нарисованным на этикетке оленем, её пользовали также активно. Хотя никто особо не нажрался тем не менее, по любому из нас можно было сделать однозначный вывод об участии в «круглом столе».

Общение с сербами проходило в братской обстановке. Мы разговаривали на разные темы при этом в разговоре неизбежно постоянно возвращаясь к тому, что происходило вокруг. Легко можно представить какими словами характеризовали сербы США и лично Билла Клинтона. Дословно всего сказанного я не помню, но сербами президент «величайшей демократии всех времён и народов» Билл Клинтон характеризовался как террорист, пидарас, козёл, фашист, гандон, маньяк и т.д. Мы были солидарны с сербами и безоговорочно осуждали творимое Америкой беззаконие. Я не хотел чрезмерно вдаваться в политику и высказался на тему того, что к политике я по большому счёту равнодушен и меня больше интересует возможность хорошо погулять.

Я не слишком церемонился в выборе слов и жестов и в результате получилось грубовато. Услышав эти слова один из моих сослуживцев сделал мне замечание относительно двусмысленности сказанного мною. По его мнению, из моих слов сербы могут сделать вывод о том, что наши жизненные интересы не распространяются дальше пьянок и баб. В принципе он был прав и поэтому я более подробно разъяснил сербам суть сказанного мною найдя у них полное взаимопонимание.

Один из сербов показал нам как, по его мнению, надо употреблять водку: поставив на стол наполненную стопку он перекрестил её и сказав что-то на вроде «Дай Бог здоровья!» решительным движением руки отправил её себе в рот. Мы последовали его примеру в точности повторив показанный им ритуал. Ритуал нам понравился и мы повторяли его ещё несколько раз. Этот простой сербский мужик пришёлся мне по душе и я захотел подарить ему что ни будь на память о нас и нашей Родине. Единственной подходящей памятной вещью бывшей тогда в моём распоряжении был юбилейный, ещё советский рубль на котором был изображён...Ленин. Очень символично, особенно если учитывать, что трагически развалившиеся государства СССР и Югославия были искусственно созданы коммунистами руководствовавшимися идеями марксизма-ленинизма.

У рубля была своя предыстория. Ещё находясь в Боснии я выменял его у одного из своих сослуживцев на выменянный у «пиндоса» небольшой нож китайского производства. Рубль я хотел снова поменять «пиндосам», но уже на что ни будь более ценное – на зажигалку «Зиппо» или фонарик «Маг лайт». Поменяться с американцами возможность мне не представилась, правильнее сказать не было времени - я уехал в Косово. Рубль же преспокойно проделал весь путь в моем кошельке и вместо американского кармана оказался в кармане сербском. Таким образом, рубль

изначально предназначавшийся представителю одного из участников вооружённого конфликта в конечном результате достался его противнику.

Во время одной из поездок я решил поменять американские доллары на немецкие марки. Дело в том, что сербы в Косово не принимали американские деньги к оплате, причиной этого была конечно же ненависть к Америке. Поменять деньги тоже было проблемой – сербы не только не принимали доллары к оплате но и упорно не хотели их менять на марки. В конце концов мне удалось поменять сто долларов по обменному курсу который был сильно занижен относительно существовавшего в Боснии на момент нашего отъезда, при этом мне ещё пришлось уговаривать серба осуществить обмен. Серб пошёл мне на встречу только лишь потому, что я русский десантник, защитник, друг и брат. То, что в центральной части Сербии выменянные у меня доллары можно без проблем обратно поменять на марки и получить при этом прибыль в расчёт не принималось.

После произведённого обмена валюты я двинулся обратно в направлении своего БТРа, мой путь пролегал через небольшой продуктовый рынок. Когда я проходил по территории рынка подошедший пожилой серб вручил мне полиэтиленовый пакет в котором явно просматривалась целая связка колбасы. Я был обрадован нежданно-негаданной возможностью поживится свежей колбаской и поэтому продолжил свой путь к БТРу в приподнятом настроении. По прибытии к своей машине я решил не откладывая дело в долгий ящик уделить внимание содержимому только что полученного от серба пакета. У меня было пиво, открыв бутылку которого я запустил руку в пакет надеясь хорошенько перекусить. Пиво и свежая колбаса – просто чудесно! Однако меня постигло жестокое разочарование: то, что я принял за колбасу на деле оказалось связкой купат. Купаты были абсолютно свежие и конечно же сырые. От свежести купатов толку не было абсолютно никакого - поджарить их мне было не на чем, а сырыми их естественно есть не станешь. «Колбасу», весь пакет, пришлось выкинуть. Обидно.

Во время одного из выездов к нам подошёл парень хорошо говоривший по-русски. В течение всего времени, что мы тогда провели ожидая окончания переговоров он общался с нами и помогал нам в общении с находящимися поблизости сербами. Он сам был местным и поэтому помимо налаживания общения мог много нам рассказать об обстановке в Приштине и событиях происходящих вне поля нашего зрения. Как звали его не помню, а прозвище у него было «Чипс». Получил он его из-за «картофельной» фамилии. С учётом обстановки Чипс был очень полезным человеком, и как переводчик, и как своеобразный местный проводник. Чипс просил меня рассказать о нём командованию, он хотел работать у нас переводчиком. Он не понимал, что осуществиться его замыслу было просто невозможно, особенно в той обстановке что нас тогда окружала.

Вообще я даже не слышал чтобы в бывшей Югославии в те годы наша армия нанимала иностранных переводчиков. Штатными переводчиками были курсанты военного училища старших курсов специально приезжающие в Боснию на практику. На всю боснийскую бригаду их было не более десяти человек. Я сказал Чипсу, что расскажу о нём и его способностях командованию, но уже заранее знал о полной бесполезности этой идеи.

Я действительно доложил, что на свете существует такой полезный парень, что зовётся Чипсом, но как и следовало ожидать ничего не произошло. Кстати, переводчик в ходе выполнения своих обязанностей может узнать много различных секретных сведений и поэтому даже если бы в российские миротворческие силы нанимали бы местных переводчиков Чипсу пришлось бы пройти серьёзную проверку. Проверка требует времени, а в данном случае его не было ни у нас, ни у Чипса. Я так до конца и не понял истинную причину того, почему он хотел устроиться к нам переводчиком. То ли он хотел таким образом помочь и своим землякам и нам, то ли он просто хотел

трудоустроиться в беспокойное время. Скорее всего и то и другое, но как бы то ни было оба мотива представляются мне вполне нормальными. После того случая Чипса я больше никогда не видел.

В один из дней мне удалось разжиться хорошими солнцезащитными очками. Очки я купил у своего товарища Жени, водителя БТРа №342, пулемётчиком которого был мой друг Серёга С. Очки были знатные - помимо идеального прилегания к моему далеко неидеальному лицу они ещё и имели безопасные для зрения стёкла производства известной фирмы. Фирма занималась изготовлением оптики и мягких контактных линз, следовательно её продукции можно было доверять. Джон купил эти очки на распродаже в американском военном магазине. Изначально они стоили около ста долларов и естественно за такие деньги он бы не стал их покупать. На распродаже Женя «прибарахлился» ими за тридцатку. Джон непродолжительное время носил эти очки, но потом они ему разонравились и он решил поменять их на какую ни будь другую вещь. Мне они нравились и я решил купить их у него. Тоже за тридцатку. У Джона были проблемы с деньгами и кроме причитающейся за очки тридцатки он получил у меня ещё сотню долларов в долг. На момент написания книги он так и не вернул мне занятые тогда деньги, хотя без труда мог бы сделать это. Сто долларов это не много, но всё же за десять минувших лет у меня не раз складывались ситуации когда они бы мне оченьгодились.

Таким образом получилось, что я купил очки за сто тридцать долларов. В принципе, в московских магазинах очки этого производителя стоят от ста долларов и выше - то на то и вышло. Любопытно, что подобным образом поживиться моими деньгами всегда было несложно – чужим людям я не доверял, зато своим друзьям в помощи никогда не отказывал. Меня неоднократно наказывали за доброту (на значительно большие чем сто долларов суммы), но я всё равно не унимался. В конце концов я решил, пусть я буду дурак, но от нуждающихся друзей не отвернусь. Потерять деньги это не так плохо как в трудную минуту отвернуться от друга (который может оказаться вовсе и не другом, а замаскированным недругом). У такой политики оказался неожиданный результат – ряды моих друзей сохранились и преумножились, а гнилые людишки отсеялись. Если моё хорошее отношение к женщинам никогда самими женщинами не ценилось и как следствие не способствовало налаживанию близких отношений, то моя порядочность в дружбе всегда приносила свои плоды. Джон не был моим другом, он был моим товарищем, но с учётом обстановки это было почти одним и тем же. Кстати, разлюбезный Джон, если ты сейчас читаешь мою книгу и помнишь описанные в книге дни то будь добр разыщи меня и верни мне деньги. Ну а если это по какой-то причине невозможно, то купи на них, от моего имени, что ни будь полезное какому ни будь сироте или одинокой матери. Господь зачтёт мне это.

Взлётно-посадочная полоса была в хорошем состоянии и её параметры были изучены должным образом. Как я уже упоминал, мне лично даже «выпала честь» поучаствовать в её подробном изучении сопровождая позорного авиатора. Так как полоса была пригодна для того, чтобы принимать самолёты мы рассчитывали на скорейшее прибытие существенного подкрепления из России. Имеющимися у нас силами мы могли только еле-еле контролировать занимаемую территорию, да более-менее обеспечивать собственную безопасность. Причём делали мы это исключительно благодаря спокойной обстановке и огромному перенапряжению всего личного состава батальона – я лично спал не более чем по три-четыре часа в сутки. Так не могло продолжаться бесконечно по целому ряду причин. Во-первых, албанцев день ото дня прибывало и вели они себя всё более дерзко совершая мародёрские вылазки уже и на военные здания находящиеся под нашим формальным контролем. Дома сербов вообще уже горели каждую ночь, постоянно слышалась стрельба. Во-вторых, хотя мы и были хорошо подготовлены, тем не менее наши возможности были не безграничны, мы просто-напросто уставали. В-третьих, мы вообще не обеспечивали

безопасности сербам, просто потому, что нас было очень мало. Конечно же, перед нашим батальоном не ставилась задача обеспечить безопасность сербскому населению, нам была поставлена другая, одна-единственная задача: занять аэродром Слатина, но силы КФОР, которые были введены в Косово и к которым мы вроде как принадлежали, якобы вводились в край как раз для установления мира.

Подкрепление или замена нам были необходимы. Но проходил день за днём, а никто из России не прилетал нам на подмогу. Причина была проста – отсутствовал необходимый для пролёта воздушный коридор. Не было разрешения на пролёт, вернее сказать, этого разрешения Россия не получила, в частности от Болгарии. Ясное дело, получить это решение не представляло ни какого труда, да только нам не давали его по причине примитивнейшего предательства. Предали нас все, кто только мог. Все, от кого что-либо зависело в решении этого вопроса. Лизать американскую жопу получая за это американские деньги либеральным лидерам целого ряда стран было приятнее нежели чем сохранять вековую дружбу с Россией. Мы по-прежнему оставались в своём первоначальном составе. Мы не боялись трудностей, но помощь нам, а главное ждавшим от нас защиты сербам была необходима.

Как я понимаю, для урегулирования проблемы с воздушным коридором где-то далеко от Косово велись переговоры. Не с болгарским правительством и ему подобными деятелями, а с руководством стоящих неподалёку от нас солдат. Результатом этих переговоров стало то, что вскоре английские авиаторы осмотрели аэродром уже для приёма своих «бортов». Сербский аэродром был поделен «по справедливости» – половина русским, половина «инглезам». Поделен он был не в смысле проведения на нём границы, а в смысле его совместного дальнейшего использования.

Я не знаю, получила ли наша страна какую ни будь выгоду от того, что англичан пустили на аэродром, но зато я уверен в другом – если бы Россия не пошла на этот шаг не видать нам было бы своих самолётов в Косово. Кроме того, содержание аэродрома требует больших финансовых расходов и для России тех лет это было бы существенным обременением. Значительно выгоднее было бы переложить половину этих расходов на наших британских коллег, что и было сделано. Кстати, в отличие от нас, для англичан аэродром не был единственным способом получать людей и технику – их многочисленные силы прибыли сюда без помощи транспортной авиации. В общем, как я уже и говорил, со второго дня нашего пребывания в Косово большая политика перестала зависеть от наших действий – всё решалось уже далеко от здешних мест.

Сербы взорвали свои артиллерийские склады, однако на некоторых из них всё же успели побывать наши парни. На складах не было исправного оружия (во всяком случае мне не известно о фактах его нахождения), но зато в изобилии присутствовали патроны и гранаты. Как поведали ребята, гранаты у сербов были двух видов: осколочные и начинённые слезоточивым газом. Газовых гранат я так и не увидел, а вот одной осколочной гранатой мне удалось разжиться. Сам я ни разу на сербских артиллерийских складах не был и поэтому не мог самолично пополнить свой арсенал, однако мир не без добрых людей.

Как я уже говорил, я испытывал, да и испытываю до сих пор, тягу к оружию и поэтому получить в своё распоряжение какой-либо новый его образец мне было бы приятно и об этом знал мой друг. Друг выпросил гранату у одного из наших парней побывавших на сербских складах и преподнёс её мне в подарок. Совершая это действие друг имел буквально-таки заговорщицкий вид, предупредив меня ни в коем случае не разглашать источник получения мной данного боеприпаса. Я не разглашал его тогда, а сейчас уже и не помню кем изначально граната была добыта. Опишу лучше саму гранату.

Граната была абсолютно незнакома мне вида, она имела чёрный пластиковый корпус и была выполнена в форме классической «лимонки». Выкрутив запал и заглянув в отверстие можно было увидеть ровные ряды блестящих шариков уложенных по окружности корпуса и залитых чем-то прозрачным. Я не помню, была или нет на гранате маркировка. Была эта граната оборонительной либо наступательной никто из нас не знал. Тем, кто не знаком с военным делом поясню: оборонительные гранаты имеют гораздо больший радиус разлёта поражающих элементов (осколков) нежели гранаты наступательные. Предполагается, что при обороне солдат будет находиться в укрытии и поэтому взрыв собственной гранаты ему будет безопасен. Атакующему солдату укрываться особо негде и поэтому осколки брошенной им гранаты не должны лететь слишком далеко. Насколько я знаю, во всех современных армиях ручные осколочные гранаты делятся на эти два типа. Крайне важно точно знать к какому типу относится граната которую собираешься применять, поскольку при неумелом использовании можно пострадать самому или же поразить своих товарищей.

К какому типу относилась эта граната я не знал, поинтересоваться на счёт дальности разлёта её поражающих элементов было не у кого – сербских солдат в Косово не было уже давно. Проводить испытания гранаты я не хотел, она была у меня всего одна, а таскать постоянно с собой было не очень безопасно и я решил сохранить её «на всякий случай». Опасность постоянного ношения гранаты заключалась не только в возможном подрыве незнакомого боеприпаса, но и в том, что любой из офицеров мог просто-напросто конфисковать мою гранату, а этого мне не хотелось. В общем, убрал я гранату в надёжное место, а именно спрятал в БТРе. Для страховки я выкрутил из гранаты запал.

На вышеупомянутой сербский вещевой склад мне пришлось наведаться ещё раз. Дело в том, что у меня были американские ботинки которые назывались не то «Алтама», не то «Атлама», в общем созвучно с названием одного американского штата. В американской армии использовались различные типы ботинок, в общей сложности наверное десятка полтора моделей. Те, что были у меня были наиболее распространёнными и по мнению большинства из нас были самыми хорошими. Помимо удобства и приличной долговечности они были ещё и самими экономичными по стоимости. Мне очень нравились эти ботинки, в первую очередь за свою высоту, удобство шнуровки и плотность охвата ноги. Недостатком была подошва которая сильно скользила на мокрой траве и глине.

Не смотря на то, что эти ботинки поставлялись в американскую армию часть из них изготавливалась не в США, а в Китае. Таким образом получалось, что китайская экономическая экспансия достигла Пентагона. Китайский образец отличался от оригинального американского тем, что петли для шнурков у него были выполнены однообразно, сверху донизу. Американский ботинок вместо двух нижних петель имел дырки как на обычной обуви. Цена обоих экземпляров была одинаковой и составляла около восьмидесяти долларов США. Покупали мы эти ботинки в военном американском магазине, естественно на американской же военной базе. Однообразие петель показалась мне более гармоничной и поэтому при покупке я выбрал образец произведённый в Китае, хотя тогда ещё и не ведал о месте изготовления обуви. Вторым отличием китайских ботинок было то, что их каблуки прибивались к подошве гвоздями, тогда как на чисто американских ботинках они составляли единую литую деталь с ней. Именно эти проклятые китайские каблуки и стали причиной моего появления на сербском вещевом складе.

Каким-то образом я умудрился оторвать и потерять один каблук, а без каблуков, понятное дело, ходить неудобно. На вещевом складе валялась куча поношенных сербских ботинок и подобрав пару с наименее сточенными каблуками я принялся ремонтировать свою обувь. Оторвав каблуки от подошв сербских ботинок я начал

осуществлять нехитрый ремонт ботинок американских. При помощи пилы универсального ножа «Викторинокс» я подогнал каблучки по размеру, а затем рукояткой штык-ножа приколотил их на место. Получились американо-китайско-сербские ботинки. На момент моего последнего появления на складе там ничего мало-мальски ценного уже не осталось, всё было уже унесено нашими или, что тоже вероятно, албанцами. Надеюсь всё же нашими.

Албаны мародёрствовали всё более дерзко, если первые дни они только понемногу грабили отдельные сербские дома, то сейчас беззащитные сербы уже подвергались массовому, фактически промышленному грабежу. Только лишь грабежом дело не заканчивалось, разграбленные сербские дома зачастую поджигались. Каждую ночь горели «погребальные костры» сербской культуры в Косово. Я никогда не считал сколько именно сербских домов сгорало за ночь, сколько их горело одновременно, но точно знаю – их было по настоящему много. Днём мародёрства слегка стихали (надо же когда-то отдыхать), но естественно не прекращались.

Мы ни во что не вмешивались и так было практически всё время. Например, прибегают на пост сербы, просят помощи. Старший поста уточняет, что же именно произошло. Выясняется примерно следующее: в непосредственной близости от поста шиптары грабят сербский дом, уже избили и изнасиловали старуху (видимо молодых в доме не было), имущество уносят. Старший отдаёт приказ бойцам: «по коням», едем сербов защищать. Связывается с оперативным дежурным, докладывает о происшествии и о своих намерениях ... но получает приказ ничего не предпринимать, оставаться на месте. После этого ему, т.е. старшему поста, приходится ещё и объяснять сербам почему он не будет их защищать.

Начальство далеко и оно не видит перед собой плачущих сербов, а ты рядом и когда объявляешь людям пришедшим просить защиты у тебя, здорового, экипированного и вооруженного десантника, что ты отказываешься их защищать то чувствуешь себя, мягко говоря, некомфортно. Чувствуешь себя предателем, хотя сам лично никого не предавал. Погано себя чувствуешь. Просто пиздец, как погано. Это не разовый случай, так было всё время.

Если не слишком задумываться над ситуацией то можно сделать вывод о том, что командование берегло нас, прекрасно понимая, что двести, даже хорошо подготовленных, человек не смогут обеспечить безопасность сербам. При этом пытаясь оказать сербам помощь мы легко могли попасть в специально подготовленную для нас албанцами засаду. Более того, албанских мародёров необходимо было или убивать, или задерживать, однако и в том и в другом случае нам не миновать реальных боестолкновений с бесчисленными шиптарами, которые по-прежнему почему-то упорно не желали на нас нападать. Мы не боялись воевать против албанов, но было ясно, что большого успеха в этом деле нам не достигнуть (опять же, нас было слишком мало) и следовательно провоцировать их было делом бессмысленным - сербам это бы вряд ли помогло. Тут примечательно другое, когда наконец-то прибыло долгожданное подкрепление помощь сербам всё равно не оказывалась. Приходят на ум слова полковника услышанные мной в первый день пребывания в Косово. Глубокомысленные слова. Слова о том, что воевать мы тут не будем.

Несколько раз по ночам открывалась стрельба по мародёрам пытавшимся залазить в находящиеся под нашим контролем здания на прилегающей к аэродрому территории. Стреляли наши часовые, или вернее сказать патрульные. Ни разу никого не убили и не задержали. Следов ранений, типа крови и окровавленных тряпок обнаружено не было. Ответный огонь мародёрами не вёлся. Днём мы постоянно ездили гонять организованные группы мародёров пытавшихся выносить имущество из административных и военных зданий. Оккупанты действовали всё масштабнее.

Однажды мы - я, Толстый и офицер, бывший старшим нашей машины, получили приказ выдвинуться к одному из зданий и удалить оттуда группу замеченных там албанских мародёров. Подъехав к указанному казённому помещению мы застали этих деятелей за работой – они копошились там старательно выискивая что-либо ценное. На дороге стояла их машина, старая раздолбанная легковушка. Само по себе событие заурядное, если бы не один момент.

Возле машины стоял албанец одетый в сербскую армейскую камуфлированную куртку. На одном плече у него был пришит традиционный шеврон ОАК-УЧК, а рядом были прикреплены чётки, видимо обозначающие какой-то высокий статус их обладателя. Этот тип был явно лидером мародёров. Мы со старшим пошли выгонять из здания лазающих там албанов, Толстый остался в БТРе. Он нервничал, и хотя мы были в пределах прямой видимости, требовал чтобы мы далеко от БТРа не отходили. Мы прекрасно понимали, что углубляться на территорию где сейчас находилось неизвестное количество албанов было опасно, но в тоже время делать что-либо было необходимо. Офицер знаками объяснил лидеру мародёров, чтобы он вместе со своими помощниками «валил» отсюда. Тот понял, что от него требуется и дальше произошло событие которое мне запомнилось. Главный албан что-то крикнул своим подручным и те кинулись вон из здания с просто таки невозможной быстротой. Я много раз наблюдал с какой панической быстротой забитые и «зачморённые» молодые военнослужащие выполняли указания «дедов», но то проворство и страх, с каким кинулись бежать мародёры показались мне нереально-невероятными. Увиденное произвело на меня большое впечатление. Как я понял, старший мародёр обладал очень большой властью над своими младшими коллегами. Такой власти можно было добиться только одним способом – безжалостной жестокостью.

Мародёры, в количестве примерно десяти человек, залезли в свою машину и отъехали на несколько сотен метров. Там они остановились и стали ожидать нашего убийства, видимо надеясь продолжить своё занятие, но мы уезжать не спешили. Они тоже не двигались с места и тогда мы подъехали к ним и в максимально решительной форме потребовали «уёбывать на хер отсюда». Мне невыносимо хотелось открыть по этой мрази огонь, благо их машина представляла прекрасную цель для моих пулемётов. Я очень хотел получить приказ на открытие огня, но приказ так и не поступил – албанцы не спеша уехали. Зря мы тогда эту сволочь отпустили, ох зря. Если уж нельзя было расстрелять этих гадов, то нужно было хотя бы сжечь машину, лишив их таким образом возможности вывозить награбленное.

Кому-то может показаться, что я слишком кровожаден и поэтому будет интересно узнать сколько же человек были убиты лично мною. По поводу кажущейся кровожадности я отвечу следующим: я человек добрый, но в смерти, даже насильственной ничего сверхъестественного и ненормального не вижу. Смерть, как таковая, это не хорошо и не плохо, смерть это естественная и неотъемлемая часть жизни. Как я уже говорил, смерти боятся только дураки и трусы, ни к тем, ни к другим я себя не отношу. Я уверен в существовании Бога, я знаю что всё живое произошло от него и является его своеобразным отражением и поэтому рассуждаю так: поскольку лишение жизни является причинением вреда, то соответственно оно должно быть обосновано той, либо иной необходимостью. Применительно к лишению жизни человека такой необходимостью может быть самооборона либо наказание за существенное злодеяние. Самооборона в мирное время подразумевает непосредственное участие в нападении со стороны того, от кого ты защищаешься, в военное или другое чрезвычайное время достаточно самого факта принадлежности человека к враждебной группе. Люди равноправны (но естественно не равны), следовательно по своему произволу не могут распоряжаться жизнями других людей. В отношении живой природы, животных и растений, принцип не причинения необоснованного вреда так же актуален: нужна пища - убей животное, нужны дрова -

сруби дерево, но ничего, никогда не уничтожай без необходимости. Подытожив вышесказанное можно следующим: я, в отличие от большинства людей, не считаю сам факт убийства чем-то плохим, плохим и злодейским я считаю необоснованность причинения вреда, в данном случае лишение жизни. Получить ответ, что обосновано необходимостью, а что не обосновано любой человек может понаблюдая за живой природой – там есть ответы на все вопросы. В этом смысле абсолютно правы власти Китая установившие за убийство редкого тигра смертную казнь. Человек по своему статусу главнее огромной полосатой кошки, но тем не менее природа заботится в первую очередь о сохранении вида, а уж затем о сохранении его отдельных представителей. Опять повторяюсь, что милосердие это хорошо, а вот человеколюбие (гуманизм) это плохо. Такая моя жизненная философия, всё очень просто. Предполагаю, что сторонники христианских ценностей будут возмущены таким мировоззрением, но лично меня их мнение мало беспокоит, мне давно с ними не по пути.

Теперь о том, сколько человек я лично лишил жизни. Многие люди узнав о том, что я был в Косово и Чечне, в надежде услышать душеспитательную историю, спрашивали сколько я убил своими руками. Я не барон Мюнхаузен и к моему большому сожалению мне нечем было потешить их любопытство – я не знаю сколько человек убил лично и даже убил ли я вообще кого-нибудь. Мне не приходилось видеть результаты своего огня и поэтому я могу лишь надеяться что «меткие пули» моих пулемётов настигли-таки ловких боевиков. Что касается соучастия в убийствах людей то на войне в той или иной роли я принимал участие неоднократно, сколько именно уже даже не помню. В мирной жизни в убийствах я принимал участие один или два раза, точно вспомнить не могу, обстоятельства второго случая почти стёрлись в памяти. Но, так или иначе оба случая были однообразными. Моё соучастие происходило в форме финансирования убийства. Мой друг просил у меня денег на оплату аборта своей подружки и я естественно не мог не «выручить» его. Мне было немногим более двадцати лет и я не задумывался особенно над тем, чем на самом деле является прерывание беременности. Всевышний избавил меня от того, чтобы я совершил такое злодеяние в отношении своего ребёнка - как я уже говорил, в юности я не был слишком избалован женским вниманием, а послеармейское навёрстывание упущенного проходило уже с осторожностью и пониманием. Сейчас я даже радуюсь, что в юные годы не обладал смазливой рожой и не отличался особо привлекательным поведением, также я очень рад тому, что в юности не был чрезмерно силен – со своими тогдашними представлениями о справедливости я бы «наломал дров» и в конечном итоге бесцельно, глупо и бестолково пропал бы.

Проходили дни, а самолёт из России так и не появлялся. Албанцев становилось больше и больше, их численность росла в арифметической прогрессии. Обстановка накалялась, мародёрства и грабежи сербского населения достигли своего апогея. Несмотря на все наши ожидания в отношении нас шиптары не проявляли особой агрессии. И тогда и сейчас мне очень интересно узнать как поступило бы верховное командование в России если бы у нас произошли масштабные боестолкновения с албанцами.

Воздушный коридор по-прежнему не был нам предоставлен и поэтому получить по воздуху подкрепление мы могли только если бы правительство не побоялось нарушить международные правила перелёта. Получить подкрепление наземным способом было маловероятно поскольку со всех сторон мы были окружены силами НАТО и опять же албанцами. Наземный способ получения подкрепления также как и воздушный предполагал пересечение границ нескольких государств. В дальнейшем, когда подошли наконец-то прибывшие нам на замену силы, доставка техники осуществлялась сначала по морю до Греции, а затем по железной дороге почти что до места. Кто не в курсе - Греция входит в состав НАТО. Наземный способ достаточно

долгий по времени и поэтому абсолютно нереальный. Проще говоря, если бы подмога шла к нам по земле то идти ей было бы уже не за чем. Мы, или справились бы с албанцами и отошли на контролируемую сербами территорию, или были бы частично уничтожены, а частично рассеяны и соответственно как военная сила прекратили бы своё существование.

Конечно же была ещё и наша миротворческая бригада в Боснии, но во-первых её ресурсы были невелики, а во-вторых нашим ребятам опять же потребовалось бы пройти большое расстояние по территории Сербии, а затем ещё и по территории Косово где уже хозяйничали албаны. Таким образом единственным и незаменимым способом доставки основных сил был воздушный. Перелететь и не нарушить воздушное пространство других стран было невозможно. Следовательно, в случае начала наших столкновений с албанцами руководство нашей страны либо должно было бы пойти на международный конфликт либо должно было бы бросить нас на произвол судьбы. Конечно, был и третий вариант: в случае начала боевых действий какая ни будь из стран-предателей всё же разрешила бы пролёт над своей территорией, но думается мне, это произошло бы с существенной задержкой по времени которой хватило бы для нашего уничтожения.

Бросить нас незаметно не представлялось возможным – о нас было очень хорошо известно не только в Югославии, но и в России и даже во всём мире. В этом смысле мы выгодно отличались от тех ребят кого высокие руководители успешно «забывали» в горах Афганистана и Чечни. Нас можно было послать на смерть, но нельзя было бросить. Мы были слишком известны чтобы быть забытыми. Получалось, что в случае боестолкновения руководству нашей страны пришлось бы идти на международный конфликт и отправлять к нам помощь несмотря на запрет перелёта. Тут появляется ещё один вопрос: стали бы сбивать наши самолёты в момент их пролёта над территорией других стран. Скорее всего правители стран-предателей побоялись бы идти на открытый военный конфликт с Россией и ограничились дипломатическими мерами, типа нот протеста и тому подобных мер. Скорее всего, но не факт. Психов хватает везде, да и желание выслужиться перед американским барином могло пересилить здравый смысл. Что было бы дальше я не берусь даже представить, ясно одно: американский план захвата Косово оказался бы под угрозой и более того, появлялась реальная возможность развития событий в сторону начала третьей мировой войны. Такое дело явно в американские планы не входило и поэтому, как мне представляется, албанские боевики получив соответствующие указания от своих заокеанских покровителей упорно не хотели нападать на нас.

Почти каждый день командование сообщало нам о том, что долгожданный самолёт из России сегодня наконец-то прибывает. Каждый раз, ближе к вечеру, нам доводили противоположную информацию – нам сообщали, что договориться о воздушном коридоре опять не удалось. Редко какой день обходился без доведения до нас подобных противоречивых данных. Наконец, к нашей огромной радости, самолёт всё-таки прилетел. Произошло это, если я ничего не путаю, аж двадцать шестого числа, июня месяца. Таким образом с момента нашего прибытия на аэродром в Косово до момента приземления первого российского транспортного самолёта прошло немного-немало две недели. Даже невоенному человеку понятно, что для нормального развёртывания сил это слишком большой промежуток времени.

Каким образом было достигнуто соглашение о перелёте с нашими международными «партнёрами» мне абсолютно неизвестно. Поскольку аэродром к тому времени уже предназначался для совместного использования с англичанами то следом за нашим ИЛ-76 на взлетку грузно опустился С-130 «Геркулес» ВВС Великобритании.

Наш ИЛ заходя на посадку отстреливал тепловые ракеты - имитаторы цели. Эти тепловые ракеты предназначены для того, чтобы сбить с толку систему наведения

зенитной ракеты ориентирующуюся на высокую температуру работающего двигателя самолёта. В теории зенитная ракета должна отклониться от самолёта и устремится за более горячим, а следовательно и более заметным имитатором. Английские пилоты такими сложностями, как запуск имитаторов цели (на С-130 они также могут быть установлены) себя не утруждали – им бояться было нечего. Показательный момент.

Наш самолёт приземлился первым, что недвусмысленно говорило о главенствовании, по меньшей мере формальном, России в использовании аэродрома. На находящейся сверху фюзеляжа антенне ИЛа был прикреплен российский флаг. ИЛ приземлился и стараниями опытного экипажа виртуозно вырулил на стоянку после чего к нему устремилась небольшая группа встречающих. Приземление английского С-130 прошло аналогично приземлению нашего самолёта. Когда громадина «Геркулеса» выруливала со взлётки несколько российских парней наблюдавших за ним принялись громко обсуждать вопрос о том, в какую часть английского самолёта нужно стрелять из гранатомёта чтобы тому настал конец. Особый восторг парней вызывал тот факт, что гранатомёт пробьёт «Геркулес» в любом месте.

Приземление первого самолёта для всех нас было событием существенным и поэтому мы с большим интересом наблюдали за происходящим. Приземление последующих самолётов уже было рутинным и как правило вызывало интерес только у тех, кто хотел сфотографироваться на фоне самолёта в момент совершения им посадки. Поскольку ВПП пролегла как раз напротив здания аэропорта, то при умелом использовании фотоаппарата можно было запечатлеться в момент когда на заднем плане приземляющийся ИЛ совершает первое касание взлётки своими шасси. Фотка получалась, по-своему, уникальная, совсем не то, что на дешёвом курорте с солнышком на ладонке сфотографироваться!

Само по себе такое событие, как прилёт первого самолёта, было делом по нашим меркам значимым и поэтому вызвало у нас массу эмоций, однако то, что привёз первый ИЛ вызвало у нас ещё большие эмоции, причём весьма противоречивого характера. Начну с чисто военного аспекта. Мы испытывали острую нехватку личного состава, говоря гражданским языком у нас не хватало людей, однако простых бойцов-десантников нам первым самолётом не прислали. Первый «борт» привёз нам на подмогу несколько расчётов автоматических гранатомётов АГС-17 и группу каких-то высокопоставленных офицеров. Ну с офицерами понятно – необходимо проводить подготовку к переброске основных сил и устанавливать взаимодействие со всеми теми, кто находился вокруг нас, а вокруг нас, помимо сербов и албанцев, были представители многих стран-участниц НАТО. Для чего же вместо простых бойцов нам прислали автоматические гранатомёты с расчётами понять невозможно. В этом поступке нашего командования не было ни какой логики. АГС-17, являющийся видом тяжёлого пехотного вооружения был мощным оружием и при грамотном его использовании можно было оказывать огромное воздействие на противника. Например, опытный расчёт автоматического гранатомёта (два человека) на хорошей позиции может сдерживать и даже полностью уничтожить одну-две атакующие пехотные роты. Я думаю, что с небольшим прикрытием - восемь-десять автоматчиков, он даже сможет долгое время сдерживать целый вражеский пехотный батальон. АГС-17 это оружие обладающее громадной огневой мощью, но толку для нас от его мощи не было ни какого – боевые действия мы тогда не вели.

В обеспечении патрулирования и контроля местности расчёты автоматических гранатомётов принимать не могли поскольку АГС оружие стационарное. Более того, каждый такой расчёт в условиях городской местности ещё и требовал прикрытия со стороны наших снайперов, пулемётчиков и стрелков. В противном случае оба «агээсника» могли стать лёгкой добычей для вражеского снайпера или даже простого автоматчика ловко подобравшегося поближе. В дальнейшем, побывав на позиции одного из установленных в городе АГЭЭсов я смог лично убедиться, что без

существенного прикрытия со стороны других бойцов расчёт гранатомёта является просто удобной потенциальной жертвой для врага, особенно если враг начнёт боевые действия первым. АГС был установлен за укреплением сделанным из ящиков с песком, пространство для стрельбы было открытым, видимость была хорошая, однако со всех сторон позицию окружали многоэтажные постройки в любом окне которых мог появиться враг. Ни вести огонь во все четыре стороны, ни хорошо укрыться расчёт гранатомёта не мог поэтому рассчитывать только на свои силы ему не приходилось. Для простой безопасности и уж тем более возможности его эффективного применения в бою требовалась помощь ещё нескольких бойцов. Таким образом, расчёты автоматических гранатомётов не только не усиливали нас, но и наоборот, обеспечение их безопасности отнимало силы необходимые нам для контроля над местностью. Кстати, своим внешним видом АГС-17 не мог оказать на вероятного врага никакого, даже маломальского, психологического давления. Автоматический гранатомёт это не танк, БТР или вертолёт, чей внешний вид мог устроить противника, таким образом заставив его отказаться от нападения. Установленный на позиции АГС практически не виден, но даже если его и можно было бы наглядно продемонстрировать всем албанам в округе, то это всё равно никак бы не повлияло на последних – я уверен, что о разрушительной силе этого оружия большинство бомжей шиптаров не ведало.

С момента прибытия в Косово и по сей день все мы спали по три-четыре часа в сутки и нам требовался полноценный отдых который могли обеспечить только прибывшие нам на смену люди, но вместо людей нам послали ненужное в данный момент тяжёлое вооружение. Тот, кто послал АГЭЭсы на первом самолёте был человеком недалёкого ума. Подытожу всё вышесказанное тем, что большинство из нас, узнав какое подкрепление прибыло высказывалось на удивление одинаково-однообразно: «Они чё там, в Москве, совсем ебанулись?» Слова эти адресовались конечно же нашим военным руководителям комплектовавшим первый «борт». Лично от себя добавлю: не смотря на то, что с момента описываемых событий прошло уже более десяти лет я так и не нашёл никакого логического объяснения в прибытии такого подкрепления.

Вторым, не вполне военным, аспектом вызвавшим всплеск наших эмоций была прилетевшая вместе с нашим «подкреплением» группа моральной поддержки. Эта, прибывшая из Москвы группа состояла из артистов разного жанра и была направлена к нам столичным мэром Юрием Лужковым. Артисты прибыли естественно для того, чтобы в полевых условиях дать концерт. Концерт проходил прямо возле полуразрушенного здания аэропорта. С учётом неблагоприятных технических обстоятельств выступление артистов получилось вполне приличное. Среди артистов, в частности, присутствовали две неизвестные, но красивые и сексуальные певицы составляющие какую-то музыкальную группу, правильнее сказать дуэт. Одна была блондинка, ну а другая, понятное дело, брюнетка. Во время концерта девочки были одеты в белые шортики и такие же белые, почти прозрачные, обтягивающие топики к которым были каким-то образом приделаны длинные, опять же белые, плащи. При исполнении музыкальных композиций топики ритмично подпрыгивали в такт движениям своих хозяек, таким образом наглядно демонстрируя не только отсутствие под своей тонкой тканью лифчика, но и обалденную, прямо таки восхитительную, упругость своего содержимого.

Мы с очень большим интересом смотрели концерт, при этом вряд ли кто-либо из нас уже через пять минут после его окончания мог бы вспомнить о чём девочки пели. Получалось примерно как в анекдоте про молодую Аллу Пугачеву выступающую в короткой юбке и пришедших на её концерт грузинов - «Вах, можешь савсэм нэ пэть, тока хады!». Однако, девочки всё же представляли определённую проблему: смотреть на них нам было очень приятно, но понятное дело, каждому из нас хотелось от простого осмотра перейти и к более близкому общению, а это было невозможно в

принципе. Ситуация в точности как с безденежным ребёнком в кондитерском магазине – смотреть на торты и пирожные можно, даже понюхать аромат корицы и ванилина можно, а вот попробовать и уж тем более от души наестся сладкого никак не получится. Издевательство просто.

В половых отношениях между мужчиной и женщиной нет ничего ни возвышенного, ни низменного - половые отношения это просто часть нормальных взаимоотношений между взрослыми людьми разных полов, ни больше, ни меньше. Ничего сверхъестественного в половых отношениях нет и тем не менее мы были лишены таких отношений в силу особенностей нашей службы. Отсутствие отношений не означало отсутствие желания таких отношений. Сам факт присутствия красивых женщин был приятен, но очень хотелось большего. Короче, получалась как бы дразнилка – посмотреть приятно, но хочется не только смотреть, а это никак не получится хотя всё вроде бы перед тобой. Тем, кто отправлял девочек к нам стоило бы об этом заранее подумать, в том смысле, что надо ли их вообще было отправлять сюда. Я конечно в первую очередь высказываю лично свои соображения на этот счёт, но не думаю, что мысли у большинства наших парней тогда были направлены в другую сторону. Во всяком случае, мечтательные, хотя и грубоватые слова (чаще агрессивные, реже страдальческие) о том, что было бы неплохо «отодрать хорошенько одну из этих девок» слышались повсеместно. Нормальная реакция нормальных мужчин. Правильная, здоровая реакция.

Кроме девочек прибыл и какой-то клоун, малоизвестный пародист. Он пришёлся кстати, поскольку в одном из своих номеров он изображал неформала попавшего в армию. Помимо прочего он высмеивал и офицеров с генералами, что в армейских условиях сделать публично было проблематично. Получалось глумливо, нам нравилось, многие громко хохотали. В отличие от красавиц-дразнилок «панк»-пародист был однозначно позитивным моментом. Как гласит мудрая поговорка: «Смех для здоровья как молоко коровье!».

Мэр Москвы не ограничился только обеспечением нас зрелищем, но и позаботился о «хлебе». В недрах самолёта прибыло семь тонн продуктов, в основном различных консервов: тушёнка, сгущёнка, какао и т.д. Прибывший вместе с грузом представитель московского правительства с пафосом говорил о том, что в трудные для города времена Москва нашла у себя возможности для отправки нам продуктов. Даже те из нас, кто видел Москву только по телевизору хорошо знали, что «москалии» живут небедно и поэтому для такого огромного города как Москва выделить семь тонн консервов дело шуточное. Мы были благодарны за помощь, но лишний «трёп» был не к месту и слова сказанные москвичом прозвучали нелепо. Вообще это походило на желание «присовокупиться» к нашему, без преувеличения грандиозному, международному успеху, сделать что-то на вроде саморекламы.

Кроме продуктов нам кем-то (или правительством Москвы или Министерством обороны) были посланы в подарок штук сто пятьдесят «Командирских» часов. Не каждому из нас по сто пятьдесят часов, а сто пятьдесят на всех нас вместе взятых. Почему часов было именно такое количество понять сложно – наверное даже негры в Африке в те дни знали о количественном составе батальона российских десантников занявший аэродром Слатина. Наш батальон насчитывал в своём составе около двухсот человек. Возможно собиравшие груз люди предполагали, что к моменту прибытия самолёта какое-то количество из нас уже погибнет и часов как раз хватит на всех кто остался в строю. Поскольку никто к тому времени так и не погиб то с выдачей часов возникла проблема – сто пятьдесят часов на двести человек не разделишь. Часы принялись раздавать, торжественно и не очень. Когда «Командирских» часов на всех не хватило, кто-то из офицеров прибывших из России громогласно заявил, что недостающие часы будут присланы следующим «бортом» и те, кто не удостоился великой чести получить часы сейчас непременно получают их потом. О часах никто

больше не вспоминал по одной простой причине – никому из нас такие часы, по большому счёту, были не нужны.

Лично я даже вообще оказался от их получения как только увидел, что они из себя представляют. Вернее я их получил, но сразу же отдал кому-то из тех сослуживцев кому они не достались. Модель часов с громким названием «Командирские» появилась в Советском Союзе во времена его существования и качество часов тогда вполне соответствовало их названию и предназначению. Во времена Союза эти часы делали качественно, «Командирские» были часами прочными, точными, удобными, надёжными и красивыми, при этом они не были дешёвыми. Все высокие качества часов ушли в прошлое вместе со страной в которой они были изобретены. В наши дни эти часы стали дешёвым низкокачественным ширпотребом. В своё время я был «счастливым» обладателем подобной дряни – часы прослужили мне менее месяца после чего «отказались» заводиться и соответственно встали.

На тот момент, когда нам пытались торжественно вручить «Командирские» часы у меня на руке удобно красовались электронные «Касио» «G-Shock» и менять свои часы на какие-либо другие я не собирался. О моих «Касио» следует рассказать подробно поскольку часы эти, по моему мнению, прямо-таки выдающиеся. Приобрёл я их в магазине на американской базе, как сейчас помню, стоили они немногим менее ста американских долларов. Покупка этих часов является самым удачным вложением денег в бытовую электронику за всю мою жизнь – часы служат мне верой и правдой уже более десяти лет. За это время они побывали в трёх «горячих» точках, прыгали с парашютом, плавали в море, участвовали в драках, походах, рыбалках, бесчисленных спортивных мероприятиях и ремонте различной техники, для проверки их прочности на них наступали армейскими ботинками. Где эти часы только не были и чего только с ними не происходило, а они знай себе исправно ходят и радуют своего владельца, то есть меня. С учётом того, что эти часы находясь на моей руке «участвовали» в уникальной операции в Косово то они вполне достойны занять своё место в музее «Касио», если конечно же такой музей существует. Я с юных лет мечтал приобрести подобные часы, но поскольку рос в небогатой семье то реализовать свою мечту смог лишь находясь в армии.

Приобретение этих часов вызвало у меня бурную радость, которую однако мало кто из сослуживцев разделял. Большинство сослуживцев считало покупку часов стоимостью сто долларов чрезмерным расточительством, видимо их в первую очередь интересовала цена, а уж затем качество. Подозреваю, что о высоком качестве «Джи-Шока» некоторые из них просто не ведали. Однако, даже те кто знал про надёжность этой модели всё равно считали что на часы нельзя тратить сто долларов. По их мнению неоправданное расходование средств, лучше купить что ни будь дешёвое. Такой подход к делу мне всегда казался глупым – для меня всегда был важен хороший результат, а уж затем потраченные средства. Когда в моём присутствии кто-то рассуждал о том, что часы за сто долларов это дорого, мне становилось смешно – уже тогда я знал, что стоимость действительно дорогих часов измеряется не сотнями, а тысячами долларов. Некоторым парням не нравилась крупные габариты «Джи-Шока», но размер часов никак не мешал их носке, в чём я смог убедиться на практике. По-первому времени я объяснял преимущества своих часов, даже несколько раз спорил с теми, кто особо рьяно критиковал их, но потом эти споры мне надоели.

Высказавшись о «колхозной глупости» сослуживцев ничего не понимавших в хороших часах я решил, что время покажет кто из нас был прав. Оказался прав я – «Джи-Шок» надёжно прослужил мне долгие годы. Наверное, за это время каждый из моих оппонентов сломал и потерял по целому ведру всякой наручной дешёвки потратив в сумме значительно больше денег чем я в момент покупки «Джи-Шока». При этом мои оппоненты довольствовались постоянным ношением всевозможной дряни в то время как мою левую руку украшала добротная и надёжная вещь. В общем, я был

очень доволен своими «Касио» и поэтому никакого сожаления о том, что отказался от получения «наградных» часов не испытывал. «Командирские» часы, которые я мог, но не стал получать, взял себе какой-то парень, ему они зачем-то были нужны. Кажется среди нас был кто-то возмущавшийся фактом, что конкретно ему часы не достались, но большинство к вручению часов, равно как и к самим часам относились равнодушно.

Вручёнными нам «Командирскими» некоторые парни распорядились весьма своеобразно – выменяли на них что ни будь более полезное у англичан либо подарили их на память кому-либо из сербов. Примечательно само отношение к «наградным» часам.

В те дни мне по чему-то не бросился в глаза один очень важный психологический момент связанный с прилётом первого самолёта, вернее с тем какой груз он доставил. В том, что я сразу не врубился в суть ситуации нет ничего удивительного - когда спишь по три-четыре часа в сутки голова работает не слишком ясно. Лишь спустя несколько лет, вспоминая и переосмысливая события лета 1999 года я осознал один из скрытых политических аспектов тех событий. Суть в следующем. Если отсутствие необходимого для нас подкрепления в виде живой силы можно, хотя и с большой натяжкой, объяснить ошибкой нашего командования, то отправку к нам, в беспокойный регион, целой группы гражданских лиц объяснить можно только одним обстоятельством – руководство располагало точной информацией о том, что полномасштабных боевых действий в регионе уже не будет. В противном случае получалось, что вся группа моральной поддержки отправлялась практически на верную смерть, поскольку обеспечить её безопасность в случае полномасштабных боестолкновений с албанцами мы бы не смогли.

Публичная отправка на верную гибель целой группы гражданских лиц была бы не лучшей политической рекламой для правительства Москвы, следовательно в Москве точно знали о том, что воевать мы здесь уже не будем. Получить гарантию «мирного» развития дальнейших событий можно было только от тех, кому подчинялись албанцы, а именно от США. Как я понимаю, после того как вопреки американским планам наш батальон занял Слатину перед американцами встала проблема неконтролируемого развития благоприятной для них ситуации. Наши боестолкновения с албанцами могли перерасти в полноценную войну и плану американо-албанской оккупации края Косово пришёл бы конец. Если бы албанцы проявили по отношению к нам агрессию то мы бы ответили взаимностью, в свою очередь если бы мы начали давить на албанцев то они наверняка стали бы оказывать нам сильное сопротивление. Таким образом, единственным способом избежать нового витка балканской войны, помимо прочего означавшего крушение американских планов по оккупации Европы, было соблюдение нейтралитета между нами и албанцами. То есть Америка приказывала шиптарским крупным командирам не ввязываться в конфликты с нами, а мы в свою очередь должны были не трогать албанцев.

Я умышленно употребил термин «крупным командирам» поскольку албанцы условно делились на два типа – военизированные и соответственно явно представляющие какую-то организованную группу и лица БОМЖ представляющие самих себя. Военизированных шиптаров там где мы стояли как раз таки было мало, причина этого мне теперь уже понятна. Американцы просто-напросто запретили появляться крупным албанским вооружённым подразделениям в нашем районе поскольку это стопроцентно привело бы к началу широкомасштабных боевых действий. Что же касается албанских оборванцев, то они никем конкретно не контролировались и действовали сами по себе. Как я думаю, если бы мы по-тихому расстреляли пару сотен таких грабителей и мародёров то это прошло бы никем формально не замеченным, хотя и спровоцировало бы в дальнейшем дополнительную жестокость албанцев по отношению к сербам. С первого же дня своего появления в Приштине албаны занялись терроризированием местного сербского населения и если

бы мы стали защищать сербов то нам было бы необходимо применять к шиптарам самые жёсткие силовые меры. Я уверен, что этот вопрос конечно же обсуждался на американо-российских переговорах и конечно же по данному вопросу там было принято соответствующее решение. Когда спустя годы после косовских событий я всё это осознал мне стало «не по себе».

Если кто-то не понял к чему я клоню, то я поясню: чтобы сохранить своеобразный нейтралитет с албанами мы ни в коем случае не должны были защищать сербов. Албаны не нападают на нас, мы не мешаем албанам резать, насиловать и грабить сербов – именно такая, как мне представляется, была договорённость. В противном случае начнутся бои с непредсказуемым для всех участников финалом, вплоть до начала третьей мировой войны. Начало третьей мировой войны означало бы «Армагеддец» - пиздец всему. «Армагеддец» не нужен был ни кому - ни России, ни США, ни албанцам, ни сербам. Что касается тех сербов, что проживали в Косово, то американо-албанскими стараниями «Армагеддец» конкретно для них всё же настал. Кстати, я уверен, что если бы сербское правительство не побоялось бы пойти до конца и не вывело бы из края наземные силы то оно смогло бы спасти Косово, хотя по первому времени пролилось бы много крови. В центре Европы американцы долго бы воевать не стали – не получилось бы затоптать сербов сразу ушли бы восвояси и стали бы подло душить Сербию экономически. По моему мнению, лучше много крови сразу, чем очень много за долгий период. У США много врагов и объединившись можно было бы уже начать душить саму Америку – американцы эгоистично и жадно тратят различные ресурсы запасами которых сами не обладают.

Что же касается нашей страны, то изменить ситуацию в свою пользу политическими средствами Россия была не в состоянии по причине очевидной слабости. Двести её солдат дерзко бросивших вызов всемогущей заокеанской империи в общем-то прыгнули выше головы. Значит в Косово неизбежно должна была наступить «американская демократия» со всеми вытекающими из этого последствиями. Так в общем-то и получилось. При всём при этом, Россия от Сербии была далеко, мы же видели страдающих и ждущих от нас помощи и защиты сербов каждый день. Некоторые люди теряют самообладание видя как при них собираются убивать предназначенных для еды домашних животных, мы же видели перед собой ни в чём неповинных, дружественных нам людей которых со дня на день будут убивать, насиловать и выгонять из собственных домов. В принципе мы могли помочь этим фактически уже обречённым людям, но не помогали. Как только кто-либо из младших командиров в очередной раз «дёргался» помочь сербам его резко осаживали командиры высшего звена. Как я уже говорил такая ситуация повторялась раз за разом. Самообладание никто из нас не терял, мы не слабаки, но на душе день ото дня становилось всё поганее.

Как-то раз снова поехали на проведение тактических переговоров, сейчас уже не помню с кем конкретно эти переговоры проводились, важно другое, а именно то, что удалось пообщаться с английскими десантниками и их вооружением. Я крайне плохо знал английский язык, никто из инглезов не знал русского и поэтому изъясняться приходилось способом известным человечеству с древнейших времён - при помощи жестов. Время позволяло пообщаться самым что ни на есть лучшим образом, разве что пива выпить вместе не получилось. Пиво у меня было, в БТРе лежало несколько банок и одну из них я дал английскому «десанту». Достав и открыв вторую банку я предложил англичанину последовать моему примеру. Англичанин пить вместе со мной не стал, однако опасливо оглянувшись вокруг (начальства видать боялся) проворно спрятал банку в карман, после чего пожал мне руку и радостно улыбаясь отчалил по своим делам. Одного из наших британских коллег заинтересовала тельняшка которая принадлежала Толстому и он предложил меняться. Что именно он предлагал к обмену я не помню, но мой водитель от обмена отказался сославшись на то, что тельняшка у

него одна. Когда через пару минут британец заглянул в наш БТР он увидел ещё одну тельняшку которая будучи свежестиранной сушилась на сиденье. Британец хитро улыбаясь (кот Чиширский!) возобновил свои попытки наладить «ченч», но Толстый был не в духе и обмен снова не состоялся. Англичане звали нас пойти обедать вместе с ними, но ни я, ни Серёга с ними не пошли. Хотя я и хотел посмотреть как питаются английские солдаты, да и перекусить не помешало бы, но всё же выглядеть «голодающим» мне было стыдно. Сейчас я понимаю, что мыслить подобным образом было глупо, но это сейчас, тогда я думал именно так.

Меня более всего интересовало вооружение и техника англичан и тут мне представился случай удовлетворить своё любопытство. Что касается техники то тут особого не было ничего – английские десантники имели в своём распоряжении несколько видов лёгких полноприводных автомобилей. Как я думаю эти машины были десантируемые, чем видимо и объяснялся их компактный размер. Для тех кто абсолютно не знаком со спецификой сбрасывания с парашютом техники поясню: вес и габариты машины имеют первостепенное для успешного десантирования значение. До сих пор только Россия имеет в своём распоряжении десантируемую бронетехнику: бронетранспортёры, боевые машины десанта, самоходные артиллерийские установки. Никакая другая страна в мире не смогла разработать и поставить на вооружение ни одного вида бронетехники пригодной для выброски с парашютом. Более того, в России ряд боевых машин десантируется с экипажем внутри, что обеспечивает невероятную быстроту приведения техники в боевое положение. Первым внутри боевой машины десанта был сброшен сын создателя современных ВДВ. Наблюдавший за ходом выброски отец (отец ВДВ и одновременно отец первого человека совершившего десантирование внутри БМД) держал в кармане пистолет ТТ с одним заряженным патроном – на случай неудачи, для себя.

Генерал Василий Филиппович Маргелов был человеком не только смелым и решительным, но и умным и талантливым – десантирование прошло успешно и ТТ не понадобился. На сколько мне известно попытки разработки десантируемой бронетехники предпринимались во Франции, но неудачно, да и было это уже давно. Таким образом Россия на данный момент является монополистом в этой области. очередной повод для гордости за свою многострадальную Родину.

Что касается стрелкового вооружения, то как я уже отмечал, англичане не имели относительно нас принципиальных различий в оснащении им. Оружие конечно же разное, но его типы одинаковы. До сего момента у меня не было возможности подержать в руках их оружие и я пользуясь случаем навёрстывал упущенное. Англичане спокойно демонстрировали свои автоматы и пулемёты, при этом охотно, в основном жестами, разъясняли принцип работы того или иного образца. Общение проходило в непринуждённой обстановке и я смог узнать много полезного. Интересным психологическим наблюдением для меня было то, что американцы с которыми я общался в Боснии как правило демонстрировали своё оружие осторожно и немного нервно, как будто боялись нарушить какую-то строгую инструкцию и быть за это наказанными. Ни англичане, ни французы, ни сербы такой боязливости не выказывали, более того, представители всех вышеперечисленных армий вели себя в такие моменты спокойно и уверенно. Конкретно «инглезы» не только давали подробно изучать своё оружие, но даже и не особо следили за тем что я с ним делаю, просто стояли поблизости разговаривая между собой.

Изучая английское оружие я в очередной раз убедился в значительном превосходстве по эргономике и весу российского оружия над натовскими образцами. Конечно тут играла немалую роль привычка к тому либо иному стволу, но как ни крути, масса оружия измеряется граммами и килограммами, а это показатель объективный. По уровню физической подготовки английские солдаты выглядели достойно звания десантника, делясь при этом на два вида: матёрые коренастые «кабаны» и длинные

жилистые «жерди». Не зависимо от вида все поголовно выглядели хищно. Плюс к этому, возрастом все они были лет так двадцать пять – тридцать. С такими ребятами можно смело идти «на дело», думаю не подведут.

Осмотрев оружие и технику я сфотографировался с англичанами сделав наверное с десяток различных снимков. По возвращению в Россию со сделанными тогда фотками произошла маленькая комедия. Мой отец просматривая косовский фотоальбом тыкая пальцем в одну из фотографий поинтересовался у меня: «Это чё, англичане?» Батя в молодости был моряком и ходил в разные страны, в том числе бывал и в Англии. Мне стало интересно как это он сразу опознал жителей туманного Альбиона (на фотографиях не было видно нарукавных нашивок обозначающих принадлежность солдат к этой стране) и я на его вопрос ответил своим вопросом: «Чё, по форме распознал?» Отец рассмеялся и говорит: «При чём тут форма, я что, морды английские не узнаю!?» Вот и скажи после этого, что все разговоры об объективных национальных отличиях это только чьи-то вымышленные предрассудки...

В один из вечеров кто-то из наших ребят вернувшись из поездки в американскую зону ответственности привёз оттуда целую коробку американских сухих пайков. Каким именно образом удалось её раздобыть мне неизвестно, могу лишь надеяться что они были украдены у злодеев-«пиндосов». Пайков было штук двадцать и ребята поделились ими с сослуживцами. Конечно парни не стояли возле БТРа с рекламным плакатом стараясь раздать пайки кому попало, иноземный «корм» выдавался только знакомым, но всё же абсолютно безвозмездно. В этом смысле чувство фронтового товарищества появившееся среди нас в момент отправки в опасное и неведомое Косово всё ещё работало в полной мере.

В числе приглашённых на «званный ужин» был и я. В отличие от российских пайков американские образцы были рассчитаны на один приём пищи, но при этом было много разных вариантов меню. Не зависимо от своего содержимого все без исключения американские пайки по вкусу и питательной ценности заметно проигрывали нашим пайкам. Но нет худа без добра - в «пиндосовских» пайках тоже попадались вкусные вещи. К вкусностям можно было отнести кексы, яблочное пюре и какао. К сожалению кекс был маленький, пакетик с яблочным пюре тоже невелик, но вот упаковки какао вполне хватало для приготовления полной двухсот пятидесяти граммовой кружки чудесного, вкусного и питательного напитка. Основное блюдо пайка было представлено либо макаронами с соусом, либо овощами, либо мясом с гарниром. Все без исключения вышеперечисленные блюда были почти безвкусные и какими-то «пластмассовыми». Наестся, и уж тем более насладится подобными кулинарными «изысками» было невозможно.

Интересным был способ разогревания основного блюда. Поскольку еда была упакована в пластиковый пакетик то разогреть её на открытом огне не представлялось возможным. Для разогрева еды в американских пайках использовался химический метод. В картонной коробочке вместе с упакованной в пластиковый пакет едой находился второй пакет, который и предназначался для разогревания. Пакетик с едой оборачивался содержащим химический реагент пакетом в который предварительно наливалось немного обычной воды. Главное тут было не упустить момент, поскольку пакет с реагентом и водой начинал не только нагреваться, но и надуваться. Если не получалось быстро засунуть оба пакета обратно в картонную коробочку то приходилось довольствоваться не разогретой едой – без плотного контакта между пакетами разогрев еды происходил крайне плохо. Не лучший способ разогрева пищи. Что касается американских деликатесов то при употреблении кекса со мной произошёл маленький курьёз. Кекс был упакован в пластиковую вакуумную упаковку в которой помимо него находился небольшой бумажный пакетик на вроде тех, в которых в кафе и закусочных бывает сахар. Я разорвал этот пакет и к большой своей радости увидел в белой (как я думал, сахарной) пудре коричневые вкрапления, которые, по моему

мнению несомненно были молотой корицей. Обрадовавшись я обильно посыпал кекс сахарно-корицевой пудрой – кекс стал выглядеть как будто только что был принесён из хорошей кулинарии. Одним созерцанием сыт не будешь и я стал страстно поглощать пирожное, однако ни вкуса корицы, ни сладости сахара не почувствовал. Я очень этому удивился и высыпал остатки пудры прямым себе в рот. Пудра оказалась безвкусной. Странное дело. Я взял пустой пакетик и прочитал написанную на нём малозаметную надпись на английском языке. Я плохо знаю английский, но с надписью разобрался сразу. Надпись недвусмысленно гласила: «Не для еды». По-видимому то, что я с горяча принял за сахарную пудру оказалось порошком поддерживающим уровень влажности внутри упаковки. Немного поразмыслив я пришёл к выводу, что скорее всего я не отравлюсь, поскольку маловероятно чтобы какой либо токсичный порошок расположили бы в непосредственной близости от еды. Так оно и вышло - поглощение несъедобного порошка прошло для моего организма безвредно.

В один из дней наш экипаж был отправлен на пост контролировавший весь комплекс сербских казарм. В течении многих последующих дней мы возвращались на этот пост, при этом всегда только в светлое время суток. Казармы располагались вдоль горы и начинались сразу за зданием аэропорта и уходили вдаль вплоть до начала одно-двух этажных домов частного жилого сектора посёлка с неизвестным мне названием. Казармы были построены в несколько линий вдоль центральной дороги. Между линиями казарм проходили асфальтированные аллеи. Сейчас я уже не помню точного расположения всех объектов и расстояний между ними, но в общих чертах дело обстояло именно так.

Примерно на границе казарм и частного сектора с самого начала был установлен пост которым осуществлял командование вышеупомянутый старший лейтенант Я. Несколько раз мы приезжали к нему на пост узнать как обстановка да и просто пообщаться. Возле этого поста и заканчивалась наша зона ответственности. Начиналась же она неподалёку от входа в подземный бункер-аэродром. Таким образом получалось, что мы должны были контролировать большой участок местности только в длину достигавший нескольких километров. На местности было много зданий, как абсолютно целых так и разрушенных, плюс к этому вся территория была засажена деревьями и кустарниками. Экипаж БТРа составляют два человека, кроме того у нас всегда был старший поста, ну и иногда нам давали одного-двух бойцов. Людей катастрофически не хватало и поэтому выделить достаточное количество людей необходимых для нормального несения службы командование не могло. Людей просто-напросто не было, но осуществлять контроль местности было необходимо. Ясное дело, что для того чтобы хотя бы примерно контролировать ситуацию нам необходимо было постоянно объезжать или обходить местность. При подобном патрулировании мы представляли отличную жертву даже для малоопытных боевиков, однако выбора у нас не было.

Старшим нашего поста или, по-другому, старшим нашей машины был уже далеко не юный капитан В. С этим человеком мне предстояло прослужить бок о бок несколько последующих недель и поэтому о нём я расскажу подробно. Для начала просто расскажу как выглядел этот человек. Капитан В. был среднего роста и телосложения и был человеком неприметной внешности. Единственной характерной приметой были его усы. Усы были самые обыкновенные, но в армии в те годы ношение усов встречалось не часто. По складу характера он был спокойным, даже тихим человеком. Он ни в коем случае не производил впечатление трусливого человека, более походя на флегматичного «пофигиста».

Его спокойствие на первый взгляд могло показаться проявлением нерешительности, но в действительности (я понял это лишь спустя какое-то время) оно было воплощением глубокой житейской мудрости. Благодаря огромному жизненному опыту (армия, первая чеченская война, работа в спецслужбах) этот

человек заранее понимал как будет развиваться события, и в смысле взаимоотношений между всеми нами и в смысле развития ситуации. За свою жизнь он видел многое и его вряд ли можно было чем-либо удивить. Он был интеллектуально развит, общителен и рассудителен, обладал чувством юмора, не был «жополизом» и сторонником формальной дисциплины, не был он и святошей. Все вышеперечисленные качества делали его классическим представителем крепкого и толкового русского мужика которому всё по плечу.

Если я не ошибаюсь капитан В. был командиром взвода к которому мы были приданы когда перед маршем на Косово нас перевели из второй роты в шестую. То есть он был командиром теперь уже нашего взвода, однако в суе первых дней мы с ним почти не встречались. С того момента как нас поставили на пост он стал осуществлять командование нашим экипажем непосредственно. С самого первого дня заступления на пост на охраняемой нами территории непрерывно происходили различные происшествия участником или наблюдателем которых был я. Каждый новый день как правило приносил какое либо новое происшествие, однако все эти происшествия были событиями местного масштаба. Наш пост находился на значительном удалении от тех мест где развивались главные события и это не слишком радовало меня. На некоторое время мы были удалены от эпицентра развития ситуации, но всё же временами и нам было не скучно.

С той точки, где стоял наш БТР было хорошо видно дорогу ведущую к входу в секретный подземный аэродром устроенный сербами, как я уже писал, в недрах горы. С большой натяжкой можно было сказать, что дорога находилась под нашим контролем, поскольку визуально мы наблюдали все возможные передвижения на ней. На дороге нами был замечен белый внедорожник уверенно проследовавший в направлении замаскированного входа. У нас был приказ не допускать кого-либо на территорию которую мы охраняли поэтому как только белая машина скрылась за поворотом мы двинулись вслед за ней. У ворот в подземный бункер-аэродром дорога заканчивалась и разминуться с внедорожником мы не могли. Наш БТР остановился немного не доезжая до входа возле которого уже стоял пустой автомобиль, пассажиры которого нагло и деловито осматривали полуразрушенный свод и уходящий вглубь горы тёмный коридор.

На белом боку внедорожника ясно выделялись чёрные крупные буквы ОБСЕ, что указывало на формальную принадлежность машины к этой организации. Однако, судя по тому с каким интересом приехавшие на ней люди рассматривали результат бомбардировки, а так же и находящийся рядом с ними вход в секретный военный объект можно было уверенно предположить, что они представляют скорее ЦРУ США или, по меньшей мере, разведку НАТО. В пользу этого предположения говорил и тот факт, что находясь на территории контролируемой российскими войсками они напрямик поехали к подземному ангару, который издали абсолютно не заметен (он специально так построен для маскировки). Также не могли они, двигаясь по дороге, миновать другие наши посты, которые разумеется не пропустили бы их сюда. Следовательно, «обэзъешники» или умышленно объезжали посты по бездорожью, либо прибыв в наш штаб по какому-то вымышленному поводу в дальнейшем вместо того чтобы возвратиться поехали к истинной цели своего маршрута.

Как бы то ни было, нашей задачей было выдворить их восвояси, что мы и осуществили незамедлительно и бесцеремонно. Они попробовали «качать права», но Командир был резок и непреклонен, при общении компенсируя нехватку английских слов энергичными жестами.

Своей наглостью представители нового мирового порядка буквально взбесили меня. В моём кармане лежало несколько холостых патронов к автомату и я попросил у Командира разрешение арестовать и «расстрелять» незваных гостей. Капитан В. был не в духе, ему явно очень не нравилась развивающаяся ситуация и он жёстко осадил

мои карательные помыслы. «Обэзъешники», фальшивые или настоящие, поняли что убраться им придётся, залезли в машину и очень не спеша покатали в обратном направлении. Чтобы проконтролировать их мы двинулись вслед. Убедившись, что они уехали в сторону штаба наш БТР вернулся на своё прежнее место.

Идея устроить «холостой» расстрел появилась в моей голове не сама по себе. Один из моих сослуживцев, уже упомянутый в этой книге, когда-то рассказал мне о своём участии в подобном мероприятии. История была смешная (можно сказать из серии чёрного юмора) и поэтому не могла мне не запомниться – я весёлый человек и юмор люблю. История выглядела следующим образом. Одна из рот специального назначения выехала на проведение прыжков с парашютом, которые проводились на территории Владимирской области. На месте был оборудован полевой лагерь состоящий из примерно десяти армейских палаток, полевой кухни и нескольких грузовых машин. Всё это хозяйство располагалось на краю поля, непосредственно над которым и проводились прыжки. Прыгали, правильнее сказать, совершали прыжки, с АН-2, типичного для совершения учебных прыжков самолёта. Недалеко от места проведения прыжков находился какой-то посёлок или даже городок. Полевой лагерь был небольшой, но он никак не маскировался и поэтому был вполне заметен, да и летящие по небу парашютисты в общем-то хорошо видны, поэтому местные жители наверняка знали о присутствии в их краях военных и соответственно о месте их дислокации.

Прыжки проводились каждый год, одно подразделение сменяло другое. Не знаю, как там было зимой, я не был там в зимнее время, но летом дело обстояло именно таким образом. История эта произошла как раз летом. Только лишь прыжками подобные «выезды на природу» никогда не ограничивались, бойцы занимались тактической и физической подготовкой. В спецназе во время таких мероприятий офицеры занимаются в общем-то наравне с солдатами и поэтому к вечеру и те и другие бывают сильно уставшими. Для полноценного восстановления сил уставшим людям требуется сытная еда и спокойный сон. С едой проблем не было - полевая кухня рядом, не деликатесы конечно, но вполне съедобно. А вот со спокойным сном у ребят тогда дело явно не заладилось. Трудно спокойно спать, когда по соседству с грохотом и рёвом ездят мотоциклы. Местные юные «короли дороги» облюбовали поле для ночных гонок. Не знаю почему этих мотоциклистов не привлекали поездки по ночной трассе, но вот заезды по полю в ту ночь видимо им очень нравились. Ездили они по полю долго, громко и нудно. Проблемы отдыхающих от дневных забот десантников «королей дороги» не беспокоили вовсе. Это было большой ошибкой с их стороны.

Командиру роты надоело это издевательство и он поднял по тревоге одну из разведгрупп. Группе была поставлена задача прекратить ночные гонки и изловить мотоциклистов. Задача была выполнена «точно и в срок». Я сейчас не помню деталей рассказа моего сослуживца и не берусь утверждать скольких ночных наездников поймали бойцы, всех ли участников гонок изловили или же кто-то успел уехать, но «к стенке» встало по меньшей мере несколько мотоциклистов и их верных подруг. Ясное дело, с гонщиками при задержании особо не церемонились. Мотоциклистам зачитали приказ о том, что они будут расстреляны, после чего последовали соответствующие команды. «Короли дороги» видимо до конца не верили, что их могут так запросто взять и расстрелять и лишь когда последовала команда «Огонь!» до них дошло, что всё происходит на самом деле.

Грянули выстрелы, у кого-то из мотоциклистов брызнула по ляжкам струйка. Патроны в оружии были конечно же холостые, но расстреливаемые этого разумеется не знали. Мотоциклистам строго запретили в дальнейшем кататься по полю, после чего прогнали. Так прекратились ночные заезды и воцарился покой среднерусской ночи. Эта поучительная, смешная и одновременно жестокая история некогда

запомнилась мне, а в момент выдворения «обэзсъешники» всплыла в памяти. Как я думаю, организация ненастоящего расстрела этих деятелей была бы очень уместной. Мне очень хотелось проучить таким способом наглецов из ОБСЕ или откуда они там были на самом деле. Кроме того, мне было бы весьма приятно поглумиться над представителями нового мирового порядка дерзко осматривающих результаты действия бомб сброшенных их товарищами из НАТО. Однако командир не одобрил мой замысел и «обэзсъешники» укатили восвояси «не расстрелянными». Жаль.

Я часто ходил обследовать территорию и в конечном счёте облазил все близлежащие постройки таким образом достаточно хорошо изучив их. Ходил я как правило один, что безусловно было занятием очень опасным. Необходимость обходить территорию существовала, но излишне усердствуя при осмотре зданий я действовал исключительно из собственного любопытства. Я хотел найти что ни будь интересное. Что конкретно мне было интересно я и сам не знал, но тем не менее старался это «интересное» найти. В принципе, интерес для меня представляло любое оружие, но я с самого начала понял, что вряд ли на территории казарм и административных зданий мне удастся его найти. Складов вооружения в том месте где мы в тогда несли службу не было.

Командир всякий раз велел мне по долгу не задерживаться и быть бдительным, однако я и сам понимал опасность моего положения и всегда старался принимать максимально возможные меры предосторожности. Не смотря на мои меры предосторожности сама жизнь иногда наглядно демонстрировала мне мою уязвимость. Однажды я решил обследовать подвальное помещение одного из зданий. Этот подвал я заметил уже давно и каждый раз проходя мимо него у меня возникало желание туда забраться и посмотреть что там к чему. Мне было понятно, что в незнакомом помещении меня может поджидать какой угодно сюрприз и я благоразумно до поры до времени отказывался от попытки туда пробраться. Но вскоре благоразумие было пересилено любопытством, а любопытство как известно кошку сгубило.

Я принял решение обследовать подвал. Сняв автомат с предохранителя я двинулся навстречу неизвестности. Ремень моего АКС-74 был подогнан так, чтобы мне было удобно вести прицельный огонь и при этом чтобы оружие в случае моего падения нельзя было выронить. Осторожно ступая и внимательно осматривая все закоулки я стал спускаться в подвал в котором было темно. Я знал, что подвал не освещён и знал, что когда со света заходишь в темноту то на время становишься практически слепым. Тихо ступая, шаг за шагом я спустился в подвал и в первой его комнате кроме голых стен не увидел ни чего. Первая комната была слегка освещена дневным светом проникающим в открытую дверь. Следующая комната была уже абсолютно тёмной, вход в неё страшновато чернел прямоугольником дверного проёма. Размеров и формы следующей комнаты я не знал.

Всё было спокойно и я двинулся туда. Как было и должно случиться, войдя в тёмное помещение я стал слеп как крот. Я вглядывался в кромешную темноту и вдруг услышал лёгкие шуршащие шаги в глубине комнаты. Я не видел абсолютно ничего. Стало страшно. В голове промелькнула мысль о том, какой же я дурак и зачем же я сюда пошёл. Легкие шаги неумолимо приближались. Я резко передёрнул затвор и приготовившись стрелять отпрянул обратно в предыдущую полуосвещённую комнату. Шуршание двинулось за мной. Слыша шорох и глядя в тёмный дверной проём я решал глобальный вопрос, вопрос который меня беспокоил более всего на свете - стрелять или нет? Шуршащие лёгкие шаги приблизились вплотную к тёмному входу и тут я понял, что звук идёт снизу, от самого пола. Человек так двигаться не может. Я не выстрелил. В следующую долю секунды из дверного проёма появилась кошка. Дрянь такая!!! Прощуршав мимо меня она проворно рванула на улицу.

Я люблю кошек, но конкретно эту мне очень захотелось пнуть, кажется я даже безуспешно попытался это сделать. Пнуть не получилось, пришлось довольствоваться

руганью. Всё это происшествие продолжалось несколько секунд, но мыслей в моей голове пробежало очень много. До сих пор мне представляется странным как это я смог услышать кошачьи шаги ведь эти животные движутся практически бесшумно. Вероятно замкнутое пространство подвала усилило лёгкий шум производимый кошачьими лапами, да и абсолютная тишина способствовала распространению звука. Думаю также, что изначально тревожная обстановка стимулировала обострённое восприятие мной всего происходящего. На этом приключение закончилось – я покинул подвал.

Все без исключения военные здания были своевременно опустошены уходящими сербами. Конечно же в каждом здании были оставлены кое-какие предметы, на вроде армейских ящиков, потолочных электроламп, казённой мебели, разной никчёмной мелочёвки, но ничего особо ценного сербы не бросили. В некоторых зданиях можно было найти валяющиеся патроны и даже автоматные магазины, да снаряжение типа вышеупомянутых ремней и ботинок, но ничего существенного бережливые сербы не оставили. Они поступили правильно, поскольку даже оставленный никчёмный хлам очень интересовал албанских оккупантов.

В один из дней я обнаружил место где раньше располагался сербский продуктовый склад. В опустевшем помещении посреди голых бетонных стен возвышалась гора вываленных на пол армейских галет. Галеты были никому не нужны, а ничего другого там не было поэтому можно было сказать что склад был абсолютно пуст. Как я уже упоминал, этот склад, ну или по меньшей мере его часть, был роздан сербами нам в первый день нашего прибытия. Коробка вкусного печенья, по-видимому некогда хранившегося здесь, теперь находилась в нашем БТРе. Тот факт, что коробка печенья находилась в недрах нашего БТРа, а не в грязных шиптарских руках лично мне был приятен.

Следующее событие произошедшее в один из тех дней когда мы, если так можно выразиться, охраняли территорию бывших сербских казарм было по-своему уникально. Это событие настолько походило на сюжет из дешёвого, но «глубокомысленного» пацифистского фильма, что на первый взгляд может показаться что именно оттуда оно и взято. Ни дать, ни взять – кино. И тем не менее всё это произошло со мной на самом деле. Схожесть происшествия с фрагментом малобюджетного антивоенного фильма чуть было не вынудила меня умолчать об этом событии. Причина возникновения желания умолчать проста - я опасался быть заподозренным в вымысле. Поскольку всё изложенное в книге правда то даже само такое подозрение со стороны читателя было бы мне неприятно. Я думал-думал и всё же решил - напишу всё как было. А было так.

Примерно в середине дня я обходил территорию как вдруг услышал в одном из зданий шум. Звуки доносившиеся до моих ушей не могли означать ничего другого кроме как человеческой деятельности внутри здания. Наших сейчас здесь быть не могло, англичан тоже (английские сапёры расчищавшие от взрывоопасных предметов местность уже много дней назад закончили свою работу и больше здесь не появлялись) поэтому с полной уверенностью можно было утверждать, что эти звуки производились мародёрствующими албанцами. Я хорошо знал расположение внутреннего пространства здания и поэтому мог зайти в него так, чтобы ни в коем случае не быть застигнуты врасплох теми, кто сейчас был внутри.

Я снял автомат с предохранителя, дослал патрон в патронник и стараясь не производить ни малейшего шума двинулся ко входу. Возня в здании продолжалась. Осторожно войдя внутрь я сразу же увидел двух подростков сидевших на полу и что-то мастеривших. Какого приблизительно возраста они были я сейчас уже не помню, но могу лишь уверенно сказать, что мне, двадцатилетнему, они показались очень молодыми. Я не видел, что именно они делали поскольку подросток сидевший спиной к дверям полностью загораживал мне обзор. Малолетние албаны не сразу заметили

меня и мне пришлось окликнуть их. Мой голос отвлек оборванцев от их очень увлекательного занятия. Я жестами показал им отойти в сторону и когда они последовали моей команде я наконец-то увидел, ЧТО мастерили эти парни.

Предмет изготовленный пареньками я увидел не оставленным на полу, а находящимся в руке одного из них. Малолетка держал в руках красную банку от Кока-Колы (настоящей, американской Кока-Колы) из которой торчали два провода. Я понял всё моментально – малолетние ублюдки делали самодельную бомбу: напихали в банку гвоздей, болтов, пластит и вставили электродетонатор. Для кого предназначалось это взрывное устройство сомнений быть не могло – либо для сербов, либо для нас. Мрази малолетние! От горшка два вершка, а уже террористы!

Я жестом потребовал чтобы парень положил бомбу на пол. Он подчинился. Я потребовал чтобы они отошли к дальней стене и они послушно отошли. Видно было что они напуганы. Я внимательно следил за ними и если бы кто-либо из них сделал резкое движение я бы моментально открыл по ним огонь. Я не такой дурак чтобы верить в гуманизм и тому подобную дребедень поэтому если бы кто ни будь из этих детишек сделал бы что-то, что показалось мне опасным я тут же убил бы их обоих. Если они делали бомбу, то у каждого из них могло быть и другое оружие: пистолет, граната или уже готовая бомба. Я не собирался подставляться под удар тем самым даруя шанс на спасение пусть и малолетнему, но всё же террористу и поэтому в случае опасности застрелил бы их обоих.

Ни один из малолеток не сделал движения которое было бы воспринято мною как опасное и таким образом подростки спасли свою нелепую жизнь. Я подошёл к бомбе и приглядывая за террористами стал её осматривать. У банки из под колы был отрезан верх и внутри она была пуста. В днище была вставлена обычная лампочка от которой наружу выходило два провода. То, что я принял за самодельное взрывное устройство в действительности было самодельным фонариком. Два малолетних идиота делали фонарик. Фо-на-рик!

Эти дебилы чуть было не распрощались со своей жизнью из-за фонарика! Секунду назад я был готов убить их, теперь мне захотелось их выпороть ремнём. Это ж надо быть такими тупоголовыми чтобы в условиях ещё не закончившегося вооружённого конфликта забраться на военный объект на охраняемой территории и там что-либо делать! Пареньки стали что-то лопотать пытаясь таким образом не то общаться, не то просто что-то прояснить для себя. Видимо они говорили на албанском, ну или какой там у них язык, и поэтому я вообще не понимал что они бормочут. На смешанном сербо-русском языке я наорал на этих «террористов» и в самой грубой форме выгнал их вон из здания.

Хотя эти кретины видимо так и не осознали в какой опасности находились минуту назад тем не менее скрылись из виду они очень проворно. Больше я никогда их не видел, чему и вполне рад. «Бомба» осталась у меня в качестве трофея. «Бомбу»-фонарик я специально не отдал им, чтобы они ушли с пустыми руками ничего таким образом не прихватив из здания. Если бы я разрешил им забрать фонарь то получилось бы что я одобряю их действия, по меньшей мере не вижу в них ничего плохого. При такой постановке вопроса они наверняка захотели бы снова навестить склады и казармы. Я осмысливал происшедшее, и честно скажу, я был рад тому факту что не застрелил этих «террористов».

Я презираю гуманизм за его протivoестественность и несправедливость и в тоже время я твёрдо убеждён что нельзя лишать жизни никакое живое существо без необходимости. В данном случае «необходимость» была ошибочной. Конечно, застрели я этих малолетних идиотов, с учётом обстоятельств мне винить себя было бы не в чем, но всё же убить по ошибке детишек мне было бы неприятно.

Для того чтобы порадоваться бескровному разрешению этой ситуации была ещё одна причина, чисто технического свойства. Если трупы настоящих, хоть и малолетних,

террористов можно было с гордостью представить командованию, то трупы убитых по ошибке малолеток необходимо было бы куда-то прятать, в идеале их пришлось бы глубоко закапывать. Докладывать командованию об этом инциденте означало бы для меня и моих товарищей большие проблемы, вплоть до тюрьмы. Конечно командование тоже не было заинтересовано в огласке такого некрасивого случая, но если всё же инцидент стали бы разбирать с точки зрения закона то мне бы в любом случае не поздоровилось. Я уверен, что дойди дело до судебного разбирательства меня даже толком и слушать бы не стали – раз убил мирного подростка значит виноват. Тот факт, что в момент инцидента в моих глазах эти подростки выглядели вооружёнными и посягающими на мою жизнь террористами никого бы не волновал. Да и как я думаю, в обстоятельства дела никто вникать особо бы не стал, кому я нужен. Если ошибся, значит отвечай – принцип-то правильный, но дело в том, что я себя виновным не считал.

Хотя я и не был в чём-либо виноват, законным способом мне не удалось бы избежать расправы, а поэтому для того чтобы не пострадать в любом случае мне пришлось бы поработать лопатой. Конечно же можно было трупы подростков бросить на месте, ну или утащить в подвал, но тогда существовала опасность обнаружения их либо албанцами, либо деятелями из НАТО. Это в свою очередь могло спровоцировать различные враждебные действия как против нас так и против сербов. В этом случае обстоятельства дела тоже никого бы не интересовали, важен был бы сам факт. Таким образом я бы подставил и самого себя, и всех наших и, что самое поганое, сербов. Короче, как ни крути без лопаты было бы не обойтись.

Интересно что окажись на месте подростков взрослые, особенно одетые в военную форму, албаны то я вообще бы не стал с ними разговаривать. Я сразу стал бы стрелять - в данном случае взрослые гораздо опаснее детей. Более того, я бы очень радовался тому, что шиптарские мародёры дали мне шанс расправиться с ними: раз попался с оружием («бомбой»), да ещё и на запретной территории так и смерть тебе! Мне давно хотелось убить хотя бы одного албанского оккупанта (не столько для самообороны, сколько из-за желания наказать их за то зло что они творили) и такого удачного случая я бы не упустил. Те двое тоже были мародёрами и оккупантами и заслуживали наказания и тем не менее они были детьми. Конечно в случае угрозы с их стороны я всё равно бы убил их, но всё же воевать с детишками дело не слишком почётное и поэтому стрелять в них мне не хотелось.

Вся окрестность вокруг сербских зданий изобиловала вишнёвыми деревьями. Вишни как раз подоспели, но собирать (по понятной причине) их было некому. Каждый раз проходя мимо вишнёвых деревьев я срывал несколько ягод, которые помимо своего крупного размера отличались ещё и великолепным вкусом. Поживится в жаркий день спелой сочной вишней было делом заманчивым и я несколько раз забирался в заросли вишнёвых деревьев. Естественно я наблюдал за обстановкой вокруг себя поскольку быть схваченным албанами мне очень не хотелось. От наблюдения за обстановкой меня постоянно отвлекали висящие там и сям над моей головой вишни. Уже тогда я понимал что собирать вишню было опасным занятием, но желание отведать спелых ягод не однократно пересиливало здравый смысл. Спустя несколько лет, вспоминая эту вишню, я уже чётко осознавал что схватить меня в те минуты можно было очень легко, главное было выбрать подходящий момент.

Вспоминал я вишню в связи с одним обстоятельством выяснившимся спустя несколько лет после завершения косовских событий. Дело в том, что году так в две тысяча втором - две тысяча третьем из телепередачи посвящённой боевым действиям в Косово мне стало известно о применении силами НАТО во время нанесения воздушных ударов боеприпасов содержащих обеднённый уран. Я и раньше знал, что в вооружённых силах НАТО используются какие-то типы боеприпасов для производства которых используется это вещество, но до поры до времени мне не было известно о

применении их в Косово. Чуть позже я прочитал в каком-то журнале статью про действия американцев в Косово и там снова встретил упоминание об этом типе боеприпасов. Я до сих пор не знаю точно, применяли их там или нет, но как говорится «дыма без огня не бывает». Кроме того я убеждён, что от США можно ждать вообще чего угодно и поэтому можно с большой долей вероятности предположить что «пиндосы» такие снаряды всё же применяли. Принцип действия снарядов с обеднённым ураном мне не известен, знаю только что предназначены они для пробивания брони. Не смотря на свою «обеднённость» этот уран всё равно радиоактивен и особую опасность для человека представляет заражённая пыль. Вся прилегающая к аэродрому территория несла на себе следы многочисленных попаданий натовских бомб и ракет. Вишня, которую я с наслаждением поедал в течение нескольких дней была густо покрыта слоем многодневной пыли. Я не особо утруждал себя промыванием вишен – раз ягоды висят в воздухе не касаясь при этом ничего грязного значит они чистые. Наскоро стёр с них пыль и ням-ням...

Мародёры не слишком баловали своим вниманием охраняемую нами территорию, однако и сюда они время от времени наведывались. Особо запомнилась деятельность одного или даже действовавших командой нескольких из них. Мне так и не удалось повстречать этого (или этих) удалого расхитителя лично, но запомнился его метод работы – он приезжал грабить на тракторе с прицепом. Использование трактора с телегой для вывоза награбленного имущества из сербских частных домов было явлением обыденным, но вот приезжать на тракторе на военные, да к тому же «охраняемые» объекты было проявлением большой наглости.

Поскольку в этом районе мы осуществляли контроль за местностью в общем-то формально, да и то только в дневное время, узнать откуда и каким образом появлялся этот трактор нам так и не удалось. Неоднократно я видел его стоящим в том или ином месте, однако никакого видимого присутствия самих мародёров было не заметно. На следующий день трактор либо исчезал совсем, либо появлялся уже в другом месте. Иногда, к моменту нашего появления в телеге уже лежали какие ни будь вещи, иногда она была пуста. В дневное время видимых действий мародёры не осуществляли поэтому наличие в тележке вещей означало, что шиптары принимались за грабёж спозаранку, ещё до нашего появления на территории. Мы не имели ни приказа, ни возможности охранять данную местность круглосуточно. У нас не хватало людей и для того чтобы организовать ночные патрулирования потребовалось бы снимать их с каких-то других постов. Патрулирование в таком составе, какой тогда был у нас – экипаж БТР и старший машины (иногда к нам добавлялся один боец) в ночное время было просто-напросто самоубийственным. Мы не патрулировали здесь ночью и мародёры это знали.

Я несколько раз ставил вопрос о том, чтобы уничтожить этот гнусный трактор и лишить тем самым мародёров возможности действовать, но всякий раз разрешения на его уничтожение мне не давали. В принципе можно было не применяя вооружение БТРа уничтожить его просто облив бензином или другой горючей жидкостью – типа того, что трактор «сам сгорел». Естественно выяснить по какой причине сгорел мародёрский трактор никто не стал бы. Таким образом получилось если бы и не пресечь деятельность этих мародёров полностью, то хотя бы сильно осложнить их «работу» да и немного наказать их. Очень зря я не набрался решимости и не подпалил трактор, до сих пор сожалею об этом.

В то время пока мы охраняли территорию сербских военно-административных зданий на аэродром приземлилось ещё несколько наших транспортных самолётов. Какой груз они привезли я точно не знаю, но личного состава после их прилёта у нас особо не прибавилось. Отношения с англичанами полностью «устаканились», мы относились друг к другу как к неотъемлемой детали окружающей местности. Наши умельцы починили несколько брошенных сербами легковых машин и катаясь на них от

поста к посту вызвали раздражение у англичан. После жалобы инглезов нашему командованию катания были прекращены.

Албанцы продолжали свирепствовать грабя и поджигая сербские дома. По ночам постоянно слышались выстрелы, как правило несколько одиночных либо одна-две очереди. Ни каких мало-мальски значимых боестолкновений в нашей зоне ответственности не происходило. Не смотря на очевидную стабилизацию обстановки мы по-прежнему ожидали нападения со стороны шиптаров, но они по-прежнему упорно не желали нападать на нас. При этом было очевидно, что в крае их уже очень много. Мы были настороже, накопленная агрессивная энергия ждала возможности вырваться наружу, но реализовать её по-прежнему было некуда. Всё ещё мы были дисциплинированы и управляемы, но окружающий хаос уже начал оказывать своё действие и на нас. В совокупности с нереализованной агрессивной энергией в нас уже начали назревать не слишком хорошие помыслы.

Основным «нехорошим» помыслом было стремление к употреблению алкоголя. Психофизическое напряжение требовало разрядки. Кураж от осознания глобальной крутизны того, что мы сделали и кураж от вида окружающего нас беспредела разжигали желание «бухнуть» или «курнуть». Очевидная ничтожность албанов как боевой силы вызвала пренебрежительное к ним отношение и явно не стимулировала в нас трезвость и бдительность. Энергию предназначенную для боёв с бандами ОАК-УЧК нужно было куда-то девать. И её стали расходовать на приключения. В первую очередь на пьянки. Сперва пили немного, но вскоре дело пошло уже масштабнее. Многие парни рассказывали, что кем-то из наших были обнаружены две бочки спирта. Сам я бочек не видел и не могу даже представить откуда они могли взяться. Возможно бочки это вообще вымысел, но вот откуда-то взявшийся спирт действительно был. Спирт стали пить. Никто не умер, и как ни странно никто даже не ослеп, ну или по меньшей мере даже не отравился. Мне предлагали испить этого напитка, но побоявшись вредных для своего молодого организма последствий я отказался. В юности я не однократно пил спирт «Рояль» который в начале девяностых годов в изобилии поставлялся в многострадальную Россию. Я много раз слышал страшные рассказы об отравлениях этим спиртом и в конце концов пришёл к выводу, что его лучше не употреблять. Спустя много лет я узнал что спирт «Рояль» изначально предназначался для разжигания каминов и печей. В дальнейшем, под такой же торговой маркой повсеместно продавалось горючая жидкость для зажигалок типа «Зиппо». Представляю как глумились над нами те, кто поставлял этот спирт в Россию. Какие же мы были глупые и смешные в те далёкие годы. Стараниями проклятых коммунистов мы натурально выглядели папуасами восторгающимися стеклянными бусами. Ну да ладно, что было того не поправить.

С едой у нас в Косово в те дни проблем не было – помимо обычного армейского рациона мы располагали продуктами которые отдали нам сербы, а так же теми продуктами что прислало нам правительство Москвы. Впервые за всю свою армейскую жизнь я столкнулся с тем, что солдатам предлагали продуктов намного больше чем они могли съесть. Причём продукты были разнообразные и хорошие, в основном различные консервы. Было очень жарко и есть, особенно что либо сладкое, на вроде сгущённого молока, никому не хотелось. Некоторые брали консервы «про запас» справедливо полагая, что сытые времена могут кончиться также внезапно как и начались (так оно и вышло). Как пойдёт жизнь дальше неизвестно и запас вполне может пригодиться. Временное продуктовое изобилие объяснялось ещё и тем, что кладовщикам украсть и продать продукты было не кому – сербы их бы покупать не стали, а с албанами договариваться в те дни вообще было не реально. Соответственно воровать продукты было бессмысленно и поэтому приходилось раздавать их солдатам. Как мне представляется кладовщики должны были горевать оттого, что продукты «пропадают зря».

Как-то раз к нам пришла небольшая колонна российского МЧС, машин шесть-восемь. Белые КАМАЗы были загружены гуманитарной помощью. Помощь предназначалась не нам, а сербам. В условиях косовской катастрофы эта помощь была каплей в море, но даже такая помощь могла в те дни пригодиться сербам. В вопросах всевозможной помощи (в первую очередь естественно военной) сербы ждали от России очень много, но прежде чем возлагать большие надежды на нашу страну сербам следовало бы подумать о том незавидном положении в котором находилась наша некогда могущественная держава. Надеждам сербов не суждено было сбыться – огромной помощи от России они так и не получили, но если быть в этом вопросе принципиальным, то можно отметить что и Сербия в не лучшие для России годы не раскошеливалась нам помогать. Россия дважды была вынуждена вести затяжные боевые действия в Чечне и я, при всей своей осведомлённости об этих войнах, ни разу(!) не слышал ни о сербских добровольцах, ни о сербских врачах, ни о посылках из Сербии.

Подход сербов был очень интересным и весьма примечательным – раз Россия большая то она всё вытянет, а наше дело маленькое. Сербам жилось не сладко, но тем не менее их страна не была до такой степени нищей чтобы не оказывать братской России хотя бы незначительную помощь. На данном примере хорошо просматривается важный психологический момент отношения сербов к России – они, в большинстве своём, хотели односторонней помощи с российской стороны, а вовсе не стремились к взаимопомощи.

Что касается колонны МЧС то несмотря на её немногочисленность можно уверенно сказать – лучше оказать хоть какую-то помощь, чем не оказывать никакой. Куда точно направлялись грузовики с гуманитарной помощью я сейчас уже не помню, но точно они не должны были разгружаться на месте. Поскольку мы были в общем-то оторваны от жизни, общение с водителями прибывших из России грузовиков представляло для нас интерес. Однако ничего особо интересного мужики не рассказали – на Родине всё было по-прежнему. В остальном наши разговоры вертелись вокруг событий происходящих на косовской земле, ну и на разные традиционные темы, типа того, кому сколько платят или чем КАМАЗ хуже (лучше) «Урала». Насколько я помню колонна в пути никем кроме нас не охранялась и водители не были даже вооружены. Простояв пару дней колонна продолжила свой путь, как мне представляется вглубь Сербии. Думаю остановка её у нас была вынужденной – где-то в руководстве принимали решение куда конкретно её направить. В Приштине ей было делать нечего – всю помощь предназначенную для сербов с большим удовольствием разграбили бы шиптары.

Прибывшие из России штабные офицеры сообщили нам, что командование высоко оценило наши заслуги и все мы будем награждены и любой желающий из нашего числа сможет остаться служить здесь ещё минимум на полгода. Это известие было воспринято многими «на ура» поскольку служба в бывшей Югославии была для многих очень привлекательной по причинам ранее уже указанными мной. Многим парням, особенно из небольших провинциальных городов и посёлков по возвращению домой практически невозможно было найти работу которая оплачивалась бы так же, как здесь. Если при этом ребятам не к кому и не к чему было возвращаться то возможность остаться «послужить делу мира» представлялась особо привлекательной. Поскольку любой среднестатистический солдат и офицер отправлялся в «Югу» на два срока по полгода то по истечении года остаться здесь ещё на один срок было делом маловероятным. Некоторые парни давали взятки чтобы остаться на третий срок. Таким образом, «служение делу мира» являлось занятием приносящим стабильный доход.

Заработанными деньгами мы распорядились по-разному, в зависимости от личных предпочтений и мировоззрения. С точки зрения психологии нас можно было разделить

на три категории. Первую категорию составляли парни жившие только сегодняшним днём. Они тратили все свои деньги сразу же как только их получали. Тратили на вкусную еду, спиртное, проституток, одежду, ну и т.д. По моему разумению это не самый плохой способ распорядится деньгами – жизнь такая штука, что сегодня мы есть, а завтра нас нет и поэтому получать удовольствие от жизни нужно каждый день. Например, один мой товарищ, прослужив в Боснии год, прибыл в Россию с несколькими сотнями долларов в кармане, а в его сумке, к огромному удивлению таможенников, не оказалось ничего кроме нескольких бутылок пива.

Любители швырять деньгами делились на две категории: одну категорию составляли люди которые вообще ни о чём не задумывались, другую категорию составляли те, кто раньше не имел средств вести красивую жизнь, но очень к ней стремился. Получив на руки определённую сумму денег парни принимались реализовывать свои давние мечты. Антиподами расточительных жизнелюбов были бережливые скупердяи. Они считали, что деньги нужно копить поскольку дома они будут очень нужны. Доходило до маразма – некоторые из скупердяев даже не ходили в кафан попить кофе. По их мнению потратить пару долларов на кофе это было глупым расточительством. Один бережливый парниша за день до своего отъезда на Родину хорошо выпил (все отмечали отъезд), а проснувшись по утру не обнаружил кошелька в котором хранились заработанные им за год деньги. Денег было немного-немало двенадцать тысяч долларов. Спрашивается, ну на хера было копить? Этого парня уважали и поэтому деньги ему вернули – его деньги никто не крал, он сам спяну потерял их.

«Растратчики» похвалялись тем как удачно они потратили свои средства, скупердяи, видимо завидуя им, старались всячески их принизить, постоянно высказывая мнение, что тратить трудно заработанные деньги это очень глупо (уместно вспомнить отношение некоторых парней к покупке мной часов «Касио»). Эти две категории людей не понимали друг друга, я же понимал и тех, и других. Была ещё и третья категория к которой относился и я. Третья категория была значительно малочисленнее нежели чем две первые, но зато составлявшие её люди придерживались гармоничных и умеренных взглядов. Представители третьей категории сочетали ежедневные удовольствия с накоплением сбережений на будущее. Мною была подмечена любопытная деталь: почти что каждый, кто вернувшись в Россию не вложил деньги в недвижимость, в конечном итоге всё равно остался без накопленных средств. Классическим вариантом уничтожения заработанных на миротворчестве денег был вариант покупки машины которая спустя какое-то время разбивалась.

Как бы там ни было, остаться в Югославии ещё на полгода хотели многие из нас. В Косово нам пообещали, что все изъявившие желание остаться всенепреренно останутся, для этого нужно будет написать обычный в таких случаях рапорт. Я оставаться не собирался, а вот те кто имел такое желание устремились писать рапорта и подавать их на подпись командиру роты. Для некоторых тут начались проблемы имевшие почти что неразрешимые последствия. Я уже упомянул, что процесс пьянок пошёл и всё более увеличивался день ото дня. Вместе с этим появлялись нарекания со стороны командиров которые иногда перерастали даже в конфликты. Некоторые воины уже показали себя командиру роты во всей красе и естественно продолжать свою службу с проблемными солдатами он не хотел и соответственно их рапорта подписывать отказывался. Наверное некоторых особо конфликтных (и соответственно насоливших ему) парнишек он просто-напросто наказывал таким образом. По-моему, всё же все, кроме одного, рапорта были им подписаны, но случилось это уже позже и для некоторых это было связано с беготнёй и нервоотрёпкой.

По замыслу верховного командования после того как мы показали себя столь блестяще все мы должны были остаться служить именно в Косово. Таким образом наш батальон, почти в полном составе, должен был составить основу будущих российских сил в Косово, служа своеобразным примером для подразделений прибывших из России. То, как чётко, слаженно и решительно мы провели марш и удержание аэродрома действительно было достойным примером для подражания не только отдельно взятой российской армии, но и вообще для любой армии мира. Мы продемонстрировали профессионализм, боевой дух, смелость, а так же и все остальные достойные для мужчин вообще, и солдат в частности, качества. В этом вопросе упрекнуть нам себя было не в чем.

Тем временем нашу роту разместили в огромном железном ангаре. Почему командование выбрало для размещения личного состава именно ангар, а не одну из находившихся рядом казарм я не знаю. Могу лишь только предположить, что размеры ангара позволяли вместить всю роту одновременно в то время как сербские казармы такой возможности не предоставляли. По всей видимости раньше тут находилась какая-то авиационная, либо аэродромная техника, но к моменту нашего заселения ангар был пуст. Ни я, ни Толстый в ангаре не жили поскольку у нас была крыша над головой, да и к тому же наш БТР почти постоянно находился в охране и нам как членам экипажа необходимо было присутствовать в своей машине. Я пару раз наведывался в этот ангар и внутренняя обстановка представлялась мне не слишком удобной для отдыха – спать там было аналогично тому, чтобы спать посередине пустого баскетбольного зала. При входе в ангар сразу же появлялось чувство дискомфорта.

В стене ангара зияла свежая пулевая пробоина калибра 7.62 – пришедший в казарму снайпер забыл заранее разрядить оружие. Никто не пострадал. Причиной происшествия были либо уже начинавшие сказываться усталость и хроническое недосыпание, либо день ото дня набиравшее ход употребление спиртосодержащих жидкостей. Многие парни негромко обсуждали это происшествие. Кто и как его комментировал я не помню, однако могу сказать, что особо оно никого не беспокоило, общие настроение и смысл разговоров укладывались в одно предложение: «Во парнишка учудил!».

В один из своих визитов в казарму-ангар я застал там своего коллегу-пулемётчика Виталика, того самого Виталика с кем мы ещё находясь во второй роте ездили сооружать мишени на стрельбище. Виталик предстал передо мной с обожжённым лицом и перебинтованными кистями рук. Лицо было обожжено почти полностью, но не сильно, правильнее сказать оно было опалено. Ладони были замотаны бинтом весьма тщательно, что убедительно говорило о том, что руки пострадали значительно сильнее. На мой вопрос о происшедшем он невнятно ответил, что в его БТР албанцы бросили дымовую гранату. Якобы он стал выбрасывать её и обжёг себе руки и лицо. Ни один человек не будет подставлять под струю огня и дыма лицо и поэтому рассказ Виталика мне показался странным. Виталик говорил невнятно и поскольку мы были знакомы не первый день по его поведению я понял что он врёт, либо по меньшей мере чего-то не договаривает. На мои дальнейшие вопросы он отвечал так же невнятно и уклончиво, было видно что он хочет поскорее закончить разговор. Он постоянно отворачивал глаза как будто ему было очень неприятно обманывать своего сослуживца, но при этом обманывать в данной ситуации ему по какой-то причине всё же было необходимо. Я понял что Виталик что-то скрывает и при этом навряд ли сейчас «расколется». Каким образом он в действительности получил свои ожоги я так и не узнал. К счастью ожоги были несерьёзные.

На одном из прибывших из России самолётов прибыла группа журналистов. У меня эта группа вызвала весьма своеобразный интерес - интерес был связан с нахождением среди журналистов нескольких фотографов. К тому времени у меня уже

кончилась фотоплёнка для моей «мыльницы» и я рассчитывал раздобыть её у фотожурналистов. Фотографии для солдата вещь практически святая поскольку содержат в себе воспоминания о трудных жизненных событиях и о людях участвовавших в этих событиях. Фотографии это ПАМЯТЬ. Кроме этого, по моему разумению, впереди было ещё много того, что заслуживало быть запечатлённым на фото. Однако к тому времени вся припасённая мною ещё в Боснии плёнка кончилась и купить эту плёнку было негде.

Приметив группу журналистов с фотоаппаратами я подошёл к ним и немного пообщавшись поинтересовался на счёт плёнки. Мужик к которому я обратился сообщил мне, что у него плёнки осталось мало, но зато он знает у кого она есть и сейчас он принесёт её мне. Фотокорреспондент удалился, а вскоре принёс мне плёнку при этом отказавшись от предложенных денег. Он сказал, что дал бы ещё, но они сами потратили её уже много, при этом им предстояло пробыть здесь ещё пару дней, а объектов достойных фотографирования в Косово в те дни было превеликое множество. Я рад был и одной плёнке, тем более что она имела 36 кадров – максимально возможное количество. Моё внимание привлекла нетипичная маркировка светочувствительности плёнки. Имеющаяся в обычной продаже плёнка имела три коэффициента светочувствительности: 100, 200 и 400 - чем больше число, тем плёнка чувствительнее. Светочувствительность влияла не только на фотографирование в различных условиях освещённости, но и на насыщенность фотографии цветом, то есть на красочность фотографии. Плёнка которую дал мне фотокорреспондент имела коэффициент светочувствительности 800. До этого момента я не ведал, что в мире вообще существует такая плёнка, по-видимому она продавалась только в специальных магазинах для профессионалов. Сделанные с неё фотографии отличались высокой чёткостью и контрастностью, а также намного большей насыщенностью цветом нежели чем фотки с обычной плёнки. Цвета на фотографии сделанной с «восьмисотой» плёнки были ярче и сочнее и поэтому фотки были красивее обычных.

Поскольку я предвидел, что одной плёнки мне может не хватить то я решил обратиться еще к какому ни будь журналисту. В скором времени я раздобыл ещё одну плёнку, причём снова безвозмездно. Эти корреспонденты показались мне нормальными ребятами и о них у меня остались самые хорошие воспоминания. Что же касается журналистов вообще, то представителей этой профессии я выделяю в отдельную, обособленно стоящую от общества категорию. Отношение к журналистам у меня двойственное. С одной стороны среди журналистов есть много хороших, порядочных и грамотных людей. В дальнейшем, в редакции журнала «Солдат удачи» я познакомился с такими людьми. С другой стороны среди журналистов есть много тех, кто прикрываясь термином «свобода слова» делает очень много зла. Злом может быть как агитация в пользу чего-либо плохого так и примитивнейшее обливание грязью порядочных людей.

Существует такой термин как «психологическая война» и смысл его заключается в причинении вреда врагу методом оказания на него психологического воздействия: давления, обмана, внушения. Причём воздействие зачастую оказывается не только на врага, но и на тех, кто до поры до времени держит нейтралитет. Способов оказания психологического давления множество и одним из достаточно эффективных является внушение какой-либо идеологии населению посредством использования СМИ. В этом смысле журналисты выступают в качестве солдат психологической войны, но в отличие от солдат настоящих они прячутся от ответственности за свои действия за «журналистскую неприкосновенность» и конечно же за так называемую «свободу слова». Нормальные, честные бойцы не зависимо от того за что они воюют всегда могут получить свою пулю и получение этой пули является явлением нормальным, по меньшей мере закономерным. Хитрозадые журналисты напрямую участвуют в

психологической войне, однако автоматов в руках не держат и поэтому вроде как «не при делах», хотя своими действиями они способны приносить огромный вред.

Если погибает обычный боец, то это воспринимается как норма, если же журналисту настаёт время ответить за свои действия и «встать к стенке» то сразу же подымается вой о свободе слова и журналистской неприкосновенности. Такое положение вещей мне представляется очень несправедливым и подлым. За эту подлость я и не люблю негодяев из числа журналистов. К счастью не всем негодьям-журналистам удаётся избежать наказания, но всё же многие из них раз за разом успешно используют «свободу слова» в качестве щита.

Относительно свободы как таковой уверенно скажу следующее: абсолютной свободы равно как и абсолютной несвободы для человека в природе не существует, при этом жизнь устроена так, что любое действие влечёт за собой какие-то последствия, следовательно и за сказанные слова человек должен нести ответственность. Так устроен мир, но свободолюбивые журналисты хотят говорить что им заблагорассудится и не нести за это ни какой ответственности. Так быть не должно и за слова, равно как и за любые поступки, нужно отвечать. В мирное время достаточно ответственности за честность сказанного. В военное время есть спрос и за то, в чью пользу делаются те или иные публичные заявления. Каждый человек имеет право высказывать своё мнение, но когда мнение высказывается публично это уже не личное дело человека – это элемент воздействия на общество, способ ведения психологической войны. Тот, кто публично высказывается в поддержку врага делает с врагом одно дело и соответственно должен полностью разделить его участь.

В период первой чеченской войны многие свободолюбивые журналисты обливали грязью нашу армию, прославляли боевиков и особенно рьяно сочувствовали «мирным» чеченским жителям. Свободолюбивые журналисты вели войну против России, хотя в большинстве своём являлись её же гражданами. Говно, а не люди. Многим из них это сошло с рук. К моей большой радости кое-кто из них всё же получил по заслугам. То, что они стреляли в Россию не пулями, а словами и видеокдрами ничего не меняло. Более того, умелый психологический «выстрел» проливает намного больше крови чем десятки и сотни выстрелов настоящих. И кровь моих товарищей действительно проливалась.

Слова сказанные в нужное время в нужном месте это не просто сотрясение воздуха. Слова сказанные в нужное время в нужном месте могут быть сильным оружием. Слова имеют свойство материализоваться. Не в мистическом смысле, а во вполне естественном, материальном. Старинная поговорка гласит: «Назови человека сто раз свиньёй он и захрюкает». Современные люди очень зависимы от преподносимой им информации, некоторые прямо таки болезненно зависимы. Образно говоря, если сегодня людям убедительно скажут про какого-то человека, что он плохой, то завтра от него все отвернуться, послезавтра его побьют, а послепослезавтра его вообще могут убить, при этом за него даже никто не вступится. Слова материализуются в поступках людей услышавших их.

Применительно к освещению войны журналистами это означает создание негативного образа одной из сторон конфликта и позитивного другой. Сторона на словах выставленная в позитивном свете получит вполне материальную помощь (оружие, медикаменты, подкрепление), сторона выставленная в негативном свете получит повсеместное противодействие. От очернённой армии могут отвернуться даже те кого эта армия защищала. Это несправедливо и подло, но так действительно бывает. Достаточно вспомнить американских солдат времён вьетнамской войны или же наших ребят-«афганцев». И тем и другим пресса создала облик убийц, карателей, психов, наркоманов, а самое главное людей сражавшихся «за зря». То, что ребята ЗАЩИЩАЛИ свою Родину выполняя ЕЁ ПРИКАЗ уже мало кого интересовало – журналисты создали бойцам очень негативный образ и общество отвернулось от своих

солдат. Когда солдаты это осознали они отвернулись от общества. Неблагодарность вернулась к обществу в виде криминального всплеска и таким образом общество получило то, что заслужило.

Во главе этого процесса стояло не общество, а деятели из СМИ. Журналисты вели психологическую войну против армии и зачастую добивались успеха. В современном мире СМИ обладают большой возможностью влиять на общество и в условия войны это влияние является частью самой войны. Во время всех конфликтов на территории бывшей Югославии руководство США умело и беспринципно использовало это влияние в своих интересах. В широком смысле война не кончается никогда и солдаты психологического фронта не сидят без дела. Огромное количество людей по всему миру практически не способны здраво воспринимать окружающую действительность (то есть жить в гармонии с природой ориентируясь в повседневной жизни на её вечные и мудрые законы) и эти люди полностью ориентируются на услышанное и увиденное в СМИ. Люди тупо, иногда даже сами того не понимая делают то, что велит им «ящик для дураков» - телевизор.

«Телезомби» глупо и бестолково живут в мире сфабрикованном СМИ. За примерами далеко ходить не надо – лучший пример это современный шоу-бизнес. Миллионы глупцов по всему миру наблюдают за выступлениями «деятелей культуры», с неподдельным интересом обсуждая кто из «звёзд» с кем совокупился и кто где как кривлялся. «Звёзды» показанные по телевизору воспринимаются не как клоуны (кем многие из них в действительности являются), а как герои. Не спортсмены, не космонавты, не военные, не врачи, не философы, не художники, а именно кривляющиеся на сцене и поющие бредовые песни клоуны являются для миллионов людей настоящими героями. Что можно сказать про людей у которых такие «герои»?

Большинство поклонников клоунады НИКОГДА в повседневной жизни своих «героев» не видели. Поклонники не знают настоящего образа жизни «звёзд» и даже зачастую не знают истинных имён своих «героев». Дураки вообще не знают тех, кем восторгаются, видя лишь образ сформированный СМИ. Если бы кто ни будь из «звёзд» голубого экрана помер, но при этом по телевизору длительное время показывали бы «звёздные» кривляния то для поклонников факт смерти «звезды» остался бы незамеченным. «Телезомби» с огромным интересом обсуждают подробности «интимной» жизни «звёзд». «Интимные» подробности естественно подчёрпнуты из СМИ. Увидеть «случайно сфотографированные» трусы какой ни будь клоунессы представляется событием вселенского масштаба.

Примерно также обстоит дело и с экономикой. С экрана телевизора телеведущий сутками напролёт обсуждает со своими толстозадными коллегами экономическое положение, котировки акций, курсы валют. Он говорит множество заумных слов суть которых большинство телезрителей не понимает, но совсем не говорит о том, что современные деньги это просто бумага которая в прямом смысле **ВООБЩЕ** ничем не обеспечена, что котировки акций отражают не столько реальный потенциал предприятий сколько спекулятивные настроения биржевых игроков, что важная экономическая информация дорого стоит и её никогда не будут сообщать кому попало с экрана телевизора. «Экономист» выдаёт информацию которую всё равно никто из рядовых зрителей не сможет проверить и тем не менее его многие слушают день за днём. Большинство телезрителей даже не понимают, что экономические отношения вертящаяся вокруг денег, акций, облигаций и тому подобных бумажек это просто своеобразная игра. И хотя эта игра составляет часть нашей повседневной жизни она не имеет ничего общего с реальной экономикой - экономикой основанной на распределении природных ресурсов и человеческого труда.

Природные ресурсы останутся на земле даже если человечество исчезнет, игра в деньги, акции, облигации и прочие бумажки будет продолжаться только до тех пор пока в неё верят. Деньги – это просто бумага, в свою очередь земля, нефть, газ, лес,

золото, сталь это вещи вполне реальные и чтобы человек отдал свои реальные вещи за ни чем не обеспеченную бумагу (чаще всего зелёного цвета) нужно хорошенько промыть человеку мозги. А как же это сделать? Да просто – нужно иметь собственные СМИ. Миллионы людей слушают бред об акциях, вложениях, биржах и если СМИ передают о том, что случится какой ни будь финансовый кризис то «телевизионные зомби» не только охотно поверят в этот самый кризис, но и сами сделают всё возможное для его наступления.

В современном мире контролировать СМИ важнее чем обладать ядерным оружием. Наиболее разветвлённую сеть СМИ по всему миру имеют конечно же США и в войне против сербов Америка всю использовала журналистский потенциал. Везде где присутствовало американское телевиденье, телезрителям зачастую даже не зная о существовании такой страны как Сербия навязчиво объясняли что сербы очень плохие люди и поэтому их необходимо бомбить. Кстати необязательно было этим заниматься конкретно американскому телеканалу – за деньги эту информацию мог преподнести какой ни будь местный телеканал. Денег американцам не жалко – напечатать их не сложно.

Также потом было сделано и в Ираке. По всему миру американские «борцы за демократию» раструбили миф о том какой злой Садам Хусейн, как много у него химического оружия, какой он опасный террорист. Американские спецслужбы придумывали образ врага, а «демократичные» журналисты его умело тиражировали и раздували до космических масштабов. Из телевизора образ врага Америки пришёл в каждый дом.

Пустыми «базарами» главные борцы за свободу слова не ограничивались – вслед за словами летели бомбы. Тысячи бомб. В одной американской листовке сброшенной на Сербию так и было сказано: «Тысячи бомб упадут на вас...». Листовка предназначалась для запугивания сербов. В других странах листовками никого не запугивали, зато всячески внушали миф о зловредности сербов. Голливуд даже снял фильм о «героических» приключениях сбитого американского пилота в сербском тылу. На сколько я знаю, несмотря на то, что самого злого серба в фильме играл известный и талантливый российский актёр у нас этот фильм большой популярностью не пользовался. Но создание фильма это разовая акция, а вот деятельность американских СМИ по очернению сербов было процессом длительным и планомерным.

Журналисты в этом длительном и планомерном процессе как раз и выступали бойцами психологического фронта. Понятное дело, большинство из них находилось далеко от передовой, таким образом убивая с безопасного для себя расстояния, но даже те из них кто был недалёк от мест боестолкновений всячески прятался за вышеупомянутые «свободу слова» и «журналистскую неприкосновенность». Кстати, я прекрасно отдаю себе отчёт, что в случае успеха моей книги нелестные высказывания о «нехороших» журналистах могут вызвать недоброжелательное отношение ко мне с их стороны со всеми вытекающими из этого последствиями. Но, во-первых я не боюсь «нехороших» журналистов, а во-вторых, есть ведь на свете и хорошие журналисты.

По большому счёту я не слишком люблю журналюг, в этом смысле я солидарен с одним неизвестным американским военным ещё в годы вьетнамской войны сказавшим: «Военный думает прежде всего о том, как защитить свою Родину, а журналист в первую очередь о том, как прославиться». Я не люблю журналистов, хотя понимаю что без них современное общество уже обойтись не может. Тем ребятам, что подарили мне фотоплёнку я благодарен - плёнка мне очень пригодилась.

Не смотря на то, что каждый день мы уезжали «охранять» территорию сербских казарм и административных зданий в вечернее время у нас была возможность пообщаться со своими сослуживцами и из их рассказов составить более-менее точную картину того, что творилось вокруг. Картина была следующего содержания: албанцы

повсеместно хозяйничали во всю терроризируя местных жителей, сербы повсеместно терпели тиранию, а силы КФОР постепенно и неумолимо рассредоточивались в крае. В общем ситуация в Косово развивалась закономерно. Внимательный читатель помнит, что наш батальон тоже вроде как относился к силам КФОР, даже вся наша техника имела соответствующие надписи и следовательно в вопросе рассредоточения на местности мы не должны были отставать от своих натовских «коллег». Наша проблема заключалась в том, что мы не располагали достаточным количеством личного состава для взятия под контроль нашего района. Людей по-прежнему не было, но тем не менее всё необходимое для обеспечения дальнейшего развёртывания делалось. Где-то далеко от этих мест велись переговоры об установление зон ответственности, а здесь, в Косово, наше командование старалось установить контроль над некоторыми ключевыми объектами. Наши парни выезжали выставлять посты в точки, которые по мнению командования представляли стратегический интерес. В скором времени и наш экипаж убыл на такой пост – мы поехали охранять сербский госпиталь в Приштине.

Часть четвёртая. Госпиталь.

Наш БТР приняв на борт отделение солдат из нашего взвода отправился охранять сербский гражданский госпиталь. Нашу группу возглавил уже более-менее известный нам с Толстым капитан В., тот самый, под чьим командованием мы охраняли территорию сербских казарм и административных зданий. Наше прибытие было заранее согласовано и сербы радостно встречали нас, своих защитников. Общее настроение сербов выражалось словами «Ура!!! Русские приехали!!!». Некоторые из сербов так и кричали.

Сербы видели в нас реальную силу, олицетворение великой России, защитников, друзей и братьев. Прекрасно понимавшие, что от албанцев сейчас им самостоятельно уже не спастись сербы видели в нас единственную возможность к спасению. Сами мы и уж тем более стоящая за нашей спиной Россия представлялись для них надёжным щитом. Мы разочаровывать сербов не собирались. Как только мы появились в этом госпитале мы были окружены самым пристальным вниманием – ну как же, прибыли герои! Госпиталь был частично не функционирующим, а та его часть что всё же использовалась действовала по принципу больницы-поликлиники. Персонал был в основном женский, было с десяток более-менее симпатичных девушек. Последнее обстоятельство показалось нам особенно интересным. Как только мы прибыли на место сербы на перебой принялись предлагать нам угоститься кофе.

Из числа горячих напитков сербы вообще пьют только кофе, по какой-то неведомой мне причине нормальный чай у них отсутствует напрочь. Чая, ни чёрного, ни зелёного просто-напросто нет в продаже. Для любого русского человека отсутствие чая представляется аномалией, но для сербов это было нормальным положением вещей. В это сложно поверить, но это правда. Я даже думаю (на полном серьёзе), что некоторые из них даже не ведали о существовании в мире такого напитка как чай. Кстати, чёрного хлеба у них тоже нет. Первое время к отсутствию столь привычных продуктов относишься терпимо, но потом начинаешь тосковать по ним. В Боснии во время ротации личного состава, очень часто прибывающие из России бойцы привозили своим загостившимся на Балканах знакомым чёрный хлеб, чай и даже солёную селёдку. Отправляясь во вторую свою югославскую командировку я прихватил с собой пачек десять ржанных сухариков чтобы по прибытию в подразделение порадовать ими своих новых сослуживцев.

Сербы не знали чёрного хлеба, чёрного чая, но зато часто пили чёрный кофе – крепкий и из крохотных чашечек. Угостить нас кофе, равно как и создать нам любые другие хорошие условия среди сербов, по первому времени было много желающих.

Однако нас интересовал не кофе, а несколько иные напитки, которыми сербы тоже естественно не пренебрегали. Было жарко и слово «пиво» часто встречалось в наших диалогах в те дни.

Сейчас я мало употребляю спиртосодержащие жидкости, но в те годы желание выпить у меня присутствовало зачастую. В ходе общения с сербами выяснилось что гнусные американцы помимо прочего разбомбили и лучший в этой части Сербии пивоваренный завод. Пивоваренный завод явно был «военным» объектом. Такое дело любители пива наверняка квалифицировали бы как преступление перед человечеством не имеющее сроков истечения давности наступления ответственности, однако по сравнению со всем остальным, что совершили США, разрушение пивзавода это детская шалость.

Я много раз упоминал о нашем повседневном общении с сербами и чтобы у читателя не сложилось неверное представление о большой схожести русского и сербского языков сделаю разъяснение на этот счёт. Русский и сербский языки хотя и являются славянскими и явно произошли когда-то от одного языка тем не менее сильно разнятся. Я не лингвист и не могу научно и аргументировано обосновывать особенности схожести и различия двух этих языков поэтому просто-напросто объясню всё в общих чертах и для наглядности приведу примеры. Оба языка действительно имеют ряд схожих слов типа «ништо – ничего», «ютро – утро», «кафана – кофейня», и в тоже время многие русские слова имеют в сербском языке абсолютно иное значения: «куча – дом», «майка – мать», «струя – электрическое напряжение» и т.д. Большое количество слов бывают понятны по принципу логической аналогии : «данас – сегодня (днём)», «сутра – завтра», «дэца – дети» и т.д.

По поводу созвучия некоторых слов в нашей среде бытовала очень комичная история произошедшая ещё во времена Русбата. Правда это или вымысел точно неизвестно, но это в данном случае неважно. Важно другое, а именно то, что созвучные слова в разных языках могут иметь абсолютно разное значение. Очень-очень разное. История такова. Стоял как-то на улице сербского города русский боец-ооновец. Шёл мимо серб с женой и маленькой дочкой. Захотелось нашему парню закурить, да не нашлось в кармане спичек. Парень обратился к проходящему сербу: «Дай спички» - а серб вместо того, чтобы протянуть коробок встал как вкопанный и испуганно смотрит на нашего бойца. Наш солдат снова: «Спички дай». Серб стоит испуганно, тарашится на нашего здорового вооружённого бойца и ни бе ни ме в ответ. Наш парень уже разозлился непонятливостью серба и на повышенных тонах стал ему объяснять: «Ну спички надо, спички, понимаешь!? Спички! Мне надо прикуриться!». Услышав, что русскому спичка нужна для «прикуриться» серб совсем сник и пряча дочку себе за спину стал подвигать к солдату жену. Наш парень понял, что происходит что-то ненормальное и сербы его то ли совсем не понимают то ли понимают как-то уж очень не правильно. Стал наш боец жестами объяснять чего он хочет, показывать руками как спичками чиркать и потом сигарету прикуривать будет. Показывая он всё повторял «спичка» да «прикуриться» чем привёл сербов в полнейшее замешательство. Сербы стоят, уже не боятся, улыбаются, но и понять ничего толком не могут. А дело было вот в чём.

Русское слово «спичка» созвучно сербскому «пичка». Русское слово «прикуриться» созвучно сербскому «курэц». Слово «пичка» на сербском означает простонародное (матерное) название женского полового органа, слово «курэц» соответственно органа мужского. Легко представить, что подумал идущий с женой и маленькой дочуркой серб когда к нему настойчиво стал обращаться русский боец. Дело тогда закончилось дружным смехом как в общем-то и должна заканчиваться подобная комедия.

Как по-сербски спички я не знаю, а вот русское слово «курить» на их языке будет «пушать». В сербском языке понятия «сосать хуй» не существует, сербы говорят

«пушать курэц», то есть дословно «курить хуй». Представьте комичность и нелепость ситуации когда наши парни старательно объясняли сербам на ломаном русско-сербском языке, что ОНИ ХОТЯТ «пушать» и «раскуриться».

Со словом «курэц» вообще много смешного связано. Например вот такая комедия. Как-то раз поехали мы из Углевика в Биелину на машине по различным медицинским делам. Я ехал подлечить зубы, офицер-медик ехал за чем-то одному ему известным, остальные формально тоже кажутся зубы посмотреть, но на деле просто за покупками. Нас человек пять-шесть было, полная машина. Вместе с нами ехал один серб, мужик лет сорока. Кем был этот мужик я не знаю, но на территории нашего базового лагеря он постоянно тусовался и соответственно прекрасно говорил по-русски. Наш доктор видимо решил освоить тонкости братского сербского языка и всю дорогу донимал серба соответствующими вопросами. Причём ему мало было выяснить как по-сербски будет то или иное русское слово ему ещё требовалось узнать является ли это слово медицинским, официальным, ну или простонародным. Серб за свою жизнь повидал огромное количество русских и давать очередной урок иностранного языка ему явно не нравилось. До поры до времени он как-то сдерживался, но вот когда дело дошло до вопроса «А «курэц» это по-сербски медицинское название полового члена или матерное?» серб не выдержал.

Возможно он решил, что доктор издевается над ним нарочно задавая тупые вопросы ответы на которые если точно и неизвестны то уж по меньшей мере должны быть очевидны. В ответ на тихое и вкрадчивое, даже немного заискивающее бормотание доктора серб злобно и громко спросил: «А «хуй» по-русски это медицинское слово!?» Все, кто находился в машине загоготали, но тут же замолчали поскольку доктор был офицером. Повисла тишина и урок иностранного языка закончился.

Ну или вот такая хохма. Я люблю иногда зайти в самую известную в мире американскую закусочную и вот однажды при её посещении увидел рекламу прославляющую сэндвич с курятиной. Надпись на коробочке с сэндвичем гласила: «Любителям КУРИЦЫ посвящается». Созвучие одного русского слова с имеющим совсем другой смысл сербским словом привлекло моё внимание, особенно учитывая в каком контексте это слово было употреблено. Чудесный должен быть сэндвич если его так рекламируют. Я не удержался и захохотал после чего мне пришлось объяснить своей компании причину моего смеха. Смеяться кроме меня никто не стал, но улыбались все. Поулыбались, высказали мне за неуместность таких шуток за столом и ...съели сэндвичи.

Некоторые из сербов, как например вышеупомянутый Чипс, достаточно хорошо знали русский язык. Иногда приходилось извращаться добавляя к русско-сербскому лексикону английские слова, но чаще языковой барьер преодолевался при помощи жестов.

Мы пользовались большой популярностью и полюбоваться на русских героев приходило множество местных сербов. Мы много общались на самые разные темы и в частности сербы часто говорили о том, что Косово это их Чечня. По моему глубокому убеждению схожего мало. Конечно в обоих конфликтах присутствовали представители международного исламского терроризма, но ни в Чечне, ни в Косово они погоды не делали. В реальности ситуацией заправляли полевые командиры бандитской, а вовсе не террористической направленности, при этом чеченские и албанские лидеры боевиков между собой ничего общего не имели. Что касается вышеупомянутых пятнадцати чеченцах якобы воюющих на стороне албанцев то они, как мне представляется, как раз и были посланцами этих самых международных террористов типа Басаева или Хаттаба. Среди тысяч и тысяч албанов пятнадцать чеченцев это капля в море. Ни косовский, ни чеченский конфликты не были религиозными конфликтами.

Уместно сказать, что пока чеченцам было выгодно наличие международных исламских фанатиков (а также украинских националистов из УНА-УНСО, всевозможных наёмников, в том числе и русских, англо-американских «правозащитников» и вообще кого угодно) в их республике то они не препятствовали их деятельности, но как только появилась возможность договориться с Россией на взаимовыгодных условиях «чехи» стали противодействовать исламским радикалам и в конечном счёте свернули фанатикам башку. Чечены народ толковый и поэтому они быстро поняли, что для радикальных исламистов Чечня это просто полигон. Поняли и приняли соответствующие меры. Вторым фактором схожести ситуаций является то, что западный мир при возникновении обоих конфликтов поддерживал боевиков, но опять же по-разному. В Косово при помощи открытой военной агрессии, а в Чечне при помощи различных хитрых и подлых юридических, финансовых и политических манипуляций.

Западные злодеи действовали в Чечне как правило под прикрытием правозащитной либо журналистской деятельности. Западным, в первую очередь американским, деятелям конечно же было глубоко наплевать на боевиков, помогая им они в обоих случаях отстаивали исключительно свои сугубо корыстные интересы. Естественно в обоих конфликтах эти борцы за демократию оказывали максимально возможную информационно-идеологическую поддержку своим подопечным. Например, в период первой чеченской войны этим занимался один находящийся непосредственно в России телеканал с названием из трёх букв, принадлежащий в те годы гражданину России ныне скрывающемуся от российского же правосудия в Израиле. Любопытно, что представители этого телеканала всегда яростно выступали за свободу СМИ, именно за свободу, а не за честность, компетентность и порядочность. Комментировать это не буду – дуракам в любом случае не понять, а умным давно всё понятно и без моих комментариев.

Один американский военный (имя не помню) как-то сказал примерно следующее: «Мы не можем считать себя победителями в войне до тех пор пока об этом не объявит телеканал Си-Эн-Эн». Этот дядя знал о чём говорит. Информационно-идеологическая поддержка одной из сторон вооружённого конфликта важна не менее чем поставки оружия, продуктов и медикаментов. Более того, за информационной поддержкой всегда следуют поставки этого самого оружия, продовольствия и медикаментов от тех, кто благодаря стараниям СМИ стал сочувствовать одной из сторон конфликта. Враг с видеокамерой зачастую бывает опаснее врага с автоматом. Наличием определённого количества международных исламских террористов и помощью Запада одной из сторон конфликта и заканчивается вся схожесть событий происходивших в Чечне и Косово. Схожести мало – различий много.

Начнём с главного - конкретно с тех, с кем приходилось нам воевать в Чечне, а именно с чеченцев. Помимо личного общения с чеченцами, в той либо иной форме, я прочитал про них немало литературы начиная с Лермонтова заканчивая современными авторами. Вывод для себя я сделал вполне конкретный. Чеченцы это обособленный, сильный, злой, неглупый, жестокий, активный, немелочный, агрессивный, дружный и предприимчивый народ. Не просто так они издревле поклонялись волку, обожествляя этого хищника. Опасные люди. Конечно не все «чехи» одинаковы, в семье не без урода, но даже те из них, кто сильно не соответствовал вышеозначенным качествам с детских лет впитал в себя стремление к ним. Стремление быть сильным, не только физически, но и во всех проявлениях является для чеченцев нормой жизни. Нежелание быть сильным вызывает презрение и соответствующее отношение. По моему мнению, достаточно правильный подход.

Я на 100% уверен, не будь Россия на рубеже девяностых годов слаба никакой бы войны в Чечне вообще не было. Волк никогда не нападёт на медведя, а вот терзать стадо овец будет с удовольствием. Если сказать другими словами, мне было бы

приятно сражался плечом к плечу с чеченцами против общего врага, но я очень бы не хотел, чтобы кто-либо из них жил по-соседству.

Интересуясь чеченцами я сделал одно интересное наблюдение. То, что я сейчас скажу нельзя услышать нигде, но тем не менее это абсолютная правда. Дело в том, что чеченцы ... ярые националисты. Здоровый национализм должен присутствовать у любого порядочного народа, более того, отсутствие национализма превращает народ в безликую массу, но у чеченцев национализма слишком много. В понимании чеченов они это элита не только Кавказа, но и всего человечества. Они самые сильные, самые крепкие, самые ловкие и вообще самые-самые. Почему? Да просто потому, что они чеченцы, нохчи. Великие, отдельные от всех, свои люди. Слово «нохча», являющееся самоназванием чеченцев, если мне не изменяет память, буквально означает «свой человек».

С детства они воспитываются в духе своей элитарности и те, кто воспитался правильно стремятся поддерживать этот дух в себе и передать его своим детям. Опять же, достаточно правильный подход. При таком возвышенно-позитивном подходе можно в жизни достичь значительно больших результатов, если конечно не зазнаваться. Для сравнения сотнями лет господствовавшее в России христианство пропагандирует другое – чувство ущербности и неполноценности, раболепия и покорности. Результат налицо.

Я вообще не понимаю как наша армия смогла победить в первой чеченской войне. Однако сам факт того, что мы победили таких врагов как «чехи» говорит о том, что у народа России ещё остался какой-то потенциал. Преданные обществом, оплётанные продажной свободолобивой прессой, плохо одетые, плохо экипированные, в большинстве своём необученные, измученные мальчишки (русские, татары, чуваша, мордвина, да вообще все) всё же смогли свернуть башку матёрым чеченам. Победили по причине своей правоты и стойкости, способности драться в условиях когда всё против тебя. Победили исключительно благодаря силе духа, на которую не способны другие народы. Но эту силу из века в век стараются убить в наших людях, лишить нас чувства гордости за принадлежность к нашему великому народу, привить нам неуважение к самим себе.

Началось всё с нелепого христианства, потом настал черёд раболепного западничества, следом противоестественный гуманизм, затем марксизм-коммунизм, опять западничество, ну и наконец придумали толерантность. Всё что угодно, лишь бы внушить многонациональному народу-исполину комплекс неполноценности. Чеченцы жили по-другому, чувство собственного превосходства над миром впитывали они с молоком матери. Я знаю немало примеров чеченского национализма и чтобы не быть голословным, для наглядности, приведу один.

Когда я занимался боксом в московском «Спартаке» вместе со мной на тренировки ходил парнишка по имени Шефкат, родом из Узбекистана, возрастом лет на пять старше меня. Шефкат был парнем рассудительным и общительным. После тренировок мы часто подолгу разговаривали с ним на разные темы. Однажды он поведал мне историю, которая приключилась с ним в начале девяностых. Шефкат успешно занимался борьбой, занимал призовые места на соревнованиях. Кроме этого, он также выступал и на соревнованиях по рукопашному бою - любому известно, что в драке один на один борцовская техника надёжней ударной. В этом смысле боксёры не чемпионы. Шефкат в те годы не обладал ударной техникой, но зато в совершенстве владел борцовской. В составе команды из Узбекистана он приехал на соревнования в Чечню, в город Грозный. Соревнования были посвящены воинам-интернационалистам т.е. «афганцам». Чеченские болельщики, мягко говоря, не дружелюбно встречали всех «нечеченских» спортсменов выходящих на ковёр. Судьи, ясное дело тоже чеченские, были на стороне своих земляков. Не смотря на сильное психологическое давление и нечестное судейство Шефкату удалось одолеть своего чеченского противника. Однако

тот с поражением не смирился и уже после боя стал кидаться на него крича: «Я чеченец, я не могу проиграть!» Шефкат поинтересовался: «Если ты чечен, то что теперь, ты сверхчеловек, у тебя четыре руки, четыре ноги?» Проигравший «чех» снова кидался и орал: «Ты не понимаешь, я ЧЕЧЕНЕЦ, я не могу проиграть! Ты не понимаешь!» Ситуация вполне могла закончиться большой кровью, но к счастью, не желающего смириться с поражением чеченского неудачника увели куда-то его старшие соотечественники. Больше Шефкат его не видел. Узбекская команда заняла третье место, второе – команда из Питера. Понятно кто занял первое. Как сказал Шефкат, победить при таком судействе и вообще такой организации турнира было невозможно.

Когда национализм переходит в нацизм не миновать беды. Война в Чечне была неотвратима. Чтобы не осталось сомнений на этот счёт достаточно просто посмотреть и сравнить документальные кадры выступлений Адольфа Гитлера и Джохара Дудаева. Я смотрел и сравнивал эти кадры неоднократно – общего действительно много. И по внешнему виду и по смыслу. Действия фюреров тоже во многом аналогичны. Например, Гитлер поджёг немецкий рейхстаг - Дудаев расстрелял из САУ чеченский парламент. Действовали они из разных побуждений, однако символизм ярко выражен. Конечный результат тоже одинаков. Когда фюреры приходят к власти это говорит о двух вещах: либо народ очень глуп, либо народу очень нравится то, что предлагают эти вожди. Ни немцев, ни чеченцев глупыми не назовёшь. Вывод понятен. Кстати, за нацизм чеченцев не любят очень многие люди живущие на Кавказе. Не любят, но при этом сильно их боятся. Чечены об этом хорошо знают...

Когда в Чечне была война я бы с радостью сбросил бы на неё ядерную бомбу чтобы раз и навсегда навести там мир и порядок. Разницы в мирных и немирных чеченах я не видел никакой – я был уверен (причём обосновано), что по большому счёту они там все за одно. Мне от них ничего не было нужно, но при этом я твердо знал, что они покоя России не дадут поэтому и канителится с ними смысла не было. Однако, чем больше проходило время от войны, тем более я уважал чеченов по отношению к своим собственным соотечественникам. Дело в том, что чеченцы живут правильнее нежели чем наш народ. Не смотря ни на что они сохранили уклад жизни, который был намного естественней и гармоничней, ближе к природе и соответственно правильней, чем уклад жизни многонационального народа России.

Свою правильность наш народ давно утратил, вернее её в нас годами вытравили. Конечно и среди нас по прежнему есть достойные люди, но у нас их меньшинство, а у «чехов» большинство. Хотя я в общем-то не люблю чеченов, но тем не менее всё больше их уважаю. Более того, посмотрев на какую ни будь очередную выходку своих сограждан я абсолютно искренне жалею о том, что не родился чеченцем. Суть не в желании жить на Кавказе и не в желании быть мусульманином. Кавказские пейзажи мне не по душе, вообще не люблю горы, возможно, потому что ни разу не видел мирных гор. Мои родители с Русского Севера. Отец родом из расположенного на границе Архангельской области и Республики Коми небольшого городка Урдома. Мама из райцентра Верховажье, что находится в Вологодской области. С детства я впитал любовь к красоте северных мест: спокойные реки, величественные и бесконечные хвойные леса, самое прекрасное на свете, ясное и как-то необычайно близкое небо. На Кавказе всё совсем по другому. Кавказские горы наверное тоже красивы, но для меня они абсолютно чужие. Что же касается ислама, то к нему я отношусь ещё более негативно нежели чем к христианству.

Суть сожаления о том, что мне не удалось родиться чеченцем заключается в моём желании жить среди людей которые помогут тебе в любой жизненной ситуации и ради которых самому не жалко riskовать головой. Людей не боящихся проблем. Людей всегда готовых riskнуть. Людей не раболепствующих перед иноземным укладом жизни. Людей не убивающих собственных нерождённых детишек. Людей не жрущих дешёвое пойло. Людей умеющих быть немелочными. Людей уважающих самих себя и

своих земляков. Людей способных вопреки всему налаживать зажиточную жизнь.
ЛЮДЕЙ.

У чеченов конечно же есть традиции которые мне кажутся ненормальными, например кровная месть переходящая на родственников «кровника». Явный путь к самоуничтожению но, как говорится, у всех свои недостатки. Ненормальным явлением я считаю и свадьбы: по моему разумению правильным является просто жить вместе. Хорошо вместе – живите, не ладится жизнь – расходитесь, главное о детях заботиться не забывайте. Но свадьбы, женитьбы, замужества свойственны многим народам, а не только чеченцам. Противоестественный абсурд мирового масштаба.

Итог всего вышесказанного таков – как и мой дед, отвоевавший против немцев всю войну и сохранивший до конца своих дней стойкую нелюбовь и осмысленное уважение к германским арийцам, я испытываю схожие чувства по отношению к чеченцам. Если они снова начнут войну с Россией я, скорее всего, опять возьму в руки оружие и буду воевать против них. Защищая Родину я буду защищать вовсе не разных негодяев из числа сограждан, я буду защищать самого себя, своих близких, свой дом, свой мир. Я точно знаю если мы проиграем войну то всем нам придётся плохо. Для чего я так подробно всё расписал? А для того, чтобы было понятно, что между чеченцами и албанцами нет ничего общего.

О своих чувствах по отношению к албанцам скажу следующее – эти лица БОМЖ ничего кроме презрения и отвращения к себе у меня не вызывали. Я знал, что от них всегда можно было ожидать подлянки, наглядно видел, что эти оборванцы хороши в деле мародёрства и поджогов и был твердо уверен, что в большинстве своём они ни на что серьёзное не годны. Сами по себе не годны. Сербы были сильнее их и если бы не возглавляемый США Североатлантический Альянс то албанским оккупантам досталось бы по полной программе. Для того, что бы свернуть башку Дудаеву и его сторонникам России потребовалось много времени, потребовалось затратить огромные ресурсы и пролить много крови своих солдат поскольку «чехи» были сильны. Сербы обошлись бы значительно меньшими затратами сил и средств.

Без посторонней мощной поддержки ОАК-УЧК была бы раздолбана вдребезги. Албанские захватчики отправились бы домой с позором, оставив сербам «на память» всё своё оружие и многочисленные трупы своих товарищей-оборванцев. Тем бы всё и кончилось, если бы не всемогущие США. Активность албанцев как раз и объяснялась тем, что они знали, «заграница им поможет». Думаю, что у албанцев всё же были какие-то относительно сильные бандформирования, но их наверняка было немного, основу шиптарских полчищ составляли вышеупомянутые бесчинствующие никчёмные голодранцы.

С точки зрения территориальных претензий дело обстоит ещё проще: край Косово это исконно сербская земля. Первые массовые поселения албанцев появились тут только после Второй мировой войны – слава коммунистическому маршалу Тито! В Чечне русские казаки всегда жили в предгорьях и на равнине, а чеченцы в предгорьях и горах. Столица Чечни город Грозный изначально был казачьей крепостью. В Чечне поделить территорию так, чтобы не обделить один из двух народов просто нереально – в Косово делить вообще нечего, вся земля с испокон века сербская и албанцы не имеют на неё никакого права. У этих двух конфликтов мало общего, совсем мало. Поскольку я был и там, и там (сперва в Косово, а затем в Чечне), то думаю, что имею право не только высказывать своё мнение, но и утверждать что-либо. Так вот, я утверждаю – Косово и Чечня это два абсолютно разных явления. Возможно, сербы это тоже хорошо понимали, но говорили о схожести ситуаций из чувства солидарности с нами. А может, хотели у нас вызвать это чувство по отношению к себе.

Нас разместили на первом этаже больницы, как раз той её части что на тот момент работала. Нам выделили одну небольшую угловую комнату которая была предварительно освобождена от какого-то медицинского оборудования. Парни

побросали свои спальные мешки на пол и этим оборудование места для отдыха закончилось. У наших парней спальники были туристические – тонкие, лёгкие, разноцветные, синтепоновые, при расстёгивании молнии превращающиеся в одеяло. Эти спальники ребята покупали самостоятельно поскольку стандартные армейские (брезентово-ватные) были не слишком удобны.

В отведённое нам помещение мы принесли из БТРа кое-какие продукты, а также и ящик оборонительных осколочных гранат Ф-1. Гранаты в ящике хранились в разобранном виде – корпуса отдельно от запалов. Запалы хранились в заводской упаковке представлявшей из себя консервную банку зелёного цвета. В ящике лежал специальный консервный нож. Кто-то предложил на всякий случай заранее собрать гранаты, но командир приказал их пока не трогать. Обустроившись на новом месте мы принялись изучать объект который нам предстояло охранять. Сразу было понятно что госпиталь слишком велик для того чтобы мы могли его охранять по-настоящему. Следовательно не стоило и особо морочиться на эту тему, главное вести наблюдение так, чтобы конкретно к нам не подкрались злые албаны. При этом для безопасности сербов мы должны были очень явно демонстрировать российское военное присутствие на объекте.

В демонстрации российского военного присутствия и заключалась наша основная охранная функция. Понятно, что ведение наблюдения за местностью из укрытия и демонстративное обозначение своего присутствия вещи трудно совместимые. Самым ярким фрагментом нашего присутствия в госпитале был стоящий неподалёку от главного входа в больницу БТР. Наша машина была помечена надписями «КФОР» (с немного смещённой буквой «К») на носу и «Россия» на левом борту, обе надписи были выполнены латинскими буквами. На антенне висел российский флаг. БТР было видно издали и соответственно нетрудно было догадаться, что объект возле которого припаркована эта машина охраняется российской армией. С первого же дня нашего появления в госпитале проезжавшие мимо нас албаны с интересом наблюдали за нами, но никаких враждебных действий не предпринимали. Странно, но они даже не делали в нашу сторону «нехороших жестов», тогда как во время всех наших поездок среди шиптаров, в основном молодёжи, находились желающие высказать нам свою неприязнь при помощи рук.

Находясь в госпитале мы представляли прекрасную цель для нападения, но тем не менее нападать на нас боевики АОК-УЧК как и прежде не спешили. Зато мародёрствовали албанцы с прежним энтузиазмом – каждый день мимо нас медленно проезжали трактора и машины нагруженные награбленным в сербских домах имуществом. К тому времени албаны возили награбленное безо всякого стеснения, непринуждённо, вроде как они ничего плохого и не делают вовсе. Мы не вмешивались, даже как-то перестали особо обращать внимание на это. Привыкли. Максимумом нашей реакции было повернувшись в сторону трактора злобно сказать: «Совсем мрази охуели!». Сербы тоже практически перестали жаловаться нам поскольку уже точно знали, что нас мало и мы помочь не сможем. Но всё же они по-прежнему надеялись, что со дня на день прилетят-таки русские солдаты и братская великая Россия их защитит. Однако уже в те дни мною был замечен первый серб который адекватно оценивал ситуацию и не питал глупых и ненужных надежд.

Этот парень был возрастом лет так тридцати и в прошлом проходил службу в полицейском спецназе. Про особенности службы он ничего не рассказывал, зато показал мне более эффективный в бою способ замены магазина у автомата Калашникова. Этот простой способ кардинально отличался оттого, что было принято в нашей армии, при этом в боевых условиях он не только экономил время, но и был более безопасным поскольку гарантировал большую защищённость тому кто менял магазин. Серб этот с первых дней держался с нами доброжелательно, но дистанционно и спокойно. Он не разделял бурного восторга остальных сербов

вызванного нашим появлением. Как я понимаю, он уже тогда знал приблизительно как будут развиваться дальнейшие события и осознал, что Россия не будет защищать сербов в Косово, а у находящихся здесь двухсот десантников нет ни сил, ни возможностей кардинально повлиять на ситуацию. При этом он также понимал, что стоящие перед ним русские парни это всего лишь простые солдаты, то есть люди от которых большая политика уже не зависит. В дальнейшем созерцая наши похождения он не удивлялся и не возмущался. Он понимал нас.

С первого же дня своего прибытия в госпиталь мы стали активно «употреблять внутрь». Пили в основном пиво. Иногда пили водку или вино. Пили с сербами и сами по себе. Пили постоянно. Как ни странно не было ни одного дебоша в прямом смысле этого слова. Вообще ни одного. Мы не ссорились ни между собой, ни с сербами. Почти на каждую ночь мы брали ящик бутылочного пива. Утром отдавали в магазин ящик с пустыми бутылками. Бутылки необходимы были для того чтобы на базе или заводе владелец магазина мог получить новую партию пива. Видимо с тарой в те дни были проблемы и сербы просили нас отдавать пустые бутылки. Мы отдавали все, что смогли обнаружить по утру.

Кроме ящика пива было ещё и пиво купленное кем-либо самостоятельно и естественно была ракия и водка. Так чтобы валяться никто не напивался ни разу, но пьяными мы бывали частенько. Командир пил вместе с нами. На первый взгляд это может показаться неправильным поскольку в армии между начальниками и подчинёнными должна быть дистанция. Но это только на первый взгляд. Наш Командир был «старый воин», говоря проще он был человеком умудрённым жизненным опытом. К тому же он был единственным офицером среди нас и у него все эти дни просто-напросто не было равной по статусу компании. Сидеть день за днём одному как сыч было нелепо, да к тому же капитан В. не был сторонником «сапоговщины» и «уставщины». Запрещать нам пить было бесполезно. Мы бы говорили, что конечно же не пьём, но сами бы конечно же пили.

Командир был мудрым человеком и поэтому принял единственно верное решение – если негативный процесс нельзя остановить его нужно возглавить. Он часто повторял нам чтобы мы не слишком увлекались, но никаких санкций против нас не предпринимал. Пили мы по разным причинам. Первая причина заключалась в том, что нам просто-напросто хотелось поразвлечься, покайфовать. Это была не главная причина. Другие причины были более важными поскольку являлись причинами психологического характера - они были нашей своеобразной реакцией на окружающую обстановку. Вторая причина заключалась в наших взаимоотношениях с сербами в смысле происходящих вокруг событий. Мы каждый день видели страдающих сербов нуждающихся в нашей помощи, но не получающих эту помощь. Сербы просили помощи, но мы не помогали им хотя зачастую могли это сделать. От этого на душе было очень погано. Я чувствовал себя не мужчиной, а каким-то кастратом. Кажется чего проще, только сделай несколько шагов и будь героем – защити обиженных, накажи злодеев. Ничего же по-настоящему не мешает. Но нет, приказывают не защищать, не вмешиваться. А люди, которых со дня на день будут убивать, калечить, насиловать и грабить, смотрят на тебя, здорового вооружённого десантника и не понимают ПОЧЕМУ ты их не защищаешь. ЧЕГО ТЫ ЖДЁШЬ? ЗАЧЕМ ВООБЩЕ ТЫ СЮДА ПРИЕХАЛ? КТО ТЫ ВООБЩЕ, БРАТ ИЛИ ПАДЛА? А ты и сам ничего не можешь этим людям внятно объяснить, бормочешь какую-то хуйню, на вроде того, что нет приказа. И всё происходящее видишь каждый день.

Как говорил всесоюзно известный рок-музыкант Юрий Хой - «Спяну жизнь хероно видно, даже легче жить». На душе погано – «шары залил», вроде получше. К числу важных причин побуждавших нас «употреблять внутрь» можно смело добавить и эйфорию от крутизны того что мы совершили. Двести российских «десантов» опередили все силы НАТО вместе взятые. Круто! Отодрать всё НАТО во главе с США

это дело действительно значимое. То, что мы не помогали сербам несколько омрачало благородность события, однако на его крутизну никак не влияло. А раз мы такие крутые, то соответственно должны круто погулять, тем более, что с каждым днём всё очевиднее было, что опасаться нам было нечего, вернее сказать, некого. Ещё не пропавшее чувство фронтового товарищества тоже стимулировало «братские пьянки». И мы пили.

У нас был старый задрипанный кассетный магнитофон и всего одна кассета с русской музыкой. Кассета была сборником популярной музыки, интересной и не очень. Кассета была одна и поэтому выбирать нам было не из чего. Однажды кто-то из сербов предложил послушать его кассету и мы её послушали, минут двадцать послушали, но больше слушать не захотели – скучно и непонятно. Из всей сербоязычной музыки мне по-настоящему нравится группа «Колония», но с творчеством этого музыкального коллектива я познакомился значительно позже описываемых событий. Кстати, как в дальнейшем выяснилось «колонисты» были хорватами.

В Косово мы слушали только одну кассету и музыка записанная на ней нам нравилась. Каждый день, вернее сутки напролёт, пожилой магнитофон что было сил оглашал госпиталь голосом некогда популярной Земфиры Рамазановой и каких-то других не запомнившихся мне исполнителей. Земфира пела про то, что «у тебя СПИД и значит мы умрём», более оптимистичный певец пел про ультрамарин и адреналин. Земфира пела трагично и пафосно, но мне тогда представлялось, что помимо смерти от СПИДа есть и более трагичные виды смерти, например задохнуться под завалами рухнувшей после попадания натовской бомбы многоэтажки или же быть застреленным «за просто так» оккупантами прямо на пороге своего маленького уютного дома. Однако музыка, особенно «адреналин-ультрамарин» звучали в общем-то кайфово.

Эти две музыкальные композиции даже спустя несколько лет у меня вызывали приятные ностальгические эмоции. Приятными они были потому, что ассоциировались с позитивными моментами косовской эпопеи: фронтовым братством, нашей победой над американской военной машиной, алкогольным удовольствием и жарким летним солнцем. Эта музыка для меня была музыкой счастья. Тем летом в Косово я был по-настоящему счастлив. Я был одет в поношенный камуфляж, я не всегда был сыт, я много дней толком не мог выспаться, я мог погибнуть или стать инвалидом в любой момент, но я был счастлив. Счастье моё заключалось в том, что я был участником величайших мировых событий, в том, что рядом со мной были боевые товарищи и среди них мой друг, в том, что каждый новый день приносил мне интересные и, самое главное, опасные приключения. И ещё я был молод. Я только недавно осознал, что быть таким счастливым как в молодости больше не получится уже никогда. Молодость не вернёшь и не повторишь. Кстати тот, кто утверждал, что не в деньгах счастье был абсолютно прав – деньги и счастье вещи напрямую никак не связанные. По другому могут думать только продажные люди, но продажные люди вряд ли вообще могут быть счастливы. Да и не могут быть продажные люди ЛЮДЬМИ. Продажными бывают вещи. Счастье же не купишь ни за какие деньги. Молодость тоже не купишь, как ни старайся. Да и в гробу карманов нет. Господь мудро уравнил бедных и богатых.

В один из первых дней нашего пребывания в госпитале снайпер Виталик решил пошутить над сербами. В качестве прототипа своей шутки он использовал старый армейский анекдот. Придя в кабинет он попросил у доктора медицинский спирт необходимый ему для «протирки оптики». Сербский доктор не мог отказать своему защитнику и поэтому велел медсестре выдать снайперу необходимое для протирки количество спирта. Сестра принесла небольшой стаканчик.

Виталик не поморщившись опрокинул его себе в рот после чего подышал на стёкла оптического прицела пояснив сербам, что необходимо наносить спирт тонким слоем. Сербские анекдоты естественно не знали и поэтому были шокированы увиденным. Ещё

большой шок у сербских медиков вызвал наш пьяный воин который возвращаясь с поста и не найдя более приличного места для ночлега, улёгся спать прямо на операционном столе. В одежде и с оружием. По утру его обнаружили пришедшие на работу сербы. Когда мы узнали где ночевал наш товарищ мы от души посмеялись. Сербам этот случай по-моему показался не столь смешным, но это их проблемы. С тех пор на ночь сербы закрывали всё что только можно.

Как я говорил процесс пьянок пошёл повсеместно. Однажды к нам приехал командир роты. Он приехал потому, что у одного из офицеров был день рождения. Командир роты приехал за командиром нашего взвода. Ротный был уже «поддатый» и мы ожидали, что наш Командир вернётся к нам очень поздно и очень пьяным. Естественно в его отсутствие мы не собирались сидеть сложа руки, мы собирались последовать его примеру. Ротный приехал на БТРе на антенне которого помимо российского флага развивался ещё и огромный флаг ВДВ. Это был не опознавательный знак – это был вызов врагам. Бойтесь враги, здесь ВДВ! В дальнейшем нам рекомендовали снять с антенн даже российские флаги, но тогда ротный ездил с огромным развевающимся на ветру десантным полотнищем. Он «положил хуй» на угрозу исходящую от всех американцев и албанцев вместе взятых. Все мы поголовно одобряли его поведение. Хоть и опасно, зато круто - смело и дерзко. Слава ВДВ!

Решение убрать с машин флаги командование мотивировало схожестью российского и сербского триколоров. Кто не знает, поясню – сербский и российский флаги идентичны, только цветовые полосы в них расположены с точностью до наоборот. Если перевернуть российский флаг, то получится флаг сербский. Если перевернуть флаг Сербии, то получится флаг России. Схожесть в цветах триколоров по мнению командования раздражала и провоцировала албанцев. В конечном итоге на одних машинах флаги были сняты, а на других так и остались. Кстати, не только сербский флаг, но и сербский герб похож на российский аналог и представляет из себя двуглавого орла – общее наследие некогда великой Византии. Албанский герб тоже представляет из себя вышеупомянутую птицу-мутанта. Так вот.

Флаг ВДВ приехал к нам снова спустя несколько часов. Не смотря на наши ожидания капитан В. вернулся не слишком поздно и во вполне вменяемом состоянии. Вернулся он к уже заготовленному и немного опустевшему ящику пива.

Иногда, когда мы засиживались допоздна, Командир рассказывал нам разные истории из своей жизни. Правильнее даже сказать, что он не рассказывал истории, а философствовал. Я сам люблю пофилософствовать и соответственно люблю когда кто-либо другой делает это толково. Он вёл беседу с нами не как командир с подчинёнными, а как старший по возрасту мужчина с мужчинами младшими. Возможно тяга к философии просыпалась в нём благодаря действию алкоголя, но более вероятно, что он всегда был своеобразным философом, а стимулирующим разговорчивость фактором была ночь. Я давно заметил что именно ночью, особенно у костра, душевные беседы ведутся наиболее непринуждённо. Возможно ночная темнота создаёт иллюзию невидимости рассказчика и поэтому рассказчик становится более откровенным. А может, ночная темнота пробуждает в людях инстинкт опасности (большинство крупных хищников охотятся ночью), и поэтому люди ночью неосознанно стремятся к объединению, в прямом и переносном смысле жмутся друг к другу (вместе легче обороняться). От этого неосознанного чувства единения у рассказчика появляется нетипичная откровенность – между своими тайн быть не должно.

Капитан В. много интересного нам рассказал, всех подробностей я уже не помню, да и если бы помнил, то всё равно не стал бы выносить их на всеобщее обозрение. Однажды он рассказал нам про то, как убил своего первого врага, молодого чеченского боевика в зелёном берете, и как потом этот парень ему долго снился. В другой раз командир поведал нам о том как он покинул ряды спецслужб. Вместе со своими

товарищами Командир долго следил за каким-то матёрым злодеем, а когда злодей был почти разоблачён то он вдруг, без видимой причины, «залёг на дно». Злодея всё же арестовали и на одном из допросов выяснилось, что «залеганию на дно» предшествовало получение им информации о ведущимся за ним наблюдении. Информация злодею была предоставлена одним из коллег нашего Командира. Предатель продал всё и всех за какую-то смешную сумму, не то триста, не то пятьсот долларов США. Наш Командир и его сослуживцы поначалу не могли поверить в то, что это правда, уж больно глупым и мелочным всё это выглядело. Когда факт предательства подтвердился Командир пришёл к выводу что с него хватит. Он решил, что если нельзя доверять даже своим товарищам, то зачем вообще работать в «конторе». Он уволился.

Ещё один рассказ касался его отношений с женой и суть этого рассказа сводилась к простой формуле: как хорошо что на свете есть женщина которая тебя любит и ждёт, которая волнуется за тебя, которая всегда будет тебе рада. Ну или говоря другими словами, как здорово когда есть на свете родной, дорогой и близкий человек. Любимый человек. Я имею схожие представления о любви – для меня любовь это взаимопонимание, доверие, нежность и забота друг о друге. Причём любовь это явление однозначно бескорыстное. К сексу любовь вообще не имеет ни какого отношения. Секс это естественный и очень хороший способ получения удовольствия, на вроде удовольствия от вкусной еды, спортивного состязания, путешествия, азартной игры, алкоголя ну и всего такого прочего. Хотя конечно замечательно когда любовь и сексуальное желание сосредоточено на одной женщине – так и секс слаще и взаимоотношения теплее. Выслушав Командира я понял, что не одинок в своём понимании термина «любовь». Впрочем как и в своём принципиальном неприятии предателей. Командир рассказывал тихо и неспешно, подробно и очень интересно. Язык у него был подвешен как надо и лично на меня его рассказы производили своеобразный воспитательный эффект. Даже сам факт того, что я до сих пор помню его рассказы говорит сам за себя. А ведь прошло более десяти лет.

Настало время вспомнить вышеупомянутых «наркомов» Её Величества Королевы Великобритании. Пока мы пили пиво инглезы нашли себе развлечение покруче. Поскольку наши взаимоотношения с силами НАТО не получили развития по кровавому сценарию наши взаимоотношения с английскими солдатами были вполне терпимыми. Мы понемногу привыкли друг к другу и в общем-то такое положение вещей устраивало всех – и англичан и нас. При случае мы со взаимным интересом общались, но конечно же до братания дело никогда не доходило. В один из первых дней, вернее в один из первых вечеров, нашей охраны госпиталя нам представилась очередная возможность пообщаться с жителями туманного Альбиона.

По дороге, которая располагалась напротив входа в госпиталь, шествовал английский патруль состоящий из трёх-четырёх человек, один англичанин нёс за спиной радиостанцию. Английские патрули время от времени проходили по дороге, мы иногда махали им рукой - они иногда махали нам в ответ. К патрулям мы привыкли. Этот же патруль был не вполне обычный. От обычных патрулей его отличало поведение патрульных. Шедший впереди, на значительном удалении от остальных боец что-то громко орал и кривлялся. Как я понимаю он изображал не то рок-музыканта, не то какого-то бабуина. Сразу было понятно, что он неадекватен. Мы предположили что англичане пьяные.

Нас заинтересовало происходящее и мы криками и знаками позвали англичан к себе. Мы пили пиво и в принципе могли угостить и их. Англичане, продолжая веселиться и орать что-то нам в ответ, повернули в нашу сторону. Идти было всего несколько десятков метров и спустя полминуты произошла очередная пародия на встречу на Эльбе. Инглезы были реально неадекватны, причём на пьяных они были непохожи. Спиртным от них точно не пахло. Мы предложили англичанам пиво – они

отказались. Разговор плохо вязался поскольку у нас не было знатоков английского, а из англичан русского языка вообще не знал никто. По ходу дела «разговор» зашёл о наручных часах и я пафосно заявил что у меня часы «вэри бэст».

У меня на руке были отличные Касио Джи-шок. Один из инглезов заартачился и стал орать, что его часы намного лучше моих, да и вообще его часы лучше всех часов в мире. Я не берусь утверждать, что он дословно так говорил, но смысл его воплей я понял именно так. Спор о том, чьи часы лучше продолжался примерно с минуту и единственным способом его разрешить было сравнить часы. Спорщиком был тот англичанин, что бежал впереди всех кривляясь и что-то крича. Он наконец-то задрал рукав армейской куртки и продемонстрировал мне свои часы. Глядя на часы англичанина я не верил своим глазам – у инглеза были Касио Джи-шок той же модели что и у меня, только голубого цвета! Когда я покупал свои часы, то они были представлены в двух цветовых комбинациях серо-зелёного и серо-голубого цветов. Я выбрал зелёные поскольку они были более «военными» и гармонично сочетались с военной формой. Англичанин видимо выбрал голубые, а может быть в том магазине где он покупал часы просто не было других цветов. Не смотря на разные цвета часы были одной модели! Из миллионов часов у него оказались именно такие же как и у меня. Человек с другого конца континента, солдат конкурирующей и едва не ставшей враждебной армии носил такие же часы как и я! Спор по поводу того, чьи часы лучше был разрешён феноменально простым способом – я продемонстрировал свои часы. Спор закончился вничью.

Столь удивительное разрешение спора произвело на всех впечатление: и мы, и англичане хохотали. Немного погодя англичане ушли так и оставив нас в неведении относительно того, что же стимулировало их неадекватное поведение. Всё тайное рано или поздно становится явным и на следующий день кто-то из сербов поведал нам о том, что же за зелье заставляло англичан вести себя подобным образом. Серб видел как англичане зашли за расположенную недалеко от нас неработающую бензоколонку видимо предполагая, что там они будут недосыгаемы для чужих глаз и «бахнули по вене». Уколовшись англичане пошли дальше наводить мир и порядок в крае Косово.

Когда мы находились на охране госпиталя возле нас постоянно крутилось с десяток сербских подростков лет так двенадцати-четырнадцати. Подростки эти были детьми улицы – или из неблагополучных семей или же вообще они были беспризорниками. В принципе все благополучные и кому-либо нужные детишки уже давно уехали отсюда вместе со своими родителями. Ну может и не все, но уж по меньшей мере большинство из них. Этим же подросткам или некуда было ехать или же они просто никому не были нужны, не знаю. Большинство подростков были парнями, девчонка как я помню среди них была одна. Девчонке так же было лет двенадцать, под её футболкой прорисовывались только начавшие появляться сиськи. Один из подростков веселясь, на словах, а больше жестами, объяснил что любит лапать её, причём не только за сиськи. После этого он предложил и мне сделать то же самое – типа того, что это будет здорово. Если бы мне самому было двенадцать лет то такое предложение у меня бы наверняка вызвало бы очень большой интерес, но мне было двадцать и я смеясь послал его куда подальше. Девочка вообще на всё это не обратила внимания, как будто разговор её не касался. То ли она была не против такого развития событий, то ли привыкла к тому, что её всё равно никто не будет спрашивать. Кошмарно представить, что в дальнейшем она могла попасть в лапы к албанам. Албаны не ограничились бы тем, что только её полапали...

Я не помню как складывались взаимоотношения этих подростков с взрослыми сербами. Малолетние бездельники поначалу относились к нам с опаской и интересом, но по мере того как они осознавали нашу для них безвредность они становились всё более дерзкими и наглыми. Например, они могли без спросу залезть в БТР или проигнорировать замечание или даже дерзко ответить на него. Меня особо

раздражало когда они что-то в полголоса отвечали мне – я не идеально знал сербский язык и поэтому не понимал что именно отвечает пацан. При этом я всегда подозревал что малолетний хулиган хамит мне.

Толстого более всего волновало чтобы пацаны не своровали что ни будь из БТРа. Он требовал чтобы я не общался с малолетками и вообще прогнал их. Я понимал, что Серёга в общем-то прав, но из-за того, как именно он обращался ко мне я спорил с ним. Обращаясь ко мне он снова «включал главного» и меня это раздражало. К тому же я понимал, что Толстый такой человек, что если начать его слушаться то очень скоро он обнаглеет и примется уже и командовать. Поэтому я с ним спорил. Я говорил, что слежу за пацанами, да и вообще они ничего воровать у нас не будут. Так в общем-то и вышло – у нас ничего не пропало. Изменение отношения к нам (от осторожного к дерзкому) со стороны подростков объяснялось не только привыканием. Оно объяснялось в большей степени нашим поведением и развивающейся ситуацией. Отношение к нам подростков менялось вместе с общим изменением отношения к нам со стороны сербов.

Вместе с малолетками тусовался местный придурок по имени Джеки. Джеки был неопределённого возраста, но явно старше меня. Я думаю ему было лет тридцать. Джеки был вменяемый, то есть с ним можно было общаться. Джеки был полезен тем, что знал пустые квартиры в которых были телефоны. Это полезное свойство дебила каким-то образом выяснилось практически сразу. Скорее всего кто-то из наших обратился к сербам на счёт телефона, а те в ответ сказали что ни будь типа «вон Джеки покажет».

Для чего нам нужен был телефон я уже писал. Чтобы двести человек наговорили по международной связи на фантастическую сумму в сотни тысяч немецких марок им нужно было потрудиться. И мы не сидели сложа руки. Самих аппаратов в квартирах как правило не было, но были телефонные провода. Своего телефона у нас, понятное дело, не было, но нас и тут выручил Джеки.

Ходить в пустые квартиры было делом опасным и один из таких походов для меня мог закончиться плохо. Не только для меня, но и для снайпера Виталика – мы были тогда вместе. Однажды днём Джеки повёл нас в пустующую квартиру куда ранее уже неоднократно ходили звонить наши. Идти было недалеко и тем не менее дом находился вне пределов прямой видимости от госпиталя. В случае проблем мы могли рассчитывать только на себя. Мы не боялись и всё же шли внимательно наблюдая за местностью. Мы осознавали свою уязвимость, но позвонить своим близким нам хотелось больше нежели чем находится в относительной безопасности сидя в госпитале. Дом в котором находилась интересующая нас квартира был пятиэтажный, а сама квартира находилась на третьем этаже. Столь высокое расположение квартиры представляло опасность в случае необходимости покинуть квартиру через окно. Выпрыгнуть из окна третьего этажа без последующих проблем для здоровья маловероятно и следовательно рассчитывать на использование окна в качестве «аварийного выхода» не представлялось возможным. Таким образом зайдя внутрь мы оказывались в ловушке.

Квартира была не заперта и телефон был на месте, то есть телефон стоял прямо на полу. В квартире не было ни мебели, ни вообще каких-либо вещей, но при этом квартира была чисто прибрана. Казалось, что несчастные хозяева квартиры собирались сюда вернуться. Если это было действительно так, то можно только удивляться наивности людей ранее живших здесь. Не знаю сколько лет продлится албано-американская оккупация Косово, но то, что на несколько десятков лет этот край потерян для сербов могу смело утверждать. Я ещё несколько раз заходил в сербские квартиры и все они выглядели примерно также.

Создавалось впечатление, что до войны тут жили тихие, смирные, аккуратные, простые и работающие люди. Тихо-мирно ходили на работу, детишек в школу

отправляли, кого-то любили, кого-то не любили, о чём-то мечтали, что-то планировали на будущее. В общем, простые маленькие люди жили своими простыми маленькими печалью и радостями. А потом пришла война. Наверное, в один из вечеров обитатели квартирки ложась спать и думая о своём завтрашнем дне и представить себе не могли, что в то же самое время с аэродромов расположенных на другом конце света взлетают самолёты нацеленные на их тихую мирную жизнь. Пригревшись под тёплыми одеялами сербы сладко спали в своих маленьких уютных квартирках, а в то же самое время в холодной вышине на огромной скорости к ним уже летели чужие самолёты. Самолёты летели убивать их. Пилоты этих самолётов летели убивать людей которых никогда в жизни не видели и о чьей жизни навряд ли знали что-либо определённое.

Пилоты выполняли приказ «американского народа», а американский народ о жизни жителей Сербии (Косово это Сербия!) знал всё, что ему было знать необходимо. Жизнь «злых» сербов была показана американскому народу телевизором. И то, что простые, трудолюбивые и домовитые сербы были действительно тихими и смиренными людьми уже ничего не меняло – раз телевизор сказал что сербы злые, значит они злые. Американский телевизор не может ошибаться, он ведь свободный и демократичный.

Когда я думал об этих неизвестных мне смиренных и тихих людях то на меня всегда накатывала сильная эмоциональная волна жалости к ним. Однако после непродолжительных раздумий чувство жалости сменялось чувством презрения. Почему? Да потому, что именно такие тихие и смиренные люди в своё время наверняка призывали к толерантности, равноправию хозяев и гостей и вообще к хорошему отношению между сербами и албанцами. Они наверняка блеяли: «Ну что плохого в том, что к нам приехали жить албанцы? Они ведь тоже люди, пускай у нас живут!». Тихие и работающие бараны осуждали умных и смелых людей когда те старались выгнать ещё не заматеревших оккупантов вон из края. Тихие и смиренные люди призывали к примирению с иноземцами, к отказу от насилия и к прочим глупым и малодушным поступкам. Оккупанты ВСЕГДА злодеи и нет разницы с оружием они пришли или без него. Призывая примирится с оккупацией тихие и смиренные граждане призывали примириться со ЗЛОМ. Тихие и смиренные граждане призывая к примирению с оккупантами творили зло и это зло вернулось к ним. Трусливые и глупые бараны получили то, что заслужили. Возможно уже потом, когда ничего нельзя было поправить, бараны осознали глубокую правоту тех, кого они обзывали фанатиками-нацистами и радикалами. Но было поздно.

Мы закрыли дверь в квартире изнутри и принялись подсоединять телефон к проводам. Джеки нервничал. На лестнице, а затем и возле двери послышались звуки какого-то движения. Раздался звонок в дверь. В «нашу» дверь. Звонок в тишине прозвучал как гром. Страшно прозвучал. К нам пришли гости. Квартира была однокомнатная: сразу же за входной дверью располагалась маленькая прихожая, слева от входной двери располагалось помещение бывшей кухни, справа единственная комната. Все помещения абсолютно пустые, укрыться не за чем. Дверь хлипкая – автоматная пуля пробьёт с десятков таких дверей. Выбить дверь и кинуть в квартиру гранату тоже не проблема. Нам негде укрыться, мы в ловушке. Мы «химичили» с телефоном на полу прихожей, там нас и застиг звонок в дверь.

Моментально, не подымая шума и объяснившись знаками мы с Виталиком двинулись в комнату, вход которой, в отличие от кухни, образовывал небольшой выступ. Виталик нацеливал в сторону двери практически бесполезную в замкнутом пространстве СВД, я держал вход на мушке своего автомата. Я всегда таскал с собой весь боекомплект к автомату, даже бронежилет редко снимал, но именно в этот раз я не взял с собой ни одного запасного магазина. Дом был очень близко от госпиталя и я шёл «на пару минут». Я знал, что так никогда нельзя делать в боевых условиях, но в этот раз сделал. Расслабился. Кстати, тогда я был слегка «под пивом».

Расслабленность, забывчивость и употребления пива вещи, понятное дело, взаимосвязанные. Мы прекрасно понимали, что если вооружённые албаны пришли за нами то нам не спастись. Несколько секунд за дверью ничего не происходило, а затем звонок, уже более настойчивый, повторился. Мы ждали что будет дальше. Если бы кто-то попытался бы открыть дверь мы бы стали стрелять. Через некоторое время все звуки за дверью прекратились полностью и мы, выждав в тишине пару минут, отправили Джеки посмотреть в глазок.

Джеки был напуган, но к двери подошёл и поглядев в глазок сообщил, что никого не видит. Мы тоже посмотрели в глазок чтобы убедиться в зоркости дебила. Убедившись, что дебил был внимателен и в пределах видимости глазка никого нет мы решили выходить из квартиры едва не ставшей для нас ловушкой. Разговаривать с Родиной нам расхотелось. Прикрывая друг друга мы медленно спустились вниз по лестнице и с облегчением вышли из подъезда. На улице нас радостно приветствовало жаркое балканское солнышко. Придурок Джеки сразу куда-то свалил. Проклиная непрошенных гостей мы пошли обратно в госпиталь. Кто-то из наших ещё раз ходил в ту квартиру позвонить, но придя туда не обнаружил не только оставленного ранее телефона, но даже и проводов. Кто приходил побеспокоить нас так и осталось невыясненным, сербы позже говорили что это были шиптары.

Я уже сказал о том, что пьянка не стимулирует бдительность и то, о чём я сейчас расскажу ещё одно подтверждение вышесказанного. Случилось страшное - в одну из ночей я заснул на посту. Для любого нормального солдата это позорный поступок которому нет оправданий. Я себя не оправдываю, я поступил очень плохо. Случилось это так.

Мне выпало стоять на посту последнюю ночную смену. «Стоять» это к слову, на самом деле мы сидели на стульях. Стулья были установлены возле БТРа и соответственно возле входа в госпиталь. В российской армии строжайше запрещено часовому не только садится, но даже прислоняться к чему-либо. Причина проста: сел – заснул, облокотился – заснул. Заснул – умер. Умер сам и товарищей своих убил. Да может получиться так, что не только товарищей, но и всю страну. Часовому запрещено садится и мы все это знали, однако нас было так мало, а охранять приходилось так много что если бы действовали как положено то нас на долго бы не хватило.

Вообще в подобной ситуации часовых или патрульных должно быть двое, но где их двоих-то взять? В принципе мы вроде как вдвоём несли службу, однако второй часовой как правило спал в БТРе – люди сильно уставали, время для отдыха катастрофически не хватало. Зачастую к неспящему часовому присоединялся Командир, но так было не всегда. Короче, я должен был заступать на пост в гордом одиночестве, причём в самое сонное время. Мой предшественник разбудил меня и убедившись, что я очнулся, отправился спать предоставив мне возможность бдительно нести службу. Я спал в своём родном БТРе и поэтому мне не надо было идти на пост – пост был в десяти метрах от меня.

Стулья были установлены в таком месте где их было плохо видно стороннему наблюдателю, сделано это было для обеспечения хотя бы минимальной безопасности. Когда меня разбудил мой предшественник я проснулся ещё слегка пьяным и именно это и сыграло свою роль. Дойдя до поста я взгромоздился на стул и принялся наблюдать. Как произошло то, что я заснул, я не понял. Я не хотел засыпать, но заснул. Заснул потому что сидел на стуле. Заснул потому что был пьяным. Заснул и подставил себя и всех своих товарищей. Я не помню как я заснул, зато хорошо помню как я проснулся. Я полулежал-полусидел на стуле, было уже совсем светло – солнце явно уже светило не один час. Вокруг меня по своим делам ходили сербские медики и даже их ранние пациенты. Медики не обращали на меня внимания, делая вид что не замечают моего сна. Я встрепенулся и принял вид человека вовсе не спящего, а просто «медленно моргавшего». Типа, я на секунду задремал. Я посмотрел на часы:

судя по времени меня уже давно должны были сменить. Поскольку я не мог уйти с поста то мой сменщик должен был проснуться самостоятельно.

Я не знал кто именно из парней должен был меня сменить, с учётом вечерней пьянки возможно, что назначить часового на утро вообще забыли. Как бы то ни было, никто менять меня не пришёл. Чудесно служба организована. То, что меня не пришли менять снимало с моих плеч проблему ответственности за сон на посту поскольку никто не видел меня спящим. Конечно сербы могли рассказать командиру о том, как я «охранял», но в тоже время могли и не рассказать. Я сам конечно же докладывать про «баю-бай» не стал, а спрашивать меня никто и не спрашивал. Никто даже не удивился моему чрезмерно долгому стоянию на посту. Видимо никто и не знал о том, кто именно должен был стоять утром. Да по большому счёту это и не волновало в общем-то никого – все живы-здоровы, ну и ладно. Хотя всё прошло гладко, выводы, причём выводы конкретные, я для себя сделал. Больше НИКОГДА я не повторял эту ошибку и не засыпал на посту.

Ели бы такая история произошла не в Косово, где нам противостояли лохи албанцы, а в Чечне, то я скорее всего проснулся бы в аду (именно туда попадают те, кто спит на посту подставляя таким образом своих товарищей), причём моя голова проснулась бы отдельно от тела поскольку была бы отрезана. Это в лучшем случае – в худшем варианты на выбор, один страшнее другого. По поводу отрезания чеченцами голов русских солдат скажу следующее. Я много раз видел видеозаписи этого процесса и хотя выглядит всё это неприятно и устрашающе (для этого чечены страшилки и записывают), но такая смерть в общем-то лёгкая и быстрая если например сравнивать с тем чтобы живьём сгореть в танке или подорвавшись на mine несколько часов умирать в страшных мучениях. Или, скажем, с тем чтобы часами захлёбываться студёной морской водой вперемешку с мазутом в абсолютно тёмном и задымлённом отсеке затонувшей подводной лодки, понимая при этом, что тебе уже никак не спастись.

То, что чечены убивали наших солдат вполне закономерно – на войне, как на войне. Мы с их боевиками поступали аналогично. Конечно головы не резали, но если чечен попадался с оружием смерть от пули или побоев ему была гарантирована. Ничего жестокого я тут не вижу, на то и война чтобы врагов убивать. Смерть, в том числе и насильственная это неотъемлемая часть жизни, то есть по своей сути насильственная смерть явление абсолютно нормальное. Волк режет овец, слон давит львят, человек ест курицу – в живой природе убийство явление обыденное и если убийство происходит для самообороны или пропитания то в нём нет ничего плохого.

Плохо когда любую живность убивают почём зря, но нет ничего плохого в убийстве как таковом, в том числе и убийстве человека. На войне убивать необходимо для самообороны. Поскольку и война, в виде смертельной борьбы за выживание, повсеместно встречается в живой природе, то соответственно и она является явлением абсолютно нормальным и правильным. За всех пострадавших от войны ответственны те, кто был неправ. Война есть война - «чехи» убивали нас, мы убивали их.

Почти на всех видеозаписях чечены отрезали головы солдатам, которые имея возможность хоть как-то постараться оказать сопротивление абсолютно никак не сопротивлялись, даже не убегали. Они не были ранены и не были связаны, они могли сопротивляться, но просто как бараны ложились под нож. Я понимаю что ребята были шокированы ситуацией, но тем не менее у них было время придти в себя и оказать хоть какое-то сопротивление, по меньшей мере постараться продать свою жизнь подороже, например вцепиться боевику в глаза или оторвать ему яйца. Как говорить – погибать так с музыкой.

Я много раз прокручивал в голове эту ситуацию, в том смысле как бы я повёл себя окажись бы на месте этих пленных ребят. Я много думал об этом и до сих пор не

уверен, что у меня хватило бы стойкости и самообладания хотя бы напоследок плюнуть в гнусную рожу своего палача. Но в то же время я чётко осознал, что если бы у меня не хватило стойкости умереть мужчиной, то я вполне заслуживал бы того чтобы меня зарезали как свинью. По заслугам и награда. Женщина может быть слабой и с неё за это нет спроса, мужчина должен быть сильным и его слабости нет оправдания. Человеком можно оставаться даже в аду, мужчиной нужно быть в любых обстоятельствах.

Отрезание голов и тому подобные записанные на видео страшилки про войну многие публичные деятели пытаются использовать для антивоенной агитации. По их мнению война это самое кошмарное явление современности. Кто воюет - тот плохой, кто как крыса прячется от войны - тот хороший. Под такой ширмой поганые трусы прославляют свой страх и обливают грязью героев. Но в действительности война очень далека от лидерства в списке кошмарных человеческих злодеяний. Война действительно является самым очевидным проявлением убийства и разрушения поскольку война это максимальная форма ОТКРЫТОГО противоборства. Но вот если посмотреть внимательно на то, что происходит на автомобильных дорогах России и всего мира то охарактеризовать ситуацию можно только одним словом – бойня. И чё, хоть кто-то выступает за запрет частных автомобилей!? А наркотики?! А гарантирующий стопроцентное вымирание человечества гомосексуализм?! А прерывание жизни нерождённых детишек?! Кто против всего этого борется? Да почти что никто, зато в «миротворцы» горазд почти каждый публичный деятель!

Если война явление природное, то есть вполне здоровое, то вся вышеперечисленная погань является строго противоестественной. Погань созданная гуманными антивоенными гуманистами и высокоумными прогрессивными деятелями прогресса. Кстати по поводу убийства детишек. Спустя несколько месяцев после возвращения из Чечни сидя дома как-то поздно вечером я включил телевизор и случайно попал на передачу посвящённую абортам. В передаче не было истеричных людей «толкающих речи» «за» и «против», передача была конкретная – различные видеосъёмки и комментарии специалистов, никакого ненужного трёпа. Короче говоря, в передаче просто показывали и подробно рассказывали чем являются аборт на самом деле. До этой передачи я очень поверхностно был осведомлён по данной теме, в общем-то меня она и не интересовала по большому счёту – я знал что такое явление есть, но не вдавался в подробности. Увиденное в передаче произвело на меня большое впечатление, и это с учётом того, что менее чем полгода назад я вернулся из Чечни, ещё ранее побывал Косово, да и служба в российской армии с её неотъемлемой дедовщиной и прочими проявлениями жестокости тоже хорошо укрепила мою психологическую устойчивость. В общем жестокостью меня было сложно удивить, но увиденное в этой передаче меня удивило. Удивило настолько, что я пару дней находился под впечатлением от увиденного. Наибольшее впечатление на меня произвела не беззащитность ребёнка который не может ни драться, ни убежать, не подлость матери (у некоторых ещё и находится оправдание таким своим действиям) которая ради того чтобы не осложнять свою жизнь убивает ни в чём неповинного ребёнка, не чудовищная изощрённость истязания детей, а ДОСТУПНОСТЬ этого омерзительного злодеяния. Просто и легко – два часа и две тысячи рублей. Если я убью в драке здорового мужика мне дадут десять лет лагеря, а за убийство ребёнка ни хуя не дают!!! Наёмные убийцы берут за свои услуги тысячи долларов, а убийство ребёнка стоит сущие копейки!

С экранов телевизора и со страниц газет ловкие журналисты прикрепили к нам, участникам боевых действий клеймо психов, маньяков и УБИЙЦ. Даже принимая на работу на нас косо посматривают – ну как же, воевал, УБИЙЦА, дело ясное. Я не знаю, существует ли в среде психологов такой термин как «синдром Джона Рембо», но если он существует, то ко многим из нас его можно, хоть и с натяжкой, применить. Особо

«афганцам» в своё время досталось - «Мы вас туда не посылали». Парней «никто не посылал», зато от них все дружно отвернулись. К нам относятся так: раз воевал, значит УБИЙЦА, и следовательно от убийцы нужно держаться подальше. Так и происходит. Однако зайдя в обычный городской автобус и оглядевшись вокруг увидишь много женщин всевозможных возрастов и в этот момент можно быть уверенным, что находишься среди УБИЙЦ.

В современной России, как мне представляется, большинство женщин нечисты на счёт своих детишек. И эти люди считаются НОРМАЛЬНЫМИ. На них не смотрят косо, не плюют им в лицо, с экранов телевизора их не называют убийцами, маньячками и психопатками. Их берут на работу, им доверяют ответственные посты, их не отталкивает общество. По мнению общества они нормальные, а мы, то есть участники всевозможных войн, нет. А я и не хочу быть нормальным по отношению к такому обществу!!! Более того, я хочу быть максимально ненормальным по отношению к такому обществу. Я хочу быть нормальным по отношению к законам природы, законам данным нам Богом. Для меня современное общество – это общество нравственных уродов. Сколько раз я слышал от «приличных» женщин высказывания по поводу женщин совершивших по их мнению «плохой» поступок: «Вот дура – ребёнка родила! Куда рожать – молодая ещё, пожить для себя надо! Без мужа родила, фу какой срам!» То ли дело женщины «приличные» и «умные», они без мужа, да по малолетству детей не рожают - они их всех убивают. Главное чтобы это не особо известно было, а так всё нормально, всё прилично, всё хорошо. Они же приличные женщины современного общества, общества людей со спрямлёнными телевизором извилинами в голове.

Как тут с чеченами поспоришь когда те говорят, что чем больше русских свиней убьёшь тем меньше греха на земле будет. Правильно «чехи» говорят, да в одном ошибаются – не смотря ни на что, не все славяне ещё в свиней превратились. Есть ещё ЛЮДИ на Руси. Но уже мало. Так что по поводу жестокости войны я думаю всё ясно – война очень далека от лидерства в проявлении жестокости в современном мире.

Тем временем наша жизнь в госпитале шла своим чередом – мы демонстрировали военное присутствие России, мало-мальски выполняли охранную функцию, общались с местными жителями и практически постоянно «употребляли внутрь». Командир хотя и осознавал, что в данной ситуации по-другому быть не может, всё же в меру своих сил и возможностей старался ограничить количество выпиваемого нами спиртного. Однако со спиртным проблем не было и мы могли его покупать и употреблять в любое удобное для нас время, причём делать это не афишируя процесс перед командиром.

Со спиртным проблем не было, не было проблем и с едой. Кроме имевшихся у нас собственных запасов состоящих в частности из коробки рыбных консервов и коробки печенья нам по несколько раз (как правило три раза: завтрак, обед, ужин) доставляли горячее питание. Помимо каши, супа и хлеба продуктовая машина доставляла нам и различные консервы: какао, сгущенное молоко, рыбу, ну и конечно же тушёнку. Консервы были как из армейских запасов так и из числа тех, что послало нам правительство Москвы. В дальнейшем, по мере увеличения численности личного состава, консервов привозилось всё меньше, но в те дни когда мы только заступили на охрану госпиталя «пищевозы» чуть ли не упрашивали нас взять ту или иную банку.

Горячее питание мы практически никогда не брали, как я понимаю в те дни аналогично поступали солдаты на всех постах, поэтому «пищевозы» уезжали обратно с почти полными бачками. Мы всегда брали минеральную воду и иногда консервы. Минеральной воды, в отличие от всего остального, привозили мало и выдавали её скупно. Хорошо ещё что у нас с Толстым был запас «наворованной» английской воды. На улице стояла страшная жара, солнце палило нещадно, раскалённый асфальт отвечал солнцу взаимностью, поэтому есть не хотелось, хотелось пить. Причём пить не что-то тёплое и уж давно горячее типа чая, кофе и какао, а наоборот, что ни будь

прохладительное, например воду. Или пиво. В связи со всем вышесказанным нетрудно догадаться, что из числа предлагаемых нам консервов мы выбирали рыбу и тушёнку которые затем использовали для сервировки импровизированного стола при вечернем застолье.

Кроме всех вышеперечисленных способов питания некоторым из нас в первые дни удавалось ещё и сходить пообедать в кафе. Правда понятие «пообедать» не совсем правильное поскольку люди обедают как правило в середине дня, а мы ходили в кафе то утром, то ближе к вечеру. Однако, с учётом того, что наша трапеза была в сущности полноценным обедом то термин «пообедать» подходит как нельзя лучше. Кафе по-сербски называется «кафана», произносится с ударением на среднем слоге. Слово женского рода. Большинство из нас, российских солдат и офицеров, почему-то говорило вместо «кафана» «кафан». Слово мужского рода и произносилось с ударением на последнем слоге - непонятное и бессмысленное языковое искажение. Все кафаны в Приштине были закрыты и та кафана, что мы посещали в те дни не была исключением. Владелец, а по совместимости и повар-бармен-официант открывал своё кафе специально для нас.

Это кафе, в котором в дальнейшем произошла встреча едва не ставшая судьбоносной для нас, а возможно и для всего этого города, было типичным для Сербии. Небольшой зал с десятком столиков, да барная стойка, вот по сути и всё, что там было. Но как известно в сербском кафе главное не обстановка, а те блюда что подают в нём. Сербская кухня славится (заслуженно) мясными изысками. В те дни как раз жаренные мясные деликатесы, картофель фри и салат как раз и были нашим обедом. К обеду прилагалось и сто грамм ракии, ну а после обеда кофе. Кайфово было: вокруг опасная обстановка, в кафе комфорт, в руках оружие, в кармане деньги, на столе вкусная еда – век бы так жил. Хозяин кафе, шустрый парнишка возрастом немного старше нас, из уважения к русским братьям пытался обслужить нас бесплатно, но мы каждый раз платили за себя. Дело было не только в чувстве справедливости и нашем понимании того, что в этой обстановке любому из местных сербов будет дорога каждая копейка, но и в элементарном здравом смысле – если не заплатить за обед сегодня то завтра серб кафе просто не откроет. В том смысле, что кафана как всегда будет закрыта, а хозяина мы никаким образом не найдём. Кстати, самого владельца кафе разыскал по нашей просьбе вышеупомянутый полицейский спецназовец. Кафанщик был ему то ли другом, то ли просто знакомым. В один из дней мы заговорили про кафе и пожаловались, что все они закрыты (в воюющем городе это неудивительно), а присутствующий при разговоре спецназовец сказал, что организует нам посещение кафе. В кафе мы наведывались раз десять, потом кафанщик куда-то исчез, да и с сербами отношения в дальнейшем охладелись.

Мне не давала покоя тема участия русских добровольцев в боевых действиях на территории бывшей Югославии. Когда я второй раз находился в Боснии в 2001 году я даже хотел съездить на кладбище расположенное неподалёку от населённого пункта Прибой для того чтобы своими глазами увидеть могилы наших парней погибших за идеалы славянского братства. Однако тогда на кладбище я так и не съездил, обстоятельства не позволили. Поскольку я начал интересоваться вопросом участия наших ребят в войнах на территории бывшей Югославии ещё до армии то и в дни косовских событий я выискивал возможность узнать что ни будь новое про этих парней. С подобным вопросом я обратился однажды к сербу-спецназовцу. Он ответил, что ему известно про участие в боевых действиях в Косово одного такого человека. Этим человеком был капитан, танкист. Где конкретно воевал, что делал, откуда именно из России он прибыл серб не знал. А может и знал, да почему-то не стал мне говорить.

Как я уже упомянул, в числе сербского медперсонала было штук десять девушек и естественно они вызывали у нас самый живой интерес. Девушки красавицами не были,

просто обычные сербские девушки. Днём мы почти не общались, но вот вечером, когда медики заканчивали свою работу, а мы свой дневной отдых, у нас была возможность пообщаться. Естественно мы были бы рады наладить близкие отношения с сербками, да и они не сторонились нас, однако на сколько я знаю большинство из нас, и я в том числе, остались как говорится не солоно хлебавшими. По вечерам мы собирались за импровизированным столом, общение сопровождалось выпиванием-закусыванием. Девушки практически не пили, но зато мужская часть «общающихся» (мы и сербы) не стеснялась в этом вопросе. В меру наших языковых познаний велось общение, причём с явным взаимным интересом. Наши парни веселились, стремясь не то развлечь сербок, не то развлечься самим. Диалог проходил на смешанном сербо-русском языке с большой примесью жестикующий и смеха. Сербки вели себя скромно и я до сих пор не понимаю, мы были интересны им как мужчины и они ожидали от нас более решительных действий или же мы были просто диковинкой и в вопросе близких отношений были им неинтересны.

Лично мне проявлять решительность мешал языковой барьер и что более важно один описанный многими поэтами психологический феномен. Что касается языкового барьера, то тут всё понятно – понравившаяся мне девушка не говорила по-русски, а я не владел в совершенстве сербским. Одно дело объяснить с продавцом в магазине, ну или с сербским военным и совсем другое дело объяснять что-то девушке относительно своих симпатий. Да и просто развлекать свою подружку весёлой беседой не зная в совершенстве языка представляется делом весьма сложным. Более важной, нежели чем языковой барьер, была причина чисто психологического характера. Девушка, с которой мне тогда хотелось наладить близкие отношения, понравилась мне и это обстоятельство играло существенную роль. Если все остальные сербки не производили на меня особого впечатление и моё отношение к ним укладывалось в простую формулу «девушки, как девушки», то конкретно эта показалась мне более симпатичной чем другие. Примечательно, что она даже держалась обособленно от других и не принимая особого участия в веселье. Мне она понравилась и я, как всегда со мной бывало в тех случаях когда женщина вызывала у меня искренние симпатии, вёл себя скованно.

Ни в те юные годы, ни даже сейчас я не могу полностью избавиться от дурацкой скованности в общении, когда та или иная женщина нравится мне по-настоящему. Когда общаешься с пусть и красивой, но не особо понравившейся девочкой, то вести себя непринуждённо не составляет труда и совсем другое дело когда к девочке есть искренние, зачастую необъяснимые, симпатии. Начинаешь ощущать какую-то непонятную скованность, как будто боишься её спугнуть, да к тому же никак не можешь подобрать хорошие и правильные слова для поддержания беседы. В результате почти сразу же начинаешь себя чувствовать глупо и это ещё больше усугубляет ситуацию.

Если девочка «понимающая» то она сама найдёт нужные для поддержания беседы слова и выправит ситуацию, ну а если нет (а таких, к сожалению большинство) то общения, а как следствие и близких отношений, не получится. Кстати, всемирно известных японских гейш, которые вопреки расхожему мнению не были обычными проститутками, по мимо прочего обучали и умению поддерживать приятную беседу. Неплохо бы девочкам всего мира освоить эту не слишком хитрую науку. Так вот, если ко всему вышесказанному добавить ещё и заметно увеличившийся из-за моей скованности языковой барьер, то становится очевидно, что тогда в качестве кавалера я выглядел не слишком ярко. Я конечно познакомился с ней, но интересно продолжить общение у меня не получалось.

Чтобы направить ситуацию в благоприятное для развития отношений русло я попросил помощи у находящегося по близости серба, коим оказался уже знакомый читателю полицейский спецназовец. Я спросил у него о том, как мне объяснить девочке о своих симпатиях и желании отношений, но серб в ответ засмеялся и сказал

мне чтобы я просто подошёл к ней, взял её за руку и сказал ей что теперь она моя девушка. Это простой и наверное самый правильный способ для всех времён и народов, но я не воспользовался им опять же по причине этой своей дурацкой скованности. Дурацкой, потому что в этой ситуации я и был самым настоящим дураком. Кроме того вечера я видел эту девушку ещё несколько раз, если не считать дневных рабочих часов. Ничего у меня с ней не вышло, что и является вполне закономерным результатом моей, в общем-то неправильной для мужчины нерешительности. Сам виноват. Таким образом эта девушкаполнила длинный список упущенных мною возможностей в отношении с женщинами. А список этот весьма велик, и что интересно в нём есть и женщины с которыми мне удалось однажды наладить близкие отношения, но вместо того чтобы продолжить эти отношения и наслаждаться красотой и лаской я, по тем либо иным причинам, терял связь с уже опробованной мною и при этом хорошо относящейся ко мне красавицей.

Нет разницы, по воле случая, либо по причине моих глупых действий терялась связь, так или иначе эти девочки пополняли перечень упущенных возможностей. И хотя в отношениях с женщинами, образно выражаясь, и на моей улице переворачивался КАМАЗ с пряниками, причём переворачивался неоднократно, всё же упущенных возможностей было гораздо больше. Кстати, эту книгу я пишу как правило по ночам, поскольку именно ночью появляется вдохновение. Другие мужчины этой же самой ночью наверняка заняты чем ни будь более приятным нежели чем шлёпаньем пальцами по клавиатуре, я же пишу книгу, а тем временем моя жизнь проходит. Оцени юмор, дорогой читатель.

У одного из наших парней всё же сложились отношения с сербкой. Полностью характера этих взаимоотношений я не знаю, я не особо в это вникал, но парниша неоднократно отпрашивался у командира покинуть наше расположение на всю ночь. Естественно он отстаивал на посту положенное ему время, а уж затем устремлялся к своей подруге. Как он решал этот вопрос с командиром я не знаю. Само по себе ночное путешествие по беспокойной Приштине для русского солдата представлялось делом весьма опасным, а если добавить к этому полное отсутствие какой либо связи между нами и героем-любовником (портативных радиостанций у нас не было, а сотовые телефоны тогда были нераспространенны) то получалась полнейшая авантюра. С военно-юридической точки зрения это было преступлением. И тем не менее капитан В. разрешал парню ходить на свиданья. Разрешал он это потому, что был адекватным и мудрым человеком. Командир прекрасно понимал, что находясь в госпитале мы представляем из себя замечательную жертву и если многочисленные албаны захотят хорошенько нам врезать им не придётся особо утруждаться – наш пост, особенно в дневное время, был как на ладони. Идти на свидание по уничтожаемому мародёрами городу было опаснее чем сидеть в госпитале, однако в случае толкового нападения шансы погибнуть были девяносто девяти процентные в обоих случаях.

Могло даже получиться, что вернувшийся ранним утром герой-любовник обнаружил бы всех нас уже «немного неживыми». Забавно было бы посмотреть на его объяснения командирам по поводу того, как могло случиться такое чудо, что он не только остался цел и невредим, но ещё и вообще ничего не может рассказать о ночном происшествии на посту. В данной ситуации важен интересный психологический момент который всегда присутствует когда в подобной ситуации оказывается человек не лишённый нравственности и лишённый железных нервов. Порядочный и не обладающий стальной выдержкой человек начинает испытывать чувство вины за то, что его не было с ребятами когда они погибали. Даже если человек понимает, что его вины в происшедшем нет, всё равно где-то в глубине души гложет червячок не давая забыть о случившемся. Даже если человек понимает, что он не смог бы помочь своим товарищам, он чувствует себя виноватым в их гибели. Мысли о том, что он мог помочь

(хотя реально не мог), что от него всё зависело (хотя реально могло и не зависеть), что именно он сделал что-то неправильно (хотя реально делал правильно) долго не дадут покоя порядочному, но не обладающему крепкими нервами, человеку. Об этом психологическом моменте я знаю не только из умных книжек.

Однажды, уже в Чечне, я по ошибке чуть было не поубивал несколько своих пацанов. Ошибка была не моя, а командира их группы, который давая мне целеуказание перепутал «право» и «лево» относительно ориентира и в результате скорректировал огонь моих пулемётов на собственную группу. Когда через полминуты я понял, что отстрелялся по своим, единственной моей мыслью было: «Господи, прошу тебя, пожалуйста сделай так, чтобы я никого из своих пацанов не задел». «Задел» в данном случае означало убил или изуродовал – после попадания пули калибра 14.5 мм легко раненых не бывает. Я почувствовал себя виноватым в происшествии, хотя я точно выполнил приказ. Интересно, что КПВТ тогда заклинило: я отстрелял примерно полкороба, а затем произошло утыкание патрона (нечастое явление) и именно поэтому я прекратил огонь. Когда я устранил проблему прошло несколько десятков драгоценных секунд и я получил по радиации команду перенести огонь на другой объект.

Я понимал тогда, что если бы произошло непоправимое то моей вины в этом не было – я стрелял точно по целеуказанию, но стрелял-то ИМЕННО Я! Я стрелял, значит я и мог что-то изменить! Хотя, что я мог изменить... Кстати, командиру попутавшему «право» и «лево» ничего особого не сделали, просто сказали что он долбоёб и чтобы в следующий раз внимательнее был. Так вот, парняга придя по утру в госпиталь мог обнаружить нас, своих товарищей, мёртвыми и если бы он был не бездушным человеком он бы сразу осознал, что в то время когда он наслаждался общением со своей подругой нас убивали. Парнишка не был бездушным человеком, и вот почему.

Когда мы уезжали из Косово, он, вместо того чтобы просто взять и свалить не попрощавшись, заглянул напоследок к своей подруге и не имея возможности чем-либо иным помочь ей в предстоящих страшных испытаниях уготованных всем косовским сербам хотел оставить ей пятьсот долларов, сумму по нашим меркам существенную. Сербка отказалась, ответив просто и конкретно – «Я не курва!». Парень предлагал ей помощь, а не оплачивал её ласки, но тем не менее она отказалась. Этот парнишка, впрочем как и все мы, не был богачом. Деньги вполнегодились бы ему дома, но он хотел использовать их в качестве помощи для своей подруги. Причём эту подругу он никогда бы больше не увидел. По современным циничным и корыстным меркам такое рыцарство является не слишком разумным. Однако, не все люди придерживаются современных мерок. Лично я их не придерживаюсь, я считаю что о выгоде не стоит забывать никогда, но всё же порядочность превышает выгоды. Наверно так думал и мой товарищ прекрасно отдавая себе отчёт в том, что уже в самое ближайшее время для любого косовского серба настанут голодные дни и каждая копейка будет на счету. Он хотел хоть чем-то помочь своей сербской подруге, но та от помощи отказалась, посчитав предложенные деньги попыткой оплатить услуги. Ну и дура.

Что касается меня, то я вообще не вижу ничего плохого в материальной поддержке женщины мужчиной. Такой порядок определён природой – самцы большинства видов животных обеспечивают своим самкам доступ к кормовым ресурсам. Что определено природой, то установлено Богом, а следовательно правильно. Я не знаю чем закончилась история с деньгами, взяла сербка их или же так до конца и осталась при своём мнении. Тут важно другое – у парня были нравственные качества и если бы он обнаружил бы своих товарищей мёртвыми то вряд ли отнёсся бы к этому равнодушно.

Мог бы произойти и другой вариант развития ситуации - мы были бы живы, а наш герой-любовник бы не вернулся. Ситуация вполне реальная, и чтобы свести шансы на её реализацию к минимуму командир выделял сопровождение нашему ночному

сластолюбивцу. Сопровождение выделялось только первое время, в дальнейшем, как и следовало ожидать, парнишка уходил уже в гордом одиночестве.

Я не знаю о чём он думал когда закинув за плечо свой пулемёт РПКС-74 делал первый шаг навстречу ночной, грохочущей гусеницами натовских патрулей и непонятно чьей стрельбой Приштины, но со стороны всё выглядело очень романтично и круто. Думаю все девочки на свете высоко бы оценили рыцарскую романтику происходящего. Наверное не более чем одна из миллиона современных женщин сможет похвалиться тем, что ради встречи с ней мужчина с оружием в руках проходил чуть ли не весь смертельно опасный ночной город.

Я не романтик, но зато люблю экстрим да и к женской ласке равнодушен, поэтому и мне действия моего товарища кажутся весьма привлекательными – мужскими и интересными. Есть в этих действиях что-то необъяснимо и невыразимо кайфовое - естественное, здоровое, природно-первобытное, в общем по-настоящему мужское. Если покупать женщин может любой богач, а красиво ухаживать за ними может любой лживый и вертлявый негодяй (что менее достойно, чем их просто честно покупать), то пройти ради встречи с женщиной через вышеупомянутый ночной город может только настоящий МУЖЧИНА. А мужчине быть мужчиной это и достойно и кайфово!

Что касается возможной проверки несения нами службы со стороны командования то остерегаться нашему Командиру было нечего. В ночное время по соображениям безопасности проверяющие не приезжали, а к утру герой-любовник уже был на месте. Что касается проверок вообще, то они проводились не более чем условно – нерегулярно и формально. Иногда приезжал кто ни будь из высших командиров и начальников и удостоверившись, что у нас всё более-менее нормально уезжал восвояси. Непосредственно на посту мы (да и не только мы, а вообще все известные мне части батальона) подчинялись только нашему командиру и о том, что конкретно у нас происходит знал только он, да и то постольку-постольку. Радиосвязь была не слишком надёжная, как я помню она еле-еле доставала до соседнего поста и абсолютно не доставала до штаба. Короче говоря, мы были предоставлены сами себе, причём в прямом смысле этого слова. Если добавить к этому ещё и систематическое употребление спиртного, накопившуюся у нас нереализованную и явно не стимулирующую дисциплину агрессию, эйфорию от осознания собственной крутости, да ещё вдобавок и наше непонимания запрета наложенного командованием на оказание помощи сербам то становилось понятно, что скоро наш батальон станет анархическим. Так оно и вышло.

То, что начиналось с величайших проявлений профессионализма и дисциплины день ото дня перерастало в полнейшую анархию. Уже на момент нашего прибытия в госпиталь всеми подразделениями батальона на местах автономно командовали командиры взводов. Таким образом нами управляло не верховное командование и даже не командование батальона, а самые настоящие полевые командиры. Да и то, слово «управляли» не вполне правильно, точнее будет сказать пытались управлять. Получалось у них это по-разному, в зависимости от имеющегося авторитета и личных качеств. Личных качеств как самих командиров так и их подчинённых. Кстати в употреблении спиртного некоторые из старших командиров тоже принимали самое непосредственное участие, причём это было заметно для нас, то есть подчинённых.

Сербы конечно же всё это тоже видели. Русские братья предстали во всей своей красе – здоровые, до зубов вооружённые бугаи занимались тем, что «бухали», катались на БТРах, развлекались и никого из сербов не защищали. Хороши герои. Ситуация с нашим батальоном напоминала то, что произошло с войсками Наполеона в Москве в 1812 году. Обрадованные успехом французы принялись пить и гулять вследствие чего наполеоновская армия быстро потеряла боеспособность. В принципе, спустя месяц после своего прибытия в Косово наш, образцово выполнивший задачу

батальон потерял свою боеспособность. То есть все его отдельные части кое-как ещё могли вести бой, но батальон в целом уже нет, поскольку был неуправляем. Не потеряв ни одного человека и ни одной единицы техники батальон потерял боеспособность. Пьянка сгубила героев.

При общении с ребятами приехавшими к нам на пост выяснилось, что уже пошли первые разборки между своими – нереализованная агрессия в совокупности с алкоголем нашли свой выход. По рассказам, однажды дело даже дошло до оружия, к счастью обошлось без жертв. До сербов как я понимаю тоже стало доходить, что никто их защищать не будет. Сербская эйфория первых дней вызванная прибытием русских братьев, защитников и помощников, стала сменяться непониманием и холодностью по отношению к нам. Сербские девушки тоже стали общаться с нами значительно меньше чем в первые дни, да и вообще интерес к нам со стороны сербов стал угасать день ото дня. Однако враждебности сербы не высказывали, в прочем как не высказывали её и цыгане которые наравне с вышеупомянутыми сербами страдали от албанского террора.

Цыгане в Косово были значительно опрятнее своих родственников в изобилии встречающихся на всех вокзалах России. В Косово цыгане занимались не попрошайничеством, воровством и торговлей наркотиками, а работали наравне с сербами. Видимо такой образ жизни и определял их более благопристойный внешний вид. В госпитале который мы охраняли как раз и трудился один пожилой представитель этого древнего и многими нелюбимого народа. Трудился он ночным сторожем, правда зачем нужен ночной сторож в госпитале находящемся в воюющем городе понять невозможно. Каждый вечер этот старикан придя на работу поспевал как раз к моменту накрытия нами вечернего стола. Естественно всякий раз именно мы приглашали его принять участие в застолье. Он добавлял к нашим разносолам принесённые из дома продукты, что именно не помню, и вместе с нами принимался за ужин. Естественно он пил вместе с нами. Как-то раз, ещё до заметного охлаждения наших отношений с местными, кто-то из парней громко изъявил желание хорошенько потрахаться и пожаловался на отсутствие подходящих для этого женщин. Услышавший такие скорбные речи старикан пообещал эту несправедливость исправить пригласив к нам нескольких молодых цыганок.

Мы очень обрадовались такому повороту дела, нам хотелось женщин да и цыганка это в общем-то экзотика. Я не был особо избалован женским вниманием и мне в первую очередь была интересна близость с женщиной как таковая, экзотические особенности женщины меня не слишком интересовали, тогда я этим вопросом даже и не интересовался. Интересно, что даже сейчас, в момент написания книги, я не знаю ни одного (!) мужчины который мог бы похвалиться близкими отношениями с цыганкой. Лично я за свою жизнь смог поближе познакомиться с представительницами наверное десятка различных народов, даже однажды довелось попробовать вполне красивую африканку (кстати, баба как баба, только смуглая), но вот цыганку даже в руках поддержать не приходилось. Дед сказал, что девочки симпатичные и будут близки со всеми нами, без удовольствия не останется никто. Девочек будет две или даже три. Вот и чудесно! Мы, привыкшие к тому, что в Югославии за простые и естественные удовольствия всегда надо платить сразу же сказали старику что деньги у нас есть. Дед ответил: «Денег не надо, они не курвы». «Ну не надо, так не надо, нам же лучше, захотят выпить – угостим» - порешили мы.

Старикан отправился в табор, а мы принялись нетерпеливо ждать. Кто-то настойчиво приискивал себе презерватив. У меня их было много и я на этот счёт не беспокоился. Да и если бы их и не было то тоже не беспокоился бы. Презервативов было у меня много, поскольку презервативы я использовал в качестве своеобразного чехла для ствола пулемёта. Презерватив предохранял мои пулемёты от попадания в ствол пыли и воды. У меня были и брезентовые чехлы, но я их берёг, поскольку в

случае возникновения необходимости быстро открыть огонь снимать их со ствола не будет времени и следовательно чехол, предназначенный для ствола, станет чехлом для первой пули. Помимо прочего по окончании службы чехлы нужно будет сдавать вместе с машиной. В армии вдалбливают строгое правило о недопустимости утери военного имущества и мой мозг не был свободен от этого вдалбливания – получив имущество я сразу задумывался о том как его буду в дальнейшем сдавать обратно.

Виноват в утрате имущества почти всегда тот, на ком это имущество числится, всевозможные оправдания принимаются редко. В принципе, для армии такой подход правильный, в противном случае всё имущество будет утеряно, украдено и поломано. Психологическое отношение военных к утере имущества хорошо характеризует термин обозначающий любое происшествие приведшее к исчезновению вещи. Любое действие или бездействие человека утерявшего какую-либо вещь в российской армии обозначается словами: «Человек «проебал» такую-то вещь». Термин «проебал» означает, что независимо от обстоятельств исчезновения вещи ответственный за неё человек автоматически виноват в её исчезновении. Иногда «проёбывание» даже самых незначительных казённых вещей, например обычного полотенца, может привести к колоссальным для «проебавшего» последствиям. Например, к невосполнимой потере здоровья произошедшей в результате воспитательной работы старослужащих. Как я сказал, сам принцип правильный, но бывают перегибы.

Запасных чехлов у меня разумеется не было, поэтому я использовал презервативы – гандон вещь одноразовая. Однако презервативы оказались не лучшим решением поскольку латекс контактируя с металлом быстро разрывался. Надо было бы мне приобрести презервативы для Терминатора тогда наверное всё было бы в порядке, а так в скором времени мне пришлось отказаться от своей рациональной идеи. Ну да ладно, презерватив ведь не для пулемёта предназначен. Не смотря на необходимость нести службу мои мысли постоянно возвращались к предстоящей приятной встрече. Я уже говорил о наличии у меня на тот момент достаточно скромного опыта в интимном общении с женщинами и поэтому ожидание встречи было для меня волнительным. Я взволновано ждал встречи, хотя старался не показывать своего радостного волнения товарищам. По всей вероятности подобные настроения присутствовали у всех нас за исключением Командира – старого мудрого воина. Он, кстати, в развлечениях принимать участия не собирался, но к нашим желаниям и потребностям отнёсся практически по-отечески – разрешил и одобрил.

Пока тянулись минуты ожидания то один, до другой из нас заводил разговор о девочках - не у меня одного мысли вертелись вокруг предстоящих удовольствий. Однако минуты ожидания складывались в десятки минут, а старикан всё не появлялся. Мы начали уже предполагать что он обманул нас, ну или умудрился в пути стать жертвой албанов (какой негодник!) как вдруг он показался на дороге. С момента его ухода прошло часа так полтора, в то время как до дома где жили цыгане идти было не более получаса. К нашему большому огорчению старик возвращался один. Причину того, что он вернулся без девушек старик объяснил самыми оптимистичными словами – согласно его заверениям девочки собирались придти ближе к ночи. Причину его задержки никто выяснять не стал, ну задержался и задержался, раз девочки решили придти попозже то его задержка никакой роли не играла. Мы снова принялись ждать. Чтобы к приходу подружек быть полностью готовыми мы навели порядок в отведённой для нас комнате. Мы расстелили на полу спальные и прибрали лишние вещи, ну и конечно приготовили припасённое спиртное – вдруг девочкам захочется выпить. Однако несмотря на то, что стало уже темнеть и с момента возвращения старикана прошло немало времени девочек по-прежнему не было. Вот стервы какие, ни грамма совести! Мы снова стали тормозить старика чтобы он пошёл и поторопил этих пиписек. Старик сам уже не пошёл, зато послал молодого цыганёнка разведать как там дела. Я уже не помню подробностей, но в тот вечер всё кончилось как в старом

озорном стишке: «Опять весна, опять грачи, ты не пришла, опять дровичь». Девочки так и не пришли, но старик сказал, что завтра они придут уж точно, он об этом позаботится. Делать нам было нечего, и мы были вынуждены довольствоваться пивом и наблюдением за творящимися вокруг нас событиями.

Этой ночью какие-то люди на протяжении нескольких часов копошились возле находящейся неподалёку заброшенной бензоколонки. Той самой бензоколонки, зайдя за которую «наркомы» Её Величества «жахнули по вене». Если судить по внешнему виду бензоколонка была брошена сербами совсем недавно, видимо она работала вплоть до ввода в край сил КФОР. Поскольку бензоколонка не имела видимых следов разрушения то можно предположить, что в её здании было чем поживиться мародёрам. Как обычно, кем были ночные деятели и что же именно они делали возле бензоколонки осталось для нас невыясненным, однако немного понервничать они нас всё же заставили. По-моему, тогда даже были разбужены все кто отдыхал после смены с поста. У нас были прицелы ночного виденья для автомата и снайперской винтовки, но они были далеки от совершенства и особых преимуществ наблюдателям не давали. Толстый завёл двигатель БТРа (чтобы аккумуляторы не посадить) а я занял своё место за пулемётами и наблюдал в прицел за бензоколонкой.

В БТР-80 нет ночного прицела поэтому наблюдать мне было тяжело, я плохо различал происходящее возле здания. БТР это машина в первую очередь транспортная, а не боевая, поэтому для него вполне достаточно и обычного, дневного прицела. Прицел вооружения БТР-80 оборудован подсветкой сетки прицеливания, которая в свою очередь оборудована регулировкой яркости. Регулировка предназначена для того чтобы слишком яркий свет сетки не слепил пулемётчика. Чем темнее на улице тем слабее нужно делать подсветку и наоборот, в только начинающихся сумерках яркость подсветки нужно делать максимальной. Всё просто. Таким образом получалось что видеть прицельную сетку я мог хорошо, однако куда именно было направлено моё оружие я видел, как говорится, постольку поскольку. Непосредственно контуры самого здания бензоколонки различить я мог, а поэтому вести заградительный огонь было для меня задачей вполне доступной. Без особого труда Командир легко мог корректировать мой огонь по принципу «выше-ниже», «правее-левее» (да-да, то самое «правее-левее»).

КПВТ был самым мощным оружием имеющимся в нашем распоряжении, кроме того, именно пулемёт даёт большую плотность огня являясь таким образом хорошим средством сковывания действий противника и поэтому на эффективности моей стрельбы и держалась вся наша огневая мощь. Конечно у нас был ещё и снайпер Виталья, но его огонь в условиях плохой видимости был малоэффективен. Вообще в условиях когда нет возможности хорошо прицелиться плотность огня важнее точности и мощности. Мы ждали как будут развиваться события, но непонятные перемещения возле бензоколонки продолжались, а ситуация оставалась на месте не получая никакого развития. Мы не понимали даже чем именно были заняты ночные незнакомцы: то ли они вели за нами наблюдение, то ли они подготавливались к нападению на нас, то ли они осуществляли какую-то свою деятельность на бензоколонке и старались чтобы эта деятельность проходила для нас незамеченной. Возможно, что деятельность незнакомцев вообще была никак не связана с нами и они даже не подозревали о том, что мы находимся неподалёку. Когда непонятная возня стала особо активной я спросил у Командира разрешение открыть по зданию бензоколонки, поверх незнакомцев, предупредительный огонь. Командир приказал огонь пока не открывать, ждать приказа, вести наблюдение и смотреть что будет дальше. Командир действовал спокойно и непринуждённо, сказывался боевой опыт и личные качества.

Мы связались по радиостанции с соседями и сообщили о ситуации. Соседи доложили о нас оперативному дежурному и он в свою очередь оповестил их о

готовности резервной группы к выезду. На невоенном языке это означало, что в случае начала боестолкновения нам немедленно окажут помощь. Внимательный читатель помнит, что изначально нас в Косово прибыло около двухсот человек, а самолёты из России подкрепления практически не привезли. Большинство бойцов находилось в охране на том или ином объекте. Таким образом в состав «резервухи» скорее всего входил один БТР-80 с экипажем и командиром и человек пять-шесть бойцов. Даже абсолютно далёкому от военной науки человеку понятно, что такая группа навряд ли сможет оказать толковую помощь, а прорваться к месту боя сквозь позиции противника сможет лишь только чудом. Кроме того, посылать резервную группу ночью было делом рискованным – нападение на пост зачастую специально организовывается для заманивания подкрепление в заранее подготовленную засаду. В Чечне хитрые «чехи» таким образом поступали постоянно и к сожалению в ряде случаев успешно. Иногда даже спешащая на выручку резервная группа попадала под огонь ведущийся с собственного поста. Война есть война – побеждает сильнейший, а военная хитрость это тоже показатель силы, в данном случае силы ума. На наше счастье нам в Косово противостояли не матёрые «чехи», а не пойми какие албаны.

К утру на бензоколонке всё стихло. Что именно там происходило ночью мы так и не выяснили. Днём сходили, осторожно всё осмотрели, но ничего интересного не обнаружили. То есть в прямом смысле слова мы вообще не обнаружили ни каких характерных следов по которым можно было бы определить, ну или по меньшей мере предположить, кто и что тут делал минувшей ночью. Короче, всё произошло по схеме ставшей в те дни уже классической – вокруг нас кипела ночная жизнь о которой мы ничего толком не знали. Кто-то, что-то постоянно делал, но кем были эти кто-то и что именно они делали мы не знали. Единственное, что мы знали точно, это то, чьи дома горели по ночам. Дома горели сербские. В общем, как я уже говорил, спустя сутки после нашего появления в крае ситуация перестала от нас существенно зависеть. Первые сутки мы были королями, вершителями мировой истории и судеб миллионов людей, а затем стали почти что сторонними наблюдателями. Как в смысле политики, так в смысле и контроля над местностью. Наш «звездный час» кончился. Надо отметить, что в те дни мы этого по-настоящему не понимали, я лично разобрался во всём этом лишь спустя несколько лет.

Сербы утром сказали нам, что на бензоколонке орудовали шиптары и такое объяснение представляется мне наиболее вероятным. Албаны, целыми толпами, к тому времени лазили уже всюду и везде, следовательно самым простым было предположить что ночными деятелями были именно они. Как известно самое простое предположение зачастую оказывается и самым верным. Благодаря этим уродам мы в очередной раз не выспались, недосып у нас приобрёл хроническую форму. Той ночью, не смотря на выпитое пиво никто не был пьян, более того, часть спиртного осталась нетронутой и была пущена в дело уже на рассвете, когда опасность миновала. Выпившие и усталые некоторые из нас отправились спать, а другие продолжили службу.

Как я сказал мы стали пить почти постоянно, пили от куража и от дискомфорта одновременно. Кураж мы испытывали от собственной крутости, адреналина, молодости и лета. Дискомфорт мы испытывали от стыда перед сербами за свою неспособность защитить их от американо-албанского беспредела, из-за чувства нереализованности своих защитнических помыслов, да и вообще от осознания чудовищной несправедливости всего того, что происходило в те дни в Косово. Многие из наших парней равнодушно относились к сербам как таковым и в бывшей Югославии оказались исключительно благодаря желанию «послужив делу мира» немного заработать, но даже и они понимали суть события происходящего в крае Косово. Даже те, кто просто приехал на работу, прекрасно осознавали, что в Косово происходит колоссальная несправедливость, так как пользуясь американской «крышей» албанские

оккупанты грабят и захватывают исконно сербскую землю убивая и истязая её коренной народ. Старый и абсолютно верный лозунг «Смерть оккупантам!» тут действовал с точностью до наоборот. В конечном итоге у каждого из нас преобладал или один, или другой мотив, всё зависело от личных душевных качеств, но пили практически все мы и сербы наблюдали это чуть ли не каждый день. Со стороны всё это выглядело так, как будто бы мы, в качестве своеобразных туристов-экстремалов, прибыли в Косово поразвлечься.

День прошёл без особых забот и происшествий и наступил вечер предполагавший встречу с молодыми цыганками. Старик снова пришёл один, заявив, что девушек не хотят отпускать поскольку боятся за их безопасность – вокруг было много шиптаров. Дед сказал, что если кто ни будь из нас пойдёт с ним в цыганский дом, то это наверняка послужит гарантией безопасности и тогда девушкам разрешат пойдти к нам в гости. Хотя идти было недалеко тем не менее путешествие по ночной Приштине было делом опасным и Командир сначала не разрешил нам сходить за девчонками. К тому же наш герой-любовник тоже отлучался с поста и если кроме него ещё кого ни будь отпустить то в госпитале оставалось совсем мало народу. Конечно в случае хорошо подготовленного нападения по большому счёту не было никакой разницы пять нас или десять, всё равно всем нам была бы хана, зато в случае неплановой проверки скрыть факт отсутствия двух человек было сложнее чем отсутствие одного. Однако, надо отметить, что вероятность проверки была крайне мала.

Я уже не помню каким образом, но всё же нам удалось уговорить Командира отпустить одного из нас прогуляться за девочками. Этим одним оказался я. Я сам вызвался погулять по ночному городу поскольку как обычно жаждал опасных приключений. Кажется кто-то ещё собирался идти, не помню уже кто именно, но вот Толстый точно идти боялся. Он не хотел идти сам, и говорил что идти не надо никому, пускай девки сами приходят. Трахаться он хотел, но вот потрудиться ради этого не собирался. Другие парни относились к происходящему самым что ни на есть правильным образом: «Идти опасно, но если выпадет идти именно мне, то пойду». «Рвался в бой» один лишь я, и в итоге я и пошёл. Вернее пошёл я не один, а в компании со стариком и нашим героем-любовником. Герой-любовник привычным движением закинул за спину свой пулемёт, я повесил на шею свой автомат и мы двинулись в ночной город. Старика закидывать за плечо было нечего, он был не вооружён, и поэтому он, не по годам бодро, шёл налегке.

Мы шли по улице города, а вокруг нас кипела ночная жизнь. В понимании современного человека, особенно человека молодого, термин «ночная жизнь города» означает работу ночных клубов, дискотек, баров и ресторанов, сияющие витрины дорогих магазинов, пронсящиеся по улицам автомобили в салонах которых громко играет музыка. Ночная жизнь города Приштине была другой. Термин «ночная жизнь» в городе Приштине в те дни означал горящие сербские дома, редкую, непонятно чью стрельбу, грохот боевой техники натовских патрулей и конечно же повсеместное движение албанских грабителей и мародёров. До того места где жили цыгане мы дошли без приключений. Уже на подходе к табору я понял, что мягко говоря, не верно представлял себе то, как живут эти цыгане.

По всей видимости к местным цыганам приехали все их родственники и друзья спасающиеся от албанского беспредела. На находящейся за полупрозрачным забором площадке, перед каким-то зданием, располагался реальный лагерь цыган-кочевников. Множество самодельных, не то палаток, не то шалашей, вокруг них снуют люди, взрослые и дети, горят костры. Натуральный табор. Мы зашли в ворота забора и оказались на небольшой площади посреди этого табора. Пока мы шли вдоль забора на нас не обращали особого внимания, но как только мы оказались внутри табора произошло событие сильно потрясшее меня.

Как только мы остановились в центре площади со всех сторон к нам хлынула толпа цыган всех возрастов. Людское море двинулось на нас. Цыгане что-то громко орала и шли на нас как лавина. Мне стало «не по себе» - никогда до этого я не оказывался в центре огромной возбуждённой и нацеленной лично на меня толпы чужаков. Я не понимал что они орут, я не понимал враждебны они или просто возбуждены, я не понимал что они собираются делать дальше, зато я чётко и ясно понимал что если они кинутся на нас то нам не поможет ни автомат, ни пулемёт – они просто разорвут нас руками. Оружие, которое мы держали в руках не могло спасти нас. С какой-то странной легкостью на душе я осознал, что если они захотят схватить нас, то нам не спастись и поэтому спокойно стоял стараясь ничем не спровоцировать толпу. Мой товарищ вёл себя аналогично. Мы встали спина к спине посередине возбуждённой толпы и ждали что же будет дальше.

Я успел разглядеть, что толпа состоит по большей части из молодёжи, среди которой было много маленьких детей. Пришедший с нами старикан стал грозно кричать и отгонять от нас толпу. У него получалось не особо хорошо, как я понимаю толпа в общем-то его игнорировала, зато подошедшие на шум великовозрастные цыгане быстро навели порядок. Они несколько раз властно прокричали что-то и толпа «осела». Я не разобрал тогда на каком языке говорили старшие цыгане, но даже если они и говорили на сербском я всё равно не понял ни слова из того что они говорили своим юным соплеменникам. Молодёжь продолжала осматривать нас, дети кажется даже пытались нас потрогать, но никто больше не орал и не напирал на нас. Старшие цыгане продолжали что-то растолковывать своим молодым соплеменникам и в скором времени те поменяли своё эмоциональное возбуждение на любопытство и доброжелательность. Взрослые даже прогнали часть молодёжи, как я понимаю для того чтобы молодёжь не надоедала нам своим чрезмерным вниманием. Что именно молодёжь хотела сделать когда толпой ринулась к нам я так и не понял.

Как только страсти поутихли я стал присматриваться к окружавшим нас людям стараясь понять чего от них можно ждать дальше. Чувствовал я себя неуютно, мне хотелось уйти оттуда, но такой возможности не было. Старик тем временем ушёл искать не то «вождей», не то родственников девушек, в общем кого-то, кто может разрешить девушкам уйти к нам на ночь, мы же, таким образом, остались вдвоём посреди чуждого нам табора. Несмотря на доброжелательность общаться с молодёжью у нас получалось «не очень» и вскоре большинство цыган потеряло к нам интерес, тем более что старшие цыгане чуть ранее уже прогнали существенную часть желающих пообщаться. Вскоре табор продолжил жить своей обычной жизнью, интерес к нам со стороны его обитателей был полностью утерян. Старика мы ждали примерно полчаса и такая продолжительность его переговоров нас нервировала – нам тут было неуютно и мы поскорее хотели пойти обратно.

В принципе интимное общение с девушками должно было с лихвой компенсировать все сегодняшние неурядицы, но когда старик вернулся с «переговоров» выяснилось что никакой компенсации не будет – девушки к нам не пойдут. Почему они не пошли тогда с нами я сейчас уже не помню, да и это никакой роли не играет. Вообще-то мы были абсолютно уверены что сегодня встреча состоится и такой поворот дела лично меня сильно раздосадовал, но выбора у нас не было. Образно выражаясь, предполагая встречу мы делили шкуру неубитого медведя. Многие люди любят считать своими деньги, которые хотя и заработали, но на руки ещё не получили. Это дурная привычка. Я никогда не считал какие-либо деньги своими до тех пор пока они не лежали в моём кармане, зато в отношениях с женщинами я очень любил пофантазировать, опережая таким образом события. Зачастую налаживая отношения с той или иной женщиной я мысленно представлял себе самый благоприятный для меня результат и этот результат казался мне прекрасным и неизбежным, практически уже свершившимся. Когда всё получалось так как я себе представлял, то я был вполне

доволен, однако когда реальность существенно расходилась с моими фантазиями (попросту говоря когда женщина не пожелала мне отдаться, либо когда она оказывалась не столь хороша как я надеялся) то всякий раз я ощущал себя дураком. Когда моя подруга оказывалась не так хороша как предполагалось, то вообще получалась комедия – надо дело доделывать, стыдно слабаком показаться, а интереса нет вообще, получается как будто работу выполняешь, да к тому же на это своё время и ресурсы тратишь. В голове господствуют мысли: «Зачем я вообще к ней полез?!» и «Скорей бы всё это кончилось...». К тому же мне как-то всегда было неудобно демонстративно и грубо показывать благосклонной ко мне женщине, что я разочарован близостью с ней. Да и мне самому очень неприятен факт того, что девушка будет думать, что я изображал к ней хорошее отношение только чтобы разок ей попользоваться. Я презираю «фуфлогонов» и поэтому мне не хочется чтобы хоть кто-то считал меня таковым, особенно если я в действительности был честен. Безнравственным или глупым «мужчинам» в этом вопросе проще.

Самым комичным является то, что моё хорошее отношение к женщинам ни разу(!) не принесло мне пользы в установлении близких отношений с ними. Более того, оно связывало мне руки, то есть мешало. Парадоксально и смешно. Понятно, что я не «принц на белом коне» и поэтому неудачный для меня вариант развития событий происходил намного чаще нежели чем удачный. Всякий раз ощущая себя дураком я принимал решение в дальнейшем в отношениях с женщинами не опережать мыслями событий, однако от этой дурной привычки я так и не избавился до сих пор. Так было и в те далёкие годы – не фантазировал бы заранее, не огорчился бы когда ничего не получилось. Ну ладно, пора мне было возвращаться и я пошёл обратно. Пошёл я один. Старик остался в своём таборе, а мой товарищ отправился к своей подруге. Идти было не очень далеко, но тем не менее идти одному было опасно. Не смотря на опасность я покинул уютный табор с чувством облегчения. Перед выходом я клацнул затвором – случись что, каждая секунда будет дорога.

Я шёл осторожно, старался избегать открытого пространства и тех мест где меня можно будет легко схватить. Эти две взаимоисключающие друг друга задачи я решал просто – я двигался по обочине на небольшом удалении от дороги. Таким образом я был незаметен издали и в то же время прекрасно видел местность в непосредственной близости от себя. Примерно половину пути я прошёл без приключений как вдруг за своей спиной я услышал пока ещё слабый, но уже очевидно нарастающий грохот приближающейся техники. Я остановился и прислушался - звуки издаваемые приближающейся машиной были весьма характерными. Свирепо урчал мощный мотор и грохотали гусеницы. Сомнений быть не могло - по дороге вдоль которой я шёл двигался танк или БМП. Я пока не мог разобрать сколько конкретно единиц техники двигалось по дороге зато я точно понял что техника движется в мою сторону и в самом ближайшем времени она будут уже здесь.

В нашем батальоне не было гусеничной техники и следовательно любая гусеничная машина была однозначно чужой. Для меня это означало одно – смертельную опасность. Я не мог даже представить, что может придти на ум экипажу машины когда они заметят меня на дороге. Для людей невоенных поясню: в условиях вооружённого конфликта любой объект передвигающийся в ночное время является опасным и следовательно является потенциальной мишенью. Самым вероятным было предположить, что приближающаяся ко мне боевая машина является британской, а в том, что подданные Её Величества не будут долго думать перед тем как применить оружие я не сомневался. К тому же они обладали в крае Косово всей полнотой власти и могли безнаказанно делать всё что захотят.

Мой мозг лихорадочно работал, я пытался выбрать как мне поступить в этой ситуации – демонстративно стоять на обочине дороги или же где ни будь спрятаться. Оба варианта имели свои плюсы и минусы. Если открыто стоять на дороге то

британцы могли просто проехать мимо, приняв меня за патрульного российских, ну или каких-либо других относящихся к КФОР, сил. С другой стороны, они могли просто застрелить меня увидев что я вооружён и не являюсь представителем их армии. Такой вариант был вполне реален поскольку наша форма и вооружение сильно отличалась от английской, а по планам НАТО кроме англичан в этом районе не должно было находиться других «миротворцев». Я передвигался в ночное время и был вооружён, а значит был опасен и именно из-за потенциальной опасности они могли и убить меня. В принципе правильно бы и сделали - на войне, равно как и в жизни, выживает сильнейший. В данном случае более осторожный и умеющий опередить врага. Если бы я стал прятаться, неудачно прятаться, то это могло спровоцировать англичан на открытие огня – раз прячется значит что-то замышляет, например засаду готовит или дорогу минировать. Я размышлял несколько секунд и принял решение прятаться. Возле дороги было несколько домов и эти дома представляли из себя отличное укрытие. Я быстро оббежал ближний к дороге дом и спрятался возле следующего здания. Я выбрал укрытие так, чтобы быть абсолютно невидимым со стороны дороги и при этом быть надёжно прикрытым от возможного огня. Наблюдение за дорогой я продолжил.

Грохот нарастал и судя по его силе можно было понять что через несколько секунд из-за ближайшего поворота покажется его источник. У меня не было необходимости наблюдать за идущей техникой и поэтому как только я осознал что машина вот-вот покажется я спрятался за здание. Я ориентировался по звуку и спустя несколько тревожных секунд понял, что могучая машина на высокой скорости, без остановки, прошла мимо моего укрытия. Я осторожно выглянул вслед проехавшей машине. Двигаясь по дороге, от меня удалялся одинокий английский танк.

Танк ехал на высокой скорости, как будто спешил к кому-то на подмогу или же инглезы просто выпили лишнего и решили погонять на танке по ночному городу. Других объяснений появления одинокого английского танка у меня нет. Одинокий танк находясь в городе представляет из себя лёгкую добычу. Танк силен в поле, где у него есть возможность реализовать мощь своего оружия и брони (танку страшны только прямые попадания специальных противотанковых средств) и естественно свою скорость и манёвренность. В городе всё наоборот: манёвра нет, обзор плохой, единственное направление движения (дорогу) заминировать легко, скрытно подобраться к танку поближе также не сложно, да и по верхним этажам близлежащих зданий огонь вести танк не может. Танк в городе можно использовать только как САУ, да и то при серьёзном прикрытии пехотой. Сербский город Приштина был враждебен для англичан и поэтому для того чтобы танк без сопровождения выехал в ночной город нужна была существенная причина. Такой причиной могла быть военная необходимость или же вышеупомянутое желание пьяных и или уколотых «инглезов» покататься по ночному городу. В принципе если танк действительно катался то я понимаю ребят из его экипажа, я сам в общем-то такой же. Такое необычное и удивительное экстремальное приключение как свободная езда на танке по городу не может себе позволить даже большинство богачей-миллионеров и поэтому если простым английским парням выпал редкий шанс экстремально порезвиться то его было бы глупо упускать. Жить нужно интересно, иначе зачем вообще жить. В смысле доступности тех или иных удовольствий жизнь очень интересная штука – то, что недоступно богатым и знаменитым может оказаться вполне доступно простым и скромным, главное не бояться и свой шанс не упустить. Великий Создатель мудро сотворил наш мир уравнивая в таких вещах как счастье, смерть и острота ощущений бедных и богатых, сильных и слабых, известных и неизвестных.

За примерами этой великой справедливости ходить далеко не надо. Сколько бы богатые мужчины и женщины не окружали себя холёными продажными сексуальными партнёрами никто и никогда из них не испытает столько искреннего счастья и наслаждения сколько будет доступно простым, бедным, неизвестным и не особо

красивым парню и девушке где ни будь на заднем сиденье старенькой машины, ну или в кустиках на природе. То же и со смертью – подход Гитлер, подход Ленин, подышали Рокфеллеры и Ротшильды, подохнут Билл Клинтон и Мадлен Олбрайт и ни деньги, ни власть, ни известность не помогут им избежать общей участи всех людей. Умрут все, и хорошие и плохие. А после физической смерти всех нас ожидает суд Божий, во всяком случае я в это верю, и на этом суде спросят с каждого за то как он жил и что делал. И там тоже не помогут ни деньги, ни власть, ни известность, там будет важно только то, что ты делал во время своей земной жизни.

Тоже самое и с острыми ощущениями: любой парень может пойти подраться на ринге и в тот момент когда он преодолеет свой страх, свою боль, когда он соберёт в кулак свою волю и силу и победит сильного противника, ну или хотя бы выстоит и не сдастся, то в этот момент на всей Земле не будет человека испытывающего более яркие эмоции чем он. Ну или появление ребёнка. Ребёнок это новая жизнь, частичка огромной Жизни, это продолжение Божественного творчества, это просто ЧУДО. ЧУДО недоступное всей человеческой науке и технике вместе взятой, но доступное почти что любой, даже самой никудышной женщине. Любая, даже самая дрянная бабёшка, вынашивая своего ребёнка является в общем-то творцом новой жизни, повторяя то, что когда-то было сделано всемогущим Богом. Дрянная бабёшка способна на большее нежели чем вся человеческая цивилизация вместе взятая! А какая радость видеть в ребёнке свои черты, понимать что он является твоим продолжением, как кайфово осознавать факт того, что близких тебе людей на планете стало больше! Этот кайф не заменит ничто и этот кайф доступен почти всем людям независимо от денег, власти и известности ... хотя конечно когда есть много денег и есть власть то плодиться и размножаться можно в более благоприятных условиях, да и расплодиться можно в значительно большем количестве, чего бы лично мне очень хотелось.

В общем-то и на счёт лично моего счастья Косово хороший пример. Тогда у меня не было ни денег, ни имущества, ни власти, но зато я участвовал в важнейших мировых событиях, я старался помочь обездоленным людям, со мной рядом были мои товарищи среди которых и мой настоящий друг, у меня были опасные и интересные приключения, я был молод. В те дни я был счастлив, и даже ежедневно виденная мною несправедливость не омрачала это счастье. Вот так.

Танк грохоча обрезиненными траками гусениц, урча могучим движком и яростно мотая антенной удалялся. Я вышел из-за своего укрытия и возобновил свой путь к госпиталю. После посещения неуютного табора и недавней встрече с английским танком я был немного «на взводе». Не то чтобы я нервничал или сожалел о чём-то, просто было немного «не по себе». Я мысленно задавал себе вопрос: «О чём я думал когда куда-то пошёл среди ночи?» Ответ был для меня очевиден и смысл его укладывался в старую русскую поговорку: «Хуй стоит - голова не думает». Пошёл ради девочек и приключений – мотив похода вполне достойный для мужчины. Вскорости я прибыл на наш пост и ответив на несколько в общем-то нелепых вопросов своих товарищей, ну и естественно Командира, о том, почему я не привёл девок и почему отсутствовал так долго (долго по их мнению) я заступил на дежурство. Больше в эту ночь со мной ничего не произошло. А цыганки так и не пришли к нам. Ни на следующий день, ни когда-либо позже. Все парни были огорчены, видимо не один я слишком рьяно настроился на встречу, но возможности повлиять на ситуацию у нас не было. Через пару дней мы о цыганках уже и не вспоминали. Если меня не подводит память, старик кажется говорил потом, что табор откочевал дальше в Сербию, в Косово оставаться им было опасно.

Последующие дни мы продолжали нести службу по охране госпиталя. Время от времени к нам заезжали наши товарищи отправляющиеся или возвращавшиеся с каких-либо заданий. Мы общались, делились новостями и обменивались мнениями о происходящем. С учётом всего услышанного можно было сделать вывод о том, что

ситуация в крае Косово была в общем-то стабильная. Ни одного мало-мальски серьёзного столкновения наших сил с албанцами так и не произошло. Натовские подразделения повсеместно разворачивались и обживались. Албанцы продолжали свирепствовать. Не смотря на прибытие нескольких самолётов из России никакого существенного подкрепления мы по-прежнему не получили. Практически все попытки наших младших («полевых») командиров оказать помощь сербам пресекались командованием. Последнее не нравилось большинству из нас. Сербов видели, что на местах русские стараются их защитить, но при этом сербы стали осознавать, что на серьёзную помощь со стороны России им рассчитывать не придётся. В разговорах с местными я выяснил, что кроме нас, русских, их хоть как-то пытались защищать испанцы. Где именно это было я не знаю – ни одного испанца я вообще не видел. Поскольку никакой видимой существенной помощи от нас не было, да и вели мы себя вызывающе, сербы должны были решить, что нам наплевать на их судьбу и что мы не хотим их защищать. Но это было не так.

Наблюдая день за днём страдания беззащитных сербов мы понимали что должны что ни будь сделать чтобы хоть как-то им помочь. Все мы на тот момент уже осознали, что со стороны нашего командования явно не будет сделано ни каких шагов в этом направлении, но примириться с ситуацией нам было тяжело. Особо тяжело было примириться с ситуацией из-за того, что сербы постоянно сообщали нам о новых своих бедствиях, да и видеть албанских мародёров безнаказанно везущих награбленное в сербских домах имущество нам приходилось каждый день. К слову сказать, вывозя награбленное албанцы действовали по принципу «кто во что горазд». Для перевозки награбленного кто-то из них использовал трактор с прицепом, кто-то машину, ну а кто-то и самую обычную тележку.

Мы часто говорили между собой, что этих мразей надо наказывать и возмущались тем, что командование не даёт нам расправиться хотя бы с самыми наглыми из них. Командир хотя и был сдержан, но тем не менее поддерживал наши справедливые карательные помыслы. Он так же как и мы не мог изменить ситуацию, но и примириться с таким положением дел у него не получалось. Как-то вечером собравшись коллективно поужинать и выпить пива мы снова заговорили на эту тему и в этот раз наш разговор неожиданно принял вполне конкретный оборот. После непродолжительного обсуждения мы пришли к выводу, что раз уж командование не разрешает нам защищать сербов то мы сделаем это самостоятельно. Без разрешения. Тайно и неофициально. На свой страх и риск.

Мы решили узнать у сербов где по близости находится какая ни будь не слишком большая банда шиптаров, после чего переодевшись в гражданскую одежду пробраться к этим выродкам и всех их поубивать. В гражданскую одежду было необходимо переодеться для того, чтобы какой ни будь случайный свидетель не смог опознать нас как солдат российского контингента. Получилось бы, что шиптаров убили какие-то неизвестные люди, похоже даже было бы на разборку между группами мародёров. Банды бы не стало и сербам по меньшей мере на какое-то время стало бы безопаснее жить. Случайные свидетели смогли бы рассказать другим албанцам только про группу неизвестных лиц в масках и гражданской одежде. Шиптарам некому было бы мстить и не на кого было бы жаловаться, таким образом нам бы всё сошло с рук.

Если бы шиптары оказались ловчее и смогли бы опередить нас, то значит нам не повезло. Риск благородное дело. Необходимо было ещё и раздобыть оружие, поскольку со своими стволами «идти на дело» было недопустимо. Раздобыть оружие нам не представлялось слишком сложным поскольку мы знали что оно есть у некоторых, возможно даже у многих сербов. Мы обсуждали этот план действий вместе с Командиром - никто никому не приказывал, а было натуральное обсуждение. «На дело» должны были пойти только добровольцы и с этим проблем не возникло. Командир возглавил нашу нештатную штурмовую группу.

Что же касается меня, то я был одним из самых рьяных сторонников вышеописанного мероприятия и естественно я был в числе вызвавшихся добровольцев. Поскольку охранять госпиталь по-прежнему было необходимо, то нашлось занятие и для тех из нас кто не слишком горел желанием рисковать собой ради защиты сербов. То, что мы собирались сделать с точки зрения уголовного закона полностью подходило под понятие преступления, причём преступления тяжкого. Соответственно мы могли понести за него наказание и мы прекрасно отдавали себе отчёт в этом, но мы не боялись рискнуть ради правого дела. Что же касается морально-психологического аспекта, то тут уместно сделать пояснение следующего характера.

Мною было уже упомянуто, что среди военнослужащих боснийской миротворческой бригады было немало ребяташек ориентировавших свою жизнь на так называемые «понятия» и любое нарушение закона для них было однозначным героизмом. Хотя таких «воинов» в нашем отделении не было ни одного, зато и фанатичных сторонников правопорядка среди нас также не наблюдалось. Посему могу уверенно утверждать, что даже серьёзное нарушение закона никем из нас не воспринималось как что-то сверхъестественное и недопустимое. Что касается меня лично, то тут всё ещё более просто – для меня всегда были нерушимы мои внутренние нравственные нормы, а вовсе не формальные правила поведения. Более того, я всегда считал, что если я совершу благой поступок и пострадаю за это, то таким образом я буду героем. Для меня не было разницы законно или незаконно то или иное моё действие, главное чтобы оно было справедливо.

С годами мои убеждения сформировались в чёткие нравственно-религиозные нормы основанные на жизни в гармонии с природой. Таким образом, сейчас в своей жизни я придерживаюсь Законов установленных Богом, а вовсе не законов выдуманных какими-то неизвестными мне людьми. Причём почитаемые мной божественные законы природы всегда неизбежно реализуются, тогда как законы выдуманные современной цивилизацией если и работают, то только тогда, когда в них верят люди и когда есть силовой механизм принуждения к ним. Даже если представить, что не будет взяток, подкупа, сговора, лжесвидетельства, то всё равно в суде окажется победителем тот, кто лучше юридически подкован, а вовсе не тот, кто объективно прав. Законы природы наоборот – вершатся точно, неизбежно и независимо от чьего либо мнения. Стало быть этих законов и нужно придерживаться. Только так можно быть полноценным человеком, обладать целостными познаниями о жизни и в конечном итоге получить всё что в действительности заслуживаешь.

Я всегда был готов рисковать ради того, что считал правильным, но с тех пор как я пришёл к своим религиозным нормам для меня самым главным в жизни стало не опоганить свою душу, пусть даже если мне и придётся пострадать ради этого. Говоря простым языком я лучше умру чем изменю своим убеждениям. Это не просто красивые слова. Я не герой и не фанатик, просто-напросто я ясно осознал, что в конце физической жизни всем людям придётся ответить за свои поступки. Меня, как и большинство людей, конечно же можно под пытками заставить сказать что угодно, но вот заставить меня совершить какой ни будь абсолютно несовместимый с моими убеждениями поступок навряд ли получится. Например попав в плен я не встану в ряды врагов и не буду, ни расстреливать своих товарищей, ни воевать против своей Родины. Пускай меня мучают, уродуют, убивают, пускай делают всё что захотят – предателем я не буду. Лучше один раз мучительно умереть в земной жизни, чем вечно страдать в жизни духовной. Да и не смогу я нормально жить если буду мразью себя чувствовать. Безнравственным «людям» на свете живётся проще.

Что же касается законов общества, то для меня они являются законами только в той части, в которой они не противоречат моим религиозным убеждениям. Всё остальное это только правила поведения в чуждом моим убеждениям обществе.

Правила, которые можно выполнять, а можно и не выполнять, главное не попадаться. Осваивая юридическую науку я пришёл к чёткому убеждению, что не смотря на очевидную справедливость большинства законов, мудрая поговорка «Закон что дышло, куда повернул так и вышло» актуальна для всех времён и народов. Хорошим примером подтверждения этой поговорки является позорный гаагский суд над руководителем Сербии Слободаном Милошевичем. Военная агрессия согласно современному международному праву является преступлением против человечества. В Гааге представители стран агрессоров судили человека безуспешно пытавшегося защитить свой народ. Да и не его одного, подавляющее большинство подсудимых были сербами. Проще (и честнее) можно сказать, что в Гааге ПРЕСТУПНИКИ СУДИЛИ ЧЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ. Естественно, к справедливости эта юридическая клоунада не имела ни какого отношения, но тем не менее у организаторов этого позорного трибунала нашлись законные основания для возбуждения процесса.

Честно признаюсь, что помимо желания защитить сербов у меня ещё присутствовал и боевой кураж. По моим представлениям устроить ловкий налёт и свирепо расправиться с негодьями, оккупантами-мародёрами, было делом крутым, а потому кайфовым. Это не пьяному в баре подраться и не дурочку где ни будь повалить. Серьезное, опасное, крутое, в общем настоящее дело. Так сказать, очередная золотая монетка в копилку жизненного опыта настоящего мужчины.

Кроме того, мне ещё очень хотелось захватить какой-нибудь трофей – пистолет, нож, часы, да вообще всё что угодно лишь бы эта вещь принадлежала врагу которого убил лично я. Что ни будь памятное, какой-либо материальный знак моей победы в смертельной схватке с ВРАГОМ. Материальный символ того, что я убил не какого-то таракана, а убил человека, одержав таким образом верх в самой бескомпромиссной и самой честной в мире борьбе – борьбе за выживание. Борьбе, ведущейся не на жизнь, а на смерть.

Именно СМЕРТЕЛЬНОСТЬ борьбы представляет главную ценность победы в ней. Выражаясь языком столь милых моему сердцу индейцев я хотел заполучить своеобразный «скаल्प». Охотники любят развешивать по стенам рога и шкуры убитых ими зверушек, гордясь при этом своими трофеями. Я никогда не понимал, чем тут можно гордиться – по моим убеждениям, ради развлечения расстрелять из мощного оружия, с безопасного расстояния, несчастное, ни в чём не повинное, как правило беззащитное, прекрасное живое существо это не слишком великий подвиг. Думаю, что в отличие от меня, большинство «отважных» охотников никогда на войне не были, да и не спешат туда по вполне понятной причине – на войне легко из охотника превратиться в жертву. Причём на войне можно погибнуть очень просто и очень быстро. Глумится над зверятами куда как безопаснее.

Совсем другое дело противник в лице вооружённого человека. Противник, который может оказаться умнее, сильнее, ловчее тебя. Противник, который ЛЕГКО может тебя убить, искалечить или изуверски замучить. Убить такого противника это значит навсегда поставить точку в его деятельности. Убить такого противника безусловно означает совершить действительно значимый поступок. Возможно даже самый значимый поступок за всю свою жизнь. Соответственно вещь принадлежавшая убитому врагу это очень знатная вещь. И поэтому я весьма хотел заполучить такую вещицу.

Моими помыслами руководила здоровая природная мужская энергия, энергия практически несовместимая с ценностями современной извращённой цивилизацией. Выродки интеллигенты-гуманисты всегда осуждали такие помыслы, но я точно знаю, что все они руководствовались исключительно страхом смерти, а вовсе не добротой и состраданием. Трусостью и эгоизмом они руководствовались, то есть низменными качествами души. Они всегда осуждали здоровую природную естественность, поскольку сами были сильно нездоровы. Осуждая дикость они из кожи вон лезли

создавая современную цивилизацию. Цивилизацию, неотъемлемой частью которой являются такие «нужные» и «полезные» для человечества явления как атомное оружие, аборт, химические наркотики, генная инженерия и загрязнение окружающей среды. Прогрессивные интеллигенты очень любят похвалиться тем, что «высокоразвитая» цивилизация принесла людям много пользы, в частности научилась лечить многие болезни. У этих вырожденцев не хватает ума для того чтобы понять, или же честности для того чтобы признать, простой факт - абсолютное большинство современных заболеваний как раз и вызваны особенностями современной цивилизации. Если конкретнее, то большинство современных заболеваний вызваны крайне неблагоприятной экологией, неестественным для человека образом жизни и в том числе неестественными отношениями между людьми, вирусами и бактериями вырвавшимися из лабораторий (кто не в курсе, СПИД появился как раз оттуда) ну а главное, отсутствием у большинства людей возможности вести здоровый образ жизни как таковой.

Современная «высокоразвитая» цивилизация в прямом смысле слова делает недоступным здоровый образ жизни для большинства людей населяющих нашу планету. Полным бредом является утверждение что современная цивилизация сделала людей счастливыми. Счастье это состояние души вообще не зависящее от каких-либо материальных аспектов. Оно или есть - или его нет. Здесь, в Косово, я не имел большинства материальных благ и удобств присущих современной цивилизации, но я был счастлив как никогда больше в своей жизни. По большому счёту у меня не было ничего кроме автомата за спиной, жаркого солнца над головой да товарищей рядом, но я был счастлив.

Я мало спал, сильно уставал, я в любой момент мог быть изловлен жестокими врагами, я мог быть убит или искалечен, но я был счастлив. Даже виденные мною страдания ни в чём не повинных людей хотя и «задевали меня за живое», но всё же не убивали состояния эмоционального подъёма в моей душе. И хотя от происходящих в те дни в Косово событий на душе временами становилось погано, всё же счастье «насовсем» от меня не уходило. Я был счастлив от своего участия в крутых событиях мирового масштаба, я был счастлив от ощущения боевого братства, я был счастлив от опасных и интересных приключений, я был счастлив от лета и солнца, наконец я был счастлив просто потому что был молод, жив и здоров. Личное участие в расправе над оккупантами – террористами, мародёрами, насильниками, грабителями и убийцами сделало бы меня ещё счастливее. Добытый при этом трофеем осчастливил бы меня ещё более.

На следующее же утро мы обратились с предложением вышеописанной помощи к одному из знакомых нам сербов. Этим знакомым был полицейский спецназовец очень удачно пришедший зачем-то в госпиталь с самого утра. Серб выслушал нас и в общем-то одобрил наши замыслы, а заодно и подтвердил наши предположения насчёт того, что в случае необходимости достать нужное нам оружие будет несложно. Он слушал нас очень внимательно, но наше предложение воспринял как-то не слишком восторженно. В принципе он вообще был сдержанным парнем поэтому я не придавал его чрезмерному спокойствию большого значения. Серб сказал, что сегодня же он передаст наше предложение своему знакомому, бывшему начальнику местной полиции и позже организует нашу встречу с ним.

Мужчина сказал – мужчина сделал. Уже на следующий же день мы сидели за столиками специально открытого по этому случаю кафе, а напротив нас сидел мужичёк который был представлен как бывший начальник полиции этого района. Мужик слушал нас внимательно, иногда задавал уточняющие вопросы, иногда наоборот, сам вносил какое-либо уточнение. Он был доброжелателен, но так же как и спецназовец почему-то не высказывал большого энтузиазма на счёт скорейшей реализации наших замыслов. Шеф полиции сразу и без ненужных кривляний сообщил нам два важных момента. Он

прямо сказал, что необходимое для этой операции оружие у него есть. Также он сообщил, что ему точно известно где располагается группа не просто каких-то мародёров, а самых настоящих боевиков ОАК-УЧК. Последняя информация вызвала у нас бурный восторг поскольку расправиться с боевиками-террористами было намного более полезно и почётно нежели чем с оборванцами-мародёрами. Поскольку нам было необходимо провести операцию во-первых скрытно, а во-вторых абсолютно без потерь, то мы заранее старались как можно лучше обсудить все возможные варианты развития событий.

Насчёт того, что операцию нужно было провести без малейших потерь необходимо сделать следующее пояснение. Конечно же нам были дороги наши жизни и здоровье, но дело тут было не только в этом. Важным моментом являлся факт незаконности операции которую мы собирались проводить. Если бы всё было по закону и случись бы кому-то из нас схлопотать пулю то проблемы возникли бы только у него, ну да ещё у его родных и близких. Незаконная операция это совсем другое дело. Что бы случилось если бы на месте неудачного для нас боя остался бы труп того, кто в дальнейшем был бы опознан как российский десантник? Это ещё не худший вариант, худший вариант получился если бы большая часть группы погибла, а кто-то, будучи например раненым, попал бы в плен. Выбить из пленного информацию необходимую для нашего разоблачения, равно как и передать его своим заокеанским покровителям, шиптары безусловно смогли бы. Представителями «мирового сообщества» наши действия были бы расценены в лучшем случае как бандитизм, а в худшем как спланированная террористическая провокация нацеленная российскими спецслужбами на дестабилизацию обстановки в Косово.

Политические последствия для России были бы непредсказуемы и пострадать могли бы тысячи людей. Для тех из нас, кто участвуя в операции остался бы жив это означало бы суд и срок. Мы понимали это, но от безысходности готовы были рискнуть. Рискнуть своей жизнью, своим здоровьем, своей свободой, своей Родиной. Защитить сербов было делом правым, а если ради правого дела человек не готов рисковать всем что имеет то дрянь он, а не человек. Да и к тому же те, кто не борется с беспределом сегодня, завтра сами могут стать его жертвами. Мне бы очень не хотелось чтобы косовские события повторились в России. Хочешь быть человеком, так сделай свой выбор и борись против зла. Мы тогда свой выбор сделали. Конкретно сделали. При всём, при этом, мы вовсе не горели желанием умереть молодыми героями и поэтому старались принять все возможные меры для благополучного исхода операции.

В ходе обсуждения мы детально рассмотрели все возможные варианты и в частности пришли к соглашению, что с нами на операцию должен пойти кто ни будь из местных. Это было необходимо для того чтобы проводить нас до места и обратно, а так же для того чтобы мы по ошибке не «шлёпнули» кого ни будь постороннего. Обсуждения совмещённые с обедом затянулись часа на два. Несмотря на подробное обсуждение многих теоретических вопросов к конкретному результату мы так и не пришли. Сербь не ставили под сомнение уровень нашей боевой подготовки, нашу решимость и сам факт успеха операции и тем не менее они не проявляли ярко выраженного интереса к переходу от теоретических обсуждений к практической реализации. Вскоре обсуждать стало больше нечего, да и обед уже был съеден. Мы подняли ещё по стопочке ракии проведя таким образом финальную черту нашему заседанию.

Настала пора бывшему главному полисмену сказать своё окончательное слово и он его сказал. «Я подумаю, завтра-послезавтра дам ответ» - сказал шеф полиции доброжелательным, но пресным тоном. По тому как это было сказано, да и впрочем вообще по отсутствию повышенного интереса сербов к нашему предложению я со всей ясностью осознал, что придуманная нами операция не состоится. Мы попрощались с

бывшим шефом полиции. Именно попрощались, поскольку никогда больше его уже не увидели. Мы вышли из кафе и пошли к госпиталю по пути обсуждая возможные перспективы развития нашего плана. В тот день произошло последнее посещение нами этого кафе, больше никто из нас туда не ходил. Вернее сказать мы ходили туда, но кафана была закрыта, а её владельца поблизости не было. Разыскивать его через спецназовца мы уже не могли (да по большому счёту и не хотели) по причине охлаждения отношений с сербами.

Наш Командир высказывал предположение, что операция может состояться, кто-то из парней тоже так считал, но я уже тогда знал что её не будет. Я даже точно понял по какой именно причине она не состоится. Сербы могли уничтожить эту, равно как и многие другие группы албанов самостоятельно, без всякой нашей помощи, однако не делали этого из-за нежелания спровоцировать в отношении себя ответных действий как со стороны шиптаров, так и со стороны сил НАТО. Сербская армия уже давно ушла из Косово и поэтому нагнетать обстановку было не в сербских интересах. То, что мы были людьми сторонними и неизвестными по сути ничего не меняло – за смерть своих земляков шиптары всё равно бы нанесли ответный удар по сербам. Вернее не удар, а удары. Наше мероприятие принесло бы сербам не пользу, а вред. Сербы нуждались не самоуправной расправе крутых парней над террористами, а в ОФИЦИАЛЬНОЙ защите со стороны России. Все возможные последствия нашего отчаянного поступка сербы поняли ещё в ходе разговора. Поняли и сделали соответствующие выводы. Обсуждение подробностей только укрепило их уверенность, что предложенная операция это чистой воды наша самодеятельность. Они с уважением отнеслись к тому, что мы собирались рисковать собой ради оказания помощи их родственникам, друзьям и землякам, но от нас им нужно было не самопожертвование, а реальная защита. Защиту мы дать не могли.

Некультурные люди имеют привычку оставлять без какого бы то ни было ответа непонравившееся им предложение, выказывая таким образом неуважение к тому кто это предложение сделал. Некультурных людей иногда за это хамство наказывают. Правильно что наказывают, неправильно что только иногда. Бывший начальник полиции являлся человеком культурным и не стал игнорировать наше предложение. Через несколько дней после нашей, едва не ставшей исторической, встречи в кафе он прислал нам ответ. Его ответ передал нам на словах серб-спецназовец. Я не помню точной формулировки, но суть ответа была проста: «Операцию проводить не надо». Так всё и кончилось не успев толком начаться. После этого я окончательно утратил надежду на то, что мы сможем помочь сербам. Я не разозлился, скорее у меня появилась своеобразная апатия ко всему происходящему. Не то чтобы я перестал сочувствовать сербам, просто я смирился с мыслью что мы им ничем помочь не сможем. Я перестал придавать большое значение происходящим вокруг событиям, как бы перестал замечать их. Обращать пристальное внимание на что-то негативное и не иметь возможности это негативное исправить значит попросту трепать свои нервы. Думаю большинство наших парней к тому времени уже пришло к аналогичному выводу.

Я уже упомянул, что наши отношения с местными сербами стали заметно охлаждаться и после того как наша отчаянная попытка помочь им не увенчалась успехом отчуждение стало взаимным. Мне, да наверное не только мне, но и большинству из нас, было неудобно и даже стыдно общаться с людьми которые обоснованно ждали от нас защиты, но не получили её. Я старался лишней раз не разговаривать с сербами и даже старался без надобности не находиться рядом с ними. Однако, кроме стыда за свою за неспособность защитить сербов в нежелании лишней раз общаться с ними сыграло немаловажную роль и поведение самих сербов. Дело в том, что адекватных людей, понимавших что мы являемся простыми солдатами и от нас уже не многое зависит, среди сербов было мало. Одним из редких исключений

был бывший полицейский спецназовец, но он в общем-то даже и сам по себе отличался от простых гражданских людей. Мало кто из сербов отдавал себе отчёт в том, что русские солдаты очень даже хотели бы прогнать проклятых албанских оккупантов и обеспечить безопасность братьям славянам да только эти солдаты не имеют для осуществления своего желания ни достаточных сил, ни, что самое главное, приказа. То ли сербы реально «не врубались» в ситуацию, то ли они всё понимали, но не имея возможности высказать всё что думают о такой «братской помощи» напрямую правительству России выплёскивали свои неприязнь и разочарование на нас. В любом случае требовать от простых солдат урегулировать вопросы мировой политики было проявлением неадекватности.

Я понимаю, что жизнь каждого серба в те дни висела на ниточке, но всё же не нужно было требовать от нас прыгнуть выше головы. Поскольку среди местных сербов адекватно воспринимающих ситуацию людей было мало, а людей желавших невозможного, наоборот, много, то вскоре общее отношение к нам со стороны сербов стало недоброжелательным. В принципе, наше поведение провоцировало сербов – будучи физически крепкими, вооружёнными и экипированными парнями мы только и делали что день за днём пили, ели, разговоры разговаривали и бездельничали. Как бы то ни было, охлаждение отношений начатое сербами вызвало у нас ответную реакцию. Меня раздражала ставшая в последние дни очевидной недоброжелательность сербов. Особо огорчало то, что буквально на днях я собирался рискнуть жизнью, здоровьем и свободой ради того чтобы хоть как-то помочь им.

Я решил, что раз сербы так несправедливы к нам, то и пускай «все они идут на хер вместе со своими трудностями». И я стал отвечать на сербскую холодность своим равнодушием. На практике это означало, что помимо ограничения в общении я стал почти не обращать внимания на сербские проблемы. Так в общем-то стали делать мы все, во всяком случае на нашем посту. Я не профессиональный психолог, но сейчас я чётко понимаю, что в такой обстановке наши отношения с сербами по-другому развиваться не могли. Невозможно нормально общаться с людьми когда испытываешь перед ними стыд и в тоже время понимаешь, что эти же самые люди относятся к тебе несправедливо. Короче, всё шло по принципу: «Чем дальше, тем хуже».

Любопытно отметить, что когда я читал многочисленные воспоминания русских добровольцев воевавших на стороне сербов во время балканских конфликтов 1990-99 годов, то мною было подмечено что авторы этих воспоминаний замечали, что по прошествии какого-то времени между ними и сербами появлялось необъяснимое словами отчуждение. Тема участия наших соотечественников в балканских войнах меня притягивала как магнит (почему не знаю сам) и интересоваться этой темой я стал ещё до армии. За несколько лет я прочитал существенное количество литературы посвящённой этой теме и в дальнейшем даже пообщался с несколькими добровольцами.

В некоторых публикациях авторы обращали внимание на взаимное отчуждение возникавшее между русскими и сербами спустя какое-то время после прибытия наших соотечественников в места боевых действий. Наиболее интересно это явление было описано в журнале «Солдат удачи» Борисом Земцовым повоевавшим в Боснии на стороне сербов в качестве добровольца. Помимо ведения боевых действий он вёл ещё и своеобразный дневник, записи из которого стали основой для его статьи. Написано было толково, видно было, что писал человек неглупый и хорошо понимавший ситуацию. Хотелось бы мне как ни будь встретиться с этим человеком и вдоволь пообщаться, но видимо это вряд ли получится.

Я много думал о том, почему же между нами и сербами неизбежно появлялся психологический барьер. Думал-думал и придумал. Вернее понял. Как мне представляется дело тут в том, что реальные русские бойцы очень сильно отличались от того образа русских воинов, что витал в сербских головах. Начитавшись учебников

истории сербы должно быть ориентировались на тех русских, что жили в России до революции: православных, свято чтящих славянское братство, смиренных чудобогатырей. Это очень напоминает ситуацию, когда потомки дореволюционных эмигрантов приехав в современную Россию наивно и нелепо рассчитывают увидеть страну которую покинули их предки. В действительности от России дореволюционной не осталось ничего кроме памятников и антиквариата. Русских людей как таковых в России в общем-то тоже не осталось – большинство русскоязычных жителей современной России это люди не русские, а ПОСТСОВЕТСКИЕ. Между русскими и постсоветскими людьми пропасть. Не в смысле внешнего вида или языка, а в смысле мировоззрения.

Русский народ был смертельно ранен в 1917 году и затем мало-помалу умер. Нету больше русского народа в прямом смысле слова, зато есть народ постсоветский. Но именно этот постсоветский народ сейчас официально называется русским. Принадлежность к русскому народу всегда определялась не по характерному внешнему виду, а по культурной идентичности. Этот принцип русские унаследовали от своих предков – древних славян. Этот принцип называется принципом общинности – раз живёшь с нами по нашим жизненным понятиям, считаешь себя нашим, ну значит ты наш, родной. Так живут все сильные народы, живут и процветают не смотря ни на что. К примеру, такой принцип характерен для казаков. Русский народ унаследовал от древних славян принцип общинности, но не религию. Христианство убило общинность (старообрядцы пытались её сохранять), но тем не менее оно объединяло народ вокруг одной мировоззренческой идеи. Советская система убила и эту идею, заменив её на веру в светлое будущее. Светлое будущее так и не настало.

Современный русский народ даже сложно назвать народом по причине отсутствия у него общенародной объединяющей идеи. Я уверен, что её уже никогда и не будет, равно как не будет и самого народа – русский народ уже прошёл свою точку невозвращения. Кстати, европейцы тоже. Великий русский народ-исполин уйдёт в небытие, но повернул он туда не сегодня, и не в семнадцатом году, и даже не тогда когда пучеглазый император запретил русским любить русское. Русский народ повернул в небытие когда его князья стали насильственно повсеместно внедрять чуждое славянам христианство. Европейцы сгинут по той же причине – куда приходит христианство, те народы не процветают. Причина в том, что вырождение и противоестественность заложены в саму идеологию христианства и являются его неотъемлемыми составляющими. Я даже не представляю кто придумал христианство, но точно уверен что это были очень хитрые и злые люди.

Христианство это порочная система и любой народ принявший её неизбежно будет порабощён или же погибнет. Простой пример абсолютной извращённости христианства это вопрос половых отношений. С точки зрения природы здоровые половые отношения не смотря на всю свою специфичность это дело совершенно обыденное. В этом смысле половые отношения ничем не отличаются от таких процессов как еда, сон, работа. В тоже время естественные половые отношения доставляют людям огромное наслаждение и могут привести к зачатию новой жизни. В этом смысле половые отношения это явление не просто хорошее, а почти что святое. Другими словами, половые отношения это счастье, радость и возможность повторить божественное дело созидания жизни. У христиан всё наоборот – половые отношения это грех, то есть зло. И после этого христиан можно считать душевно здоровыми? Конечно нет.

Примеров извращённости христианства полным-полно, достаточно только внимательно почитать библию. Даже сейчас когда христианство по всему миру сильно сдало позиции, предрассудки вдолбленные в головы глупых людей христианской церковью живут и здравствуют. Уместно привести в пример те же половые отношения. Несмотря на очевидную обыденность и естественность половых отношений открыто

говорить о них считается неприличным. Понятно, что никому не хочется выставлять на всеобщее обозрение свои чувства и страсти, их и не надо демонстрировать кому попало, но ведь и обсуждение теоретических вопросов считается неприличным. Идиотизм полнейший. Особо считается неприличным вести подобные разговоры при детях. Хотя если хоть немного включить мозги и подумать, то становится очевидным, что людям именно с малых лет нужно разъяснять здоровую природную сущность половых отношений. Если ребёнок с малых лет будет всё знать о нормальных близких отношениях между мужчинами и женщинами, то эти отношения не будут для него великой тайной к раскрытию которой нужно стремиться всеми способами. Для него они будут просто обыденной частью жизни взрослых людей. Поменьше будет маньяков и извращенцев. И уж точно будет меньше жестоких и глумливых мальчишек считающих, что если они трахнули девочку то значит смогли её унижить. Меньше будет и высокомерных девочек считающих что для того чтобы отдалиться мужчине нужно сперва заставить его холуйски добиваться себя. Меньше будет нравственной грязи, а кайфа и здоровой естественности будет больше. Но это в теории, на практике предрассудки незримо главенствуют над душами не слишком умных людей.

Неестественный взгляд на половые отношения это только одно из проявлений безумия христиан. И это безумие веками насильно вдавливалось в головы русских людей. Славяне были великими и славными людьми, русский народ будучи частью народа славянского мог быть ещё более великим (долгое время ему не смотря на христианство это даже удавалось), но пошёл не туда куда было надо. Русский народ стал мёртвой ветвью славянского рода. Именно христианство стало губительным для русского народа, все остальные нравственно-идеологические бедствия были его порождениями. Но вместе с этим нужно заметить, что у православного христианина есть много того, что для него свято, у безбожного человека святого нет ничего. Люди советского, а в дальнейшем и постсоветского периода были как правило безбожными. Русские пришедшие на землю бывшей Югославии в девяностых годах прошлого века были людьми постсоветскими и имели соответствующее мировоззрение. Я не хочу сказать, что мы были плохими людьми, среди нас хватало людей и плохих и хороших, но мы точно не имели ничего общего с теми русскими о которых сербы читали в учебниках истории.

Когда реальность сильно не соответствует воображаемым представлениям о ней неизбежно наступает разочарование этой реальностью. Следом за разочарованием приходят отчуждение, холодность и недоброжелательность. Недоброжелательность порождает ответное отчуждение. Вот так.

Мы продолжали охранять госпиталь и благодаря возможности подыматься на его крышу открыли для себя отличный способ разнообразить служебную рутину. На крыше можно было чудесно загорать. Жаркое балканское солнце создавало идеальные условия для получения великолепного загара. Мы стали каждый день ходить на крышу «понаблюдать за местностью». Наш поход на «наблюдательный пост» выглядел весьма колоритно: бойцы одетые в трусы и солнцезащитные очки, с автоматами, полотенцами и зачастую с пивом шли по госпиталю как заправские туристы по отелю. Сербы всё это видели и увиденное им явно не нравилось, но лично у меня их реакция тогда уже вызывала ехидную улыбку. Надо отметить, что сербы быстро привыкли к нашим походам на крышу и через день-другой перестали на нас пялиться. Командир не запрещал нам загорать, но зато он запрещал брать с собой пиво. Он вообще стал как-то более требователен к нам, как в вопросах организации службы, так и в вопросе употребления спиртного. Видимо таким образом он надеялся сохранить хоть какое-то подобие порядка.

Пиво мы всё равно пили и однажды он застав нас с пивом даже выбросил пару бутылок с крыши. В принципе он был прав, но только толку от его правоты не было никакого. Мы не спорили с ним, но тем не менее продолжали делать то, что нам

хотелось. Наказать нас ему было просто нечем. Я всегда был сторонником дисциплины и порядка как в армии, так и в жизни, однако и на дисциплину, и на порядок я имел свои собственные взгляды. В данном случае я полностью подчинялся служебным распоряжениям Командира, но в свободное время, от скуки и для удовольствия, я позволял себе вольности. Загорать я вообще-то не люблю поскольку у меня слишком светлая и слабая кожа и я вечно сгораю. Солнечные ожоги доставляют мне длительные мучения – обгорев я чешусь несколько дней ежечасно проклиная свою беспечность. В те дни в Косово мне удалось загореть как никогда в жизни. Так сильно и удачно я не мог загореть ни до этого, ни после. Я не только стал бронзовым, но и приобрёл своеобразный иммунитет к солнечным лучам – я мог находиться голый на солнце сколь угодно долго и вообще не обгорать. Я просто день ото дня становился всё бронзовее и бронзовее.

Кроме «солярия» на крыше у меня появилось ещё одно крайне интересное ежедневное занятие. Я снова обнаружил телефон, причём прямиком в госпитале, в неработающей его части. Хотя эта часть госпиталя не работала, зато обнаруженный в ней телефон работал превосходно – слышимость была как будто звонишь в соседний дом. Звонил я разумеется не в соседний дом, звонил я в Россию. Звонил часто, говорил долго - было скучно и я развлекался. Звонил всем кому только мог. Родителям в первую очередь. Естественно родителям врал, говорил, что нахожусь сейчас в Боснии. Родственникам тоже врал. А вот друзьям я рассказывал где сейчас нахожусь, но без подробностей – вдруг враги прослушивают. Если раньше я старался подолгу не разговаривать поскольку понимал, что за переговоры нужно будет кому-то платить, то теперь я не стеснялся. Причиной такого поворота в моём поведении было вышеупомянутое отношение сербов к нам. Я говорил подолгу, иногда часа по полтора-два. Кроме меня позвонить на Родину приходили практически все наши парни. Телефон не простаивал без дела ни днём, ни ночью. Кажется, в дальнейшем, когда в госпиталь прибыл офицер-медик из России, доступ к телефону нам был запрещён, но тогда мы уже наговорились вдоволь и телефон нам был уже не нужен.

Однажды днём, когда я стоял на посту на въезде в госпиталь, ко входу подъехал автомобиль из которого вылезла группа албанов. Албанцы привезли в больницу толстую старуху, видимо какую-то свою родственницу. Они показывали знаками что у бабки болит живот. Эти албаны были грязные и неопрятные и как мне представляется проблемы с животом у этой старухи возникли по причине нечистоплотности в еде. Я встал у них на пути и начал выяснять «какого хуя им тут надо». Сербка, дежурная медсестра, также подошла к ним и стала интересоваться чего они хотят. По лицу медсестры было видно, что она не горит желанием обследовать, и уж подавно лечить албанскую старуху.

Я ждал когда сербка пошлёт албанов куда подальше и был готов помочь им туда и отправится. Сербка, заметно злясь, косилась на меня, однако албанцев не прогоняла. Я решил ей немного помочь и в шутку предложил вылечить старуху собственноручно, при помощи автомата. Я сказал, что если выстрелить бабке в голову то живот у неё болеть уже точно не будет. Хотя это была шутка, тем не менее я с удовольствием бы прострелил этой старой ведьме башку. И не только из-за желания облегчить её страдания. В отличие от застигнутых мною врасплох несмышлёных пацанов эта старая албанка точно была повинна в творящемся вокруг беспределе. Помимо того, что она была взрослой оккупанткой (за одно это она заслуживала смерти) она наверняка произвела на свет и воспитала какое-то количество вырожденцев что сейчас мародёрствуют, грабят, насилуют и убивают.

Моя шутка сербке не понравилась и она одарив меня неприветливым взглядом повела албанку в госпиталь. Один из прихвостней старухи, вероятно её сын или родственник, пошёл за ними. Сербка видимо не хотела лечить эту бабку и ждала что я прогоню её. Я в свою очередь был готов применить силу, но ждал указаний от

медсестры. Ей достаточно было сказать мне, что это чужие люди и им здесь не место и я бы отправил албанов куда подальше, но сербка ничего так и не сказала. Как я понимаю она хотела чтобы я сам принял решение и сам его исполнил, а она вроде тут не причём. Типа того что как-то не хорошо со стороны смотрится когда врачи прогоняют больную бабушку. Подошедший ко мне Командир был более красноречив чем сербка и поинтересовался зачем я пустил в больницу эту старуху. Я ответил, что пропустил её после того как за ней пришла медсестра и провела её. Командир напомнил мне о том, что албанцы мусульмане и они настроены по отношению к нам враждебно, а следовательно среди них могут оказаться террористы-смертники.

Мусульманам в этом вопросе никогда нельзя доверять: любой из них может оказаться радикалом, следовательно и террористом может быть кто угодно, хоть ребёнок, хоть старик. Я не оговорился, всё многократно проверено и подтверждено жизнью. Или смертью, с какой стороны посмотреть. Бабка как нельзя лучше подходила на эту роль (своё отжила) и её толщина вполне могла объясняться десятью килограммами тротила обвязанного вокруг тела. Это конечно только теория, на практике расправиться с нами можно было значительно проще, во всяком случае не тратя для этого живую бомбу. Бабка была обычной грязной албанской старухой и госпиталь не взлетел на воздух. Вскоре бабку вывели из госпиталя, как её там лечили мне не ведомо. Албаны загрузились в машину и отчалили восвояси.

Земфира продолжала петь про СПИД, неизвестный исполнитель продолжал петь про «ультрамарин-адреналин», но мы уже не чувствовали себя столь кайфово как прежде. Кураж от ощущения собственной крутости стал уходить от нас. Кураж уходил в небытие также как немного ранее ушло от нас и чувство глубокого дискомфорта вызванное невозможностью помочь сербам. В нас осталась только нереализованная агрессия, а к ней добавилась и накопившаяся за напряжённый месяц усталость. Усталость как физическая, так и психологическая. Мы продолжали выпивать почти каждый день, но на приключения и геройства нас уже не тянуло. Нам окончательно стало ясно, что помогать сербам мы не будем, воевать с албанами мы не станем и все самые интересные события уже кончились. Начиналась повседневная жизнь оккупированного Косово.

Стало сходиться на нет фронтовое товарищество - мы становились опять такими же как были до начала опасного марша. На практике это выражалось в том, что каждый из нас стал общаться только с теми, с кем ранее общался. С ними он делился чем-либо, помогал им чем мог, а с остальными сослуживцами поддерживал отношения по принципу «каждый сам по себе». Мы снова стали такими, какими бывают русские люди в обычной жизни, то есть недружными. Между некоторыми парнями возобновились давние раздоры. Помноженные на чувство нереализованной агрессии они могли привести к самым печальным последствиям – мы были далеко не хилыми людьми и что самое главное, всё время находились при оружии. От самых худших последствий нас спасала, как мне представляется, уже упомянутая усталость. Многим просто вообще ничего уже было не надо. Я говорю не столько про наш пост (у нас как раз таки было в общем-то тихо), сколько про ситуацию в батальоне в целом. Информацию об общем состоянии нашего распустившегося войска мы получали каждый день от заезжавших к нам пацанов. Парни ездили на различные мероприятия, типа уточнения обстановки или переговоров и иногда заезжали к нам.

Парни привезли важную новость: подкрепление из России вышло и движется сюда по железной дороге через территорию Греции. Кроме того, на самолётах также уже прибыло определённое количество наших сил и вероятно нас скоро заменят. В подтверждении этих слов чуть позже к нам прибыл военный медик в каком-то большом звании. Кажется он был подполковник, точно не помню. Он сразу занялся осмотром госпиталя, видимо командование в дальнейшем планировало развёртывание на его

базе нашей медицинской части. Медик держался обособленно и как правило общался с нами через нашего Командира. Наш Командир с ним мало контактировал.

К осмотру госпиталя медик относился весьма серьёзно: он тщательно инспектировал все его помещения. Однажды он продемонстрировал мне свою принципиальность. В одном из помещений было складировано огромное количество чистых белых пластиковых канистр объёмом не то пять, не то десять литров. Я подумал, что эти канистры вполне могут пригодиться мне для питьевой воды – мало ли как дальше дело пойдёт. Я взял штуки четыре и не таясь двинулся с ними через госпиталь к своему БТРу. По дороге мне встретился военный медик который увидев у меня в руках канистры приказал мне вернуть их на место. Я сказал ему, что канистры мне нужны для дела и что там где я их взял их валяется полным-полно и от того что я взял себе четыре штуки там явно не убудет. Медик надулся как индюк и стал читать лекцию о том, что нехорошо присваивать себе сербское имущество, что всё имущество в госпитале посчитано, ну и всё такое прочее. Он пафосно выступал пару минут после чего приказал отнести канистры обратно. Я отнёс. На следующий день этот принципиальнейший человек предложил мне несколько вышеупомянутых канистр если я помогу ему навести порядок в одном из помещений. Как будто не он вчера «толкал речь» о недопустимости присвоения этого имущества. Не уважаю и не люблю двуличных людей. Разумеется я не стал ему помогать, мотивировав свой отказ необходимостью нести службу по охране госпиталя. Приказать он мне не мог, я ему не был подчинён. А канистры я всё равно взял себе, но не четыре, а две. Правда они мне в дальнейшем так и негодились. Разрешения у «принципиального» доктора я естественно не спрашивал.

Я стоял на посту (сидел на стуле) у въезда в госпиталь когда движущаяся по дороге британская БМП круто повернув направилась в нашу сторону. От дороги до нас было пара десятков метров и английская машина благополучно подъехала прямо к воротам госпиталя. Я прекрасно видел её и понимал, что прорываться на территорию госпиталя англичане не будут. Манёвр англичанина был дерзким, возможно это была провокация на предмет того, что в этом случае будут делать русские часовые. Русский часовой, то есть я, не сделал ничего особенного. Я просто поднялся со стула и встал на пути английской машины. Подойдя к носу грохочущей БМПэшки я стал показывать знаками её водителю чтобы он отъехал назад. Водила не отъезжал, из башни показались другие члены экипажа.

Я пытался всё же заставить экипаж убрать свою машину от въезда в госпиталь, но я крайне плохо говорил по-английски, да и двигатель БМП грохотал прилично - как следствие инглезы меня вообще не понимали. Конечно они видели мои жесты и понимали чего я от них хочу, но они явно не для того так резко сюда свернули чтобы вот так сразу убраться. Сербьы наблюдали эту картину, вероятно такая дерзость англичан показалась им дополнительным свидетельством того, что от русских защиты ждать не стоит. Я реально не представляю, что я стал бы делать если бы англичане просто взяли да и поехали дальше, напрямиком к подъезду. Или если бы они просто остались стоять на месте перегородив своей боевой машиной въезд в госпиталь. Приказать я им не мог, стрелять по ним я бы не стал. Кстати, никаких конкретных инструкций на счёт англичан мне никто не давал.

Если с албанцами всё было предельно ясно, то возможность вторжения на территорию госпиталя инглезов мы даже ни разу не обсуждали. Тут подошёл наш Командир, видимо он услышал шум и грохот. Быстро спросив меня о том, что тут случилось и получив исчерпывающий ответ он стал объясняться со старшим инглезов. После непродолжительных переговоров проводимых в основном при помощи жестов БМП поползла назад. Чего было надо инглезам никто из нас так и не понял. Как только англичане уехали Командир непривычно нервно, в резкой форме обратился ко мне: «Ты чё их сюда пустил?!» - «Товарищ капитан, я же их остановил на въезде» - «А чё

сразу, у дороги, не мог остановить!? Чё они у тебя сюда проехали?!» - «Да как я их сразу остановлю-то, мне чё под гусеницу бросится что ли?» Командир, в основном при помощи мата, высказался о том как я несу службу. По его мнению службу я несу плохо. Попросту говоря он ругался. Командиру было очевидно, что я в данной ситуации не мог поступить по иному, он просто сорвал на мне злобу. Это было нетипично для него, обычно он был спокойный и рассудительный. Сказывались вышеупомянутые накопившаяся усталость и нереализованная агрессия. В этом смысле он не отличался от всех нас, даже не смотря на свой большой экстремальный жизненный опыт.

Наконец нас посетило высокое начальство. На наш пост прикатил генерал Попов, главный по всей миротворческой деятельности ВДВ. Это был полный пиздец. Моё знакомство с начальством произошло при следующих обстоятельствах. Не ведая о прибытии высокопоставленного проверяющего я шёл по госпиталю в трусах, солнцезащитных очках, тапках и естественно с автоматом в руках. Я как обычно шёл загорать. Выйдя в коридор я увидел картину которая мне сразу не понравилась: капитан В. стоял поникнув головой, а над ним буквально нависал тогда ещё неизвестный мне генерал, рядом топталась генеральская свита. Генерал злобно орал на нашего командира, командир стоял потупив взор и иногда что-то тихо отвечал ему. Мне стало жалко нашего командира – я понял, что сейчас командир получает за нас, за себя и просто потому что в российской армии принят такой порядок, при котором во время проверки начальники всегда терзают своих подчинённых.

Судя по тому как высокомерно вёл себя генерал можно было сказать, что приехал он к нам исключительно для тирании и реализации своего комплекса власти. Предполагаю, что ни порядок, ни дисциплина не были главными для этого человека, для него было главным насладиться своей властью. В дальнейшем это предположение нашло подтверждение: перед своей второй поездкой в Боснию, на сборах в Рязани, я имел «счастье» понаблюдать за деятельностью этого генерала. Он имел ярко выраженную склонность к всевозможным парадам и торжественным маршам, принимать которые он любил стоя на трибуне. Поскольку я находился в строю солдат замуштрованных тренировками этих никому ненужных парадов то я естественно не слишком был рад пристрастиям нашего «главнокомандующего».

Тогда, в госпитале, он походил на киношного эсэсовского офицера-садиста: как-то уж очень белобрысый, в фуражке с высоко задранной тульей он производил отталкивающее впечатление. Для полноты картины ему надо было бы показать на нас пальцем и заорать что ни будь на подобии: «Партизанен! Ахтунг! Фоер!». Когда в дальнейшем я видел его стоящим на трибуне под которой ровными колоннами проходили солдаты в голове у меня появлялись вполне определённые ассоциации. Неприятный человек и нетипичный для ВДВ офицер.

Завидев высокопоставленного проверяющего я резко изменил курс и направился в комнату где лежали моя форма и бронезилет. Генерал всё же увидел меня и продолжая орать ткнув пальцем в мою сторону повелел мне подойти. Я подошёл, представился как положено, и на вопрос о своеобразности своей формы одежды ответил что собирался в душ поскольку мне было необходимо помыться. Генерал больше не уделял мне внимание и снова принялся словесно тиранировать нашего беззащитного Командира. Я был отправлен привести себя в надлежащий вид, попросту говоря одеться в военную форму. Когда спустя несколько минут я вышел одетый и экипированный генерал уже уехал. Командир к происшествию отнёсся стоически – за свою жизнь он много всего повидал, да и годы проведённые в армии научили его не ждать от начальства ничего хорошего.

Капитан В. выглядел уставшим и немного разозлённым. Завидев меня он без большого энтузиазма высказал мне за то что я шляюсь голый в то время когда приезжают проверяющие. Командир даже не догадывался о том, что я узнал о прибытии генерала только тогда когда вышел в коридор. Меня просто никто не

предупредил - мы совсем расслабились. Командир сообщил, что за нарушение дисциплины нас снимут с этого поста. Так оно и вышло.

То, что нас будут менять было известно заранее и поэтому «вламывая люлей» генерал просто решил показать на нас свою власть. Видимо ему это доставляло удовольствие. Известие о том, что нас снимут с этого поста лично меня обрадовало, поскольку я уже не мог больше общаться с сербами. Мне было стыдно перед сербами за то, что мы не защищаем их. Я не мог общаться с людьми которые ждали от нас, братьев-славян, помощи и защиты, но не получили этой самой помощи хотя мы вполне могли бы её оказать. К тому же мне очень сильно не нравилось поведение самих сербов. Многие сербы стали относиться к нам как будто ЛИЧНО мы виноваты в бездействии со стороны России. Я никогда не понимал придурков которые слишком много хотят от обычных людей, в данном случае от простых солдат. Ну если в конце-то концов вам, разлюбезные сербы, так не нравится бездействие России так и съездите в Москву да плюньте в лицо Ельцину. Зачем показывать свою недоброжелательность нам, простым российским парням? Парням, в большинстве своём готовым помочь, и даже в меру сил помогавшим вам. Короче, огорчало меня поведение некоторых сербов, но всё же чувство стыда перед ними превалировало над всеми другими чувствами. После отъезда из госпиталя я больше не общался ни с одним из косовских сербов.

Наш отъезд из госпиталя состоялся то ли на следующий день, то ли даже через день после приезда генерала. Если бы мы действительно были непригодны к несению службы то нас сменили бы в течении нескольких часов. Скорее всего наша замена была плановая.

Уезжали вечером. Прибывшим парням вкратце объяснили, что тут к чему. Ни какого «пост сдал – пост принял» не было. Наши парни стали собирать вещи и таскать их в БТР. Нам с Толстым было как всегда проще – наш железный дом на колёсах удачно вмещал все наши пожитки. Притащенный с сербского склада большой зелёный железный ящик был привязан нами к одному из люков силового отделения и служил дополнительным хранилищем для не слишком ценных вещей. Более ценные вещи, в первую очередь наши личные вещи, мы хранили внутри машины и доставали их оттуда только по мере надобности. Нам с Толстым собирать было нечего, а вот парни таскали свои сумки и спальные мешки из госпиталя в машину. Наши сборы не остались незамеченными для работающих в госпитале сербов. Происходящее заинтересовало сербов и вскоре они стали спрашивать нас о том, что мы собираемся делать. Уже познакомившиеся с нами сербы видимо опасались что наши непонятные сборы могут сулить им какие-то новые проблемы. На сербские расспросы мы ответили, что уезжаем. Сперва сербы не поверили, но когда всё стало очевидно, весть о нашем скором отъезде быстро разнеслась по госпиталю. Общее настроение сербов выразалось словами «Ура!!! Русские уезжают!!!» Кто-то из девушек-медсестёр реально так и орал.

Не знаю как другие, а я уезжая из госпиталя просто испытывал чувство глубокой усталости. Мне надоело находиться в этом месте, но и приключений мне тоже уже не слишком хотелось. Уезжая из госпиталя я сожалел только о двух вещах. Мне было жаль, что у нас так ничего и не вышло с цыганками, но намного сильнее я жалел, что мы так и не пошли «мочить» албанских боевиков. Я подразумеваю тот случай, когда мы собирались переодеться в гражданскую одежду. Про цыганок всё просто: всегда когда с женщиной не получается близости появляется ощущение как будто что-то упустил. Если хоть однажды её опробовал, то такого чувства нет, тут всё по-другому – или понравилось и хочется ещё и ещё, или «ну зачем я, дурак, вообще к ней полез!». Если же ничего не было, то всегда неприятно себя чувствуешь, на вроде того как себя чувствует ребёнок который шоколадку выронил. Кстати, в этом вопросе женщины совсем мужчин не понимают.

Что же касается несостоявшегося нападения на группу боевиков ОАК-УЧК то тут сожаления более уникального рода. Самостоятельно расправится с бандой злодеев при таких обстоятельствах это ПОДВИГ. Подвиг - это духовное богатство которое навсегда остаётся с человеком. Возможность совершить подвиг представляется не всем и не всегда. Хотеть совершить подвиг и совершить его на самом деле это две разные вещи. Тогда, в Косово, мы имели возможность его совершить на самом деле, но обстоятельства не сложились. С момента описываемых событий прошло уже более десяти лет, но я до сих пор испытываю искреннее сожаление о том, что эти две ситуации не получили интересующего меня развития. Что прошло, того не вернёшь и не исправишь.

Часть пятая.

В поле.

Нас отправили на пост номер два. Если всем известный пост номер один находится на Красной площади в центре Москвы, то наш пост номер два находился на окраине аэродромного поля в Слатине. Говоря по-русски пост номер два находился «в ебенях». Лично мне это даже нравилось. Мы приехали туда когда уже начинало смеркаться и поставив БТР на позицию принялись осматривать своё новое место службы. По какой-то причине я абсолютно не помню как и кого мы тогда меняли на этом посту. Пост номер два был построен ещё сербами (у них он наверняка назывался по-другому) и представлял из себя несколько бетонных сооружений.

Основу поста составлял маленький, «вросший» в землю бункер который служил нам казармой. Также там были ДОТ и наблюдательный пункт. Пост частично был обтянут маскировочной сетью. На небольшом удалении от наших позиций располагалось открытое бетонированное укрепление непонятного назначения. По моим предположениям там могло находиться зенитное орудие. Этим укреплением мы не пользовались. Никаких разрушений на территории поста не было, следов бомбардировки в его окрестностях также не наблюдалось. То ли во время бомбардировок этот пост был необитаем, то ли у англичан просто не дошли до него руки. Судя по тому, что абсолютно пустой ДОТ был внутри не замусорен, а так же по достаточно свежему виду его стен, самым разумным было предположить что сербы всё же несли здесь службу.

Ночь на новом месте прошла спокойно. Как обычно кто-то где-то стрелял, как обычно горели сербские дома. Приштина находилась через поле от нас, на значительном удалении. С нашего поста отрывался панорамный вид на ночные пожары в её пригороде. Утром я хорошенько рассмотрел окрестности. Пост находился в самом дальнем конце взлётно-посадочной полосы. Причём полосы не основной, а не то запасной, не то вообще аварийной. Самолёты на неё не садились. В дальнейшем несколько прибывших из России самолётов были «припаркованы» возле нашего поста. Непосредственно от ВПП к посту вела просёлочная дорога.

Я не могу сейчас сориентировать обстановку относительно частей света, скажу лишь что со всех сторон вокруг нас было поле которое заканчивалось с одной стороны пригородными постройками Приштины, с другой стороны какой-то деревней, с третьей стороны ещё одной деревней, а с четвёртой стороны находился комплекс аэродромных построек Слатины. Таким образом пост находился в чистом поле, что безусловно делало наше положение крайне невыгодным. На небольшом удалении от поста нашими предшественниками было поставлено несколько сигнальных мин-растяжек. Для невоенных людей поясню что это такое.

Сигнальная мина представляет из себя зелёную железную трубку сантиметров двадцать длиной и сантиметра три в диаметре. Один конец трубки герметично закрыт, а в другом установлен запал с вытягиваемой чекой. К чеке привязывается шнур или проволока которая закрепляется на колышке на небольшом удалении от мины. В

случае вытягивания чеки срабатывает запал и из трубки с воем начинают вылетать красные огни, примерно как у обычного фейерверка. Сигнальные мины были установлены для того чтобы хоть как-то обезопасить пост от ночного нападения. «Сигналок» было мало, всего несколько штук.

Мы несли службу таким образом, что Слатина находилась у нас за спиной, Приштина слева, а деревни спереди и справа. В находящейся от нас справа деревне находился соседний пост. Пост охранял дорогу которая шла от Слатины неизвестно куда и проходила через обе упомянутые деревни. Именно по этой дороге в первый день нашей косовской эпопеи на аэродром приехали английские джипы. Джипы продолжали успешно ездить по этой дороге, но уже не в виде колонны, а в виде патрулей, по две-три машины в каждом.

Интересно, что занимаемый нами сербский пост был построен таким образом, что бункер для личного состава был наиболее удалённым от аэропорта объектом, а ДОТ наоборот, был ближе к нему, причём ещё и направлен примерно на аэропорт. Даже вход в ДОТ располагался с противоположной от Слатины стороны. Таким образом пост сербами был ориентирован в сторону аэродрома, как будто сербы собирались не оборонять аэродром, а наступать на него.

Мы же должны были охранять аэродром и поэтому использование ДОТа по назначению было невозможно. В нашем распоряжении оставались бункер и находящийся на небольшой возвышенности наблюдательный пункт. В бункере мы спали и хранили вещи, а на наблюдательном посту наблюдали. Днём наблюдал один человек, ну а ночью естественно двое. От бункера до наблюдательного пункта было метров десять-пятнадцать. Каждый вечер мы выставляли на позицию наш БТР. «Позиция» это так, к слову, на деле БТР просто отъезжал от бункера метров на тридцать и развернувшись носом к дальней деревне, а кормой к Слатине, стоял так всю ночь. Каждым утром Толстый снова уводил машину под прикрытие бункера. Единственным укрытием для БТРа в момент его нахождения на позиции была невысокая куча песка. Куча была высотой примерно до половины БТРа. Кем и для чего была насыпана эта куча я не знаю. Наверяд ли наши привозили песок, скорее всего незадолго до вывода своих сил из края сербы собирались провести на этом посту какой-то ремонт да так и не успели ничего сделать. Сербы ушли, песок остался.

Через пару дней к нам в гости приехали сослуживцы патрулировавшие окрестности. Мы были знакомы друг с другом и после обмена новостями один из прибывших парней предложил нам пострелять по бутылкам - у него был целый магазин лишних патронов для автомата. При получении патронов в Семин-Хане он каким-то образом умудрился заполучить лишний, неучтённый магазин. Тогда он думал, что во время боевых действий магазин ему пригодится. Правильно он думал, да только албанцы на нас так и не напали и боевых действий не случилось. Эти патроны сдавать ему было не надо поскольку за ним числились только те, за которые он расписался. То, что за все боеприпасы подразделения придётся отвечать командиру роты паренька не волновало. Мы устроили стрельбы поставив на куче песка бутылки. Бутылки ставили так чтобы пробившие их пули не улетали в поле, а застревали в песке. Стрельба на посту никого из соседей не удивила. Перебив все бутылки и расстреляв все патроны мы успокоились.

Из-за особенностей расположения поста служба на нём была спокойная. Мы стояли посреди поля и все события происходили далеко от нас. Мы были крайне плохо защищены от обстрела, зато подобраться к нам незамеченным было очень трудно. Днём мы выставляли всего одного наблюдателя. Один из нас забирался на наблюдательный пост и оттуда следил за обстановкой. В его обязанности входило также следить за возможным приближением начальства. Все остальные бойцы весь день занимались кому чем нравилось. Никто из нас уже не пил и не искал приключений

– мы устали. Привезённое с собой спиртное мы выпили за первые два дня, посреди поля его купить было негде, а просить кого ни будь привезти его было проблемно.

Большую часть времени мы просто спали. После многих недель сильнейшего недосыпа я каждый день ставил рекорды по продолжительности сна. Когда представлялась возможность я спал по шестнадцать-восемнадцать часов непрерывно. Как у меня это получалось я не понимаю до сих пор - я никогда не отличался чрезмерной сонливостью. Видимо в предыдущие дни я действительно сильно устал. По ночам возле поста бегали собаки и это было единственным что тревожило наш покой. Примечательно, но я не припоминаю чтобы собаки появлялись возле нашего поста в дневное время, предпочитая вертеться возле наших соседей в посёлке.

С соседями, то есть с соседним, расположенным в деревне постом, мы контактировали постоянно. Днём мы иногда приезжали к ним или они приезжали к нам. Ехать было буквально три минуты. В один из дней к соседям на пост пришёл цыганский табор. Цыгане просили убежища, они хотели спастись от албанского террора. Старший поста разрешил им обосноваться поблизости и доложил об их появлении командованию. Командование приказало цыган прогнать что и был вынужден сделать командир поста. Таким образом вслед за сербами и цыгане «получили защиту» от «русских героев». Старший поста ругался, но поделаться ничего не мог – приказ был отдан недвусмысленно.

Толстый всегда хорошо следил за нашей машиной - то ли он любил технику, то ли просто боялся, что в случае поломки ему придётся отвечать. Скорее всего и то и другое, и здесь, на спокойном посту, ему представилась возможность хорошенько покопаться в силовом отсеке БТРа. Что именно регулировал и обслуживал Серёга я не знаю, но в дальнейшем он испытывал скоростные возможности БТРа. Взлетно-посадочная полоса была идеальным местом для испытания колёсной техники на максимальную скорость. Судя по спидометру наш БТР развивал скорость свыше ста двадцати километров в час. Для полноприводной восьмиколёсной машины весом в четырнадцать тонн это неплохой результат. Американские армейские «Хаммеры» так быстро не ездят.

Как-то раз, посреди дня, к нам приехал сильно накуренный сослуживец. Парниша приехал на древнем мопеде. Мопед ему отдал какой-то пожилой серб, а «волшебную» траву, как я думаю, ему продал какой-то молодой серб. Вряд ли наш товарищ привёз эту траву из Боснии – он бы её уже давно скурил. С албанами мы не контактировали, следовательно единственным источником получения им травы были сербы. Я замечал, что сербы вообще любят курить траву, представляется что местные сербы не были исключением. Парниша выглядел интересно – с автоматом за спиной и задумчивой отрешённостью на лице он непринуждённо восседал на нелепом мопеде. Для полноты картины нужно добавить, что ехал он по абсолютно пустой дороге, посреди поля, в гордом одиночестве. Я взял у него мопед чтобы прокатиться, но доехал только до того места где просёлочная дорога упиралась в ВПП. Вернее сказать я даже выехал на асфальт и немного прокатился по нему, но потом мопед заглох и наотрез отказался заводиться. Проклиная матом всё на свете я покати́л мопед обратно. Владелец мопеда немного повозившись реанимировал своего железного осла и внезапно вспомнив что ему куда-то надо ехать отчалил восвояси.

Наконец из России стало прибывать многочисленное подкрепление. Какие-то подразделения прибывали по воздуху, какие-то по земле. На наш пост прибыла замена в составе примерно десяти человек. Это были парни из Ивановской дивизии, первые подразделения которой были переброшены в Косово по воздуху. Они сменили наше отделение, но не нас с Толстым. Дело было в том, что мы с Серёгой были экипажем БТРа, а машину с поста снимать было нельзя. Техника «ивановцев» доставлялась в Косово наземным способом и поэтому ещё не прибыла. Вновь

прибывшие парни показались мне ребятами толковыми и при дальнейшем знакомстве моё предположение подтвердилось полностью.

Командовал ими лейтенант Александр К., молодой офицер, умный и спортивный парень. Показателем его спортивности было наличие у него звания Мастера спорта по боксу. Рассказывая про получение этого звания Александр с юмором поведал о том, что в тот день когда он стал победителем соревнований ему вечером на дискотеке, в драке, сломали челюсть. Суть рассказа сводилась к простой формуле: победил – возгордился – расслабился – наказали. В общении он был спокойным и рассудительным, мог непринуждённо общаться на любые темы. Говорил всегда спокойно, красочно и уверенно, в общем как надо говорил. Кроме того он был не по годам мудрым человеком. При этом он не был сторонником жёсткой уставной дисциплины, можно даже сказать что он был своеобразным хулиганом. При дальнейшем общении я сделал для себя вывод, что он является представителем почти вымершего племени тех кого можно назвать «достойный мужчина». Выяснилось это из его рассказов, а именно по тому как он относился к опасности и к женщинам. Опасности Александр не боялся, думаю что не боялся он и смерти. Он был тем человеком который не лезет на рожон, но героизма ищет. В отношениях с девочками Александр был крайне далёк от стереотипа христианского святоши, но при этом я ни разу не слышал от него хотя бы одного поганого слова о них. Чем я становлюсь старше, тем отчётливее понимаю правильность такой жизненной позиции. Если «мужчина» глумится над женщинами, то он мразь, если интеллигентничает, то дурак. Женщин не нужно обижать, но и церемониться с ними не надо.

Большинство подчинённых Александра были людьми взрослыми, по-моему среди них был всего один парень только что закончивший срочную службу. Бойцов набирали через военкоматы специально для отправки в Косово. В нескольких десантных дивизиях на территории России были созданы подразделения которые укомплектовывались такими людьми. После нескольких дней проведённых с ними на одном посту у меня сложилось впечатление что это толковые бойцы. Поскольку набирали их не из частей ВДВ, а через военкомат, то среди них были те кто ранее служил и в других родах войск. Точно помню, что один парень ранее успел послужить в ОМОНе, а другой в разведывательном подразделении мотострелковой (пехотной) дивизии. Подготовка в милицейских спецподразделениях и частях разведки должна быть неплохой и поэтому такие бойцы не снижая боеспособности десантного подразделения дополняли её нетипичными для десантников навыками.

Что касается непосредственно десантных навыков то в Косово они были ни к чему – здесь, также как в Абхазии и Чечне, десантники использовались в роли обычной пехоты. Таким образом в данной обстановке для бойца были в первую очередь необходимы дисциплина, психологическая устойчивость, хорошая физическая форма, ну и конечно же обычная боевая подготовка. По-видимому, исходя именно из этих критериев военкоматы и набирали людей для службы в Косово.

Пообщавшись с ребятами я отметил для себя одну интересную психологическую деталь: большинство из них приехало сюда из-за неустроенности жизни дома. То есть их привело в Косово не столько желание помочь сербам или просто поработать за нормальную зарплату, не жажда приключений, а в первую очередь то, что в России они оказались в общем-то не у дел. И это притом, что парни явно не выглядели дураками, слабаками и бездельниками. Толковые во всех отношениях парни, да к тому же многие из них имели разнообразный жизненный опыт. Осмысливая этот психологический момент я впервые в жизни задумался о том, что не слишком правильно у нас в России жизнь налажена если такие люди вынуждены ездить в дальние края вместо того чтобы кайфово и зажиточно жить дома.

Для «ивановцев» мы с Серёгой были своеобразными авторитетами поскольку первых мы совершили марш, заняли и удерживали аэродром, а следовательно были

героями, во-вторых мы находились к Косово уже не первую неделю, а следовательно мы были опытными в местных делах людьми. Наша авторитетность приносила нам определённую пользу – мы с Толстым стояли в охране поста только вместе с БТРом, то есть ночью, по четыре часа. Днём к несению службы нас не привлекали вообще. Именно в те дни я устанавливал рекорды сна. Я отставивал положенное время, затем кипятил чай либо заваривал какао и завтракал. После завтрака я уходил в бункер спать и просыпался только поздно ночью когда мне нужно было снова нести службу. Я не обедал и не ужинал, я просто спал. В те дни окончательно исчерпались запасы кофе, какао и чая сделанные Серёгой во время службы в Боснии – сундучок опустел и перестал быть заманчивым.

Наш статус героев и старослужащих был также удобен для общения поскольку вновь прибывшим ребятам (и командиру в том числе) хотелось побольше узнать про то, что мы видели в Косово, им хотелось узнать побольше об окружающей обстановке. В ответ на рассказы о Косово ребята рассказывали много интересного про самих себя и именно по этому мне удалось так хорошо составить своё мнение о них. Я общался много – Толстый наоборот, мало. Серёга всегда был «себе на уме» и особо не тяготел к общению. Я никак не могу вспомнить чем ещё, кроме обслуживания БТРа, он занимался в те дни. Возможно он также как и я просто отсыпался, поскольку ему в первые дни косовской эпопеи пришлось гораздо труднее чем мне.

Над нами постоянно летали английские вертолёты. Редко боевые, чаще транспортные, то есть грузовые. Инглезы серьёзно обустроивались в крае. Однажды я даже наблюдал как огромный «Чинук» вёз куда-то артиллерийское орудие. Орудие висело на длинном тросе под брюхом винтокрылой машины. Подобный способ транспортировки груза нетипичен для российской армии и поэтому происходящее показалось мне своеобразным аттракционом. Когда мы находились в госпитале пролетающие вертолёты были редкостью, зато было много наземной английской техники. Тут всё было наоборот. Таким образом мне представилась возможность во всей полноте оценить масштабы действия оккупационных сил. Глядя на всё происходящее я опять вспомнил про российское ядерное оружие. Что было бы с нашей страной если бы это чудовищное детище современной цивилизации не находилось в арсенале России?

В Косово ситуация развивалась по боснийскому сценарию – оккупанты обустроивались всерьёз и надолго. Зачем вообще силам НАТО нужно было оккупировать Косово вопрос для меня открытый. Если с шиптарами всё было просто и понятно – они были классическими захватчиками, то для чего в Косово полезли натовцы я так до конца и не понял. То что американцы стараются взять под контроль весь земной шар я понимал отлично, но какая именно тактическая задача стояла перед ними в Косово для меня так и осталось до конца невыясненным. У американцев в Боснии было несколько здоровенных военных баз, на самой крупной из которых даже ходили рейсовые автобусы для военнослужащих. Я не оговорился и не пошутил – рейсовые автобусы ходили не от какого-то объекта до базы, а именно внутри базы. База была огромной и основой её был аэродром Тузла. Таким образом аэродром и целая сеть крупных военных баз на территории балканского региона у американцев уже были. Базы были и у других членов НАТО.

Американские базы занимали большую территорию, однако их «перенаселения» явно не чувствовалось. Из этого можно сделать вывод, что ввод натовских сил в Косово был предпринят явно не для дополнительного размещения в регионе войск альянса. То есть создание военных баз в Косово конечно же планировалось изначально, однако оно не было самоцелью США – «пиндосы» преследовали какую-то другую цель. Но если действия американцев можно объяснить их желанием планомерно поработить всю планету, то действия их европейских союзников логичному объяснению не поддаются. Европейские лидеры не только спокойно

отнесли к оккупации Европы американцами и мусульманами-албанцами, они ещё и стали помогать осуществлению этой оккупации. До какой же степени отупели цивилизованные европейцы, что сами стали активно поддерживать захват своего континента чужаками. Это ж как нужно людям промыть мозги бреднями о демократии и толерантности, чтобы они стали добровольно помогать оккупантам! В этом смысле цивилизованные европейцы превзошли даже несчастный, одурманенный разговорами о свободе русский народ, дважды за один век громивший то, что долго наживалось тяжёлым трудом. Хотя возможно, что дело тут не в самих европейцах, а в их руководстве.

С момента окончания Второй Мировой войны США имели очень сильное влияние на лидеров западноевропейского мира. Формально лидеры «демократической» западной Европы были независимы, реально они были абсолютно зависимы как непосредственно от властей США, так и от американской идеологической доктрины. В промывании мозгов европейцам идеология играла большую роль - например немцам внушали что они вечно во всём виноваты, а следовательно они должны слушаться тех кто всегда прав, тех кто свободен и демократичен. А какая страна самая свободная и демократичная на свете? Ну конечно же США! Пудрить мозги американцы научились отлично – всем известно что США это страна шоу. В этом смысле у них есть чему поучиться. И есть что взять на вооружение, для самообороны конечно же.

Мы хотели обезопасить себя не только от нападения шиптаров, но и от ненужных визитов своего начальства. У нас была учебная противотанковая мина, неизвестно кем и когда найденная на одном из сербских складов. Мина была в точности как боевая, только пустая, без взрывчатого вещества. Мы приняли решение поставить эту мину на ведущую к нашему посту просёлочную дорогу. По нашему замыслу мину нужно было поставить на видное место, так чтобы её легко можно было заметить. Мы надеялись, что это напугает приехавших к нам с проверкой начальников и они по возвращении в штаб расскажут, что на наш пост ездить небезопасно. Одним из последствий этого должно было стать сокращение количества желающих тревожить нас проверками. Естественно в дальнейшем выяснилось бы, что мина не боевая, но это уже ничего бы не изменило. Возможно даже что сапёры зачислили бы её в «боевые». Мину мы поставили, но её почему-то упорно никто не хотел замечать. Её переставили на другое место, а затем вообще убрали. Ни какой пользы «минирование» нам не принесло.

Однажды под утро на соседнем посту сработала сигнальная мина-растяжка. Парни пошли проверить в чём дело и тогда выяснилось что растяжку зацепил ногой шиптар который так и лежал там. Оружия при нём не обнаружилось. С албанцем ничего плохого не случилось если не считать того, что он обосрался.

Я не помню были или нет у нас на посту приборы ночного видения, но у наблюдателей несущих службу на БТРе «ночника» точно не было. У нас были осветительные ракеты, но их было так мало, что за ночь мы могли расходовать всего по несколько штук. Ночью вокруг поста постоянно слышались звуки каких-то перемещений – в поле явно кто-то лазил. Иногда мы замечали бродячих собак, чаще не замечали никого.

Мы осознавали свою уязвимость для скрытного ночного нападения и старались принять меры чтобы обезопасить себя. У меня была сербская ручная граната и как-то раз мы решили её установить в качестве мины-растяжки. Но до установки дело не дошло поскольку сразу выяснилось что никому не известна дальность разлёта осколков этой гранаты. Если эта граната была оборонительной и имела большой радиус разлёта осколков то нам могло достаться самим. Я уже понял, что в бою эта граната мне уже вряд ли понадобится и наконец-то решился её испытать.

Все ребята отошли на безопасное расстояние, а я кинул гранату в пустующий ДОТ. Непривычно долго ничего не происходило, а затем бахнул негромкий взрыв. Я зашёл в ДОТ чтобы посмотреть какое воздействие на его стены оказали поражающие

элементы гранаты. Стены оказались плотно иссечены шариками которыми была начинена граната. Отметин было много и распределились они по стенам достаточно равномерно что наглядно демонстрировало преимущество боеприпасов имеющих готовые поражающие элементы. Боеприпасы, поражающие элементы которых образуются в результате разрушения корпуса никогда не дают равномерного разлёта осколков. Куда-то летит много мелких, куда-то мало крупных.

Что касается отметин на бетонных стенах ДОТа, то они были почти незаметными и это однозначно говорило о слабой поражающей силе шариков. Сами шарики в изобилии валялись на полу, причём они не потеряли своей идеально круглой формы, то есть не деформировались. Всё это убедительно свидетельствовало о том, что граната имела небольшой радиус поражения. Таким образом выяснилось, что эта граната была наступательной и её смело можно было ставить в качестве растяжки.

В БТРе был комплект оборудования для ночного вождения и наблюдения за местностью. Он представлял из себя два прибора ночного видения активного типа. Один прибор для водителя, другой для командира машины. Термин «активный» подразумевает, что для работы прибора необходим фонарь подсветки работающий в инфракрасном режиме. В БТРе таким фонарём была фара оборудованная специальным стеклом темно-коричневого цвета. Из-за подсветки работа активного прибора ночного видения заметна для других «ночников». Немного повозившись мы так и не установили приборы – то ли они были неисправны, то ли некомплектны, точно не помню. Наш БТР был очень старый и поэтому такой результат вполне закономерен. Кстати, в Чечне мы никогда не пользовались ночными приборами наблюдения установленными в БТРах предпочитая использовать ночные бинокли БН-2. «Бэ-эны» не были заметны врагу поскольку ничего не излучали, их принцип работы основывался на электронном усилении поступающего слабого света. БН-2 классная штукавина.

В одну из ночей наша с Толстым неприязнь друг к другу наконец-то реализовалась в конфликт. Я стоял на посту в первую смену и отстояв положенное время полез в БТР будить Серёгу. Я спустился внутрь машины через командирский люк и усевшись на сиденье стал звать Толстого. Где именно он лежал я не видел поскольку внутри БТРа стояла кромешная темнота. Мой водила ответил не сразу и по его голосу было понятно что он всё ещё находится в полусне. Я подождал примерно минуту и снова позвал его. Толстый снова что-то пробормотал и опять затих.

Я расценил его действия как нежелание идти на пост и в грубой форме потребовал чтобы он встал и пошёл куда следует. Толстый зашевелился в темноте и спустя несколько секунд обратился ко мне абсолютно обыденным голосом: «А ты чё здесь сидишь?». Вопрос был нелепый и я оставив его без ответа снова потребовал чтобы он пошевеливался. Толстый что-то злобно пробормотал, в темноте послышались звуки движения и я почувствовал удар в плечё. Неадекватность Серёгиной агрессии взбесила меня и я со словами: «Ты чё совсем охуел?!» ударил рукой наугад в темноту. Уже на излёте мой кулак уткнулся во что-то мягкое и тёплое – я попал в Толстого. Толстый снова стал ругаться и обещать мне расправу. Я ответил ему примерно аналогичными словами и вылез наружу. Вскоре из БТРа показался и Толстый, однако драки так и не состоялось. Толстый остался наверху сторожить, а я залез внутрь спать. Понятное дело конфликт между нами был закономерен – мы были слишком разными людьми и не слишком доброжелательно относились друг к другу. Если к нашей недоброжелательности добавить и нереализованную агрессию то становится вообще непонятно почему мы до сих пор ещё не подрались. Инициатором взаимной недоброжелательности был Серёга который с первых дней нашего знакомства стал стараться «загнать меня под лавку». Я в принципе никогда не был против того чтобы подчиняться самому и подчинять себе других людей. Принцип иерархии для меня свят поскольку он определён природой. Однако чтобы я стал подчиняться какому-то

человеку этот человек должен был быть для меня авторитетом. Если говорить без мата, то авторитет Толстого для меня был нулевым.

Вообще понятие авторитета с точки зрения психологии дело очень и очень интересное. Авторитет нарабатывается длительное время, а потерять его можно за секунду. Авторитет нельзя купить за деньги, но благодаря ему всегда можно разжиться деньгами. Авторитет невозможен без силы, но только на силе удержать авторитет невозможно. Авторитет даёт определённую власть, но при помощи власти удержать авторитет нельзя. В качестве примера двух последних утверждений приведу один случай из своей армейской жизни. В одной из частей где я служил был офицер который любил власть. Для того чтобы утвердить свою власть он всячески тиранил подчинённых. В частности, желая сделать меня доносчиком по одному происшествию, но получив от меня принципиальный отказ он стал угрожать мне тем, что скажет всей роте что я всё же стал «стучать», а потом натравит на меня сослуживцев которые меня «выебут в жопу», «выкинут с крыши», «ночью убьют».

Он угрожал мне так и сяк, но быть «стукачом» я наотрез отказался. Для доказательства своей силы и решимости он ударом локтя сломал мне нос. Этот хитрый негодяй бил меня смело, поскольку уже понял что жаловаться, то есть «стучать», я не пойду. Не скажу, что было очень больно или страшно, но приятного мало и всё же я твёрдо решил что ничего говорить ему не стану, а там будь что будет. Принимая такое решение я руководствовался исключительно чувством порядочности, однако в дальнейшем это моё решение принесло мне существенную пользу, опять же оно повысило мой авторитет среди сослуживцев. Не добившись желаемого этот злодей отстал от меня. Вскоре за свои страдания я получил моральную компенсацию.

Этот нехороший человек несправедливо тиранил многих ребят и не имея возможности ответить ему аналогично несколько парней нашли хитрый способ поквитаться с ним за свои страдания. Злодей пришёл в столовую покушать и работавшие в столовой парни перед тем как отнести ему тарелку со вторым блюдом потыкали в неё своими половыми членами, а затем поплевали и высморкались туда. Следы своих антигигиеничных манипуляций они замаскировали положив поверх опоганенного риса горку тушёнки. Удостоверившись, что негодяй съел свой «обед» парни рассказали об этом некоторым своим сослуживцам и мне в том числе. Вроде бы ничего плохого с негодяем не случилось, он не умер и не заболел, даже нос у него не сломался, и в тоже время он стал для нас жертвой глумленья, посмешищем. Конечно это было подло и лично я бы не стал так делать, но когда мне рассказали об этой проделке я хохотал как сумасшедший. Мне вспомнилось как почти целую ночь я не спал ожидая жестокой расправы со стороны введённых в заблуждение этим гадом сослуживцев и теперь моя душа наполнилась радостью. Парни поступили с ним подло, но тем не менее он получил то, что заслуживал. По заслугам и награда. По авторитету и кушанье.

Как бы этот офицер не стремился завоевать авторитет при помощи силы и власти у него ничего не выходило – его не уважали, а за его злобу и корысть ему мстили. Другой офицер нашей роты обладал существенным авторитетом и как бы он не наказывал своих подчинённых никто из них даже не сказал про него дурного слова. Он был сильным человеком и обладал властными полномочиями, но его уважали в первую очередь за справедливость. Был бы он слабаком он бы потерял свой авторитет, но в тоже время его авторитет держался вовсе не на силе.

Я не уважал Толстого (Толстый не уважал меня) и поэтому все его попытки «включить главного», мягко говоря, не находили у меня понимания. Мы были людьми с абсолютно разным мировоззрением и в этом смысле у нас не было ничего общего. Даже не смотря на то, что мы полгода прослужили вместе, вместе прошли косовские события и были членами одного экипажа мы не только не стали дружнее, но и наоборот, совершенно не выносили друг друга. Показательным моментом наших

взаимоотношений служит тот факт, что расставаясь мы не обменялись адресами и телефонами. И это после всех пройденных нами вместе испытаний. Лично мне даже не пришло в голову взять у него адрес.

По идее мы не должны были попасть в один экипаж – в армии есть такой термин как «психологическая несовместимость». В армии также есть и те, кто должны следить за соблюдением принципа психологической совместимости. Этих людей называют военные психологи и теоретически они должны быть обучены своей специальности. На практике должности психологов занимали в те годы бывшие замполиты, то есть те кто должен был доводить до солдат политику коммунистической партии. Партии уже восемь лет как не было и чему в училищах обучали замполитов можно только догадываться.

Настоящего военного психолога я видел в спецназе ВДВ. Этот майор был мне земляком. Однажды, по случаю, он подсказал мне интересный психологический приём направленный на приведение организма в нормальное состояние после какой-либо стрессовой ситуации, например после боя. Неудобство приёма заключалось в том, что для его выполнения требуется место и время. Приём этот прост – для приведения человека в нормальное состояние нужно чтобы этот человек пробежал существенное расстояние. Во время бега организм перерабатывает адреналин, тело и разум фокусируются на однообразной физической нагрузке, входят в монотонный ритм и успокаиваются. Очень просто и очень эффективно – сам проверял. Остальные виденные мною «психологи» занимались только тем, что формально обозначали свою работу, то есть время от времени проводили дурацкие однообразные тесты. Ради развлечения многие из нас заполняя страницы тестов ставили галочки наугад, куда попало. После такого тестирования никого ни разу не вызывали на собеседование или повторную сдачу теста. Лишь однажды в Боснии я столкнулся с реальной работой психолога и было это месяца за три до моей стычки с Толстым. Дело было так.

В нашу вторую парашютно-десантную роту приехал проводить тесты психолог. Тесты были примитивные, в одном нужно было отвечать на вопросы – «да» или «нет», в другом нужно было нарисовать зверя которого не существует в реальности. Зверя вдобавок ещё и нужно было назвать, то есть несуществующему зверю нужно было придумать невероятное имя. Лично у меня с последним возникла проблема – я ломал голову над тем как можно назвать то, чего в принципе не существует. Если использовать в названии уже существующие слова, типа «зверь», «зуб», «клык» то, как мне казалось, получится, что я назвал его уже существующим именем. Стало быть надо придумать слово которое вообще не используется, а это неразрешимо сложная задача. Нарисовал то я быстро, нарисовал какого-то неведомого динозавра, а вот назвать его никак не мог. Плюс к этому я боялся написать что ни будь не то – «психолог» созвучно с «психиатр» - вдруг меня заподозрят в ненормальности.

Проблему я решил просто – я подсмотрел что нарисовал Толстый и прочитав название я просто переименовал его на свой лад. Получился всё же «зверозубоклык». Много лет спустя я узнал, что этот тест предназначен для детей и служит для того чтобы определить страхи ребёнка. Типа того, что ребёнок нарисует, того он и боится. Рациональное зерно в этом есть, но точность сомнительна. Не знаю как этот тест эффективен в работе детских психологов, но нашему военному психологу он сослужил хорошую службу.

В нашей роте был маленький щуплый паренёк по имени Эдик. Эдик прибыл в Боснию с нашей «ротацией» в январе-феврале 1999 года. Во время теста Эдик нарисовал Чебурашку. Чебурашку он назвал «Чебурашкой». Бумажки с заполненными тестами и рисунками сдали психологу. О том, что произошло дальше есть две версии.

Согласно первой версии психолог узрев нарисованного Чебурашку аж подпрыгнул на месте после чего спешно велел командиру роты схватить солдата изобразившего этого мультипликационного героя. Эдика отправили вместе с психологом в Углевик, а

через пару дней и в Россию. Поскольку почтовые самолёты прилетали из России редко и нерегулярно, то совпадение даты проведения теста и очередного прилёта «почтовика» кажется неслучайным, что и подтверждает вторая версия. Вторая версия более сложная и правдоподобная. Дело в том, что Эдик был «с чудинкой». Я не знаю всех его чудачеств, но по рассказам сослуживцев за ним они числились. Командир роты узнал об этом и чтобы обезопасить себя, а возможно и всех нас, решил отправить Эдика в Россию для чего и был приглашён психолог и придумано тестирование. То есть, кого бы Эдик не нарисовал, его всё равно бы признали ненормальным. Психолог тут выступал в качестве «нотариуса» заверяющего факт его неадекватности.

Я плохо знал Эдика поэтому не берусь утверждать о том, был ли он в здравом уме, или же он был реально «болен на голову». Мы с ребятами потом рассуждали на эту тему и многие из тех кто его знал лучше утверждали, что он действительно был не таким как все, но вовсе не потому что был больным, просто у него был какой-то свой образ мышления. Примечательно, что в разговорах за него заступались довольно авторитетные парни. Ребята уверенно говорили, что неадекватным, то есть психически больным, он не был.

Что касается такого понятия как «нормальность», то оно относительно. Лично я не хочу быть нормальным по отношению к современному обществу поскольку считаю это общество безнравственным, фальшивым, противоестественным и саморазрушающимся, то есть уродливым и нездоровым. Соответственно быть нормальным членом общества это однозначно плохо. Правда это не означает, что любой ненормальный по отношению к современному обществу человек автоматически является хорошим – ненормальность ненормальности рознь.

Простой пример несовместимости понятий «нормальность» и «здоровье» это повсеместно принятое в обществе курение табака. Если например курение гашиша доставляет курильщику удовольствие и соответственно его здоровье и деньги тратятся не просто так, то курение табака не приносит кайфа, но забирает здоровье и деньги, а поэтому является занятием беспрецедентно глупым. Тянуть в себя вонь и грязь, да ещё и платить за это деньги это унижительно (хотелось бы даже сказать грубее, но воздержусь). И тем не менее миллионы НОРМАЛЬНЫХ людей делают это даже не понимая, что их держат за дураков. Эти люди нормальны для общества, но объективно они не вполне здоровы, как психически, так и физически. Лично я не понимаю как вообще можно курить. Я много раз пытался заставить себя понять логику курильщиков, пробовал курить сигареты, но так и не понял что заставляет людей поганить себя этой грязью. Курение табака является абсурдом всемирного масштаба – например, пепельница является неотъемлемой частью современного автомобиля. Для современной цивилизации курение табака это нормально. Цивилизация является здоровой? Однозначно нет.

Другой пример. Обнажённое состояние является абсолютно естественным для любого живого существа и человека в том числе, но в современном мире вид голого человеческого тела зачастую считается неприличным. Понятное дело, людям свойственно стесняться неидеальности своего тела, но стеснение это одно, а неприличность это совсем другое. С точки зрения природы быть обнажённым это нормально, по меркам современной цивилизации наоборот, ненормально. Природа создана Богом, цивилизация выдумана людьми. Неужели же современная цивилизация мудрее Создателя? Конечно же нет.

Если командир роты действительно знал о чудачествах Эдика, а Эдик был реальным психом, то проведение тестирования было чистой формальностью. Однако, как бы там ни было Эдика погубило именно то, что он нарисовал Чебурашку. Этот момент мы тоже обсуждали с ребятами. Иногда мы глумились, иногда говорили серьёзно и что интересно, я и ещё несколько человек пришли к единому мнению, что

Эдик был прав – Чебурашка это зверь несуществующий в природе. За что Эдика «повязали»? Может быть психологу в детстве не давали смотреть мультики и в результате у него появилась психическая травма связанная с этим добродушным лопоухим зверем? Кстати, абсолютно вымышленным зверем.

По прошествии нескольких лет вспоминая косовские события я вспоминал и наши взаимоотношения с Толстым. Обдумывая наш финальный конфликт я всё никак не мог взять в толк с чего это вдруг Серёга так неожиданно «быканул» на меня. И тут я вспомнил, что агрессии предшествовал его вопрос о том, что я делаю внутри БТРа. А что если он не разобравшись спросонок решил, что я, вместо того чтобы находится на посту всё время просидел в БТРе? Если дело обстояло именно так, то агрессия моего водителя становится объяснимой. Ночью по полю постоянно кто-то лазил и соответственно этот кто-то мог оказаться врагом. Внимательный читатель помнит - Толстый очень боялся быть зарезанным во время сна...

Своими ночными похождениями собаки просто замучили нас. Практически каждую ночь они лазили по полю нервируя нас. Мы хотели перестрелять их, но ночью это было нереально, а днём они не показывались. Они нас сильно раздражали, но сделать с ними мы не могли ничего. Вообще с собаками в армии связано много различных происшествий. Однажды в Боснии, в 2001 году, произошёл случай который нельзя не упомянуть. Это была комедия из серии «мечта пацифиста». Дело было в Углевике, главном базовом районе нашей бригады.

Рано поутру весь личный состав базового района собрался на плацу. Дружно и дисциплинированно подразделения одно за одним выстроились напротив присутствующего почти в полном составе командования бригады. Среди командиров присутствовали даже представители командования ВДВ. Младше подполковника там не было никого. Подразделения плотным строем стояли по всей длине плаца – длинная шеренга приведённых в самый лучший вид солдат. Среди нас находилось и подразделение военнослужащих-женщин. Выглядели все мы так, что нас хоть сейчас на парад на Красную площадь.

Напротив торжественной шеренги стояла многочисленная группа старших офицеров. Между подразделениями и командованием было метров десять свободного пространства. Из ряда офицеров вышел заместитель командира бригады полковник Ю. После традиционных «равняйся – смирно - вольно», полковник принялся ругать нас самым грандиозным образом. По его словам мы все были тунеядцами, бездельниками, хулиганами, среди нас процветали бандитизм, пьянство и недисциплинированность. Из его речи можно было сделать вывод, что «головам нам не сносить». Голос полковника грохотал, лицо выражало непреклонную свирепость, глаза «метали молнии». Судя по его настрою выслушивать критику в свой адрес нам предстояло долгое время. Утреннее солнце уже начинало припекать, суровость расправы обещанной нам полковником сулила нам нескудный и явно очень тяжёлый трудовой день - мы вяло погружались в тоскливую кому.

Полковник не унимался, а за его спиной уже топтались другие желающие выплеснуть на нас свой праведный гнев. Вдруг откуда не возьмись на плац вышли две маленькие собачки-дворняжки - сучка и кобель. Кобель обнюхал сучку. Собаки были маленькие, но зато опытные, а поэтому на такие маразматические глупости как заигрывание и ухаживание время тратить не стали. Сучка остановилась и на неё проворно запрыгнул кобель. Сучка негромко взвизгнула и дело пошло.

Собаки находились почти что в центре плаца, немного правее разгорячившегося полковника. Разгорячённый полковник сперва их не заметил, он продолжал «рвать и метать». Нахождение среди нескольких сотен людей собачек несколько не беспокоило – случка проходила спокойно и непринуждённо, как будто всё так и было задумано. Собаки выдвинулись на свою позицию очень быстро и поэтому первые несколько секунд большинство из нас не веря своим глазам пыталось осознать реальность

происходящего. Когда до нас дошло, что всё происходит на самом деле мы уже не могли удержаться от смеха.

Кто-то хохотал во весь голос, кто-то даже ползал на карачках. Некоторые громко подбадривали кобелька. «Давай-давай, задай ей хорошенько!» «Так! Так! Так!» «Вот молодец, так её!» «Вот молодец! Вот хорошо!» - неслось откуда-то из строя. Ряды военнослужащих-женщин нарушились – девочки хихикая сбились в кучу. Многие из нас, и я в том числе, бросали многозначительные взгляды на женщин. Когда взгляды пересекались девочки хихикали ещё сильнее и отводили глаза.

Собаки своё дело знали чётко – случка продолжалась вовсю. Полковник не понимал что происходит – собак он по началу не заметил. Наконец кто-то из офицеров дёрнул его за рукав и показал пальцем в сторону животных. Полковник несколько секунд оценивающе взирал на происходящее после чего его лицо чудеснейшим образом преобразилось: злобная свирепая решимость сменилась невыразимыми словами теплотой и пониманием. Полковник одобрительно заулыбался и с озорством в голосе повелел прогнать собак. Собак незамедлительно (под смех и крики) прогнали с плаца на клумбу где они и продолжили своё занятие. Полковник больше не свирепствовал и через пару минут мы уже топали к казарме. Многие продолжали истерично гоготать.

Самым смешным в этой истории было не само происшествие. Самым смешным было то, как это происшествие выглядело со стороны. А со стороны это выглядело так, как будто несколько сотен нарядных, начищенных и наглаженных солдат и офицеров построились с утра пораньше на плацу чтобы в строгой и величественной обстановке торжественно лицезреть ГРАНДИОЗНЕЙШЕЕ СОБЫТИЕ – случку двух дворняжек.

Во время одного из визитов на соседний пост я увидел проезжающий мимо английский патруль состоящий из очень странных солдат. Сам по себе патруль был обычным – обычные «Лэнд Роверы», обычное вооружение, стандартная английская военная форма, вот только солдаты были очень необычные. Невысокие, но крепкие, с ярко выраженной азиатской внешностью, эти ребята со спокойной уверенностью взирали на окружающий мир через щелки глаз.

Ещё до армии я читал в журнале «Солдат удачи» что в английской армии существует подразделение полностью укомплектованное выходцами из одной из английских колоний в Азии. Этих людей звали «гуркхи». Гуркхи высоко ценились за свою дисциплину, воинственность, выносливость и неприхотливость, естественно они были отлично подготовлены. Если верить авторам статьи то эти бойцы в армии Великобритании были на очень хорошем счету. Прочитав о них в журнале я и не предполагал, что когда-либо встречу их в реальности. Внешний вид экзотических бойцов наглядно подтверждал информацию полученную мной из журнала. Появление гуркхов в Косово свидетельствовало о том, что английское командование ожидало проблем во время оккупации края, по меньшей мере косовская операция не представлялась англичанам лёгкой прогулкой.

Гуркхи не проявляли к нам ни враждебности, ни любопытства, видимо для них мы были просто частью окружающей обстановки. Они приехали сюда конкретно на выполнение поставленной задачи и остальное их не интересовало. Задачей гуркхов было установление порядка в Косово. Азиаты наводили порядок в Европе. Сто лет назад в это не поверил бы никто из европейцев, но в конце двадцатого века Европа окончательно стала «цивилизованной» и невозможное стало возможным. Я думаю увидев эту картину европейские патриоты прошлого перевернулись бы в своих гробах, да только европейские патриоты остались именно в прошлом и поэтому они ничего не увидят.

Кого бы я не видел среди солдат оккупационных сил НАТО в Косово, я не видел только солдат женского пола, которыми «славится» американская армия. В Боснии мне встречалось множество американок служащих в армии наравне с мужчинами и мне это

казалось идиотизмом. Я убеждён, что в боевых подразделениях женщины могут находиться только если в стране не осталось мужчин пригодных для войны. То есть женщины могут находиться в боевых подразделениях исключительно в случае крайней необходимости. В американской армии женщины служат наравне с мужчинами естественно не из-за крайней необходимости, а по причине выдуманного американцами равенства мужчин и женщин. Равноправие, а уж тем более равенство мужчины и женщины это в лучшем случае бред сумасшедшего.

Мужчина и женщина настолько различны в устройстве своего тела и в своём жизненном предназначении, что о равенстве между ними могут говорить только люди неспособные адекватно воспринимать реальность, т.е. психически нездоровые люди. Основное различие заключается как раз таки в том, что женщину делает женщиной, а именно в её способности рожать детей. В момент вынашивания ребёнка и ухода за ним в первое после родов время женщина не может осуществлять какую-либо важную деятельность наравне с мужчиной, а следовательно главенство мужчины в обществе определено природой. Мужчина и женщина созданы Богом настолько разными, что о равноправии говорить нельзя даже теоретически (кстати, если бы Бог ничего не имел против гомосексуализма, то он бы сделал людей однополыми). Чтобы женщина «уравнялась» в правах с мужчиной она не должна рожать детей. Таким образом равноправие мужчин и женщин гарантирует вымирание человечества. «Изобретение» равноправия мужчины и женщины это зло в чистом виде.

Не смотря на такую жесткую позицию по отношению к главенству мужчины над женщиной, в вопросе защищённости женщины я феминистичнее всех феминисток вместе взятых. Я считаю что в любом здоровом обществе женщина (в первую очередь мать) должна быть защищена значительно лучше мужчины, да при этом ещё и обеспечена всем необходимым для безбедной жизни. Причём защищать и обеспечивать женщин должны не только их мужчины, но и вообще всё общество вместе взятое. Если мужчина (юноша) должен обязательно сам пробивать себе жизненную дорогу, то женщина (девушка) должна жить «как сыр в масле кататься».

Я подозреваю, что равноправие мужчины и женщины изобрели вовсе не высокомерные стервы-феминистки, а подлецы из числа мужчин. Подлецы решили снять с себя ответственность за женщин, типа того, что «раз мы равноправны, то пускай бабы сами со всем и разбираются, мы тут не причём...». В хорошем, гармоничном, обществе женщины должны быть легко доступны для достойных мужчин (недоступны для негодяев) и при этом они должны быть защищены и обеспечены всем необходимым в самом что ни на есть наилучшем виде. Женщины должны получать средства для безбедной жизни (и своей, и детишек) как напрямую из бюджета, так и зарабатывая их самостоятельно в максимально благоприятных условиях. Обеспечить наполняемость бюджета и создать благоприятные условия для женщин это дело всего общества и в первую очередь мужчин. Воспитание в женщине качеств ласковой и горячей подруги и заботливой матери, а в мужчине прилежного работника и отважного и свирепого воина должно начинаться с самого раннего возраста. Женщины должны получать как можно более разноплановое образование, причём на протяжении всей своей жизни. Это необходимо для лучшего воспитания детишек и для умелого и внешне незаметного сглаживания извечного мужского радикализма - женщины инстинктивно всегда более заинтересованы в стабильности общества поскольку в спокойной обстановке легче растить детишек. Мужчины наоборот, жаждут приключений так как им нужно доказывать свою мужскую силу, а по-настоящему это можно сделать только в экстремальной обстановке.

У женщин и мужчин разное жизненное предназначение, разные жизненные позиции и соответственно должны быть разные права и обязанности. Война дело в первую очередь мужчин, следовательно и армейская служба это типично мужское занятие. Бывают конечно случаи когда и женщинам необходимо братья за оружие, но

природное их предназначение в другом: сладко трахаться, прилежно беременеть и рожать, умело хозяйничать и быть умницами-разумницами.

Служба в американской армии женщин имела свою специфику, в частности нам, т.е. российским военнослужащим, наше командование строго запрещало обнимать американок во время совместных фотографирований. Подобные обнимания могли быть восприняты американками как сексуальное домогательство и нарушение прав женщины и соответственно могли повлечь санкции в отношении «домогающегося». Идиотизм полнейший. Во-первых в самом по себе домогательстве нет ничего плохого - домогательство является естественным проявлением внимания мужчины к женщине. Лично я иногда даже пристаю к женщине просто из вежливости, для того чтобы находящаяся в моей компании женщина не чувствовала себя невожребованной и ненужной. От нормального домогательства нужно отличать принуждение женщины к близости, например угрозами или шантажом. Домогательство это хорошо – принуждение это плохо.

Но даже если считать домогательство явлением неприличным, то всё-таки сложно представить что простое обнимание во время фотографирования является этим самым домогательством. По имеющейся у меня информации несколько наших ребят были отправлены из Боснии обратно в Россию из-за жалоб американок на подобное «домогательство». Получилось, что высокомерие американских стерв (или зомбированных дур) лишило наших ребят работы. Примечательно также и отношение нашего командования к своим солдатам. Однако мне известен и случай налаживания близких отношений одного нашего парнишки с американкой, причём американкой красивой. Отношения у них наладились по классической схеме: совместное празднование чего-то – пьянка – близость. Видимо американские традиции в этом вопросе ничем от российских не отличались - что же, все живые люди. Эх, если бы у политиков всё так просто было...

В российской армии женщины также присутствовали, но конечно же они служили вовсе не на равне с мужчинами. Женщины занимались работой в штабе, медчасти, были связистками и поварами. Причём зачастую это были по настоящему красивые женщины. Некоторые из женщин-военнослужащих были жёнами или родственницами кого-то из офицеров, другие, так сказать, были сами по себе.

Психологический феномен «женщина в армии» весьма любопытен и лично мне до поры до времени он был непонятен. В армии невысокая зарплата, некомфортные условия, много грубости в повседневной жизни поэтому для женщин, особенно красивых, на первый взгляд в армейской службе не может быть ничего привлекательного. И тем не менее женщины служили в армии, причём некоторые помногу лет. Я долго не мог понять чем же привлекает их служба в армии и однажды, при случае, обратился за помощью в разъяснении этого вопроса к одному своему другу, большому специалисту по женской части. Литературно выражаясь, мой друг был великим повелителем женских сердец и ненасытным тираном того, что у женщин расположено пониже. Звали моего друга Денис, и в вопросе психологии любая женщина для него была наполовину прочитанная книга. Толк в женщинах он знал и на мой вопрос ответил без труда. Лукаво улыбаясь Денис кратко разъяснил в чём тут дело. Выслушав его мудрые слова и дополнив их своими собственными наблюдениями я сформировал целостную картину феномена «женщина в армии».

Дело в том, что находясь в армии любая, красивая и некрасивая, женщина находится в окружении мужчин. Поскольку мужчин в российской армии много, а женщин мало, то любая женщина автоматически становится объектом самого пристального внимания только лишь потому что она женщина. Проходя мимо строя солдат (в ВДВ это как правило молодые спортивные парни) женщина акцентирует на себе все мысли лишённых женской ласки мужчин. Все взгляды устремлены на неё, всё внимание принадлежит ей и она об этом знает, она это чувствует. Любая вменяемая

женщина конечно же понимает что мысли парней далеки от романтических стереотипов (что абсолютно естественно), но не это главное. Главное другое. Главное что в этот момент она ЗВЕЗДА, она КОРОЛЕВА. Причём она является королевой не для каких то полупидоров и уродов, а для здоровых крепких молодых парней. И самое главное что её королевский статус определён именно тем, что она ЖЕНЩИНА.

Мужчина может быть «одиноким волком», для него это естественно – женщине наоборот, внимание со стороны мужчин необходимо для нормального психофизического состояния. Для женщины жизненноважно чтобы к ней приставали, за ней ухаживали, на неё обращали внимание. Внимание со стороны мужчин это показатель того, что женщина нормальна, что у неё всё в порядке. Внимание со стороны мужчин это естественный природный показатель здоровья женщины и женщины это инстинктивно чувствуют. Отсутствие внимания угнетает и травмирует женщину, оно убивает её женственность. В армии проблемы отсутствия внимания у женщин просто нет, причём её нет даже у некрасивых женщин. Эмоциональный уровень этого внимания на порядок выше чем в обычной, гражданской, жизни.

Однажды вместе с продуктами на наш пост №2 прибыл вышеупомянутый герой-любовник. Он ехал в недрах продуктовой машины к своей сербской подруге. Он ехал в Приштину, а поскольку продуктовая машина должна была объехать все посты то он оказался у нас. Пока одни выгружали продукты, а другие выискивали земляков и сослуживцев мы успели перекинуться парой слов. Как сейчас помню, мысли парнишки были далеки от нашего разговора – он думал о чём-то своём, возможно ему не терпелось поскорее попасть к своей подруге. Какими помыслами он руководствовался отправляясь в это опасное путешествие точно не знаю - он не говорил, а я не спрашивал. Девочки наверное скажут что его вела любовь, мальчики скажут «куда хуй, туда и ноги». Наверное и то и другое верно, но лично я думаю что его вело желание приключений.

Находящаяся возле нас часть ВПП использовалась как временная стоянка российских самолётов. Приземлившись и выгрузив своих пассажиров самолёты вырубали в самую дальнюю часть аэродрома где и стояли некоторое время. После непродолжительного отдыха самолёты отправлялись в обратный путь. Находясь на «парковке» самолёты ни кем не охранялись. Их было хорошо видно со всех сторон, но тем не менее их ни разу не обстреливали, хотя это можно было сделать без большого труда. Все самолёты выгружали своих пассажиров в районе аэропорта. Все кроме одного. Один самолёт разгрузился вдалеке от аэропорта и вблизи от нас. С нашего поста было хорошо видно что из самолёта выходят многочисленные пассажиры. Пассажиры были вооружены нетипично для простых десантников и это привлекло наше внимание. Подойдя поближе и присмотревшись к высадившимся из самолёта бойцам я сделал вывод, что в Косово прибыло какое-то разведывательное подразделение – уж больно много было у них приборов наблюдения, снайперского и бесшумного оружия, пулемётов. Для отдельной разведывательной роты из состава воздушно-десантной дивизии бойцов было слишком много, следовательно это был какой-то батальон специального назначения.

Подойдя к бойцам я бесхитростно спросил «чьи вы хлопцы будете?». В ответ, надувшись как индюки, эти воины ответили мне какую-то ерунду – они изображали скрытность. Я успокоил их сказав чтобы они особо не напрягались поскольку война здесь уже кончилась без них и они могут излишне не беспокоиться. В смысле скрытности у них было всё в порядке – местность на которой они высаживались прекрасно просматривалась со всех сторон. А со всех сторон мы были окружены албанцами и нашими «коллегами» из НАТО. Не сложно догадаться что познаниями о том какое оружие для линейных подразделений ВДВ является типичным, а какое нетипичным обладал не только я.

В один из дней наш удалённый пост посетили представители вновь прибывшего начальства. Генерала Попова с ними не было, но был кто-то другой, приблизительно сопоставимый с ним по статусу. Так же было несколько старших офицеров среди которых я узнал одного из своих хороших знакомых из штаба ВДВ. Когда начальники разошлись по территории поста я подошёл к знакомому мне полковнику. «Здравия желаю товарищ полковник!» - гаркнул я. «О! И ты здесь!» - весело ответил мне офицер. «Молодец, молодец. Правильно тебя в ВДВ перевели!» - искренне радуясь продолжил он. Расспросив меня о службе и случившихся за последнее время происшествиях и получив на свои вопросы стандартные ответы типа «всё нормально, товарищ полковник» офицер пожал мне руку и мы попрощались. Представители нового командования вскоре убыли восвояси – кроме поля смотреть на нашем посту было нечего. Когда они скрылись из виду я, вспоминая полковника, подумал о том как же тесен наш мир (уместно вспомнить командира моей роты которого я случайно встретил в московском метро). Теснота мира прямо таки обязывает любого мудрого человека никогда не обижать добрых людей и никогда не прощать злых. Прощать злых это даже хуже (и опаснее) чем обижать добрых.

Часть шестая. Последние дни.

Наконец прибыла замена и для нашего БТРа, а следовательно и для нас с Толстым. На смену БТРу пришла БМД «ивановцев» ранее прибывшая в Косово из России транзитом через Грецию. Мы тепло попрощались с парнями (за эти дни мы привыкли друг к другу) и двинулись в сторону аэропорта. Мы уже знали что наша служба здесь закончилась и через пару дней мы уедем обратно в Боснию. Чуть позже выяснилось что водители на некоторое время задержаться, то ли для передачи техники, то ли ещё для чего-то. Наша бронетехника пока что должна была остаться в крае. Двигатель БТРа ровно урчал у меня за спиной – я знал что слышу его в последний раз и от этого мне было грустно. БТР был для нас не просто боевой машиной – он был нашим домом и частью нашей жизни. Со своим БТРом мне предстояло расстаться навсегда. Конечно потом у меня было ещё несколько машин, и в Чечне, и в Боснии, но они мне не запомнились так, как запомнился мне мой первый БТР с номером 341. Всё «первое» как правило запоминается наиболее ярко.

Мы подъехали к зданию аэродрома, а затем проследовали на импровизированную стоянку БТРов. Поставив машину рядом с другими стоящими там БТРаами мы стали вытаскивать свои пожитки. Выгрузив свои пожитки из БТРа я почувствовал себя черепахой вытряхнутой из панциря. Насколько я помню, на стоянке тогда были ещё не все приехавшие из Боснии БТРы. Другие машины либо находились по-прежнему на постах, либо стояли на какой-то другой стоянке. Стоянка охранялась часовым из числа прибывших из Боснии военнослужащих, попросту говоря «боснийцев», то есть нас.

Одной из отличительных черт боснийцев был нарукавный шеврон боснийской миротворческой бригады, который был голубого цвета и поэтому хорошо был виден на зелёном фоне формы. Другими не менее заметными приметами «боснийцев» были полное отсутствие дисциплины и положенного по уставу внешнего вида. Голубой шеврон вызывал ужас и ненависть наверное у всех вновь прибывших командиров и начальников. К тому времени наш «боснийский» батальон сильно деградировал. Никто ни кем по большому счёту уже не командовал, никто толком не знал кто и где сейчас находится. Одетые кто во что горазд солдаты самостоятельно передвигались по территории аэродрома зачастую грубо игнорируя субординацию. Большинство бойцов уже не пили, но были и те, кто продолжал «полировать стакан». Мы очень устали за эти недели, но вовсе не усталостью, а длительными повсеместными пьянками объяснялся развал нашего блестяще выполнившего задачу подразделения. Не потеряв убитыми НИ ОДНОГО человека наш батальон полностью потерял свою

боеготовность. Героев сгубило пойло. Самое чудовищное, что коварным врагам вовсе не нужно было уговаривать нас «употреблять внутрь», мы делали это самостоятельно и с большим желанием. Пили охотно и рьяно. Пили солдаты и офицеры. Пили тайно и не особо скрываясь. Пили потому что были приучены этому с детства. В частности лично я не раз, и не два, слышал от родного отца прибаутки на вроде «Пиво это хорошо, водка тоже, но дороже» и т.д. и т.п. Батя только словами не ограничивался, равно как и все мужики в окрестности. Врагам не нужно было нам ничего навязывать, им нужно было только подождать. Мы как будто были заражены каким-то вирусом, который в благоприятной обстановке успешно проявился.

В своё время генерал Кутузов предоставил французам возможность хорошо погулять в Москве и тем самым погубить самих себя. Мы тоже были своеобразными «французами». К счастью для нашей армии всё обошлось благополучно - для армии, но не для самих «французов». Последствия для нас были не столь катастрофическими как для солдат Наполеона, но убраться восвояси всё же пришлось и нам. Как я говорил, командование обещало дать каждому из «боснийцев» возможность послужить в Косово ещё минимум полгода, но посмотрев на то, во что превратился наш батальон командиры круто изменили свои намеренья.

Мы сильно деградировали и чтобы наш пример не стал заразительным для других подразделений нас спешно выводили из Косово. Всех, без разбора. Согласно военной науке подразделение учувствовавшее в захвате какого-либо объекта в дальнейшем заменяется свежей частью и отводится на отдых и переформирование, но в данном случае нас вывели скорее всего именно из-за нашего поведения. Существенными причинами нашей дерзости и недисциплинированности были также кураж от собственной крутости и неприязнь (в форме неуважения) к руководству фактически запретившему нам активно защищать сербов от албанского беспредела. Последняя причина наверняка также сыграла свою роль при принятии решения об удалении нашего батальона из края Косово. В этом смысле мы тоже могли подать вновь прибывшим бойцам нехороший пример.

Из России прибыло много техники и людей, вокруг нас происходило обыкновенное армейское столпотворение. Кто-то куда-то постоянно перемещался, куда-то маршировал, куда-то ехал. После того как нас, «боснийцев», вывели со всех постов про нас практически забыли и несколько последних дней нас не привлекали ни к каким мероприятиям. Мы только охраняли самих себя, да наши часовые пару раз постреляли по ночным мародёрам.

Кроме многочисленного подкрепления прибывшего из России некоторое количество наших бойцов прибыло из Боснии. Среди них в дальнейшем оказались и упомянутые мной Лёха Малой и рукопашник Али – мои сослуживцы из второй роты. Я уехал из Косово, а они там остались, но связь с ними я не утратил и в дальнейшем благодаря их рассказам я дополнил свою картину о ситуации в крае в те дни.

Ситуация характеризовалась одним ёмким понятием – албанский беспредел. Некогда бывшие иммигрантами албанцы превратились в хозяев многострадальной косовской земли. Неодолимое горе пришло к неразумным сербам вовремя не сумевшим выгнать загостившихся инородцев восвояси. В дальнейшем Али мне рассказал что албанский беспредел «достал» даже американцев.

Во время совместных патрулирований американские солдаты жёстко «прессовали» окончательно оборзевших от безнаказанности и не желавших хоть как-то подчиняться минимальным правилам поведения шиптаров. К тому времени многие шиптары обзавелись дорогими машинами без номеров и документов. Германия была не за тридевять земель и ворованный элитный автотранспорт масштабно поступал в распоряжение более-менее значимых албанов. Они ездили дерзко, не скрываясь и не боясь последствий. Это не нравилось не только простым российским парням, но так же и простым парням из-за океана. Не раз, и не два, шиптары валялись в грязи возле

своих дорогих машин. Американцы задерживали их, но потом всегда отпускали. Видимо американское руководство хотело сохранить контроль над своими беспредельными подопечными и при этом не хотело настроить их против себя.

Лёха Малой прибыл в Косово в составе 2САБатр и этому предшествовала занятная история «уходящая корнями» в наше недалёкое прошлое. После истории с проституткой Оксаной командир Лёхиного взвода стал относиться к нему как к неблагонадёжному военнослужащему и поэтому когда Лёха изъявил желание перевестись из второй парашютно-десантной роты в самоходно-артиллерийскую батарею его удерживать не стали. Однако чтобы перевестись Лёхе пришлось нехило повозиться. Во-первых он нашёл «воина» не желавшего ехать в составе 2САБатр в Косово (Лёха занял его должность), а во-вторых Лёхе пришлось дать «на лапу» для того чтобы его всё же перевели. Лёха оказался во второй САБатр за несколько часов до её убийства в Косово. Как я уже писал Лёха был нормальный парень и поэтому он не бежал от опасности и приключений, а наоборот стремился к ним. Он вёл себя так как положено нормальному молодому мужчине. Что касается военнослужащих 2САБатр прибывших в Косово из Боснии то их постигла наша судьба. Кто-то из них был вскоре отправлен обратно в Боснию, кто-то в Россию. В Косово 2САБатр прибыла в полном составе, но на сколько мне известно большинство из прибывших из Боснии военнослужащих долго там не задержались.

У меня сильно износилась форма и Али подсказал где можно раздобыть новую. Последовав его совету я купил себе новую форму у кого-то из вновь прибывших. За комплект формы я заплатил сорок немецких марок. Новая форма была нужна мне не только и не столько для повседневной носки. Я не собирался оставаться в «Юге» ещё на полгода, а полмесяца можно было доходить и в этой. Мотив покупки новой формы был другой - я хотел вернувшись домой предстать перед своими родителями именно в военной форме, с большим букетом цветов для матери. Я думал что это им понравится, так сказать вызовет хорошие чувства и эмоции. Военная форма не являлась в те годы чем-то престижным и даже наоборот, в Москве она была показателем того, что человек не смог откупиться и «отмазаться» от армии. Я был прекрасно осведомлён об этом, но думал на этот счёт по-иному. В принципе, я вообще никогда особо не оглядывался на мнение общества, поскольку как-то рано понял, что общество у нас «какое-то не такое» - думают одно, говорят другое, делают третье. Я же всегда старался мыслить объективно, в том числе и по поводу военной формы.

Военная форма это один из внешних атрибутов воина, а быть воином это значит быть настоящим мужчиной. Я ориентировался на свои убеждения, а вовсе не на мнение моральных уродов густо заселивших Москву. Однако Москва состояла не только из уродов. Оба таксиста-частника (тогда в Москве этим ещё занимались русские) вёзших меня «до метро» и «от метро» глядя на медали и цветы, задав пару типичных вопросов и высказав своё уважение отказывались принять оплату за свои услуги. Топая ботинками по раскалённому московскому асфальту я не единожды ловил на себе тёплые взгляды простых людей, мужчин и женщин. Владелец голубого берета с медалями и цветами по-прежнему вызывал у многих людей позитивные чувства и это подтверждало правоту моих помыслов.

Я думал, что моим родителям приятно будет видеть меня настоящим мужчиной, а большой букет цветов наверняка вызовет у мамы приятные эмоции – как и большинство простых русских женщин день за днём убивавших себя тяжёлой работой она не была особо избалована цветами. Я хотел приехать домой в форме и с цветами - так я и сделал. Тогда я купил самый большой букет в своей жизни – тридцать три самые дорогих розы. Правда цветы маму не слишком заинтересовали, для неё было главным другое – СЫН ВЕРНУЛСЯ ЖИВОЙ И ЗДОРОВЫЙ.

По поводу «матери и цветов» уместно высказать интересное жизненное наблюдение. Мать это понятие святое и с этим утверждением мало кто спорит, но в

тоже время я видел множество мужчин которые тратя много денег на цветы и подарки всевозможным женщинам напрочь забывали про свою самую главную женщину на свете – родную мать. Для ублажения своего хуя (сами они как правило называли это терминами «любовь» и «романтика») им не было жалко денег, для заботы о близком человеке денег у них не находилось. В том чтобы получать удовольствия от жизни нет ничего зазорного, более того именно так и надо жить, но помня об удовольствиях нельзя забывать и о близких людях. И ладно бы эти люди тратили бы деньги на проституток, тут всё честно: заплатил деньги - получил приятные услуги. Многие идиоты тратили свои средства и своё время на то чтобы добиваться внимания высокомерных мразей. Мразей, которые считали, что для того чтобы отдаться мужчине нужно сперва заставить его крупно потратиться, а главное хорошенько унизиться.

Забыв про родного человека идиоты раболепствовали перед дрянью не жалея при этом ни сил, ни средств. Однако надо заметить, что многие забытые своими сыновьями матери пожинали плоды своего труда – один-единственный ребёнок зачастую вырастает эгоистом. Всё в жизни закономерно, что посеешь, то и пожнёшь. Логику женщин искренне считающих что мужчина должен их «добиваться» понять трудно – неужели «любовь» холуя может представлять ценность? Борьба за хорошую женщину нужно, это даже кайфово, но бороться это одно, а унижаться перед ней это совсем другое. Парадоксально, но большинству современных женщин нужны не достойные сильные мужчины (герои), а милovidные послушные рабы (холуи). Я где-то читал, что подобное мировоззрение женщин является показателем вырождения народа и я полностью согласен с этим утверждением.

Экипажи наших БТРов разместили в казарме где находились другие военнослужащие «боснийского» батальона. Зайдя в переполненное помещение я почувствовал себя неуютно. Поскольку мы были переведены из второй роты в четвёртую накануне марша то большинство парней мне были практически незнакомы. Ощущение «черепahi без панциря» усилилось чувством одиночества. Мне хотелось поделиться с близким человеком своими мыслями, обсудить всё то, чему я стал свидетелем за эти дни, но в этой казарме разговаривать мне было не с кем. Кого-то из парней я уже хорошо знал, кого знал только по имени, кого-то я раньше даже не видел, во всяком случае не запомнил. Человека с которым можно было бы откровенно поделиться своими размышлениями и переживаниями среди них не было.

Некоторые парни были заняты упаковыванием сумок, некоторые продолжали пить «горькую», кто-то просто спал. По лицам некоторых из тех кто был нетрезв можно было уверенно сделать вывод, что пьют они уже давно и не помалу. Надо отметить, что таким внешним видом отличалось всего несколько человек. Каждый был занят своим делом, при этом в казарме почти осязалась разобщённость присущая русским людям в повседневной жизни. От почти братской сплочённости появившейся у нас в первые дни косовской операции не осталось и следа, снова каждый был сам по себе.

Мне не хотелось тут оставаться и я пошёл на стоянку к своему БТРу. На стоянке я встретил своего друга, коллегу-пулемётчика Серёгу. Серёга тоже пришёл к своей машине поскольку провести последнюю ночь в Косово ему представлялось комфортнее в БТРе нежели чем в казарме. Я был очень рад встретить своего единственного друга поскольку с ним я мог поговорить обо всём что тревожило или интересовало меня. Кроме нас на стоянке было ещё несколько членов экипажей БТРов – они тоже хотели провести остаток времени здесь, а не в казарме. Поскольку к тому времени разброд в нашем батальоне был полнейший мы знали что искать нас никто не будет.

На одном из самолётов из России прилетела музыкальная группа «Голубые береты». Музыканты устраивали концерт как для вновь прибывших так и для нас, «боснийцев». Поскольку уже точно было известно, что на следующее утро мы уезжаем обратно в Боснию то этот концерт был для нас прощальным. Сцены как таковой не

было, музыканты играли возле здания в котором располагался штаб. Зрители располагались широким полукругом стоя и сидя прямо на траве. «Голубые береты» играли старые и знакомые нам композиции, но кроме знакомых слов и мелодий мы услышали песню посвящённую нам – участникам марша в Косово. В песне как раз и пелось про Косово и про нас.

С учётом того, что с момента нашего марша прошло менее двух месяцев песня была на удивление складная. Мне врезался в память куплет «Мы держали, держали, ту полоску земли, где российские Илы приземлиться смогли...». Смысл же песни выражался словами «Кто мы, русские, здесь? Кем мы стали?». Под словом «здесь» подразумевалось Косово. Для меня это вопрос без ответа.

На концерт пришли почти все «боснийцы» и особого веселья в наших рядах не наблюдалось. Песню о нас мы приняли «на ура!», с выкриками и задорным свистом, но тем не менее большинство бойцов к происходящему относилось почти что равнодушно – мы устали от всего. Странно, но я не припоминаю чтобы кто-то был пьян. В процессе концерта, когда уже немного стемнело, несколько человек принялись даже подтанцовывать под какую-то мелодию, но сказать что они были выпившие я не могу. Ощущения народного гулянья не было – все держались разрозненно, своими группами. Того веселья и массовых братаний что присутствуют обычно на День десантника не наблюдалось вовсе. Типичных массовых драк свойственных этому празднику тоже не было. Мы устали и нам просто нужен был отдых.

Концерт продолжался достаточно долго и закончился поздно вечером когда стало уже темно. Я не дождался его окончания, мне было невесело и одиноко и почему-то даже грустно. У меня в душе присутствовала чувство нереализованности своих помыслов – если внимательный читатель помнит, помимо прочего в Югославию я ехал для того чтобы при случае помочь сербам. В Косово такой случай в общем-то представлялся каждый день на протяжении всего моего пребывания в крае. Я не реализовал свои намеренья и исправить это уже было невозможно. То, что в этом не моя вина ничего для меня не меняло. Я снова ушёл в парк к своему БТРу.

На следующее утро мы взяли свои пожитки, оружие и боеприпасы и погрузились в поджидавшие нас «Уралы». Водители БТРов должны были остаться в крае ещё на несколько дней и поэтому мы уезжали без них. Кажется в тот день я последний раз видел Толстого, как сложилась его дальнейшая жизнь я не знаю – мы никогда больше не виделись и не общались. Мы не обменялись адресами и телефонами поскольку были абсолютно неинтересны друг другу. Я даже не помню попрощались мы с ним тогда или нет. Кому-то может показаться странным, что два человека проживших рядом друг с другом много трудных дней расстались так, как расстаются случайные попутчики встретившиеся в купе поезда. Может конечно это и странно, но дело обстояло именно так – мы были очень разными людьми и даже прожитые вместе трудные дни не сблизили нас. Более того, чем лучше мы узнавали друг друга тем очевиднее для нас становилась наша несовместимость.

Уезжающие солдаты и офицеры набились в кузова «Уралов» «как сельдь в бочке». Проехать семьсот километров в кузове грузовой машины не слишком комфортно, но никого из нас это не беспокоило. Выезд колонны почему-то задержался, кажется мы выехали ближе к обеду. Мне досталось место у кабины машины, прямо передо мной было окошечко в брезентовом тенте. Наш отъезд снимали камеры нескольких новостных каналов. Поскольку остерегаться их мне больше не имело смысла то я высунулся из окошка и помахал рукой. Естественно я тут же попал в объектив кинокамеры.

Через несколько секунд после этого я был замечен своей родной тётёй смотревшей новости в России. Тётя сразу же позвонила моей маме. «Уралы» тем временем набирали скорость унося нас домой ... в Боснию.

Так для меня закончились косовские события тысяча девятьсот девяносто девятого года. Вернее, я думал что они для меня закончились...

Часть седьмая.

Прошлое, настоящее, будущее.

События происшедшие в Косово в 1999 году стали огромной трагедией для сербского народа. Трагедия эта была организована и отчасти срежисирована самой «демократичной» страной на свете – Соединёнными Штатами Америки. Однако не только злые лидеры «великой демократии» получили пользу от расчленения Сербии.

На сербском горе поживились вообще все участники тех событий. Наибольшую выгоду получили конечно же шиптары. Они не только прибрали к рукам ухоженную и благоустроенную землю никогда ранее им не принадлежавшую, но и смогли вдоволь поглумиться над сербами. Причём, зачастую абсолютно безнаказанно. Дни напролёт албаны могли грабить и мучить сербов не неся за это ни какого наказания. Отлично потренировались на живых людях военные пилоты стран НАТО, к счастью некоторых из них всё же настигло возмездие. Наземные силы Альянса также получили прекрасную возможность проверить себя в деле – такая возможность сама по себе дорогого стоит. Как стервятники слетелись на сербское горе всевозможные политические, общественные и правозащитные деятели - делать себе громкое имя. Все телеканалы мира поднимали свою популярность за счёт «горячих» материалов из Косово, причём независимо от того за или против сербов эти материалы были ориентированы. Решительно устремились в край представители различных медицинских неправительственных организаций. На словах они ехали в Косово оказывать медицинскую помощь, на деле они ехали туда в лучшем случае тренироваться, в худшем экспериментировать – война всё спишет. Страны не входившие в НАТО, но в меру сил помогавшие Штатам убивать Сербию, смогли дополнительный раз полизать американскую жопу и получить внеочередную подачку. У лидеров исламского экстремизма тоже появился хороший повод порадоваться сербской трагедии – албанцы формально были мусульманами, следовательно расширилась зона исламского влияния. Как ни крути, наглядный и абсолютно реальный пример надвигающейся исламизации всего мира. ООН организовала бурную деятельность вокруг Косово, а о коррупции в её рядах не слышал разве что глухой. Думаю многие деятели из этой всемирной организации плотно набили свои карманы, таким образом хорошо поживившись за счёт сербской трагедии. Россия не осталась в стороне от этого «пиршества» - её вооружённые силы провели успешную операцию публично унизив превосходящие силы конкурентов из НАТО. Опять же, российская армия отлично потренировалась – без войны армейская машина «ржавеет». Как я надеюсь на переговорах с представителями США о допуске англичан на аэродром нашим политикам так же удалось выторговать что ни будь полезное для России.

Что касается лично меня, то как бы цинично это не звучало, от косовских событий я получил огромную пользу. Я получил в Косово бесценный жизненный опыт, а именно опыт составляет духовное, то есть настоящее богатство человека. Я повидал мир, я стал участником уникальной операции и событий мирового значения, а самое главное я совершил то, что кроме меня сделали всего около двухсот человек на всём земном шаре. Я имею в виду своё участие в марше во время которого наш батальон «сделал» все силы НАТО вместе взятые. В самом марше нет ничего особо выдающегося, для подготовленных десантников это вполне обычное мероприятие, однако факт того что этим маршем мы «уделали» всё НАТО во главе с США делает наш марш уникальным. Опять же, при неблагоприятном развитии событий мы запросто могли погибнуть и это тоже имеет существенное значение. Конечно я был всего лишь простым солдатом, «винтиком» армейской машины, но тем не менее я был реальным участником этих событий. Образно выражаясь, это событие стало одной из крупных золотых монет в

копилке моего жизненного опыта. К тому же за эти экстремальные приключения мне ещё и платили деньги. Я много понял в те дни и многому научился. В Косово я своими глазами увидел что бывает когда иноземцы из гостей превращаются в хозяев. Я этого не забуду НИКОГДА.

Таким образом в Косово «погуляли и повеселились» все поголовно – пострадали только сербы. Несчастные сербы проиграли свою войну поскольку их силы были несравнимо малы по отношению к силам агрессоров. С албанскими оккупантами сербы смогли бы справиться без больших потерь, но албаны это одно, а США это совсем другое. Уже в те дни, осмысливая сербскую трагедию я пришёл к ужасному выводу о том, что если сербы стали жертвой беспрецедентного превосходства вражеских сил, то мы, коренные народы России в скором будущем проиграем свою войну исключительно по собственной вине.

Мы проиграем свою войну иноземцам и последствия этого поражения превзойдут сербскую трагедию в сотни раз. И дело тут не в том, что Россия медленно и уверенно заселяется чужеземцами которых с каждым годом становится всё больше и больше. Дело тут не в том, что в случае неотвратимого конфликта с не вливающимися в наше общество иноземцами нам придётся иметь дело не с оборванцами шиптарами, а со свирепыми и дружными кавказцами и неприхотливыми и реально бесчисленными выходцами из Азии. Дело не в том, что огромная Россия сказочно богата и за её богатства иноземцы будут сражаться активнее чем за маленькое Косово. Эти факторы имеют большое, но не главное значение.

Главное в другом: мы проиграем свою войну потому что мы попросту сгнили, как физически, так и духовно (что хуже). Сербов задавили беспредельной силой, нас, русских не надо будет даже особо давить, мы пропадём сами. Русский народ стал мёртвой ветвью славян. Русский народ скоро кончиться и лишь те немногие кто вернётся к своим славянским истокам сохраняться. Славяне сохраняться, но России больше не будет.

Развалилась Югославия и я видел как растерзали Сербию. Развалился СССР и я верю что такая же судьба ждёт и современную Россию. Законом природы определено, что всё слабое вырождается и погибает. Мы стали вырождаться давно и русским с этого пути уже не сойти – народ прошёл свою «точку невозвращения». Для тех кто вернётся к славянским корням найдётся место на карте России и кто знает, может быть когда ни будь славяне заново освоят свои исконные земли. Сейчас нечто подобное происходит в станах Латинской Америки – коренные народы американского континента возвращают себе контроль над землёй своих предков. Индейцам проще – они смогли сохранить свою религию и культуру, мы ничего не сохранили, да и деградировали мы дальше некуда. Не все конечно, но большинство.

Апофеозом деградации любого народа становится ситуация при которой мужчины не хотят быть воинами, а женщины не хотят быть матерями. Проще говоря когда мужчины не хотят быть мужчинами, а женщины быть женщинами. Ещё проще - когда люди не хотят быть людьми. В современной России люди не хотят быть людьми как правило из «мышинных» побуждений – быть Человеком тяжело и зачастую опасно, зато жить освободившись от человеческого достоинства значительно легче и проще. Нежелание мужчин быть мужчинами проявляется не только в уклонении от службы в армии (это только частный случай), оно проявляется в алкоголизме, наркомании, нежелании заниматься спортом, а также и в жестоком и глумливом обращении с женщинами (самоуничтожение потомства своего народа).

Нежелание женщин быть женщинами в России имеет одно характерное проявление выражающееся в умерщвлении матерями своих нерождённых детей. Я не случайно уже упоминал об этом явлении – аборт не только уничтожают население лучше любого вида военного оружия, они являются объективным показателем деградации общества. Не нужно быть великим мыслителем чтобы понять простую вещь – если в

обществе разрешается матерям живьём разрывать своих детишек, то как тогда можно запрещать кому-либо такие мелочи как кражи, побои, изнасилования, мошенничества, разбои? Если разрешено большое зло, то абсолютно естественно, что никто не будет сдерживать себя в чём-то меньшем. Так в России оно и есть. Почему я всё это рассказываю? Да потому, что за пропагандой деградации россиян стоят те же люди что отдавали приказ бомбить Сербию.

Я не знаю их имён, не знаю названий их организаций, сект и закрытых клубов, зато я точно знаю что именно эти люди определяют политику США по всему миру. Я чётко осознал чего они хотят – они хотят вовсе не денег, земли, нефти или каких либо других материальных благ (всего этого у них много). Деньги главенствуют помыслами дураков, серьёзных людей интересует кое-что другое. Серьёзных людей интересует только ВЛАСТЬ и ради достижения её они будут тратить и время, и силы, и деньги. Власть основанная на силе или деньгах нестабильна, единственно стабильная власть это власть основанная на идеологии. Людей придерживающихся какой-либо идеологии не нужно контролировать, они сделают всё что нужно самостоятельно. Так бывает всегда и это абсолютно нормально, весь вопрос в том справедлива идеология или нет. Американская идеология предполагает господство США над всем миром. Где есть господа, там должны быть и рабы, поэтому о приемлемости американской идеологии для других народов говорить не приходится. Штаты умело дурманят мозги людям по всему миру и судя по тому, что можно видеть в России у них это получается неплохо. Не все люди так глупы чтобы поверить в сладенькие сказки о демократии и свободе, и для таких людей у Америки припасены другие средства. Например деньги – на многих неглупых, но жадных людей это хорошо действует. Дадут человеку хорошую зарплату и человек «встанет в стойло». Денег можно много напечатать, благо они уже давно ничем не обеспечены, а как только раб получит свои зелёные бумажки он будет из кожи вон лезть чтобы эти бумажки не обесценились. Хитрость американских бесов вызывает уважение – своё дело они делают ловко. Для тех кто не глуп и не продажен у США припасены бомбы. И денег, и бомб у них много – думаю, хватит почти на всех...

Христианство чудесно вписывается в американскую идеологию порабощения мира. Дело тут даже не в том, что христианство когда-то было придумано некими злыми людьми для того чтобы не только не привести людей к Богу, но и наоборот, как можно дальше увести их от него. Не касаясь чисто религиозных моментов обозначу две важных общественных позиции этой религии.

Во-первых куда бы не приходили последователи Христа они сразу же начинали уничтожать религию и культуру коренных народов, таким образом уничтожая национальную идентичность людей. В Библии много написано про различных мудрых и смелых «Соломонов», но нет места мудрым и смелым «Ильям Муромцам» и «Чингачгукам».

В злодейской христианской книге та же фашистская логика что и в термине «открытие Америки» (смотри чуть ниже). В Америку «добрые» миссионеры явились с распятием в одной руке, бутылкой пошла в другой руке, мушкетом за спиной и мыслями о золоте в голове. Что стало с индейцами всем известно. Как я понимаю примерно также происходило крещение древней Руси. Сейчас индейцы с трудом возрождаются, русские же практически полностью утратили свои древние славянские традиции. Это очень выгодно США поскольку Штаты крайне заинтересованы в том чтобы люди не чувствовали себя наследниками своих древних предков, наследниками своей культуры, своей земли и соответственно не защищали свою «не свою» землю от пришлых иноземцев.

Во-вторых христианство хорошо воспитывает покорных рабов. В этом не трудно убедиться если открыть главную книгу христиан и почитать что там написано. «Рабы», «овцы», «блаженны нищие духом» (то есть малодушные), «будьте как дети» - вот характерный выражения оттуда. Такое воспитание очень на руку всем кто планирует

захватывать чужую землю и США тут не исключение. В тоже время каким бы плохим не было христианство оно всё же даёт людям определённые нравственные нормы и поэтому американцы в качестве антипода христианству придумали атеистический либерализм. Либерализм это апофеоз безнравственной свободы, путь слабости и самоуничтожения. Таким образом складывается ситуация при которой человек в общем-то должен выбирать между двумя крайностями, любая из которых выгодна США. Получается как на американских выборах - кандидата два, но представляют они одну и ту же элиту. То, что кандидаты антиподы ничего не портит, даже наоборот позволяет отследить в какую сторону сейчас смотрят простые граждане. Таким образом выборы можно проводить честно и прозрачно поскольку нет разницы кто из кандидатов победит – всё равно победа будет за тайной элитой.

Чтобы примирить две эти крайности лидеры США придумали толерантность, т.е. так называемую терпимость. Быть терпимым значит вскоре стать «терпилой». Толерантность примирила христиан с либералами, по меньшей мере в США. Например уже можно видеть что в церквях США педофилы священники вовсю венчают пары пидарасов. Чудесно, правда? Слава толерантности! Толерантность это наивысшая точка безнравственности. Если называть вещи своими именами то толерантность это беспринципность. Свобода это безнравственность (я чётко отделяю понятие «воля» от понятия «свобода», воля - это возможность человека выбирать свой жизненный путь оставаясь в жёстких рамках порядочности). Свободный и толерантный человек это безнравственный и беспринципный человек. Свободный и толерантный человек это дерьмо от которого нужно держаться подальше (если нет возможности свернуть ему шею).

Я глубоко религиозный человек и моя религия основана на жизни в гармонии с природой. Я уверен что Бог разделил людей на разные расы не случайно, это было сделано для того чтобы жизнь на земле была ещё более прекрасной и разнообразной. Народы должны строить свои взаимоотношения на дружественных и взаимовыгодных условиях, а если кто-то желает стать частью другого народа то он должен влиться в народ полностью, душой и телом. У древних славян всё определял принцип общности – кем быт ты ни был по роду, если ты живёшь с нами и по нашим законам, если ты любишь нашу родную землю и свято чтить традиции то значит ты наш, родной. И негры и немцы успешно вливались в наш народ обогащая его. У славян никогда не было расовых предрассудков, нет их и у меня. Кстати, если вспомнить историю то именно «свободные и демократичные» Штаты дольше всех сохраняли узаконенное рабство основанное на расизме.

Сам термин «открытие Америки» подразумевает, что по мнению цивилизованных европейцев континент был необитаем. Говоря другими словами, «открыватели» не считали коренных жителей континента людьми. Помимо принципа равнозначности всех людей природой определён принцип защиты своего жизненного пространства от посягательства чужаков. Это святой принцип, все живые существа придерживаются этого принципа – хоть маленький хомячок, хоть огромный лев. Люди также должны следовать этому святому принципу – если иноземец не является гостем, значит он является оккупантом. И нет разницы смиренно или агрессивно он ведёт себя – оккупант всегда оккупант. И нет разницы «бледнолицый» он или «чернозадый» - разговор с оккупантом должен быть один: вон с нашей земли! Мягкость к оккупантам всегда приводит к самым жутким последствиям, за примерами далеко ходить не надо, достаточно вспомнить судьбу столь милых моему сердцу американских индейцев. Я всегда был патриотом и инстинктивно ощущал опасность которую представляют иноземцы для любого коренного народа. В Косово мои смутные инстинктивные чувства получили чудовищное наглядное подтверждение.

Я не сторонник каких-то великих сверхидей. Мои требования к жизни очень просты - я просто хочу жить справедливо и зажиточно. На практике это означает что я хочу

жить в своём небольшом благоустроенном доме с ухоженным участком, баней, просторным гаражом и садом-огородом. Я хочу чтобы у меня были хорошие свежие продукты и чистая вода. Я хочу чтобы у меня была возможность путешествовать и заниматься спортом. Я хочу чтобы у меня было в изобилии женской красоты и ласки. Я хочу чтобы у меня была целая куча детишек, девчонок в мальчишек. Я готов ради обустройства своей жизни и работать, и воевать. В общем, я просто хочу жить так, как подобает нормальному достойному мужчине. Я хочу жить так, как заповедал нам Бог. При этом я отлично понимаю, что пока на Земле живут и здравствуют, и что самое страшное господствуют, люди на подобии тех, кто отдавал приказ бомбить Сербию эта самая, простая, зажиточная и справедливая жизнь находится под постоянной угрозой. Вернее даже не находится под угрозой, а подвергается агрессии. Следовательно нужно принимать меры к самозащите и делать это должен каждый человек ЛИЧНО. То, что американцы не остановятся на достигнутом я понял ещё в Югославии и дальнейшие события подтвердили мои опасения.

После Сербии были Афганистан, Ирак и Южная Осетия. На очереди Венесуэла и Иран. В Осетии США действовали не напрямую, они вооружили сумасшедшего грузинского лидера, но по сути это ничего не меняло. В принципе аналогичным образом они действовали на территории Косово покровительствуя албанам и провал грузинской агрессии произошёл только из-за нежелания США идти на прямой военный конфликт с Россией. Помимо военного поражения провал грузинской агрессии имел для США и более существенные негативные последствия. Впервые весь мир смог убедиться в лживости американских СМИ. Причём ложь свободолюбивых американских СМИ была столь очевидна, что осознать её мог даже умственноотсталый человек. Как я говорил, американцы преуспели в промывании людям мозгов и поэтому публичное разоблачение более вредно для них нежели чем позорное бегство с поля боя их грузинских подручных. Тем не менее я уверен что американцы быстро оправятся от неудачи и снова возьмутся за дело. В принципе, это нормально поскольку злые люди на то и злые чтобы делать зло.

Зло неискоренимо, но и добро непобедимо. На смену одним злодеям неизбежно придут другие и поэтому нужно быть всегда готовым к самозащите. Причём не нужно забывать, что иногда лучшим способом защиты является нападение. Глядя на то, что произошло в Косово я осознал всё вышесказанное и понял что надо действовать. Все годы что прошли с тех пор я не сидел без дела. Я занимался спортом – занимался боксом и бегал кроссы. Я всегда знал что олимпийским чемпионом мне не быть – у меня нет таланта, но я смог добиться того что после моего удара крепкие люди прилежно падают, а пять километров я могу пробежать без особых усилий. Я сильно ограничил употребление спиртного и вовсе не по тому что это вредно для здоровья. Жить вообще вредно и дело тут не во вреде, просто пьянка мешает спорту, учёбе и работе. Пьянка делает людей слабее, глупее, хуже. Пьянка мешает жить. На бездарно пропитые деньги можно купить какую ни будь дельную вещь, вкусно покушать, подарить близкому человеку что-то полезное, можно купить много интересных книг или провести время с экзотической женщиной. Пьянка мешает наслаждаться жизнью. Кроме того я прекрасно осознал что спаивание народов это часть политики которую ведут Штаты по всему миру (судьба мудрых и отважных индейцев хороший пример этого). Я не желаю быть жертвой этой политики.

Я получил высшее образование и прочитал множество книг. Читая исторические книги я понял, что события происходящие в наши дни вовсе не новы. Так было уже не раз – нежизнеспособные народы погибали и им на смену приходили народы здоровые. Бог создал мир справедливо – вырожденцы вымирают освобождая землю для здоровых. Уроды подымают - туда им и дорога. Всё справедливо и с этим я не спорю, но вот только я не хочу оказаться в рядах уродов. Я общался с разными людьми и старался наладить хорошие отношения со своими единомышленниками. Я много раз

сталкивался с тем, что люди не видевшие того, что видел я, меня абсолютно не понимают. Что говорить про чужих людей если даже мои родители не понимали меня. Люди бредили про «общечеловеческие» ценности и про необходимость дружбы с оккупантами. Я много раз сталкивался с этим, но я не унывал поскольку точно знал что телевизор «спрямил извилины в головах» ещё не у всех людей и если постараться то можно будет найти единомышленников. Я уехал из Москвы, купил землю и стал обустраивать своё поместье. Жизнь в городе предполагает полную зависимость: у горожан нет ничего своего, ни земли, ни воды, ни тепла. У горожан есть только место в многоярусном общежитии, каменный гроб висящий между небом и землёй. Горожане слабы. Жизнь на своей земле совсем другое дело. В общем я старался стать сильнее поскольку сила (духа, ума, тела) необходима для самозащиты. При этом я не отказывал себе в естественных удовольствиях – я всегда осознавал, что жизнь может кончиться в любую секунду и поэтому нужно получать кайф от каждого прожитого дня. Армия научила меня радоваться даже самому малому, ценить приятные мелочи и поэтому даже такие простые удовольствия как кружка хорошего ароматного чая способны вызвать у меня бурный восторг.

Принимаемые мной меры самозащиты кому-то могут показаться наивными, глупыми и смешными. Что ж, смейтесь если вам этого хочется. Посмотрим как вы будете смеяться когда на ваши головы посыплются американские бомбы, а столь горячо вами любимый телевизор в то же самое время будет показывать кривляния очередной «звезды» и сообщать котировки каких-то там акций, так, как будто ничего другого в мире и не происходит вовсе. Посмотрим как вы будете смеяться когда в ваш дом вломятся лютые иноземцы и начнут резать вас как свиней. При этом ворвавшиеся в ваш дом иноземцы будут считать свои действия абсолютно правильными поскольку по их мнению очищать землю от «свиней» это дело святое (честно говоря, глядя на выходки некоторых своих соотечественников и соотечественниц мне искренне хочется пожелать удачи иноземцам). А может быть не будет ни бомб, ни ножей, а вы просто тихо-мирно окончательно сгниёте на радость тем кто промывал вам мозги и травил вас как крыс. Сгниёте и туда вам и дорога, а мне с вами не по пути, поэтому смейтесь надомной сколько хотите. Я знаю, что уже скоро вам станет не смешно.

Мои действия кому-то могут показаться жалкой попыткой крошечного муравья защититься от нападения гигантского слона. Так в общем то оно и есть – я простой человек, малюсенькая песчинка в бескрайнем космосе и тем не менее я постараюсь хоть как-то постоять за себя. Когда я служил в спецназе ВДВ у нас на стене висел плакат с лозунгом «Если нет сил победить найди силы не покориться». Абсолютно правильное утверждение и к нему нечего добавить. Умереть героем это хорошо, но ещё лучше выстоять и победить. Одному человеку конечно же не победить целую злодейскую систему, но вот если таких людей будет много, да и люди эти будут жить на всех континентах, тогда другое дело. Совсем другое дело...

Президент Сербии Слободан Милошевич сел на скамью подсудимых как военный преступник, а вместе с ним за решётку попало много сербских бойцов. Всех их назначили военными преступниками. Так произошло не потому, что они были злодеями, так произошло потому что на сербской земле победили западные (американские) ценности. Что будет с нами, участниками войны в Чечне если и в России в скором времени восторжествуют иноземцы и победят западные (американские) ценности? Если судить по тому, что в одной прибалтийской стране судили старика партизана сражавшегося с оккупантами и предателями во время Великой Отечественной Войны то и мы можем рассчитывать на подобное отношение к себе. Если дальше всё пойдёт так как идёт сейчас, то мы повторим судьбу того старика находясь в более молодом возрасте, также как это случилось со многими сербами. Если так было в Сербии, то почему такого не может быть и в России – враги у нас одни и те же.

Косово было оторвано от Сербии и прошедшие десять лет показали что сербы уже никогда его не увидят в составе своей страны. Даже если им когда ни будь удастся его вернуть это будет уже другое Косово. В одну воду дважды не зайдёшь и ход истории повернуть невозможно. Югославия и Советский Союз развалились поскольку были обречены на развал, уж слишком разные народы были собраны вместе. Развал этих держав закономерен, в развале этих государств было много общего. Сербию постигла участь Югославии и я верю, что Россию постигнет участь Советского Союза. Но если Сербию разорвали в основном при помощи грубой иноземной силы, то народ России убьёт свою страну сам. Я видел что было в Косово и уже знаю что будет в России.

В жизни всё закономерно и рано или поздно США постигнет справедливое наказание. Трагикомичным будет то, что за злодеяния всевозможных Клинтонов и Ротшильдов будет отвечать весь народ Америки. Понятно, что все жители США несут коллективную ответственность за действия своей страны, но только вина рядовых американцев невелика, однако именно им придётся заплатить за всё. Заплатить своими деньгами, имуществом, здоровьем и жизнями. За злодеяния Клинтона и Рокфеллера будут отвечать никому неизвестные Мэри Джонс и Билли Смит. Так было всегда, так будет и в этот раз.

Заключение.

Россия не защитила сербов как они этого ожидали, но очевидно, что от прибытия в Косово российских сил сербы всё же получили существенную пользу. Во-первых российские подразделения занимали часть территории Косово и на этой территории не было албанских оккупантов и натовских сил. То есть где стояли русские, там отсутствовали враги сербов. Во-вторых, если уж русские не оказывали всей необходимой помощи сербам, то какую-никакую помощь они всё же предоставляли. Русские не защитили сербов, но без русских сербам пришлось бы ещё хуже. Военные, особенно на местах, горели желанием помочь братьям-славянам, но политики рассуждали по-другому. В принципе иного быть и не могло – Россия в те годы была политически крайне слаба и не могла противостоять давлению США. Что касается нас, двухсот российских десантников, то наша совесть чиста. Мы сделали своё дело как положено, и даже то, что в дальнейшем наш батальон утратил дисциплину и порядок ничего уже не меняло. Поставленную нам задачу – совершить марш, занять и удерживать аэродром мы выполнили «на отлично». Даже если бы мы все потом погибли это уже ничего не изменило бы, поскольку своё дело мы сделали. Свою уникальную миссию мы исполнили достойно и имеем полное право гордиться этим. Выполнив свою миссию наш батальон вернулся в Боснию и косовские события для нас завершились. Косовские события завершились, но воспоминания об увиденном в Косово навсегда сохранились в моей памяти. Косово навсегда осталось со мной, оно составляет часть моей души. Но вместе с этим Косово живёт не только в моей памяти, оно отчётливо проявляет свои характерные приметы в жизни современной России (да и не только России). Глядя на эти приметы я понимаю что «Косово» уже пришло в наши края. Тем, кто сомневается в этом, я рекомендую снять «розовые очки» и здраво посмотреть на нашу жизнь. Осмотревшись вы поймёте, что наше Косово уже здесь.

Косово уже здесь.